кори доктороу

Перевод Елены Токаревой

родная страна

От автора бестселлера «Младший брат»

18+

Родная страна
Кори Доктороу

Аннотация
Кори Доктороу. Родная страна
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Эпилог
Послесловие. Джейкоб Эпплбаум, «Викиликс»
Послесловие. Аарон Шварц, сооснователь Demand Progress ()
Благодарности

Библиография
Об авторе
Выходные данные

Аннотация

Маркус Яллоу окончил школу, но никак не может позволить себе учебу в университете: экономика Калифорнии претерпевает кризис, родителей Маркуса сократили, и они еле сводят концы с концами. Благодаря своему активистскому прошлому Маркус устраивается разработчиком к оппозиционному политику, обещающему реформы. Однако не все так просто: вскоре Маркус оказывается втянутым в смертельные политические интриги…

кори доктороу

родная страна

Перевела с английского Елена Токарева

POPCORN BOOKS
Москва

Кори Доктороу
Родная страна

cory
doctorow

homeland

Homeland
by Cory Doctorow

Text copyright © 2013 by Cory Doctorow
Cover art copyright © Richard Wilkinson
© Елена Токарева, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2024

POP
CORN
BOOKS

* * *

Посвящается Элис и Поэзи —
с ними я становлюсь собой

Глава 1

На фестивале Burning Man я попадал в объективы фотоаппаратов едва лимп n не чаще всех остальных жителей планеты и в то же время успешнее всех в современном мире уходил от непрестанного надзора.

Я поправил бурнус, закрыл нос и рот, подоткнул края под оправу больших исцарапанных защитных очков. Солнце стояло высоко, температура перевалила далеко за сорок, а под расшитым хлопковым шарфом дышалось еще тяжелее. Но порывы ветра поднимали с земли тучи мелкого гипсового песка, обманчиво мягкого, будто тонкая пудра, однако щелочи в нем было столько, что глаза жгло как огнем и кожа покрывалась трещинами. После двух дней в пустыне я понял, что лучше изнывать от жары, чем задыхаться от пыли.

Почти у каждого в руках была какая-либо съемочная техника — большей частью, конечно, мобильные телефоны, но попадались и большие зеркалки, и даже старомодные пленочные фотоаппараты. Была даже настоящая старинная

камера с фотопластинами, оператор которой прятался от пыли под огромной черной накидкой — от одного взгляда на нее мне стало еще жарче. Вся техника была надежно защищена от всепроникающей мелкой пыли, чаще всего самым простым способом — в пакете с застежкой. Именно так я и упаковал свой телефон. Я медленно развернулся, охватывая панораму, и увидел бредущего мимо человека. Он держал за веревочку огромный гелиевый воздушный шар. Тот плыл в сотне ярдов над головами, а снизу к нему была подвешена цифровая видеокамера. Человек с воздушным шаром был совершенно гол.

Ну, не то чтобы абсолютно. На ногах у него имелись ботинки. Я его прекрасно понимаю: пыль, покрывающая пустынную землю, плохо действует на ноги. Эта беда хорошо знакома всему здешнему населению. Щелочная пудра въедается в кожу, высыхает плотной коркой, подошвы трескаются и шелушатся. Ужасно неприятная штука.

Ежегодный фестиваль Burning Man длится всю последнюю неделю августа и заканчивается в День Труда — первое воскресенье сентября. Он проводится в самом сердце штата Невада, в пустыне Блэк-Рок. Там, в невыносимой жаре и пыли, собираются пятьдесят тысяч человек. Они

строят огромный город под названием Блэк-Рок-Сити — и все до единого участвуют в фестивале. Назвать кого-нибудь «зрителем» — самое страшное оскорбление. Каждому участнику положено заниматься чем-то интересным и любоваться на то, чем заняты другие, поэтому у всех есть фотоаппараты. На фестивале каждый сам себе актер, режиссер и художник.

Я-то голышом не разгуливал, но все открытые части моего тела были разрисованы хитроумными мандалами. Нарисовать их цинковыми красками предложила мне одна дама возраста моей матери, наряженная в свадебное платье с цветными разводами, и работу свою выполнила на славу. В этом еще одна характерная особенность Burning Man — вся здешняя экономика держится на подарках. Ты просто разгуливаешь по городу и предлагаешь каждому встречному что-нибудь хорошее, и благодаря этому атмосфера в целом получается удивительно приятная. Нательные рисунки этой художницы выглядели потрясающе, и под прицелами бесчисленных камер я вразвалочку брел по открытой пустыне в сторону Девяти часов.

Блэк-Рок-Сити — вполне современный город: в нем есть общественная санитария (портативные

биотуалеты с похабными стишками о том, что внутрь нельзя бросать ничего, кроме туалетной бумаги), электричество и интернет (на Шести часах, в главном лагере посреди кольцеобразного города), что-то вроде правительства (некоммерческая организация, проводящая фестиваль), несколько местных газет (все они гораздо интереснее, чем газеты в реальном мире), дюжина радиостанций и полностью добровольная полиция (рейнджеры Блэк-Рок, обычно патрулирующие в балетных юбочках, цыплячьих костюмах или просто в блестках), а также многие другие блага, привычные для современного мира.

Но вот чего здесь нет, так это государственных систем наблюдения. Ни видеокамер, ни контрольно-пропускных пунктов — разве что билетная касса у главных ворот; никто не спрашивает удостоверения личности, не обыскивает сумки, не обвешивает тебя радиомаячками, телефонные операторы не следят за твоим передвижением. И вообще мобильные телефоны тут не работают. Никто не садится за руль — здесь ездят только диковинные арт-мобили, зарегистрированные в Департаменте машин-мутантов, поэтому на дорогах нет камер, считывающих автомобильные номера, и терминалов для транспондеров.

Вайфай всегда открыт и доступен без регистрации. Участники Burning Man дают добровольное согласие не использовать фотографии в коммерческих целях, и правила хорошего тона требуют спросить у человека разрешения на съемку.

Итак, я в клубах пыли прошелся перед объективами, красуясь и потягивая воду из бутылки, постоянно пристегнутой на поясе. Вода поступала в рот через трубочку, спрятанную под сине-серебристым бурнусом. Я был наблюдателем и при этом находился у всех на виду, находился на виду и при этом ускользал от беспрерывного наблюдения, и это было великолепно.

— Эге-ге-гей! — прокричал я сквозь пыльную пелену, обводя взглядом арт-мобили, обнаженных людей и возвышающуюся прямо надо мной исполинскую деревянную фигуру, взгроможденную на вершину пирамиды в этом глухом уголке пустыни. Это и был тот самый Человек[1], в честь которого назывался наш фестиваль, и его предстояло сжечь через три дня. Поскорее бы!

— Ты, кажется, в хорошем настроении, — произнес у меня за спиной джава[2]. Даже со

---

[1] Примечания: 1
Burning Man дословно с английского «горящий человек».

[2] Примечания: 2
Персонаж из фильма «Звездные войны».

встроенным в защитную маску тон-шифтером, изменяющим тембр звуков, голос закутанного в плащ обитателя песков показался очень знакомым.

— Энджи! — воскликнул я. Нам не удавалось пересечься с самого утра, с той минуты, когда я проснулся на час раньше ее и выскользнул из палатки встречать рассвет (он был потрясающий). После этого мы целый день оставляли друг другу в лагере записки с указанием мест, куда собираемся дальше. Энджи трудилась над костюмом джавы все лето, шила его из охлаждающих полотенец, которые задерживают испаряющийся пот и направляют его обратно на тело, чтобы он испарился снова. Вручную выкрасила балахон коричневыми пятнами, сшила из него что-то вроде монашеской рясы, перетянула ремнями крест-накрест. Перевязь подчеркивала ее груди, придавая всему наряду необычайно воинственный вид. Она еще не надевала свой костюм на публике и сейчас, под палящим солнцем, прекрасно вписывалась в пейзаж, весьма эффектно воплощая образ обитателя пустынь с планеты Татуин. Я обнял ее, и она в ответ стиснула меня руками с такой силой, что перехватило дыхание. Таково было ее фирменное приветствие в бор-

цовском стиле.

Когда мы расцепились, она промолвила через тоншифтер:

— Я на тебе краску размазала.

— А я тебе наряд перепачкал, — отозвался я.

— Ну и что! — пожала плечами она. — Все равно мы выглядим отпадно. А теперь рассказывай, где ты побывал, что повидал и чем занимался, дружок.

— С чего начать? — сказал я.

Весь день я бродил по радиальным улицам, рассекавшим город, и рассматривал выстроившиеся вдоль них большие лагеря. В каждом творилось что-нибудь интересное. В одном лагере целая шеренга народу расторопно готовила для всех желающих фруктовый лед, вырубая его скребком из огромных ледяных блоков. В другом лагере установили высокую горку из линолеума, с которой можно было скатываться на пластиковом волшебном ковре, а чтобы лучше скользило, выливали на линолеум по галлону сточных вод. Если вдуматься, весьма разумный способ избавиться от серой воды, то есть от такой, в которой принимали душ, мыли посуду или руки; черной водой называлась та, куда попали моча или фекалии. Еще одно из правил Burning Man

гласило: «Не оставляй следов» — уезжая, мы заберем с собой все, что останется от Блэк-Рок-Сити, в том числе серую воду. Но на горке серая вода энергично испарялась, а каждая капля жидкости, превратившаяся в пар, означала, что придется упаковывать и вывозить в Рино на одну каплю меньше.

Еще там был лагерь извращенцев, которые обучали пары связывать друг друга; была «дырка во славу фастфуда» — приложив к ней рот, вы получали порцию таинственной нездоровой еды (мне достались какие-то переслащенные хлопья для завтрака, обильно сдобренные кокосовыми «зефиринками» в форме астрологических символов). Еще в одном лагере бесплатно предлагали напрокат плайя-байки — дешевые велосипеды, покрытые спекшейся пылью и разукрашенные глиттером, искусственным мехом, странными амулетами и колокольчиками. В чайном домике меня угостили изысканной чашечкой чая какого-то японского сорта, о котором я никогда не слышал, — оказалось очень вкусно и крепко. Одни лагеря заманивали всевозможными диковинками, другие рассказывали о физике, в третьих демонстрировались оптические иллюзии, в четвертых люди просто жили, был даже

детский лагерь с визжащей ребятней, которая под ненавязчивым присмотром взрослых увлеченно носилась сломя голову в какой-то подвижной игре — я и не догадывался, что все это существует.

А ведь я успел увидеть лишь малую часть Блэк-Рок-Сити.

Я рассказал Энджи все, что сумел вспомнить, а она только ахала и охала да расспрашивала, где что находится. Потом рассказала мне о том, что видела сама: о лагере, где женщины топлес разрисовывали друг другу груди; о другом лагере, где выступал целый духовой оркестр; и еще об одном, где средневековая катапульта стреляла старыми разбитыми пианино, а публика, затаив дыхание, в полной тишине ждала, пока каждый снаряд с великолепным мелодичным грохотом разобьется вдребезги о твердую землю пустыни.

— Нет, ты можешь поверить, что мы здесь? — вопрошала Энджи, восторженно подпрыгивая на месте, отчего перевязь на ее груди позвякивала.

— А ты можешь поверить, что мы чуть было не пропустили это?

Я давно уже собирался съездить посмотреть, как сжигают Человека — ведь я все-таки вырос в Сан-Франциско, городе с самой большой на свете концентрацией фестивальщиков. Но под-

готовиться к участию оказалось не так-то просто. Во-первых, надо было собрать и упаковать все, что понадобится для жизни в лагере посреди пустыни, в том числе воду, а потом упаковать заново и увезти с собой все, что не осталось в передвижных биотуалетах. А правила насчет того, что можно оставлять, а чего нельзя, чрезвычайно строги. Во-вторых, экономика, основанная на подарках, накладывает обязательства — прикинуть, могу ли я взять в пустыню что-нибудь, что пригодится другим. А еще позаботиться о костюмах, о художественной стороне дела, о том, какие изобретения я покажу народу… Стоило мне задуматься об этом, и всякий раз дело заканчивалось нервным срывом.

Но в этом году я наконец-то справился. Год выдался непростой — и папа, и мама потеряли работу. А мне пришлось бросить колледж, чтобы не увязнуть в студенческих кредитах. Я стучался во все двери, просил хоть какую-нибудь — любую! — оплачиваемую работу, и чего я добился? Ничего.

— Не надо недооценивать решимость детей, у которых мало денег и много свободного времени, — торжественно произнесла Энджи, одной рукой сдернула с лица маску, а другой притянула

меня, чтобы поцеловать.

— Гениальная фраза, — похвалил я. — Напечатай ее на футболке.

— Да, кстати, — спохватилась она. — Чуть не забыла. У меня же есть футболка!

Энджи распахнула балахон и продемонстрировала ярко-красную футболку с надписью «Сделай красивую вещь и сожги ее», стилизованной под постеры со знаменитым английским девизом «Храни спокойствие и действуй как обычно», где вместо короны красовался логотип Burning Man.

— Очень своевременно, — поморщился я и зажал нос. Это было шуткой лишь отчасти. В последнюю минуту мы решили оставить дома половину одежды, которую планировали взять с собой, чтобы уместить в рюкзаки как можно больше деталей для «Секретного проекта X-1». С учетом этого, а также того обстоятельства, что ванну мы принимали квадратно-гнездовым способом, раз в день кое-как вытирая детскими салфетками самые толстые слои засохшего пота, краски для тела, солнцезащитного крема и различных жидкостей, легко понять, что благоухали мы не розами.

Она пожала плечами:

— Плайя дарит.

Это был один из лозунгов Burning Man, который мы усвоили в первый же день, когда выяснилось, что мы оба, понадеявшись друг на друга, не захватили солнцезащитный крем. Назревала ссора, но в этот миг на глаза нам попался Солнцезащитный лагерь, где добрые люди вымазали нас с ног до головы средством с SPF 50 и выдали с собой по несколько тюбиков. «Плайя дарит!» — сказали они и пожелали нам всего доброго.

Я обнял ее за плечи. Энджи выразительно повела носиком у меня под мышкой и демонстративно натянула на лицо маску.

— Пойдем! Посмотрим храм, — предложила она.

Храм был громадный, с двумя широкими этажами, весь испещренный башенками и арочными контрфорсами. Внутри его наполняло звучание автоматических тибетских гонгов, целый день исполнявших странные лязгающие мелодии. Я видел этот храм издалека утром, когда прогуливался вокруг плайи — центральной площади фестиваля, — глядя, как солнце постепенно окрашивает песок в ржаво-оранжевый цвет, но так и не успел подойти поближе.

Наружные крылья храма находились под открытым небом и были построены из таких же

бревен, что и прочие детали этого витиеватого шедевра архитектуры. Вдоль стен тянулись скамьи, а сами стены пестрели нишами и укромными закутками. И всё вокруг до последнего сантиметра было покрыто надписями, вывесками, постерами и рисунками.

И почти все они были посвящены покойным.

Мы с Энджи шли вдоль стен, читая некрологи, написанные или прямо на стенах, или приколотых к ним листках. Энджи тихо ахала. Я углубился в рукописное послание страниц на тридцать, оставленное взрослой женщиной своим родителям — в нем она подробно рассказывала, как они постоянно ранили ее, унижали, загубили ей жизнь, о чувствах, охвативших ее при их смерти, о том, как безумие, вложенное ими ей в душу, разрушило не один ее брак. Накал эмоций простирался от бешеной злости до тихого раздражения, от гнева до печали, то взлетал, то падал, будто на американских горках. Мне было неловко, словно я подглядываю за сценой, которую видеть не должен, однако все, что было вывешено в храме, предназначалось для всеобщего обозрения.

Каждый клочок храмовых стен посвящался чьей-либо памяти. Детские ботиночки, портреты бабушек, пара костылей, ковбойская шляпа

с лентой, сплетенной из засушенных цветов. Фестивальщики — одетые и раздетые, словно в безумном апокалиптическом цирке, — торжественно расхаживали среди некрологов, читали их, у многих по лицу струились слезы. Вскоре слезы выступили и у меня на глазах. Я даже не предполагал, что эти мемориалы могут так растрогать меня. Тем более что всему этому предстояло сгореть воскресной ночью, перед тем как мы свернем Блэк-Рок-Сити и разъедемся по домам.

Энджи села в песок и стала пролистывать альбом с темными, мрачными иллюстрациями. Я забрел в главный храмовый атриум — высокий и полный воздуха, с гонгами на стенах. Здесь яблоку было негде упасть: люди сидели и лежали плечом к плечу, закрыв глаза, проникаясь торжественной печалью момента, кое-кто еле заметно улыбался, кое-кто плакал, у некоторых лица застыли в величайшей безмятежности.

Я как-то пытался медитировать в школьном театральном кружке. Получалось не очень. Многие ребята беспрерывно хихикали. Из-за дверей доносились крики. На стене громко тикали часы, напоминая, что вот-вот раздастся звонок и в коридор с ревом и топотом вырвется многотысячная

толпа ребят, спешащих на следующий урок. Но я много читал о медитации и знал, что это дело полезное. В теории все выглядело очень легко: надо просто сесть и ни о чем не думать.

Я так и попробовал. Передвинул пояс с инструментами так, чтобы мне в задницу ничего не впивалось, дождался, пока на полу появится свободное местечко, и сел. Из высоких окон пробивался солнечный свет, в его серовато-золотистых острых лучах плясали пылинки. Я стал всматриваться в один из таких лучей, потом закрыл глаза. Мысленно нарисовал сетку из четырех квадратов, пустых и белых, с толстыми черными рамками и резкими углами. Мысленным взором стер один квадрат. Потом второй. Потом третий. Остался всего один, я стер и его.

Теперь перед глазами не было ничего. Я не думал ни о чем, буквально. Потом задумался над фактом, что я сейчас ни о чем не думаю, мысленно поздравил себя и сообразил, что я опять о чем-то думаю. Снова нарисовал себе четыре квадрата и начал все сначала.

Не знаю, долго ли я так сидел, но временами начинало казаться, что весь мир улетает куда-то далеко и при этом становится даже более реальным, чем прежде. Я находился строго в нынешнем

текущем мгновении, не пытался предугадать, что последует дальше, не пытался вспоминать то, что уже произошло, просто жил здесь и сейчас. И каждое такое мгновение длилось всего долю секунды, однако каждый из этих фрагментарных моментов был… это было нечто.

Я открыл глаза. Дыхание установилось в ритме звучащих гонгов, медленное, размеренное. В задницу что-то врезалось — наверно, один из моих инструментов с пояса. У девчонки впереди меня на лопатке темнело комплексное уравнение, обожженная солнцем кожа припухла, складываясь в отчетливые математические символы и цифры. От кого-то пахло травкой. Кто-то тихо всхлипывал. Снаружи, за стенами храма, кто-то кого-то окликал. Кто-то смеялся. Время струилось вокруг меня медленно и липко, как патока. Ничто не казалось важным, и все казалось удивительным. Вот именно этого я, сам того не зная, искал всю свою жизнь. Я улыбнулся.

— Привет, M1k3y, — прошипел мне в ухо чей-то голос. Очень тихий, он был совсем рядом, губы касались моего уха, дыхание щекотало шею. И голос тоже щекотал меня, щекотал мою память. Я его узнал, хотя и не слышал очень давно.

Медленно, будто жираф высотой с дерево, я

повернул голову и огляделся.

— Привет, Маша, — отозвался я. — Вот уж не ожидал увидеть тебя здесь.

Она положила ладонь мне на руку, и мне вспомнилось, как в последнюю нашу встречу она ловким приемом из каких-то боевых искусств выкрутила мне запястье. Но вряд ли сейчас ей удастся заломить руку мне за спину и на цыпочках вывести из храма. Если я закричу и позову на помощь, тысячи фестивальщиков… нет, конечно, на куски ее не разорвут, но хоть что-то сделают. Похищать людей на плайе запрещено правилами. Об этом сказано в Десяти заповедях, я почти уверен.

Она потянула меня за руку:

— Пойдем отсюда. Живей.

Я встал на ноги и поплелся за ней, совершенно добровольно, и, хотя меня и трясло от страха, все же внутри вспыхнул огонек радостного волнения. Одно дело — когда это происходит здесь, на Burning Man. А пару лет назад я оказался в самой гуще таких волнений, каких никому не пожелаешь. Я возглавил технологическую партизанскую войну против Департамента внутренней безопасности, встретил девушку и полюбил ее, был арестован и подвергнут пыткам, достиг сла-

вы и судился с правительством. А потом жизнь почему-то покатилась под горку. Ватербординг — ужасная, страшная, невообразимая пытка, она до сих пор снится мне в кошмарах, но все-таки эта пытка *закончилась*. А вот медленное сползание родителей в банкротство, суровая реальность жизни в городе, где нет работы ни для кого и уж тем более для полуквалифицированного недоучки вроде меня, со студенческим кредитом, который я должен был выплачивать каждый месяц, — это *осталось*. Бездна несчастий с каждым днем разверзалась все шире и не думала никуда уходить. И это не был накал страстей, какой бывает в рассказах о войнах, случившихся давным-давно. Это была просто реальность — ни больше ни меньше.

И реальность эта была хуже некуда.

Потому я и побрел за Машей — ведь она почти все эти два года провела в подполье вместе с Зебом, и, что о ней ни говори, жизнь всегда подкидывала ей самые невообразимые сюжеты. Возможно, ее реальность тоже была полна несчастий, однако несчастья эти были начертаны огромными, яркими неоновыми буквами, а не мелким корявым почерком сломленного подростка, царапающего что-то в дневнике.

Вслед за Машей я вышел из храма. Ветер поднялся еще сильнее, над нами нависла настоящая белая мгла, я снова надел очки и натянул повыше шарф. Даже со всей этой защитой я почти ничего не видел, и с каждым вздохом рот наполнялся едким вкусом засохшей слюны и толченого гипса, которым был пропитан бурнус. Волосы Маши уже не сияли ярко-розовым цветом, они стали светло-русыми, мышастыми, словно поседевшими от пыли, и торчали во все стороны — такую стрижку легко сделать ножницами себе самой. Я и сам в период взросления частенько щеголял с такой прической. Она осунулась, кожа на скулах натянулась, как бумага. На шее шнурами играли мускулы, по щекам ходили желваки. С последней нашей встречи она сильно похудела, кожа задубела и стала коричневой — такой оттенок нельзя получить, просто загорая на солнце.

Мы отошли от храма всего шагов на десять, но он уже скрылся в песчаной пелене, словно отдалился на добрую милю. Рядом кто-то был, но я не мог разобрать ни слова, они терялись за зловещим завыванием ветра, вырывавшегося из окон храма. Крохотные песчинки забились под оправу очков и прилипли к потным щекам, от этого заслезились глаза и потекло из носа.

— Ну вот мы и ушли достаточно далеко. — Маша отпустила мое запястье и сложила руки на груди. Я заметил, что кончики пальцев на ее левой руке неестественно деформированы и сплющены, и отчетливо вспомнил, как прищемил ей пальцы дверью фургона, когда она погналась за мной. В тот миг она собиралась насильно увезти меня неведомо куда, а я пытался сбежать, прихватив доказательства того, что мой лучший друг Дэррил был схвачен Департаментом внутренней безопасности. У меня до сих пор стоит в ушах ее вскрик, полный удивления и боли, когда дверь обрушилась ей на пальцы. Маша поймала мой взгляд, отдернула руку и пониже натянула рукав широкой хлопковой блузы.

— Как делишки, M1k3y? — спросила она.

— Меня нынче зовут Маркус, — ответил я. — Делишки идут лучше. А у тебя? Не могу сказать, что ожидал увидеть тебя снова. И уж тем более на Burning Man.

Вокруг ее глаз под очками разбежались морщинки, вуаль зашевелилась, и я понял: она так смеется.

— А что такого, M1k3y? Ой, то есть Маркус. Здесь мне тебя проще всего было отыскать.

Я не скрывал, что в этом году планирую посе-

тить Burning Man. Месяцами я постил отчаянные призывы «Подвезите на фестиваль, готов отработать» или «Возьму напрокат б/у лагерное снаряжение» в электронной газете объявлений «Крейгслист» и в почтовых рассылках нашего хакерспейса, пытаясь личным примером доказать, что избыток свободного времени может пересилить нехватку денег. Любой, кто хотел вычислить, где я намерен провести День труда, мог за три секунды нагуглить мое местонахождение с достаточной точностью.

— Гм, — протянул я. — Гм. Послушай, Маша, ты меня пугаешь. Ты что, вознамерилась меня прикончить? Где Зеб?

Она зажмурилась, и между нами завертелись клубы белесой пыли.

— Зеб где-то тут, на плайе, гуляет и радуется. Когда я в последний раз видела его, он волонтерил в кафе и собирался на урок йоги. На самом деле из него неплохой бариста — уж во всяком случае в этом он сильнее, чем в йоге. И нет, я не намереваюсь тебя убивать. Хочу передать тебе кое-что, а дальше уже ты сам будешь решать, что с этим делать.

— Хочешь мне что-то передать?

— Да. Здесь вся экономика держится на подар-

ках, слыхал?

— И что же именно, Маша, ты мне хочешь дать?

Она покачала головой:

— Лучше тебе не знать, пока не получишь. Строго говоря, было бы лучше — для тебя уж точно, если бы ты вообще не знал. Но деваться некуда. — Казалось, она сейчас разговаривает сама с собой. Подпольная жизнь сильно изменила ее. Она стала какая-то настороженная, как будто все время на стреме. Словно у нее что-то не так, словно она что-то замышляет или вот-вот сорвется с места и убежит. Она всегда была самоуверенная, решительная и непредсказуемая — не знаешь, что у нее на уме. А теперь она казалась полусумасшедшей. Ну, или, может, на четверть сумасшедшей и на четверть дико перепуганной.

— Сегодня вечером, в восемь часов, — сказала она, — сожгут Александрийскую библиотеку. После этого иди к забору, у которого сваливают мусор, прямо напротив Шести часов. Если меня еще не будет, подожди там. Мне сначала нужно кое-что проделать.

— Ладно, — сказал я. — Так и быть, приду. Зеб будет? Очень хотелось бы с ним поздороваться.

Она поморщилась.

— Зеб, может, и будет, но ты его вряд ли увидишь. Приходи один. И в темноте. Чтобы никакого света. Понятно?

— Ну уж нет, — отозвался я. — Я приехал с Энджи, тебе это наверняка известно, и не приду без нее, если, конечно, она захочет со мной. Но без света? Ты что, смеешься?

Для города с населением в пятьдесят тысяч человек, которые увлекаются расслабляющими веществами, огненным искусством и огромными машинами-мутантами, Блэк-Рок-Сити отличался на удивление низкой смертностью. Однако в городе, где смеются в лицо опасности, хождение в темноте без света, желательно очень яркого, считалось легкомыслием на грани безумия. Одним из самых рискованных поступков на Burning Man была прогулка по плайе без фонарика. Таких сорвиголов называли темнушниками, и темнушники постоянно подвергали себя риску закончить свою жизнь самым неожиданным способом: под колесами арт-байка, со свистом летящего по песку сквозь непроглядный мрак, или исполинского арт-мобиля, или же просто под ногами веселящихся собратьев, нечаянно споткнувшихся об упавшего бедолагу. И хотя неофициальный девиз Burning Man провозглашал «Безопасность в тре-

тью очередь», темнушников никто не любил.

Маша закрыла глаза и замерла как статуя. Ветер немного утих, но все равно на зубах скрипело, словно я сожрал полкило тальковой пудры, а глаза жгло, как от перечного спрея.

— Ну ладно, если хочешь, приводи свою девчонку. Но никакого света, хотя бы после того как минуешь последний арт-мобиль. И если вам обоим в итоге придется плохо, пеняй на себя.

Она развернулась на каблуках и скрылась за пыльной завесой, а я поспешил обратно в храм искать Энджи.

Глава 2

На Burning Man много чего сжигают. Главное событие — конечно, сожжение самого Человека, происходящее субботним вечером. Я сотни раз видел это на роликах, снятых под разными углами, с разными фигурами в главной роли (Человека каждый год делают непохожим на прошлогоднего). Зрелище шумное и первобытное, взрывчатка, спрятанная в постаменте, взвивается к небу огромными грибовидными облаками. А сожжение Храма, напротив, исполнено не буйного безумия, а тихой торжественности. Но обоим этим событиям предшествует множество маленьких сожжений.

Вчера, например, сжигали региональное искусство. Дружественные группы из разных концов Америки, Канады и вообще со всего света возвели множество деревянных строений всевозможных размеров — от парковой скамейки до витиеватых башен высотой с трехэтажный дом. Эти постройки кольцом обрамляли плайю — открытую площадь посреди Блэк-Рок-Сити, и мы обошли и осмотрели их в первый же день

после прибытия, потому что нам сказали, что они сгорят первыми. Так оно и случилось. Все они — столько, сколько человеку и взглядом не охватить, — вспыхнули одновременно и горели каждая по-своему, а фестивальщики толпились вокруг, на безопасном расстоянии, где их удерживали рейнджеры Блэк-Рок, и дожидались, пока пламя немного угомонится и груды горящего дерева на платформах примут стабильные очертания. Все сожжения производились только на специальных платформах, потому принцип «Не оставляй следов» следовало понимать буквально: на твердой пустынной земле не должно было оставаться даже пепелищ.

То зрелище было впечатляющим, но сегодня предстояло событие еще более интересное — мы планировали сжечь Александрийскую библиотеку. Нет, конечно, не настоящую, с той разделался Юлий Цезарь (или кто-то еще) в 48 году до нашей эры, попутно уничтожив самую большую на то время коллекцию свитков. Та сгоревшая библиотека была, конечно, не первой и не последней, однако она стала символом бессмысленного уничтожения знаний. А здесь, на Burning Man, Александрийская библиотека была установлена на огромной повозке о двенадцати парах испо-

линских колес, и ее тащили, впрягаясь в канаты, добровольные команды из сотен участников фестиваля. Высоченное сооружение внутри было разгорожено на клетушки, в которых лежали свитки — рукописные копии книг, считающихся всеобщим достоянием и скачанных с «Гутенберга». Волонтеры, целый год работавшие над проектом, вручную переписывали их на длинные бумажные рулоны. Таким способом в свитки были превращены пятьдесят тысяч книг, и всем им предстояло сгореть. БИБЛИОТЕКИ ГОРЯТ — этим лозунгом пестрели все стены Александрийской библиотеки, его носили на костюмах библиотекари, помогавшие вам найти нужный свиток в лабиринте узких коридоров. Я зашел туда и перечитал Марка Твена — запомнившийся еще со школы забавный рассказ о том, как автор редактировал сельскохозяйственную газету. К моему восторгу, кто-то дал себе труд записать этот рассказ на страницах школьных тетрадей, склеенных в длиннющую ленту на сотни ярдов и скатанных в аккуратный свиток.

Помогая библиотекарше скручивать свиток и убирать его на полку — она согласилась, что этот рассказ Твена действительно очень смешной, — я не подумав брякнул:

— Как жаль, что все это скоро сгорит.

Она грустно улыбнулась и ответила:

— Да, конечно, но в этом-то все и дело. Девяносто процентов работ, защищенных авторским правом, являются сиротскими — никто не знает, кому принадлежат права на них, и неизвестно, каким образом вернуть их на книжные полки. Тем временем известные нам бумажные экземпляры таких книг ветшают или теряются. Именно они, эти девяносто процентов всего, что создано человечеством, и составляют самую большую на свете библиотеку, и эти книги ежеминутно гибнут — все равно что горят, только очень медленно. — Она грустно пожала плечами. — Библиотеки горят. Но, надеюсь, рано или поздно мы сумеем найти способ сделать как можно больше копий всемирного творческого наследия, спасем эти книги от огня.

Я читал Марка Твена и чувствовал, как дощатый пол мягко покачивается под ногами. Сотни добровольных помощников тянули канаты, перевозя Александрийскую библиотеку из конца в конец по открытой плайе и приглашая посетителей подняться на борт, прокатиться и почитать книжку-другую, пока она не погибла в огне. На выходе библиотекарша дала мне флешку:

— Это сжатая копия всего архива Гутенберга. Около пятидесяти тысяч книг, и с каждым днем их число растет. Туда же включен большой список книг из общественного достояния, которых у нас нет, и перечень библиотек в каждом городе, где их можно найти. Ты имеешь полное право взять любую из этих книг, отсканировать или перепечатать.

Маленькая флешка весила всего несколько граммов, но казалась тяжелой, будто гора записанных на ней книг. Я осторожно опустил ее в карман.

И вот теперь пришло время сжечь Александрийскую библиотеку. История повторяется.

Библиотеку осторожно втащили на платформу, смотали канаты. Суровые рейнджеры Блэк-Рок в форменных шляпах и диковинных нарядах окружили ее широким кольцом, никого не подпуская близко. Мы с Энджи стояли в первом ряду и глядели, как кучка инспекторов из бюро по землеустройству заканчивает осмотр сооружения. Мне были хорошо видны внутренние коридоры библиотеки — и зажигательные заряды, расставленные по всей длине через тщательно отмеренные интервалы, и свитки, разложенные на полках. Я задумался над действом, которое

вот-вот начнется, и на глазах внезапно выступили слезы — слезы благоговения, печали, радости. Энджи заметила их, вытерла, поцеловала меня в ухо и шепнула:

— Ничего страшного. Библиотеки горят, так и должно быть.

Затем из толпы выступили три человека. Один изображал Цезаря — в белых римских одеждах и короне, с высокомерной улыбкой на губах. Следующий — в монашеской рясе и остроконечной митре с большим крестом. Это, должно быть, Теофил, патриарх Александрийский, еще один виновник сожжения библиотеки. Он обвел толпу покровительственным взглядом и обернулся к Цезарю. Потом появился и третий, в тюрбане, с остроконечной бородкой, — калиф Омар, последний из тех, кого принято обвинять в самом жестоком, самом кощунственном поджоге за всю человеческую историю. Все трое пожали друг другу руки, каждый достал из-за пояса факел и поднес его к огню, пылавшему в глиняном горшке посреди библиотечной террасы. Потом они разошлись в разные стороны, встали посередине задней и боковых стен библиотеки и под буйные крики зрителей торжественно воткнули факелы в гнезда над полом.

Затем поджигатели поспешно отскочили, и из гнезд взметнулись огромные языки пламени. Наверно, туда было насыпано что-то вроде пороха. Огненные дуги ударили по стенам библиотеки. Те весело заполыхали, в воздухе потянуло древесным дымом и пороховой гарью, ветер понес ее к нам, а потом дальше, в пустыню, раздул пляшущее пламя. Толпа загомонила громче, и я вдруг понял, что мой крик, протяжный и радостный, тоже звучит в общем многоголосом хоре.

Потом в дело вступили зажигательные заряды. Они взрывались с тщательно выверенной синхронностью, распускались огненными цветками среди библиотечных колонн. Языки пламени подхватывали клочки бумаги, обрывки книг, и те пляшущими искрами возносились к темному ночному небу и сыпались обратно на землю, угольки вспыхивали напоследок и угасали, осыпая нас горячим пепельным градом. Жар был так силен, что мы все попятились, отступали шаг за шагом, будто в замедленной съемке, уходили с пути преобладающего ветра и огненного дождя. В нос ударил запах паленых волос и искусственного меха, и высокий мужчина в набедренной повязке, хлопнув меня между лопаток, крикнул:

— Прости, приятель, ты горишь!

Я дружески помахал ему — кричать не было смысла, слова потонули бы в общем гаме — и стал дальше пробираться к краю.

Затем в ход пошли фейерверки. И не такие, какие я бессчетное число раз видел на День независимости четвертого июля. Там они были виртуозно рассчитаны и взлетали в четко заданном ритме, залп за залпом. А здесь ракеты взмывали в небо с невероятной быстротой, огни сверкали так, что слезились глаза, пушки палили не умолкая, взрывы сливались в один неумолчный гул, подхлестываемый громыханием музыки из громадных арт-мобилей, стоявших позади толпы. Чего там только не было — дабстеп, фанк, панк, какой-то немыслимый свинг с нарастающим темпом и даже церковный гимн сплавлялись в единый лихорадочный ритм. Толпа взревела. С ней взревел и я. Пламя взметнулось еще выше, озаряя тьму пустынной ночи, в потоках раскаленного воздуха вознеслись к небу обрывки горящей бумаги. От дыма перехватывало горло, вокруг меня бурлила, толкалась, танцевала безудержная толпа. Я словно влился в исполинский организм с тысячью ног, глаз, глоток, голосов и вместе с ним ликовал, глядя на бушующее пламя.

Вскоре от библиотеки остался лишь обгорелый

черный скелет, окутанный красно-оранжевым заревом. Постройка пошатнулась, дрогнула крыша, закачались колонны. Много раз казалось, что здание вот-вот рухнет, и всякий раз толпа вскрикивала и замирала, затаив дыхание, но нет — равновесие восстанавливалось, и у всех из груди вырывался разочарованный вздох.

Наконец одна из колонн не выдержала, подкосилась, разломилась надвое, потащила за собой дальний угол крыши, та рухнула, слетев с остальных подпорок, и они тоже повалились, и вся библиотека обрушилась с треском и грохотом, взметнув ввысь свежее облако горящей бумаги. Рейнджеры Блэк-Рок подались назад, а мы все ринулись вперед, окружили горящие обломки, пошли в пляс вокруг трескучей груды дерева, бумаги и золы. Арт-мобили тоже подкатили ближе, и музыка загремела еще громче, и время от времени случайный фейерверк, забытый на пожарище, выстреливал в небо мерцающей звездой. Это было безумно. Это было великолепно.

Но рано или поздно всему наступает конец. Пришло время расходиться.

— Идем, — окликнул я Энджи. Незадолго до этого я рассказал ей о встрече с Машей. Она восприняла новость спокойно, но, когда я сказал, что

Маша просила меня прийти одного, решительно заявила:

— Ни в коем случае. Даже не думай.

— Я ей так и ответил, — сказал я.

Энджи привстала на цыпочки и потрепала меня по голове:

— Вот и умница.

Мы стали пробираться через пляшущую, смеющуюся толпу, то и дело полной мерой получая в лицо древесный дым, дымок от травки, пот, пачули (Энджи обожает этот запах, а я терпеть не могу), золу и гипсовую пыль. Вскоре мы выбрались из людского водоворота и очутились в гуще арт-мобилей. Среди пустыни возникла настоящая, как на городской улице, арт-мобильная пробка: сотни машин-мутантов застыли в состоянии полной растерянности и неразберихи. Трехэтажный пиратский корабль-призрак (на колесах) беспомощно пытался втиснуться в узкую щель между танком с корпусом «эль камино» 1959 года, вместе с пассажирами, болтающимися на стреле подъемного крана в трех метрах над землей, и шатким электрическим слоном, на спине которого восседали в паланкине десять чудаков с широко распахнутыми глазами. Усложнял дело массовый исход развеселых неугомонных байке-

ров в защитных очках; взревев моторами, хохоча и перекликаясь, они устремлялись в ночную тьму и растворялись в ней далекими кометами в шлейфе светодиодов и электролюминесцентной проволоки.

Электролюминесцентная проволока, или ЭЛ-проволока — обязательное украшение на Burning Man. Она стоит недорого, выпускается в множестве цветов и ярко горит, пока не сядут батарейки. Ее можно вплетать в волосы, прикалывать или приклеивать к одежде, просто подвешивать к чему угодно. Энджи вдоль и поперек оплела светящейся проволокой плечевые ремни на своем джавском костюме, и они пульсировали и переливались всеми цветами радуги. Еще одну нитку она аккуратно пришила к краю капюшона, а другую — к подолу балахона, так что издалека походила на собственное светящееся карандашное изображение. А мне вся проволока досталась бесплатно — я собирал у других погасшие проволочные украшения, кропотливо чинил, находил обрывы и замыкания, аккуратно склеивал изолентой. Снабдил свои армейские ботинки светящимися шнурками, остальное смотал кольцами и повесил на пояс. И я, и Энджи были хорошо заметны издалека, однако это не

помешало нескольким чокнутым байкерам едва не наехать на нас. Они повели себя очень вежливо и долго извинялись, оправдывались тем, что были рассеянны. Рассеянность — это вообще перманентное состояние всех, кто пребывает на фестивале.

Но чем глубже мы уходили в пустыню, тем меньше людей нам встречалось. Периметр Блэк-Рок-Сити определяется «мусорной оградой», которая кольцом опоясывает город на небольшом расстоянии от горного хребта. Эти изгороди хорошо задерживают любой сор, вылетающий из людских лагерей, там его можно собрать и упаковать — «Не оставляй следов». Между мусорной оградой и центром города на две мили тянется открытая плайя, ровная как доска, тут и там пестрящая людьми, арт-объектами и всякими неожиданностями. Если Плазу Шести часов считать за Солнце, то Человек, храм и лагеря составят внутреннюю часть Солнечной системы, а мусорная ограда станет чем-то вроде пояса астероидов или Плутона (позвольте на миг прерваться и заявить, что ПЛУТОН — ЭТО ВСЕ-ТАКИ ПЛАНЕТА!).

Мы шли словно по какому-то инопланетному пейзажу. Если не оглядываться через плечо на

бурлящий позади карнавал, легко было представить, что мы единственные люди на Земле.

Ну, почти единственные. Мы чуть не споткнулись о парочку, извивавшуюся голышом на одеяле среди великой пустоты. Такой способ получения удовольствия чреват опасностями, однако служит неплохим оправданием для темнушника. И, с учетом обстоятельств, эти ребята, надо сказать, отнеслись к нам весьма добродушно.

— Простите, — бросил я им через плечо, проходя мимо. — Пожалуй, нам и самим пора в темноту.

— Это верно, — подтвердила Энджи и нащупала выключатель на аккумуляторах своей перевязи. И через мгновение скрылась во тьме. Я последовал ее примеру. Внезапная тьма оказалась такой непроницаемой, что хоть открой глаза, хоть закрой — разницы не заметишь.

— Посмотри наверх, — сказала Энджи.

Я поднял глаза.

— Бог ты мой, да тут полным-полно звезд! — Я всегда повторяю эту шутку, когда вижу усыпанное звездами небо. (Это гениальная цитата из книги «2001: Космическая одиссея», хотя из фильма болваны-создатели ее почему-то выкинули.) Но никогда еще я не видел звездное небо таким ярким. Млечный Путь, обычно даже в безлунные

ночи казавшийся всего лишь белесой полоской, рассекал небо, словно серебристая река. А Марс… Я пару раз смотрел на него в бинокль, и он выглядел всего лишь чуть более красным, чем остальные небесные тела. А этой ночью, среди пустыни, когда гипсовая пыль плайи на мгновение осела, он пылал, как раскаленный уголек в единственном глазу циклопического демона.

Я стоял с запрокинутой головой и, потеряв дар речи, глядел в звездное небо. Вдруг тишину нарушил странный звук, похожий на журчание воды о камень или…

— Энджи, ты что, писаешь?

Она шикнула на меня:

— Ну да, пока никто не видит. До переносных туалетов слишком далеко. Ничего, к утру высохнет. Угомонись.

Когда по жаре приходится постоянно пить воду, то вскоре столкнешься с неизбежными последствиями — пи́сать тоже хочется постоянно. У некоторых счастливчиков в лагерях стояли домики на колесах с личными уборными, но остальным при нужде приходилось брести в «туалетный лагерь». К счастью, попо-эзия, развешанная внутри кабинок, была довольно занятным чтивом. Строго говоря, мочиться на

плайе не разрешалось, но шансы быть пойманными с поличным стремились к нулю, а до туалетов было реально далеко. По примеру Энджи мне тоже захотелось отлить, и мы с наслаждением оросили сухую пустынную землю в теплой чернильной ночи.

В этой кромешной тьме невозможно было определить, далеко ли до мусорной ограды. Впереди была лишь чернота, она еще сильнее сгущалась вдали, там, где вздымались горы, и слегка светлела над головой, в звездном небе. Но постепенно глаза сумели различить крохотные мерцающие огоньки — должно быть, свечи. Они выстроились впереди нас длинной трепещущей вереницей.

Подойдя ближе, я понял, что это и впрямь свечи, точнее, фонарики из жести и стекла с капающими свечками внутри. Они стояли через строго выверенные промежутки вдоль огромного, человек на пятьдесят, стола, накрытого для торжественного обеда, на котором были тщательнейше расставлены столовые приборы, винные бокалы и полотняные салфетки, свернутые шалашиками.

— Что за черт? — тихо спросил я.

Энджи хихикнула:

— Чей-то арт-проект. Обеденный стол возле

мусорной ограды.

— Эй, привет, — послышался голос из темноты. От стола отделилась тень, вспыхнула электролюминесцентная проволока, и перед нами появилась девушка с ярко-фиолетовой шевелюрой, в кожаной куртке с обрезанными рукавами. — Добро пожаловать.

Возле нее нарисовались новые тени, они тоже превратились в людей: три девушки, одна с зелеными волосами, другая с синими, третья…

— Привет, Маша, — сказал я.

Она слегка помахала мне:

— Познакомься с моими спутницами. Собственно говоря, ты с ними уже встречался. В тот день, когда взорвался мост.

Ну да, верно. Эти девчонки тоже играли в «Харадзюку Фан Мэднесс», были в одной команде с Машей, и мы столкнулись с ними в Тендерлойне, за пару минут до того, как неизвестные злоумышленники взметнули на воздух Бэй-Бридж. Как бишь я их тогда назвал? «Леденцовая команда».

— Рад снова видеть вас, — сказал я. — А это Энджи.

Маша слегка кивнула в знак признания.

— Подруги любезно разрешили мне воспользоваться их обеденным столом для короткой

беседы, но я не хочу тут задерживаться надолго. Слишком много народу меня разыскивает.

— Зеб здесь?

— Отлить отошел, — ответила Маша. — Скоро вернется. Но давайте уже начнем.

— Давайте, — подала голос Энджи. С той минуты, как я поприветствовал Машу, она стояла рядом со мной, словно оцепенев, и мне подумалось, что, возможно, она далеко не в восторге от этой встречи. А с чего бы ей радоваться?

Маша повела нас к противоположному концу стола, подальше от подруг. Мы сели, и я разглядел, что корзины, которые я поначалу принял за хлебницы, на самом деле наполнены любимой едой хиппи — полуфабрикатами длительного хранения, которые предпочитают хиппи: цельнозерновые булочки из «Трейдера Джо», органическая вяленая говядина, пакетики домашней овсянки с орехами и изюмом. Высококалорийная еда, которая не расплавится на солнце. Маша перехватила мой взгляд и сказала:

— Подкрепляйся, для того оно тут и лежит.

Я вскрыл пакетик вяленой говядины (сунув упаковку за пояс, чтобы потом выбросить в лагере; превращать подаренную еду в мусор считается очень дурным тоном), а Энджи взяла булочку.

Маша потянулась через весь стол, приоткрыла стеклянную дверцу фонарика и задула свечу. Мы превратились в черные кляксы среди черной ночной тьмы, далекие и невидимые.

Чья-то рука — Маши — во тьме схватила меня за локоть, ощупью двинулась вниз, сунула в ладонь что-то крошечное и твердое, отпустила.

— Это USB-флешка, очень маленькая. На ней крипто-ключ, которым открывается четырехгигабайтный торрент-файл. Его можно скачать с The Pirate Bay и с десятка других торрент-трекеров. Файл называется insurancefile. masha.torrent, и его контрольная сумма тоже записана на этой флешке. Буду очень признательна, если ты скачаешь его и раздашь, а также попросишь остальных сделать то же самое.

— Значит, — заговорил я, обращаясь в темноту в той стороне, где сидела Маша, — где-то в сети гуляет огромный торрент-массив с некой зашифрованной информацией, и ты хочешь, чтобы я в случае чего обнародовал этот ключ для его расшифровки?

— Да, примерно так, — ответила Маша.

Я попытался представить себе, что может содержаться в этом зашифрованном файле. Компрометирующие снимки? Корпоративные

секреты? Фотографии инопланетян из Зоны 51? Доказательство существования снежного человека?

— Что здесь? — спросила Энджи. Ее голос звучал слегка натянуто. Я видел, что ей не по себе, хоть она и старалась этого не показывать.

— А тебе очень хочется знать? — поинтересовалась Маша. В ее голосе не слышалось вообще никаких эмоций.

— Да уж, будь уверена, что очень, если не желаешь, чтобы мы сразу бросили эту штуку в огонь. С какой стати мы должны тебе доверять?

Маша ничего не ответила, лишь тяжело вздохнула. Я услышал звук отвинчиваемой пробки, потом глоток. Запахло виски.

— Послушай, — сказала Маша. — Когда я была, ну, типа, внутри ДВБ, мне довелось многое узнать. Многое повидать. Много с кем пообщаться. И с некоторыми из этих людей я до сих пор не потеряла связи. Не всем в ДВБ нравится смотреть, как Соединенные Штаты превращаются в полицейское государство. Те люди — они просто делали свое дело, старались поймать настоящих преступников и бороться с настоящим криминалом, предотвращать настоящие катастрофы, но при этом им довелось повидать много такого, с

чем они совсем не согласны. И в конце концов ты сталкиваешься с такими кошмарами, что не можешь больше смотреть на себя в зеркало, если не попытаешься что-то с этим сделать. Поэтому ты, например, скопируешь какие-нибудь файлы, накопишь улики. И станешь думать про себя: «Рано или поздно кто-нибудь поднимет голос против всего этого, а я тихонечко сплавлю ему эти файлы, и тогда моя совесть очистится и я прощу себя за то, что состоял в организации, творившей столько гадостей». И тогда случается вот что. Человек, с которым ты когда-то работал, который поставил не на ту лошадку и был вынужден уйти в подполье и скитаться, человек, которому ты доверяешь, внезапно выходит к тебе из глубокого подполья и дает понять, что сохранит для тебя все эти документы, объединит с документами других людей, посмотрит, есть ли между ними интересные пересечения. И этот человек заберет их у тебя с рук долой, отстирает так, что никто никогда не догадается об их происхождении, а когда придет время, опубликует. Услуга весьма приятная, истерзанные чиновники примут ее с радостью, ведь она позволит им крепко спать по ночам и бесперебойно получать зарплату. Постепенно слух распространяется все шире.

Множество народу охотно сбагрят свою совесть отверженному беглецу, и да, информация начинает просачиваться. Потом течет рекой. И вскоре у тебя накапливаются гигабайты.

— Четыре гигабайта, говоришь? — У меня кружилась голова. Маша передавала мне ключи для дешифровки самых отвратительных секретов американского правительства, таких гнусных, что даже самые лояльные сотрудники ДВБ были рады сбагрить их от греха подальше. Да у Маши и у самой подгорало так, что она стала чуть ли не радиоактивной, я невольно ждал, что с неба ударит смертоносный лазерный луч, чтобы испепелить ее на месте. А я сам? Как только ключ окажется у меня в руках, ни у кого не останется сомнений, что я сразу же загружу страховочный файл и ознакомлюсь с его содержимым, так что меня можно будет считать ходячим мертвецом.

— Типа того, — отозвалась она.

— Угу, благодарствую.

— Как ты смеешь так поступать? — взвилась Энджи. — Не знаю, что ты затеяла, но ты навлекаешь опасность на нас, не спросив, хотим ли мы этого, ничего нам не рассказав. Как ты смеешь?

Маша резко шикнула на нее.

— Не затыкай мне рот… — начала было Энджи,

и я то ли услышал, то ли почувствовал, как Маша схватила ее, стиснула и шепнула:

— Заткнись.

Энджи умолкла. Я затаил дыхание. Издалека доносилось громыхание кошмарного дабстепа, звучавшего в каком-то далеком арт-мобиле, завывал ветер в планках мусорной ограды, и сквозь эти звуки… Что это? Шаг? Еще один? Робкий, неуверенный, во мраке… Тихий хруст песка, еще раз, еще, хруп, хруп, хруп, звук приближался, я почувствовал, как напряглась Маша, сжалась, будто пружина, готовая сорваться и бежать, снова ощутил вкус вяленого мяса, подброшенного к горлу фонтаном желудочной кислоты. Сердце заколотилось в ушах, пот на спине превратился в ледяную корочку.

Хруп, хруп. Шаги были уже совсем рядом, внезапно что-то громыхнуло, и я передернулся. Это Маша, опрокинув стул, выскочила из-за стола и рванула в непроглядную тьму.

В лицо ударил ослепительный свет, из него ко мне потянулась рука. Я отшатнулся, схватил Энджи, в ужасе завопил что-то бессвязное, Энджи тоже закричала, и вдруг послышался голос:

— Эй, Маркус! Хватит дергаться! Это я!

Голос был мне знаком, я уже слышал его дав-

ным-давно, на улице возле школы имени Чавеса.

— Зеб? — воскликнул я.

— Привет, старина! — вскричал он и стиснул меня в крепких, довольно пахучих объятиях. Мое лицо уткнулось в его бородатую щеку. Глаза слепил яркий луч его налобного фонаря, но, насколько я сумел разглядеть, он отпустил бороду размером и формой примерно с крупного зверя — большого кота или, может быть, бобра. Ужас схлынул, но нервная энергия от пережитого осталась на месте и требовала выхода. Я невольно зашелся оглушительным хохотом.

Вдруг чьи-то маленькие сильные руки оторвали Зеба от меня и швырнули наземь. Это Маша, узнав его голос, зашла сзади. Она опрокинула его в гипсовую пыль, уселась на грудь и принялась колошматить, обзывая последними словами.

— Прости, прости! — пропыхтел он и тоже расхохотался. Потом засмеялась Маша, а за ней и Энджи. — Ну ладно, хватит! Просто не хотел вам мешать. Девчонки сказали, что вы там. Вот я и решил, что яркий свет разрушит вам атмосферу.

Маша выпустила его, поцеловала в щеку, выбрав место, где борода была не такой густой.

— Ну и болван же ты, — с чувством произнесла она. Он со смехом взъерошил ей волосы. Рядом с

Зебом Маша становилась совсем другой — словно моложе, игривее, от нее уже не веяло угрозой и смертью. Такой она мне нравилась гораздо больше.

— Энджи, это Зеб. Зеб, это Энджи.

Он пожал ей руку.

— Я о тебе слышала, — сказала она.

— И я о тебе, — отозвался он.

— Ну хватит, дураки, садитесь. Зеб, выключи этот чертов свет. — Маша снова заговорила серьезно, по-деловому, и мы послушались.

Я до сих пор злился на нее: как она могла с нами так поступить? Но после пережитого смертельного страха и затем мгновенной разрядки было трудно вернуться к прежней злости. Весь адреналин уже выплеснулся в кровь, и на выработку новой порции, наверно, потребуется время. Однако разговор был еще не окончен. Я сказал:

— Маша, ты ведь и сама понимаешь, что обходишься с нами нечестно. Так?

В темноте ее было не видно и не слышно. Молчание затянулось, и я было подумал, что она заснула или на цыпочках ушла прочь. И вдруг она отозвалась:

— Боже мой, да ты же еще совсем младенец.

Она произнесла это таким тоном, что я почув-

ствовал себя восьмилетним малышом, деревенским увальнем по колено в коровьем навозе, а она, можно подумать, супершпионка мирового уровня с навыками ниндзя под прикрытием.

— Черта с два, — заявил я, пытаясь изобразить из себя циничного мерзавца, а не жалкого обиженного малыша. Получилось, кажется, не очень.

Она язвительно рассмеялась.

— Так и было задумано. Нечестно? А при чем тут вообще честность? В мире чего только не творится, много всяких гнусных дел, и в этих делах уйма народу ложится в могилы, и ты либо создаешь проблему, либо ищешь решение. И если ты решишь уйти, чтобы не подвергать опасности свою жалкую уютную жизнь, честно ли это будет по отношению к людям, которые шли на огромный риск, чтобы передать мне эти документы? Да, M1k3y, ты ведь у нас герой. Ты ведь храбро, очень-очень храбро рассказывал репортерам истории других людей. Устроил пресс-конференцию. Какой храбрец, настоящий герой! — Она громко сплюнула.

Я прикусил язык. Знаете почему? Потому что она была права. В основном. Более или менее. Много раз я ночами лежал в постели, смотрел

в потолок, и в голове крутились эти же самые мысли. В икснете было полно ребят, которые вели себя гораздо безумнее меня и своей протестной деятельностью подставились под удар со стороны полиции и Департамента внутренней безопасности, эти ребята надолго угодили за решетку, и никакие газеты не рассказывали об их подвигах. Некоторые из них, возможно, до сих пор томятся в тюрьме. Я не могу утверждать это наверняка, не знаю даже, как их зовут и много ли таких ребят, и потому уж точно не заслуживаю ничьего восхищения.

Все мое остроумие, вся моя способность находить блестящие ответы мгновенно убежали и спрятались куда-то в самые дальние уголки разума. Стало слышно, как Зеб неловко переминается с ноги на ногу. Никто не знал, что сказать.

Зато Энджи прекрасно знала.

— Гм, думаю, не каждому это дано — стать продажной тварью, — громко заявила она. — Не каждому по силам сидеть в тайном бункере и наблюдать, как людей бросают в тюрьму, избивают, пытают, как они исчезают навсегда. Не каждый способен получать щедрую зарплату за свои труды в ожидании, пока их жалкая совесть окончательно переполнится и вынудит их бросить

все и бежать куда-нибудь в Мексику, на пляж, чтобы там нести расплату за свои поступки.

В ночной тьме я невольно улыбнулся. Молодец, Энджи! Мои грехи были скорее пассивными: я мог бы сделать больше, но не сделал. Я грешил недеянием, а Маша поступила куда хуже — она грешила деянием. Совершила очень, очень много плохого. И давно пытается загладить свои преступления. Так что кому-кому, но уж никак не ей меня стыдить.

И снова наступило долгое молчание. У меня руки чесались швырнуть флешку в песок и уйти. Знаете, что меня остановило?

Зеб.

Потому что Зеб был настоящим героем. Он сумел выбраться из тюрьмы Гуантанамо-в-Заливе, но после этого не скрылся, а пришел к школе имени Чавеса и передал мне записку от Дэррила. Мог бы просто удариться в бега, но не сделал этого. А я в благодарность разболтал его секреты всему свету, подставил его. Делу борьбы с системой посвятили себя не только Маша, но и Зеб. Они ребята дружные. Я перед ним в долгу. Мы все перед ним в долгу.

— Ну хватит. — Я усилием воли подавил все свои дурацкие эмоции, попытался отыскать хоть

каплю того дзен-спокойствия, которое снизошло на меня в храме. — Хватит. Да, это нечестно, ну и пусть. Жизнь вообще штука нечестная. Флешка у меня, что мне с ней сделать?

— Сбереги ее. — Голос Маши снова вернулся в бесчувственную зону — похоже, она при необходимости легко отступала туда. — И если когда-нибудь услышишь, что со мной или с Зебом что-нибудь случилось, обнародуй эту информацию. Кричи о ней на каждом углу. И если я однажды попрошу предать ее гласности, так и сделай. И если ровно через год, к пятнице на следующем Burning Man, не получишь от меня вестей, выложи ее в сеть. Как думаешь, справишься?

— Думаю, мне это по силам.

— Пожалуй, даже у тебя хватит ума не провалить это дело, — заявила Маша, но я видел, что она просто надела свою привычную маску крутышки, и не стал обижаться. — Ну ладно. Я пошла. Постарайся не напортачить.

Захрустел песок под ногами. Она ушла.

— Малышка, увидимся в лагере! — крикнул ей вслед Зеб, и меня снова ослепил свет его налобного фонаря. Он схватил из корзины булочку и жадно вцепился в нее зубами. — Я люблю эту дев-

чонку, ей-богу, не вру. Но до чего же она дерганая! Как пружина на взводе.

Это было настолько очевидной истиной, что нам ничего не оставалось, кроме как рассмеяться. Потом выяснилось, что у Зеба припасено немного пива, добытого в подарочной экономике, а у меня во фляжке плескался концентрат холоднозаваренного кофе, и мы, допив пиво, переключились на него, чтобы стряхнуть с себя алкогольную расслабленность, а потом всем понадобилось в туалет, и мы вышли обратно в ночную пыльную плайю.

Глава 3

Весь день с раннего утра самые разные люди твердили, что по прогнозам на нас надвигается пыльная буря. Мне почему-то казалось, что в эту самую бурю достаточно будет подоткнуть шарф под нижний край защитных очков — я так делал всегда, если на плайе поднимался ветер.

Не тут-то было. Когда мы распрощались с Зебом и побрели назад, к шумному цирковому круговороту, на нас обрушилось стихийное бедствие. Ночь побелела от взметнувшейся в воздух пыли, лучи фонариков отражались от нее и били нам в лицо, создавая сероватую мглу, и, казалось, ей нет ни конца ни края. Это напоминало густой туман, который частенько, особенно в середине лета, опускается на Сан-Франциско, заставляя туристов в шортиках и маечках дрожать от холода. Но сквозь туман трудно видеть, а в пыльную бурю трудно — да что там, почти невозможно — дышать. Из глаз и носа хлынуло в три ручья, губы покрылись коркой засохшей пыли, каждый вздох вырывался судорожным кашлем. Мы ковыляли, шатаясь, и крепко держались за руки, потому что

понимали: разожмем пальцы — и буря поглотит нас навеки.

Энджи притянула мое ухо к своим губам и прокричала:

— Надо под крышу!

— Знаю! — отозвался я. — Пытаюсь понять, где наш лагерь. Кажется, мы где-то между Девятью Часами и В.

Кольцевые дороги, опоясывавшие центральный лагерь, обозначались буквами алфавита. Наша палатка стояла на Семь Пятнадцать в кольце L, на далекой окраине. В нормальную погоду мы дошли бы туда минут за пятнадцать и прогулка была бы приятной. Но в такую пылищу… Хорошо, если доберемся за несколько часов.

— Забей, — сказала Энджи. — Надо прятаться сейчас, куда угодно.

Я споткнулся об арматурную железяку, вбитую в землю и увенчанную рваным теннисным мячиком, — кто-то приспособил ее под колышек для палатки. Чуть не упал, меня удержала только железная хватка Энджи. Она потащила меня дальше.

Впереди замаячило сооружение — гексаюрта, построенная из треугольных пенопластовых плит, скрепленных скотчем. Снаружи ее покры-

вал изолирующий слой из пузырчатой упаковочной пленки, выкрашенной в серебристый цвет. Мы ощупью нашли дверь — пенопластовую плиту на петлях из липкой ленты с одного края и с петлей вместо дверной ручки. Энджи уже собиралась дернуть, но я жестом остановил ее и постучал. Буря бурей, но нехорошо врываться в дом к незнакомым людям.

Над плайей завывал ветер. Если внутри кто-то и есть, сквозь этот рев не услышишь. Я хотел было постучать еще раз, но тут дверь распахнулась, выглянуло бородатое лицо.

— Входите!

Нам не надо было повторять дважды. Мы юркнули в дверь, и она захлопнулась за нами. Я все равно почти ничего не видел — очки стали непрозрачными от пыли, а свет в гексаюрте был тусклый: несколько светодиодных фонариков, задрапированных прозрачными шарфами.

— Глянь, как буря-то разыгралась, — послышался из полутемной глубины юрты веселый хрипловатый голос. — Джон, ополосни-ка их, прежде чем впускать. У них в ушах половина здешней пыли.

— Ну-ка, ну-ка, — отозвался бородатый. На нем была яркая хипповская футболка, в длинную

бороду и остатки волос вплетены бусины. Он с усмешкой глядел на нас сквозь круглые очки в стиле Джона Леннона. — Давайте-ка почистим вас. Начнем с обуви.

Мы неуклюже нагнулись и расшнуровали ботинки. В них и впрямь набилась половина здешней пыли. А вторая половина застряла в складках нашей одежды, волосах и ушах.

— Хотите, дам переодеться? Когда ветер утихнет, вытрясем ваши вещи.

Моим первым инстинктивным порывом было отказаться, ведь мы едва успели познакомиться, и вообще такое гостеприимство казалось чрезмерным даже для экономики подарков. Но, с другой стороны, нехорошо будет, если мы запачкаем им всю юрту. А с третьей стороны…

— Это было бы прекрасно, — улыбнулась Энджи. — Спасибо.

Вот какая она, моя девушка. Предоставленный сам себе, я бы взвешивал разные стороны до самого Дня труда.

— Спасибо, — отозвался я.

Хозяин достал пышную охапку шелка.

— Это называется «сальвар камиз», — объяснил он. — Индийский костюм. Вот тут штаны, а верхнюю часть оборачиваете вот так, — проде-

монстрировал он. — Купил на eBay у индийских швейных кооперативов. Прямо из первоисточника. Очень удобно и практично — один и тот же размер подходит кому угодно.

Мы разделись до белья, кое-как упаковались в шелковые наряды. Помогали друг другу в самых сложных деталях, и наш хозяин тоже пришел на помощь.

— Так-то лучше, — сказал он и вручил нам упаковку влажных салфеток, которые в здешних условиях заменяли душ. Мы стали вытирать друг другу пыль с лица, из ушей, протирать руки и босые ноги — пыль проникла даже сквозь ботинки и носки! — и не заметили, как израсходовали всю пачку.

— Совсем другое дело! — Хозяин сцепил ладони и просиял. Манера говорить у него была мягкая, но лукавый огонек в глазах давал понять, что от него не укроется ни одна мелочь и в голове у него роятся очень интересные мысли. Он либо мастер дзен, либо убийца с топором — ни у кого больше не встретишь такого спокойствия и умиротворения. — Кстати, меня зовут Джон.

— Энджи, — протянула руку моя подруга.

— Маркус, — представился я.

На фестивале многие придумывали себе краси-

вые псевдонимы, отражающие новую личность, в которую они перевоплотились на эти несколько дней. Я уже был сыт по горло своим знаменитым двойником M1k3y и не чувствовал нужды брать новое прозвище. Мы с Энджи этого не обсуждали, но, кажется, она тоже не горела желанием сочинять себе временное имя.

— Заходите, познакомьтесь с остальными.

Остальными оказались три человека, восседавшие на невысоких подушках вокруг кофейного столика, усеянного бумагами, игровыми кубиками и тщательно разрисованными свинцовыми фигурками. Мы оторвали их от старой доброй настольной игры с ролевым уклоном, в которой верховодит мастер подземелий. Не мое дело воротить нос от чужих развлечений, ведь я и сам много лет увлекался ролевыми играми, но сейчас это казалось редким занудством. Еще больше сюрреализма придавал тот факт, что игра шла на плайе в разгар пыльной бури.

— Привет! — улыбнулась им Энджи. — Кажется, у вас тут интересно!

— Еще как, — подтвердил хрипловатый голос, и я сумел разглядеть его обладателя. Лицо у него было морщинистое, глаза добрые, борода слегка взъерошенная, на шее шарф, заколотый бирюзо-

вой булавкой. — Посвящены ли вы в тайны сего приключения?

Я взялся за руку Энджи и постарался не робеть и не тушеваться.

— Никогда не играл, но с удовольствием научусь.

— Похвальное намерение, — произнес еще один из игроков. Он был лет пятидесяти или шестидесяти, с аккуратной седой бородкой клинышком, как у Ван Дейка, и в роговых очках. — Меня зовут Митч, его Барлоу, а это Уил, наш мастер подземелий.

Последний из представленных был гораздо моложе остальных троих — наверное, лет сорока с небольшим, гладко выбрит, с румяными щеками и короткой стрижкой.

— Привет, ребята, — кивнул он. — Вы как раз вовремя. Хотите присесть? У меня тут есть несколько готовых персонажей, можете сыграть за них. Хороший способ скоротать время, пережидая бурю.

Откуда-то из недр гексаюрты Джон принес нам несколько подушек и уселся, скрестив ноги, в идеальную йоговскую позу с прямой спиной. Мы сели рядом с ним. Уил выдал нам листы с описаниями персонажей. Мне достался маг эльфийских

кровей, а Энджи воплотилась в воина человеческой расы с заколдованным мечом. Потом Уил покопался в шкатулке и извлек пару раскрашенных фигурок, подходящих под описания.

— Их расписывал мой сын, — пояснил он. — Я пытался помогать, но он работает как пулемет — за ним не угонишься.

Я присмотрелся к фигуркам. Они были *великолепны*. Роспись была выполнена в мельчайших подробностях — куда больших, чем я мог разглядеть в тусклом свете внутри юрты. На мантии моего персонажа красовались таинственные серебристые символы, кольчуга персонажа Энджи состояла из колечек черненого серебра с крохотным пятнышком черной краски внутри каждого колечка.

— Они потрясающие, — признал я. Настольные ролевые игры всегда казались мне устаревшим и занудным развлечением, но над этими фигурками явно потрудился очень талантливый человек, любивший игру, и если такой талант не побрезговал тратить на них свое время, то и мне стоит попробовать.

Уил оказался великолепным мастером. Он сплетал историю наших приключений драматическим голосом, и в его исполнении она

затягивала меня с головой. Остальные слушали внимательно, хотя время от времени перебивали повествование остроумными шутками, от которых все покатывались со смеху. Мне подумалось, что они, наверное, знакомы давным-давно, и, когда мы прервались на чашку свежезаваренного мятного чая — эти ребята понимали толк в жизни! — я спросил, откуда они знают друг друга.

Они переглянулись со смущенными улыбками.

— У нас тут что-то вроде встречи давних друзей, — сказал Митч. — Когда-то мы работали вместе.

— Раскручивали свою компанию?

Они опять расхохотались. Я почувствовал, что чего-то не понимаю. Уил спросил:

— Слыхал о Фонде электронных рубежей? — Ну конечно, я слыхал. И за миг до его ответа понял, о чем идет речь. — Его основали вот эти чуваки.

— Погодите-ка! — воскликнул я. — Так, значит, вы Джон Перри Барлоу? — Человек с шарфом кивнул и ухмыльнулся по-пиратски. — А вы Джон Гилмор? — Джон пожал плечами и выгнул бровь. — А вы Митч Кейпор? — Человек с вандейковской бородкой слегка помахал. Энджи растерянно озиралась. — Энджи, эти люди

стоят у истоков ФЭР. Джон основал первую в Сан-Франциско компанию-провайдер, Митч разработал технологию электронных таблиц, а Барлоу сочинил Декларацию независимости киберпространства.

Барлоу расхохотался, словно загремела бетономешалка:

— И с помощью особых водорослей переработал тералитры сточных вод в гигалитры дизельного топлива. А еще написал парочку-другую песен. Раз уж зашла речь.

— О да, — подтвердил я. — Барлоу сочинял песни для «Грейтфул Дэд».

Энджи покачала головой:

— С твоих слов получается, они что-то вроде верховных богов интернета.

— Ну хватит о верховных. — Митч отхлебнул чаю. — Ты, юноша, кажется, неплохо знаком с тонкостями работы сети.

Я покраснел. Пару раз на плайе люди узнавали во мне M1k3y и подходили сказать, как они восхищаются мной и всякое такое. Это меня смущало, но сейчас мне очень захотелось рассказать троим величайшим героям интернета об этой стороне моей жизни, однако я не знал, как подступиться к теме, чтобы не выглядеть хвастуном. И опять

меня спасла Энджи.

— Мы с Маркусом пару лет назад работали вместе с людьми из ФЭР. Это он основал икснет.

При этих словах Уил громко расхохотался:

— Так, значит, это ты затеял? — И продолжил тоном лихо закрученного детектива: — И надо же было такому случиться, чтобы из всех юрт на плайе они заглянули именно в мою.

Митч протянул руку:

— Считаю за честь познакомиться с вами, сэр.

Я пожал ему руку, так и не найдя, что ответить. Вслед за ним подошли и остальные. У меня голова шла кругом, а когда Джон сказал, что искренне восхищен моей работой, я от восторга чуть не хлопнулся в обморок.

— Ну хватит! — сказала Энджи. — Если он задерет нос еще выше, то застрянет в дверях. Мы сюда за чем пришли — болтать или бросать кости?

— Мне нравится твой подход. — Уил пролистал тетрадку и расставил на расчерченной доске несколько фишек с обозначениями местности.

Энджи оказалась превосходным стратегом — меня это не удивило, но на всех остальных явно произвело впечатление. Она расставила наши силы так, что мы легко прорвались сквозь вражеские орды, одолели мини-боссов и без

особых потерь вышли на битву с главным боссом. Прирожденный танк, она воодушевленно рубилась с противником и направляла наши силы. Уил выдал ей тонны дополнительных очков опыта за прекрасную работу с персонажем — она была очень хороша в образе воительницы из варварского племени. Ее пример воодушевлял нас, и к тому моменту, когда мы наконец добрались до императрицы драконов в самом сердце подземелий, все незаметно заговорили языком фэнтезийных романов. Особенно хорошо это получалось у Барлоу — он, импровизируя, сочинял героические стихи и произносил их своим хриплым голосом. Тем временем Митч и Джон мастерски ловили мелкие намеки, которые Уил вставлял в повествование, и обнаруживали ловушки и тайные сокровища, спрятанные в самых неожиданных местах. Никогда еще мне не выпадало случая так приятно проводить время.

Митч и Барлоу беспрерывно ерзали на подушках и, как только мы ворвались в пещеру к драконихе, потребовали устроить перерыв и размять ноги. Сразу встали и, стеная, принялись усердно растирать поясницу. Уил тоже потянулся и выглянул из двери.

— Буря утихает, — сообщил он. Время близи-

лось к полуночи, и в раскрытую дверь ворвался прохладный свежий ветерок, а с ним — звуки далекой музыки.

Одна половинка моей души хотела выскочить в ночь, отыскать источник этой музыки и потанцевать, а другая — остаться в юрте с людьми, которых я почитал как героев, и дальше играть с ними в «Подземелья и драконов». В этом вся суть Burning Man — здесь хочется всего и сразу!

Уил протянул мне еще чашку мятного чая, в горячей воде плавали мягкие листья.

— Потрясающе. Как хорошо, что мне доверили быть мастером в этой игре. И как хорошо, что к нам пришел ты. — Он покачал головой. — Самая большая концентрация компьютерных гениев, какая собиралась в одном месте.

— Вы давно их знаете?

— Не очень. С Барлоу и Гилмором познакомился довольно давно, когда организовал сбор средств для ФЭР. Сегодня случайно наткнулся на Гилмора, сказал, что принес с собой все, что нужно для «Подземелий и драконов». Глазом моргнуть не успел — и вот я уже веду для них игру.

— А что за сбор средств?

Лицо Уила казалось знакомым, но я никак не мог вспомнить, где же его видел.

— Да так. — Он сунул руки в карманы. — Меня попросили изобразить жестокий бой с юристом, одетым в костюмчик фиолетового динозаврика Барни. Потому что деятели из сериала про Барни выдвигали множество юридических претензий к веб-сайтам, а ФЭР их защищал. В общем, было весело.

Я его определенно откуда-то знал. Но никак не мог уловить, и это бесило.

— Вы случайно не знаете, где я мог вас видеть? Ваше лицо кажется знакомым…

— Ха! Еще бы не знать, — усмехнулся он. — Я с детства играл в кино, снимался в «Звездном пути: Следующее поколение» и…

У меня отвисла челюсть.

— Так вы тот самый Уил Уитон!

Он, кажется, смутился. Я никогда не был поклонником «Звездного пути», но видел множество видеороликов, снятых Уитоном со своей комедийной труппой, и, конечно, знал знаменитый закон Уитона: «Не будь козлом».

— Да, это я, — подтвердил он.

— Вы стали первым, на кого я подписался в твиттере! — воскликнул я. Комплимент, конечно, сомнительный, но это было первое, что пришло мне в голову. Посты у него были на редкость

остроумные.

— Гм, спасибо! — отозвался он.

Неудивительно, что из него вышел такой хороший рассказчик, ведь он снимается в кино чуть ли не с семи лет. Мне стало жаль, что под рукой нет Википедии, хотелось узнать об этих людях побольше.

Мы снова сели играть. Нам предстоял бой с мегабоссом — императрицей драконов. Она окружила себя бесчисленными крепостными стенами и имела в арсенале множество смертоносных атак. Я придумал, как с помощью магических иллюзий заманить ее в боковой коридор, где ей не хватало пространства для маневров, и бойцы смогли нападать на нее волна за волной, а я тем временем вооружился волшебной лопатой и стал сбрасывать ей на голову камни с потолка. Эта идея казалась мне (да, ей-богу, и другим тоже) превосходной — ровно до той минуты, пока от моих землекопных чар весь свод пещеры не обрушился и не похоронил всех нас под грудами земли.

Но, кажется, никто на меня особо не рассердился. Когда мне с каждым броском выпадало пятнадцать очков или больше и мои чары обрушивали землю на голову драконихе, все радостно

хлопали, и никого, кажется, не беспокоило, с каким результатом бросает кости Уил у себя за ширмой. Кроме того, время близилось к часу ночи, и снаружи гремела тусовка! Мы переоделись из роскошных шелков Джона в свои задубевшие от пыли шмотки, включили всю нашу ЭЛ-иллюминацию, надвинули на глаза защитные очки, пожали всем руки и миллион раз поблагодарили. Когда я уже стоял на пороге, Митч написал мне маркером на руке (там уже скопилось немало информации — координаты интересных мест на плайе и адреса тех, с кем я планировал связаться) электронный адрес.

— Энджи говорит, ты ищешь работу. Напиши сюда. Это менеджер избирательного штаба Джозефа Носса. Я слышал, ей нужен вебмастер. Скажи, что ты от меня.

Я потерял дар речи. За последние месяцы я стучался в множество дверей, рассылал резюме, писал и звонил — и все безуспешно. И вдруг мне предлагают самую настоящую работу с рекомендациями от самого настоящего легендарного героя! Я, заикаясь, поблагодарил. Едва мы оказались снаружи, я поцеловал Энджи и, прыгая от радости, потащил ее на плайю. По дороге едва не врезался в парня на пыльном сегвее, отделанном

полосатым, как зебра, искусственным мехом. Тот ухмыльнулся и помахал.

* * *

В следующий раз мы увидели Машу и Зеба лишь в последнюю, субботнюю, ночь, когда произошло сожжение храма.

Накануне был сожжен и сам Человек, и это было упоительно-безумно. Сотни огненных танцоров исполняли точно выверенные маневры, десятки тысяч фестивальщиков сидели рядами на плайе и оглушительными воплями встречали каждый взрыв, каждый огненный шар, каждое грибовидное облако пламени, вырывавшееся из пирамиды, на которой стоял Человек. А когда он рухнул, ответом был тысячеголосый рев, рейнджеры разомкнули оцепление, и мы ринулись навстречу пламени, каждый помогал тому, кто был рядом. Мир еще не видел такого вежливого столпотворения. Внезапно у меня в памяти вспыхнула давка у входа в метро в тот день, когда взорвался мост Бэй-Бридж. Вонь потных тел, обезумевший гвалт. До чего ужасно было чувствовать, что под напором людской массы ты вынужден наступать на тех, кто упал. В той давке кто-то пырнул Дэррила ножом, и с этой раны

начались все наши кошмарные приключения.

Нынешняя толпа вела себя совсем по-другому, но мои внутренности этого не понимали, они в панике кувыркались в животе, ноги превратились в кисель, и я стал медленно оседать на гипсовую землю. По лицу хлынули слезы, душа словно покинула меня и воспарила над моим бренным телом. Энджи подхватила меня, попыталась удержать, торопливо зашептала на ухо что-то ласковое, успокаивающее. Другие останавливались, предлагали помощь, одна рослая женщина стала направлять людской поток в стороны, невысокий старичок сильными руками подхватил меня под мышки и одним рывком поставил на ноги.

Душа вернулась в тело, ноги снова обрели твердость, я смахнул слезы.

— Простите, — твердил я. — Простите.

От стыда мне хотелось выкопать в плайе норку и забиться в нее. Но никто из тех, кто остановился помочь, не выказал ни малейшего удивления. Женщина показала дорогу к ближайшему медицинскому лагерю, старичок обнял меня и велел не париться.

Энджи ничего не сказала, лишь держала меня под руку. Она знала, что в толпе мне часто дела-

ется не по себе, и знала, что я не люблю об этом говорить. Мы пробрались к костру, я немного поглядел на него и снова побрел на плайю — к празднеству, танцам, забвению. Напомнил себе, что я влюблен, что здесь, на Burning Man, рядом со мной любимая девушка, а дома, в Сан-Франциско, ждет работа, и мысленно давал себе пинка всякий раз, когда в голову опять начинали лезть дурные мысли.

Сожжение храма проходило совсем по-другому. Мы пришли туда сильно заранее, расселись около фасада и стали смотреть, как заходящее солнце окрашивает белые стены храма сначала в оранжевый цвет, потом в красный, потом в фиолетовый. Затем вспыхнули прожектора, и стены снова стали ослепительно-белыми. Подул ветер, и зашуршали бесчисленные бумажные некрологи, разложенные на полках и развешенные на стенах.

Вокруг нас сидели тысячи, десятки тысяч людей, но никто не издавал ни звука. Закрыв глаза, я мог бы легко представить, что нахожусь один среди бескрайней пустыни, наедине с храмом, со всеми хранящимися в нем воспоминаниями, прощаниями, горестями. Вернулось чувство, которое я испытал, медитируя, когда пытался

очистить свой разум, погрузиться в настоящее и отбросить все, что мешает сосредоточиться. Храм оказывал на меня странное воздействие: я мгновенно успокаивался, умолкали голоса, наперебой галдящие в голове. Я не верю ни в духов, ни в призраков, ни в богов и не считаю, что храм наделен сверхъестественной силой, нет, его влияние было абсолютно естественным, он наполнял меня печалью, надеждой, спокойствием и каким-то образом сглаживал острые углы моей натуры.

И в этих чувствах я был не одинок. Все мы сидели, смотрели на храм, люди переговаривались вполголоса, как в музее, тихо шептались, будто в церкви. Время растянулось до бесконечности. Иногда я, кажется, впадал в дремоту. А временами словно чувствовал каждую клеточку, каждый волосок на своем теле. Энджи погладила меня по спине, я тихонько стиснул ей колено. Обвел взглядом лица сидевших вокруг. Одни хранили спокойствие, другие тихо плакали, третьи улыбались в глубоком удовлетворении. Ветер шевелил мой шарф.

Тут-то я их и заметил. В трех рядах позади нас, взявшись за руки, сидели Маша и Зеб. В первый миг я их еле узнал, потому что Маша положила голову Зебу на плечо, на лице отражалась печаль,

и это придавало ей крайне беззащитный вид, полную противоположность привычной маске сердитого, дерзкого нетерпения. Я отвел глаза, не успев встретиться с ней взглядами, чувствуя себя незваным гостем, вторгшимся в ее глубоко личную тайну.

Я повернулся обратно к храму, и как раз в этот миг внутри вспыхнули первые языки пламени, затрещала паленая бумага. У меня перехватило дыхание. Из центрального атриума с ревом взметнулся огромный, в сотню метров, столб огня, такой жаркий, что я невольно отвернулся. Над толпой прокатился единый тихий вздох, и я вздохнул вместе со всеми.

Вдруг я увидел, что среди рядов кто-то идет. Крепко сложенная женщина в защитных очках, в сером костюме строгого фасона, в котором чувствовалось что-то военное, хотя никаких нашивок или погон на нем не было. В ее движениях сквозила странная напряженность, она держала у лица небольшую видеокамеру и обводила толпу взглядом сквозь нее. Люди сначала ворчали, когда она наступала на них или закрывала обзор, а потом стали высказываться громче:

— Сядьте!

— Отойдите!

— Зрительница!

Последнее замечание с явным оскорбительным оттенком было, пожалуй, самым метким, если учесть ее видеокамеру.

Я отвел взгляд, попытался выбросить ее из головы. Храм уже полыхал по всей длине, и кто-то возле меня глубоко вздохнул и басовито загудел: «Оммммммм». От этого звука у меня зажужжало в ушах. К нему присоединился еще один голос, потом еще и еще, и вот уже я тоже подхватил медитативный клич. Звук, как живой, плавал вверх и вниз в моей груди, перекатывался в голове, наполняя меня спокойствием. Именно его, этого звука, мне и не хватало. Мой голос переплетался с другими, с голосом Энджи, и мне казалось, что я вливаюсь малой частичкой в единый всеохватный разум.

Из забытья меня вывела резкая боль в ноге. Та самая дама, стоя ко мне спиной и обводя камерой бушующее пламя и бескрайнюю толпу, нечаянно наступила мне на бедро. Я раздраженно поднял глаза, с языка была готова сорваться резкая отповедь — и вдруг, приглядевшись, я словно окаменел.

Ее лицо было мне знакомо. Я никогда не смогу его забыть.

Эту даму звали Кэрри Джонстон. Еще не зная ее имени, я прозвал ее Стриженой. В последний раз мы виделись наяву в тот страшный день, когда она велела привязать меня к доске, я лежал головой вниз, и солдат, ненамного старше меня, лил мне воду на лицо. Эта пытка называлась ватербордингом и считалась имитацией казни.

Много лет это лицо преследовало меня в кошмарах, выплывало из темной глубины моих сновидений, чтобы снова и снова терзать меня, разрывать грудную клетку острыми звериными зубами, душить, натягивая на лицо плотный мешок, задавать бесконечные вопросы, на которые я не мог ответить, и жестоко бить за то, что не отвечаю.

Закрытый военный трибунал снял с нее обвинения во всякой незаконной деятельности, и ее перевели в Ирак заниматься свертыванием передовой военной базы в Тикрите. Я поставил на компьютер программу отслеживания, которая предупреждала бы меня о любом упоминании имени Кэрри Джонстон в новостях, но ни одного сообщения так и не поступило. Она словно сквозь землю провалилась.

И сейчас, увидев ее, я словно провалился в один из своих кошмаров, тех парализующих

снов, когда руки и ноги перестают слушаться. Хотелось вскочить, завопить, закричать, но я только и мог что сидеть с колотящимся сердцем. Кровь оглушительно стучала в ушах, перекрывая любые другие звуки, даже всепоглощающий «Оммммммм».

А Джонстон меня даже не заметила. Весь ее вид выражал высокомерное презрение к жалким людишкам под ногами. Когда все вокруг, кто тихо, кто громко, просили ее отойти, на ее гладком лице не дрогнул ни один мускул. Она сдвинулась мимо меня еще на шаг, и я уставился ей в спину, туго обтянутую армейским кителем, напряженную, будто свернувшаяся кольцами змея, готовая к броску. Волосы были спрятаны под вязаной шапочкой такого же блеклого, линялого цвета, что и ее военный мундир, что и окружающая безжизненная пустыня. Она медленно двигалась прочь, переступая через людей, и вскоре растворилась в дымке над горизонтом.

Энджи стиснула мне руку:

— Что с тобой?

Я покачал головой и вместо ответа тоже сжал ей руку. Не собирался ей рассказывать, что передо мной только что промелькнуло самое страшное чудовище пустыни. Даже если это и вправду

Джонстон, что с того? На Burning Man может приехать кто угодно: пионеры компьютерных программ, беглецы, поэты, даже вот я. И ни в каких правилах не написано, что военным преступникам вход запрещен.

— Ничего, — еле выдавил я и обвел взглядом толпу. Джонстон исчезла. Я обернулся к горящему храму и попытался вновь обрести утраченный покой.

* * *

К моменту, когда храм догорел, я уже почти убедил себя, что Джонстон мне примерещилась. Как-никак стояла ночь, и тьму разгоняли только хаотичные сполохи исполинского пожара. Лицо женщины было отчасти скрыто за видеокамерой. И видел я ее снизу, сидя на земле. В тот вечер меня посетили все призраки минувших лет, среди пляшущих языков пламени вставали лица друзей — ушедших, обманутых, спасенных. Ее лицо я видел лишь мгновение. Каковы шансы на то, что Кэрри Джонстон вдруг явится на фестиваль? Все равно что увидеть гунна Аттилу на уроке йоги. Или Дарта Вейдера с мячиком в парке. Или Мегатрона — волонтером в детской больнице. Или Лунную пони, празднующую день рождения

в кафе.

Придумывая эти аналогии — и другие, гораздо более глупые, которые я не посмею вам рассказывать, — я понемногу успокоился. Мы с Энджи вместе с толпой медленно брели прочь от горящего храма. Процессия была тихая и печальная.

— Завтра домой, — сказал я.

— Исход, — подтвердила Энджи. Так называлось это событие на Burning Man, и оно обещало эпический размах — колонна из тысяч автомобилей и домов на колесах будет выезжать каждый час небольшими порциями, чтобы избежать заторов, и растянется на много миль. Мы договорились ехать вместе с Лемми, моим знакомым по Нойзбриджу, сан-францисскому хакерскому пространству, точнее сказать, технологическому клубу, где я частенько бываю. Мы с ним не очень хорошо знакомы, но знаем, где стоит его лагерь, и договорились, что в семь часов утра придем с вещами к его машине и поможем упаковаться. Встать в такую рань будет нелегко, но у меня есть секретное оружие, которое и составило мой вклад в фестивальную экономику подарков, — кофе холодной заварки.

Вы наверняка пили горячий кофе, и в руках опытного мастера этот напиток имеет изумитель-

ный вкус. Но беда в том, что приготовить кофе правильно — одна из самых непростых задач на свете. Даже с великолепными зернами прекрасной обжарки на замечательном оборудовании легко допустить ошибку: неправильно смолоть, чуть перегреть, немного передержать — и чашка будет полна горечи. Кофе насыщен разнообразными кислотами, и в зависимости от тонкости помола, степени обжарки, температуры, метода приготовления есть риск чрезмерно экстрагировать кислоту из зерен или перегреть, и тогда они окислятся и вы получите несъедобную бурду, какую подают в пончиковых или «Старбаксе».

Но существует и другой способ. Если заварить кофе холодной водой, вы извлечете из него только самые сладкие кислоты, самые летучие ароматы с нотками шоколада и карамели, те, которые в неблагоприятных условиях испаряются при кипении или дают кислый привкус. На первый взгляд кажется, что заварить кофе холодной водой невозможно, однако на самом деле этот способ очень прост. Только так можно приготовить чашечку (или целый кофейник) превосходного напитка.

Надо смолоть кофе — крупным помолом, с крупинками величиной примерно с морскую

соль, — положить в банку, залить вдвое большим объемом воды и герметично закрыть. Сильно встряхнуть и оставить на ночь в прохладном месте. Я укладывал банку в пакет-холодильник со льдом из ледяного лагеря и для термоизоляции заворачивал всю конструкцию в пузырчатую пленку. Утром процеживаете через воронку с бумажным фильтром. Получается кофейный концентрат. Можете разбавлять его холодной водой по вкусу — лично мне нравится пропорция один к одному. Если хотите, можно добавить льда.

У холоднозаваренного кофе изумительный вкус, и главное — его невозможно испортить. Например, в эспрессо все крупинки должны быть одинакового размера, иначе горячая вода, проходящая под высоким давлением, вызовет появление трещин в прессованном брикете, и тогда часть кофе будет недоэстрагирована, а остальное переэстрагировано. Но для холодной заварки крупинки могут иметь любой размер. Не шучу, можете молоть его хоть каменным топором. А в отличие от капельного кофе, который при слишком долгом воздействии воды станет кисло-горьким, кофе холодной заварки будет с каждым часом становиться все вкуснее и вкуснее (и насыщаться кофеином!). Холодное заварива-

ние в банке — это, пожалуй, самый простой в известной нам вселенной способ приготовления кофе, если, конечно, вы не против подождать до утра. В результате получается такой вкусный, такой крепкий кофе, какого вы еще не пробовали. Единственный недостаток — его довольно трудно очистить от гущи, но, не пожалев немного денег, вы можете приобрести различные устройства — от простой дешевой кофеварки «Тодди» до сложной, в японском стиле, капельной системы из выдувного стекла ручной выработки, похожей на прибор из лаборатории безумного ученого. Но по большому счету для приготовления чашечки превосходного реактивного топлива методом холодной заварки требуются банка с завинчивающейся крышкой, вода, кофе да что-нибудь для процеживания. В Новом Орлеане уже давным-давно готовят холодный кофе таким способом, но по непонятным причинам он не получил широкого распространения.

Всю неделю я циркулировал по плайе с большим термосом холоднозаваренного концентрата и наливал по чашечке всем желающим или нуждающимся. И каждый угостившийся был потрясен дивным ароматом. Забавно было смотреть, как человек впервые осторожненько отпивает

глоток холодного кофе, потому что на вид и на запах он очень крепкий, а любители кофе давно привыкли считать, что «крепкий» равносильно «горький». Но стоит первым каплям попасть на язык, как кофейный аромат просачивается в глубину горла и заполняет синусовые полости, и ваш нос громко заявляет: «Это очень-очень крепко!» Аромат и вправду крепкий, но в нем нет ни намека на горечь. Словно кто-то взял чашку кофе и убрал из нее все, что хоть немного портит восхитительный вкус, оставив лишь чистую, мощную кофейную эссенцию, объединившую в себе все самые тонкие неуловимые ароматы: цитрус, какао, чуть-чуть кленового сиропа, наложенные на яркий, привычный кофейный вкус, который вы хорошо знаете и любите.

За неделю я обратил в культ холодного кофе не меньше дюжины человек, и единственной сложностью было помешать Энджи выпить все, что я не успел раздать. Зато утром последнего дня у нас будет огромный запас реактивного топлива — хватит и на сборы, и на Исход. Перед сожжением храма я высыпал в банку все остатки кофе, и если мы выпьем хоть половину, то организаторам Исхода придется в перерывах между волнами выпускать нас на плайю, чтобы мы,

побегав кругами, выплеснули избыток энергии.

Размышляя об этом, я снял термос с пояса и встряхнул:

— Хочешь волшебного кофейного сока?

— Угу. — Энджи взяла у меня фляжку и приложилась.

— Оставь немного мне. — Я отобрал у нее фляжку и допил последние несколько глотков. После глубокого транса, испытанного при виде горящего храма, мне хотелось найти какой-нибудь лагерь с подушками и свернуться калачиком на мягкой груде, однако фестиваль близился к концу, и в эту последнюю ночь я собирался танцевать до утра, поэтому нуждался в ракетном топливе.

Опустив фляжку, я сразу заметил Машу и Зеба. Они шли рука об руку на негнущихся ногах, с каменными застывшими лицами. Во мраке ночи до них было метров пятьдесят, и поначалу мне подумалось, что после всех необычайных событий этого вечера они погрузились в состояние глубокого спокойствия. Но вскоре убедился в своей ошибке. За ними по пятам шли двое крупных мужчин в вязаных шапках, таких же, как у Кэрри Джонстон — или ее близнеца. Их лица были скрыты под серыми шарфами, хотя пыльная буря давно закончилась. Толпа слегка расступи-

лась, и я заметил, что одеты они тоже как Кэрри Джонстон — в такие же полувоенные кители, мешковатые штаны и высокие черные ботинки. Что-то еще в них по-нехорошему цепляло глаз, и я не сразу понял, в чем дело, но потом дошло: они же темнушники — ни электролюминесцентной проволоки, ни фонариков. И, кстати, Зеб и Маша тоже погрузились в полную тьму.

Я увидел эту страшную картину лишь мельком и по большей части восстановил потом по памяти. А тогда я сразу сорвался с места, схватил Энджи за руку и потащил сквозь толпу. Эта сцена зацепила меня за живое, и, хоть я сильно недолюбливаю Машу, все равно хотел понять, чего хотят эти двое громил от нее и Зеба.

И пока мы проталкивались, глубины моего разума уже принялись сочинять правдоподобную историю, в которой все складывалось хорошо: «Это, наверное, вообще не они. У тех мужиков под одеждой спрятана ЭЛ-проволока, но они ее не включают, потому что экономят батарейки. Если я расскажу Энджи об увиденном, она меня обзовет параноиком…»

Та четверка уходила все дальше в темноту открытой плайи. От толпы кто-то отделился и пошел следом за ними. Это была Кэрри Джонстон.

Мимо проехал автомобиль-мутант с огнеметом, разгонявшим ночную тьму огненными шарами, и в оранжевом свете пламени я отчетливо разглядел ее профиль. Сомнений не осталось: это точно она. Крутила головой из стороны в сторону в плавном, настороженном ритме. Точно так же в телерепортажах ведут себя охранники из спецслужб, тенью сопровождающие президента.

Энджи что-то говорила, но я ее не слышал. Выдернула у меня руку, и я отпустил, потому что узнал Кэрри Джонстон, понимал, что Зеб и Маша очутились в ее лапах. Мне уже доводилось побывать там. И Энджи тоже. Я хорошо знал, каково им придется, и решил: не допущу, чтобы ей в лапы попался еще хоть один человек.

Все пятеро уже исчезали в ночной мгле. Я ринулся за ними, проталкиваясь сквозь толпу, наступал на чьи-то ноги, распихивал локтями — ну и пусть. Мне вслед летели ругательства, но я не обращал внимания. Поле зрения сузилось до узкого туннеля, в конце которого маячила Кэрри Джонстон. Я пошарил по поясу с инструментами, нащупал термос, сделанный из тяжелого металлического сплава. Весил он немного, но если изо всех сил врезать кому-нибудь по затылку, удар будет чувствительным. Я метил в Кэрри Джонстон.

Из груди рвался какой-то невнятный, бессловесный крик. Начался он тихо, вполголоса, но быстро перерос в звериный рев. Нет, даже не рев — боевой клич. Много лет эта женщина преследовала меня в самых страшных снах. Издевалась надо мной, унижала, ломала, а теперь на моем месте окажутся другие, им предстоит вытерпеть то же самое. Я видел ее перед собой и понимал, что могу делать все что захочу.

Какой-то чел на пляжном велосипеде чуть не врезался в меня, но в последний миг свернул и упал прямо передо мной, оцарапав лодыжку. Я даже не притормозил. Наоборот, перескочил через велосипед и рванулся бегом.

Никогда еще я так не бегал. Несся так, что ноги едва касались земли. Вдруг, не успел я сделать еще шаг, передо мной разверзлись врата ада. Ночь окрасилась оранжевым огнем, что-то громыхнуло, жгучая волна жара, грохота, ветра взметнула меня в воздух и швырнула лицом вниз в гипсовую пыль.

На миг меня — да и нас всех — оглушило, потом я кое-как перекатился на спину и встал. Из носа текла кровь, я поднес к нему руку, провел по губам — они онемели и ничего не чувствовали. Мелькнула далекая, словно со стороны,

отстраненная мысль: «Кажется, лицо расквасил». И та же самая отстраненная частичка разума упрекнула меня за то, что нарушаю правила первой помощи, шевельнувшись сразу после травмы. Даже если я не повредил позвоночник и не словил сотрясение мозга, все равно двигаться было нельзя. Ведь могло случиться, что я сломал какую-нибудь мелкую кость и она еще не успела послать болевой сигнал, а я, вставая на ноги, невольно сдвину ее с места.

Я велел этому внутреннему голосу заткнуться. Отчетливо помню, как говорил ему: «Отвяжись, не до тебя», словно отгонял надоедливую собачонку. Что бы там ни взлетело на воздух, окрасив небо в оранжевый цвет и наполнив ночную тьму жаром, ветром и грохотом, наверняка к этому причастна Кэрри Джонстон, это входило в ее план поимки Зеба и Маши. В этом я не сомневался. Знал наверняка. Но не так, как, к примеру, знаю свой адрес, выучив его наизусть, а путем логических умозаключений, как, например, все мы знаем, что мяч, подброшенный вверх, упадет обратно. Иначе и быть не может.

Сквозь ночную тьму я снова помчался в ту сторону, куда скрылись Маша, Зеб и Джонстон со своими громилами. Бежал, слегка прихрамывая,

потому что правое колено стало громко возмущаться. Ему я тоже велел заткнуться.

Их нигде не было видно. Еще бы. Без ЭЛ-проволоки они легко превращались в невидимок. Чтобы затеряться в темноте, достаточно быстрым шагом пройти сотню метров по плайе в любую сторону. Наверняка у них есть приборы ночного видения и всякие супершпионские устройства, с которыми легко играть со мной в кошки-мышки. Они, если захотят, запросто увильнут от встречи со мной.

Точнее, если захочет она. Кэрри Джонстон могла бы прикончить меня не моргнув глазом, и ее головорезы тоже. Они закаленные вояки, а я тощий девятнадцатилетний мальчишка из Сан-Франциско, чью последнюю драку прекратила миссис Бепуджи, воспитательница детского сада, строго приказав отдать игрушечного Элмо маленькому Мэнни Эрнандесу.

Но сейчас я не думал отступать. У меня важное дело. Я не трус и не собираюсь отсиживаться в стороне, ждать, пока всю работу за меня сделают другие. Поэтому ринулся во тьму.

Они как сквозь землю провалились. Я окликал Зеба и Машу по имени, кричал, пока не охрип, бегал взад-вперед, и вдруг на бегу со мной по-

равнялась Энджи, крепко схватила за руку и потащила в медицинский лагерь. Там уже выстроилась немаленькая очередь из желающих попасть на осмотр к врачам, медсестрам, фельдшерам. Медики со всего фестиваля стекались к полевому лазарету, чтобы помочь беднягам, пострадавшим в величайшей катастрофе за всю историю Burning Man.

Взорвавшийся автомобиль — его называли Октотанком — начинал свою жизнь мощным траншейным экскаватором и в нынешней инкарнации сохранил огромные шасси и гусеницы. Команда механиков, сделавшая своей базой заброшенный склад в Сан-Бернардино, сняла с машины все остальное и аккуратно водрузила сверху карнавальную повозку в виде осьминога. Вы наверняка видели такие повозки, в разных местах их называют то Пауком, то Шварцкопфовым монстром, то Полипом. К основе приделываются шесть или больше суставчатых щупалец, на концах которых устраиваются вагончики для седоков — иногда просто кресла с защитным брусом, иногда полноценные закрытые конструкции.

Разработчики здешнего мутант-мобиля пошли еще дальше: установили на крыше каждого вагончика огнеметы и подключили их к кон-

троллерам «Ардуино», под управлением которых пламя вырывалось хитроумными очередями. Горючее для всех огнеметов поступало из одной и той же огромной цистерны, установленной на боку Октотанка, но на каждом из них особый механизм добавлял в топливо соли разных металлов, и эти примеси при сгорании окрашивали пламя в различные яркие цвета. Когда Октотанк двигался, вагончики раскачивались и выстреливали в ночное небо столбами разноцветного огня, сплетавшимися в хитроумные мандалы. Зрелище было грандиозное.

Но потом конструкция взорвалась.

К счастью, топливная канистра уже наполовину опустела, иначе взрыв наделал бы куда больших бед. Не только сшиб с ног меня (и сотню других бедолаг), но и спалил бы весь лагерь дотла.

Каким-то чудом никого не испепелило, хотя пара десятков человек получили серьезные ожоги и были отправлены самолетом в Рино. Создатели Октотанка были люди основательные, вдумчивые, они снабдили свое творение тройной системой безопасности и в качестве последней защитной меры сделали стенку цистерны по наружному нижнему ободу очень тонкой, чтобы

в случае взрыва вся энергия пошла в землю, а не на водителя или седоков. Взрывная волна опрокинула могучую машину, проволокла по земле, сломала два щупальца, но пассажиры были пристегнуты ремнями безопасности и отделались царапинами да парой переломов.

По сравнению с другими ранеными, толпившимися в медицинском лагере и вокруг него, я пострадал не так уж сильно. Сломал нос, рассадил лоб, сильно прокусил губу — пришлось наложить три шва. Растянул колено, а голова болела так, словно внутри работал отбойный молоток.

Мы с Энджи сидели возле медицинской палатки, прислонившись спинами к чьему-то дому на колесах. Дама в ковбойской шляпе из розового меха и блестящем корсете, оказавшаяся медсестрой, велела мне не уходить далеко — мол, надо проследить, не появятся ли симптомы сотрясения мозга. Мне не сиделось на месте, но Энджи прикрикнула на меня, обозвала болваном и велела не спорить.

Мы не сразу смогли разобраться, что же произошло. В момент взрыва мы смотрели в другую сторону от Октотанка. Невысокая Энджи, пытаясь меня догнать, затерялась в гуще рослых фигур. Отчасти поэтому она и не пострадала — когда

грохнул взрыв, ее швырнуло в самую середину людской массы. Выбравшись наружу и убедившись, что тем, кто очутился внизу, оказывается помощь, она побежала искать меня. А я бегал во тьме, высматривая Машу, Зеба и тех громил.

Поэтому мы услышали всю историю лишь в лазарете, из вторых и третьих рук. Высказывались самые безумные теории, и каждый спешил возложить вину на Департамент машин-мутантов, который сертифицировал все арт-мобили на плайе. Но механики и пиротехники, работавшие в нем, были лучшими из лучших. Неужели они могли упустить какой-либо серьезный изъян в конструкции Октотанка?

Вряд ли.

Глава 4

Я уговорил Энджи отпустить меня за водой к большому больничному кулеру — мол, а то всю задницу отсидел. А заодно, пользуясь случаем, окинул взглядом пострадавших. Картина была ужасающая, и, по-моему, я знал, кого винить.

Вернувшись к Энджи, я протянул ей бутылку с водой, подождал, пока она отопьет, и сказал:

— Энджи, если ты услышишь от меня несусветную чушь, то не станешь отмахиваться?

Она выпучила глаза:

— Маркус Яллоу, я постоянно слышу от тебя несусветную чушь с первого дня знакомства. Я хоть раз отмахнулась?

И верно.

— Прости. — Я придвинулся ближе. — Вспомни, как сжигали храм. Прямо перед нами прошла женщина с видеокамерой. Помнишь ее?

Она пожала плечами:

— Не очень. А что?

Я сглотнул. То, что вертелось в голове, мне и самому казалось несусветной чушью, а уж если произнести вслух… И это только начало.

— Это была Кэрри Джонстон.

Энджи на миг растерялась, словно пыталась вспомнить, откуда ей знакомо это имя.

— Что? Та самая Кэрри Джонстон?

Я кивнул:

— Мне удалось хорошо ее рассмотреть. Я уверен. — Но уверенности в моем голосе не звучало. — Точно она.

— Она что, заделалась в тусовщицы? Вот уж не ожидала.

— Вряд ли она приехала сюда тусить. По-моему, ее цель — выкрасть Машу и Зеба.

— Гм… — протянула Энджи. — Маркус…

— Черт возьми, ты же сказала, что не станешь отмахиваться!

Она умолкла, приоткрыла рот, опять закрыла.

— Да. Прости. Продолжай.

И я рассказал ей обо всем, что видел. О Маше, Зебе и громилах, о том, как они растворились в ночи, и о моей глупой, сумасбродной попытке догнать их.

— И что ты хочешь этим сказать?

— А как ты, Энджи, сама думаешь?

— Кажется, ты считаешь, что Джонстон и ее приятели схватили Машу и Зеба.

Я промолчал. Да, именно это я и хотел сказать.

И, кроме того, еще многое другое. У меня зародилась еще одна мысль, даже более несусветная. Мне хотелось узнать — даже не так: непременно надо было узнать, — приходила ли та же самая идея в голову Энджи или это всего лишь порождение моего свихнувшегося мозга, травмированного тем, что я пропахал лицом гипсовую почву пустыни Блэк-Рок.

— Что? — переспросила она, и ее глаза распахнулись даже шире. — Ты считаешь, что Джонстон взорвала Октотанк, чтобы… чтобы прикрыть свое бегство?

Я закрыл глаза. Под взглядом Энджи стало очень неуютно, потому что она смотрела на меня как на сумасшедшего.

— Взгляни на случившееся под другим углом. Огнедышащие машины разъезжают по пустыне уже не первый десяток лет, и до сих пор не случалось ничего серьезного. И в первый раз такая машина взлетела на воздух ровно в тот миг, когда Кэрри Джонстон, военная преступница, ни в грош не ставящая человеческую жизнь, организовала захват беглого агента, через которого проходили тонны секретной документации. Время для взрыва выбрано идеальное — в ближайшие несколько часов всему фестивалю гарантированно будет

чем заняться. А они тем временем растворятся в ночи, для этого у них есть миллион способов — да хотя бы просто подойти к мусорной изгороди, перемахнуть через ее и пешком двинуться к горам или сесть в поджидающую машину. Рейнджеры Блэк-Рок собьются с ног, помогая раненым, никто не станет с приборами ночного видения ловить безбилетников, норовящих тайком пробраться внутрь.

— Да, — протянула Энджи. — Наверное. — И опять сжала мне руку. — Или так: самопальные огнедышащие машины разъезжают по пустыне уже не первый десяток лет, и рано или поздно одна из них должна была взлететь на воздух. И ты в темноте видел, как кто-то вроде бы кого-то силой уводит, но видел издалека, а прямо перед этим шмякнулся головой о землю и расквасил нос, а до этого целую неделю недосыпал, поддерживая бодрость разными веществами и избытком кофеина.

Энджи произнесла эту тираду спокойным ровным голосом, вцепившись в мою руку, хоть я и вырывался.

— Маркус. — Она взяла меня за подбородок и, повернув к себе, заглянула в глаза. Нечаянно зацепила швы на губе, я вздрогнул от боли, но она

не разжала пальцев. — Маркус, я знаю, как много тебе довелось пережить. Я тоже через это прошла, хотя бы частично. И понимаю, что иногда случаются совершенно невероятные события. Я была рядом, когда Маша передавала тебе флешку. Ты имеешь право верить во все, что считаешь нужным.

— Но, — продолжил я. Знал, что какое-нибудь «но» непременно последует.

— Бритва Оккама, — произнесла она.

Бритва Оккама — это принцип, который гласит: если какому-либо явлению может найтись несколько объяснений, то, вероятнее всего, истинным будет самое простое из них. Может быть, ваши родители не разрешают вам заглядывать в запертый ящик шкафа у себя в спальне, потому что они секретные шпионы и не хотят показывать вам ампулы с цианидом и отравленные дротики. А может, они просто (фу!) держат там свои секс-игрушки. Поскольку вам известно, что родители по меньшей мере один раз занимались сексом и поскольку (во всяком случае, в Сан-Франциско) велика вероятность, что они время от времени покупают фаллоимитаторы, гипотезу о супершпионах следует отодвинуть в самый дальний угол. Или, выражаясь иначе,

«Экстраординарные утверждения требуют экстраординарных доказательств».

— Ничего не имею против бритвы Оккама, — сказал я. — Полезный мыслительный инструмент. Но не всеобщий закон. Иногда случаются самые невероятные вещи. С нами обоими такое бывало. Я видел все это своими глазами, причем всего через несколько дней после встречи с Машей, которая замешана в куче всяких шпионских историй и вела себя как последний параноик. Полагаю, у нее на это есть веские основания.

— Да. И, возможно, потому ты и склонен находить всему, что последовало, самые драматичные и пугающие объяснения. — Она отпустила меня и поглядела вдаль, на неугомонные толпы народу. — Маркус, если, по-твоему, ты знаешь, что произошло, то ты также знаешь, что надо делать.

«Если когда-нибудь услышишь, что со мной или с Зебом что-нибудь случилось, обнародуй эту информацию. Кричи о ней на каждом углу».

И знаете что? Мне ведь это и в голову не приходило. Я настолько зациклился на спасении Маши или на доказательствах, что я в своем уме, что совсем забыл о ее страховочном файле. О том, что она, отчетливо предвидя свою будущую судьбу,

вручила мне оружие, способное ее защитить.

И сейчас, вспомнив об этом, я вдруг понял, что идея меня пугает.

— Не знаю, что там у нее в страховочном файле, — сказал я, — но сдается мне, что если мы его обнародуем, то навлечем на себя гнев очень могущественных людей.

Мне вдруг вспомнилось, какого страху я натерпелся, когда Джонстон стояла прямо надо мной. В тот миг меня пригвоздил к месту парализующий ужас. Я был уверен, что Джонстон схватила Машу, потому что хотела сохранить в тайне содержание файла. А если этот файл обнародую я? Что она со мной сделает?

Хуже того: что она сделает, когда услышит от Маши, что ее страховочный файл находится у меня?

— Тьфу ты черт, — выругался я. — Энджи, что нам делать?

* * *

Мы пришли к выводу, что этой ночью нам делать ничего не надо. Меня сильно побило, мы торчим посреди пустыни, не имея даже работающих ноутбуков, и, честно говоря, напуганы до смерти. Страшно даже подумать, что с нами

станет, если мы предадим гласности страховочный файл. Флешка была у меня, я припрятал ее в свой инструментальный пояс, в крошечный, на молнии, кармашек для денег. То и дело судорожно проверял, на месте ли она, пока Энджи не велела прекратить. Через несколько часов мы пришли к выводу, что сотрясения мозга у меня нет, и ускользнули, пока нас никто не успел остановить. Забились в палатку, урвали несколько часов драгоценного сна, крепко держа друг друга в объятиях, потом у Энджи на дешевых пластиковых часах заверещал будильник. Мы встали и принялись сворачивать лагерь, готовясь к исходу.

По ночам в пустыне холодно, поэтому спали мы прямо в одежде, да еще и соединив два наших спальных мешка в один. Выбравшись из палатки, я увидел, что весь мой бурнус и футболка запеклись от засохшей крови из разбитого носа и распухшей губы. Судя по ощущениям, и нос, и губа за ночь раздулись, как у слона, однако, смахнув пыль с зеркала ближайшей машины, я присмотрелся и обнаружил, что они увеличились всего лишь вдвое. Видок был такой, словно меня переехал танк: под глазом чернел фингал, рот перекосился в капризной ухмылке, заклеенный

пластырем нос напоминал картофелину.

— Агхвы, — буркнул я, и губа опять треснула и закровоточила. Лицо дергалось от боли. В лазарете мне дали несколько таблеток обезболивающего, я забросил парочку в рот и запил холодным кофе — неразбавленным, прямо из банки. Потом сделал еще несколько глотков. Мне нужна энергия, надо помочь Энджи сворачивать лагерь и тащить снаряжение через весь Блэк-Рок-Сити туда, где ждал человек, согласившийся подвезти нас домой.

Энджи увидела меня и сказала:

— Сядь, Маркус, я сама справлюсь.

Я покачал головой и ответил:

— Не-а.

От этого коротенького слова по лицу опять потекла кровь.

— Прекрати, сядь.

Я опять качнул головой.

— Ну и упрямец же ты. Ну ладно, если хочешь убиться — убивайся. Помрешь — ко мне не приходи.

Я помахал ей, протянул банку холодного кофе. Она скривилась:

— Тут все в крови.

И верно, край был покрыт красными пятнами.

Я достал из сундука со льдом еще одну банку и передал ей. Она с наслаждением приложилась.

— Придется выпить много воды, — предупредила она. — Не забудь, кофе — сильный диуретик.

Что верно, то верно. Я стал чередовать каждый глоток холодного кофе с двумя глотками воды. Следующие сорок пять минут я усердно распихивал наше барахло по сумкам. Больше всего места занимал мой «Секретный проект Х-1» и бесчисленные детали к нему.

Начиная ходить в Нойзбридж, я и сам толком не знал, чего хочу. Знал лишь, что в Мишене какие-то энтузиасты организовали что-то вроде мастерской, куда может прийти каждый желающий. Там стоят рабочие столы и верстаки с токарными станками, перфораторами и лазерными резаками, и на этом оборудовании каждый может делать все что заблагорассудится. Я поболтался там месяц-другой, заходил после школы просто посидеть на диванчике и посмотреть, кто чем занят, приносил с собой ноутбук и тетради, делал уроки. А тем временем мои собратья-компьютерщики занимались созданием таких невероятных штуковин, каких еще свет не видывал.

Нойзбридж — место фантастическое. Там раз-

работана даже своя космическая программа. Не шучу. Примерно раз в месяц оттуда запускают самодельные метеорологические аэростаты с камерами и всевозможными приборами, те поднимаются километров на двадцать и возвращаются. Ребята там могут разобрать и собрать все что угодно: роботов, машины, часы, игрушки, дверцы для собак, роликовые коньки, не говоря уже о консолях для видеоигр, серверном оборудовании, автономных беспилотниках, и так далее и тому подобное.

А главное — там были 3D-принтеры, устройства, которые могут по нажатию кнопки произвести любой физический предмет на основе 3D-файлов, которые ты разработал сам или загрузил из сети. Сначала использовались «мейкерботы», замечательный и популярный комплект с открытым кодом для сборки 3D-принтера. Сырьем для печати в «мейкерботах» служила дешевая пластиковая нить, выпускаемая в катушках, а результаты поражали воображение, тем более если учесть, что стоили такие комплекты меньше тысячи долларов, особенно если поискать детали в дешевых каталогах или в неисчерпаемых запасах электроники, хранившихся в самом Нойзбридже.

Благодаря открытому коду «мейкерботы» являли собой рай для хакеров, и народ по всему миру модифицировал свои принтеры и производил на них необычайные, потрясающие штуковины. Во времена моих первых дней в Нойзбридже набирала популярность лазерная порошковая печать. С помощью аппарата на подложку напылялся тонкий слой пластика, потом лазер выплавлял на ней заданный рисунок. Затем наносился еще слой пластика, опять обрабатывался лазером, и так снова и снова, пока не получится заданная объемная фигура.

Принтеры для порошковой печати стоили гораздо дороже, чем «мейкерботы», около пятисот тысяч долларов или даже больше, и были опутаны сложной сетью патентов, а значит, производить и продавать их могли лишь немногие компании. Но никакие патенты не могли помешать людям переделывать свои «мейкерботы» под порошковую печать, и мода на такую модификацию, едва зародившись, сразу же охватила весь мир. Иначе и быть не могло, ведь предметы, получавшиеся на порошковом принтере, имели более гладкую и детализированную поверхность, чем изделия из пластиковой проволоки, а если взять более мощный лазер, то можно было рабо-

тать с металлическим порошком и производить тончайшие высокоточные детали из нержавеющей стали, латуни, серебра, да из чего угодно.

Но меня больше увлекала печать не из стали, а из песка. Множество изобретателей по всему миру экспериментировали с поиском другого сырья для лазерной печати. В принтер можно закладывать не только пластик или металл, но и вообще любое вещество, которое поддается плавке лазером. При должном навыке можно производить чудесные фигурки из сахара или хрупкие, трагически недолговечные изделия из сухой молочной сыворотки, которой питаются бодибилдеры. Но, как я уже сказал, моим воображением завладел песок. При расплавлении песка получается стекло, очень красивая разновидность с тонкими полосочками, и я каждый день выплавлял из песка изящные статуэтки, украшения, солдатиков — все, на что хватало фантазии. Песок — самое дешевое сырье для лазерной печати, даже дешевле, чем сухая сыворотка.

Но на плайе, к сожалению, не оказалась песка. Только пыль. Гипсовая пыль, из которой делают побелку для стен. Иными словами, сырье, на основе которого можно, теоретически, построить что-нибудь хитроумное.

В этом и заключался мой план. Я соорудил собственный «мейкербот», загрузив планы с сайта разработчиков, нарезал лазером бальсовых дощечек, подключил контроллер Arduino, детали по возможности добывал бесплатные, если уж совсем не мог найти — покупал, но всегда в магазинах подержанных товаров. В общей сложности устройство обошлось мне в двести долларов. Я потратил пару месяцев, но работало оно как по маслу. Добившись первых результатов, я, разумеется, тотчас же сломал эту штуковину и попытался переделать ее в порошковый принтер. Это было гораздо сложнее, один только мощный лазер стоил столько же, сколько вся остальная техника. Но и новый принтер тоже заработал.

Проходя через эти бесконечные циклы поломки, починки, переделки, я был готов биться головой о стену. Чувствовал себя полнейшим идиотом, потому что не могу сделать то, с чем успешно справляется кто угодно (в чрезвычайно узком и специфичном определении этих «кого угодно»). Но знаете что? Остановиться я не мог. Потому что всякий раз, когда что-нибудь шло не так, возникало ощущение, что решение где-то рядом, под рукой, и стоит сделать еще шажок — и все заработает. Еще шажок, потом еще и еще — и

наконец каким-то чудом оно и впрямь заработало! Когда воздух над рабочим столом наполнился сладковатым ядовитым запахом плавленого песка и на подставке образовалась крохотная стеклянная бисеринка, я за миллионную долю секунды перескочил от уныния к безудержному восторгу. Бусинка застыла, и на столе стал постепенно обретать форму калибратор — блок с отверстиями строго выверенного размера, куда должны идеально входить стандартные болты, которые я обычно таскаю в карманах.

Доставать болты даже не понадобилось. И так было видно, что все получилось. Я сотни раз разбирал этот треклятый принтер и свинчивал обратно. Понимал каждое его движение не хуже, чем жесты своих рук, слышал его стук, словно биение собственного сердца. Я расхохотался, стал приплясывать — не шучу, по-настоящему, несколько минут смотрел на жужжащий принтер, потом радость окончательно взяла верх, я выскочил на Мишен-Стрит, готовый схватить первого встречного, притащить в Нойзбридж и показать — смотри, мол, мой принтер работает! Но, выйдя за дверь, наконец осознал, что время близится к трем часам ночи и на улице нет ни души.

Так что при мне был этот «мейкербот», и я планировал — а как же иначе — переделать его для печати гипсовой пылью, используя в качестве связки сахар. На самом деле сахар очень прочен — попробуйте растопить карамель, смазать ею деревянную дощечку, прижать к другой дощечке и оставить на ночь. К утру они склеятся так, что скорее расколется дерево, чем разойдется шов. Но при этом сахар растворим в воде, и по окончании фестиваля мои гипсовые скульптуры можно будет просто размыть. «Не оставляй следов», гласит восьмой принцип Burning Man. Я провел несколько испытаний со старой штукатуркой, измельченной в ручной кофемолке, добился от устройства отличной работы, разобрал свой «мейкербот» и упаковал для поездки на фестиваль.

Это и был мой «Секретный проект X-1», и, честное слово, перед отъездом из Сан-Франциско он работал как миленький. Понятия не имею, почему в Блэк-Рок-Сити он вдруг заупрямился. Проверил солнечные панели — с ними все в порядке. Раздобыл в одном из лагерей мультиметр, проверил все схемы, все контакты — кажется, все в рабочем состоянии. Но треклятый прибор не хотел даже включаться.

И даже сейчас, побитый, окровавленный, за-

пуганный, я, упаковывая свой X-1 в обратный путь, грустно вздохнул. У меня были грандиозные планы сотворить из гипсового песка плайи множество потрясающих скульптур — фантастических зверей, знаменитых чудовищ, все самое интересное, что можно почерпнуть из Thingiverse, онлайновой библиотеки бесплатных 3D-фигур. Я стал бы самым крутым, самым умным участником за всю историю фестиваля. Живой легендой. А вместо этого обливался потом и круглыми сутками проклинал на чем свет стоит свое изобретение. В конце концов моя девушка дала мне подзатыльник и велела прекратить нытье и пойти наконец поразвлечься, посмотреть, чем нас порадует Burning Man. Она была совершенно права, к тому же всем понравился мой холодный кофе, но, боже мой, до чего же обидно было укладывать в коробку свой замечательный принтер, не напечатав ни единой детальки.

— В следующем году заработает, — утешила Энджи.

Плайю окутывали облака пыли — это пятьдесят тысяч участников фестиваля упаковывали вещи, готовясь превратить Блэк-Рок-Сити обратно в пустыню Блэк-Рок. Однако после всеобщего отъезда на месте останутся специальные уборочные

команды, они еще несколько месяцев будут прочесывать пустыню, уничтожая последние следы человеческого пребывания.

— Пора ехать, — сказала Энджи.

Глава 5

Путь домой был долгим. Мы почти не разговаривали. Человек, который согласился нас подвезти, — его звали Лемми, он был лет сорока с небольшим и ездил на фестиваль уже лет двадцать подряд, — рассказал, что обычно Исход проходит весело, празднично, между волнами люди выходят из машин, болтают, танцуют. Но после ночного взрыва было не до веселья. Небольшие порции машин, каждый час выезжающие на извилистую дорогу до Рино, двигались будто похоронные процессии. И когда мы свернули в небольшой городок в индейской резервации и остановились заправиться, настроение не улучшилось.

Честно говоря, это всеобщее подавленное настроение вполне соответствовало моему. Стоило шевельнуться, и все тело отдавалось болью, от лекарств кружилась голова и клонило в сон, а в трясущейся на ухабах машине уснуть никак не удавалось. После Рино за руль пересела Энджи, и я сумел-таки вздремнуть, проснувшись лишь ненадолго на заправке в Сакраменто, а в следую-

щий раз очнулся уже на Потреро-Хилл, у дверей родительского дома.

Поцеловав Энджи на прощание, я подтащил к двери свой рюкзак и спортивную сумку и стал возиться с ключами. Я собирался позвонить родителям из Рино, сообщить, что еду обратно, но меня одолел сон, и теперь мне предстояло ступить на порог отчего дома с лицом, словно побывавшим в мясорубке, и полным карманом правительственных секретов, за которыми гоняется безжалостная преступница. «Здравствуй, мама, здравствуй, папа. Спорим, вы ни за что не догадаетесь, что со мной стряслось, пока я болтался посреди пустыни». Да, разговор предстоит веселенький.

В прихожей царил бардак. Это стало нашей новой нормальностью. Все началось с того, что папа потерял работу и стал с утра до вечера сидеть дома. Кто же знал, что он окажется таким неряхой? Мама наотрез отказалась убираться за ним (браво, мам!), но, как выяснилось, была не склонна обращать много внимания на окружающую грязь. И к тому времени, как она тоже потеряла работу, дом стал походить на свалку. И с тех пор ситуация ничуть не улучшилась.

Я перешагнул через груду разбросанной обуви

у дверей и сбросил свой багаж на пачку старых газет. Те опрокинулись и разлетелись по всему полу.

— Эй, привет! — окликнул я. Больше всего мне хотелось вскарабкаться наверх и рухнуть на кровать, не вступая в долгие беседы, но было ясно, что разговоров не избежать.

— Маркус! — отозвалась из гостиной мама. — Мы за тебя так волновались! — Она выскочила в коридор и, увидев мое лицо, ахнула. — О боже ты мой!

Когда мама нервничала, ее британский акцент начинал звучать еще более отчетливо.

— Мам, ничего страшного, — успокоил я. — На фестивале произошла авария, и я…

— Мы уже слышали, — перебила она.

Ясен пень. Мне и в голову не приходило, что происшествие на Burning Man попадет в заголовки новостей по всему миру. Сан-Франциско был родным городом фестиваля, так что, конечно, родители обо всем узнали в первых рядах. А потом ни разу не получили вестей от меня. Паршивый я все-таки сын.

— Прости, — потупился я. — Честное слово, мне не так плохо, как кажется. Перед отъездом мне дали обезболивающих, и в дороге я заснул, иначе

непременно позвонил бы…

В коридор вышел и папа.

— О господи. Маркус, что с тобой стряслось?

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул.

— Давайте так. Я вам расскажу в двух словах, потом помоюсь и посплю, а утром поговорим подробнее. Договорились?

Они переглянулись, приподняв брови, как будто хотели сказать: «По мне, так это разумно», потом дружно кивнули и стиснули меня в крепких объятиях. Вот за что я и люблю своих родителей. Мне сразу стало хорошо, хотя от усталости я с трудом сохранял вертикальное положение.

Я расшнуровал ботинки — стоило наклониться, и в голове снова вспыхнула боль, — скинул их, взметнув облачка белой пустынной пыли. Папа смахнул с дивана стопку книг, мама приготовила чай себе и мне и кофе для папы (стыдно сказать, он, несмотря на все мои просветительские беседы, до сих пор пьет растворимый). Я коротко пересказал им всю историю, умолчав только о Маше, Зебе и Кэрри Джонстон. Отсюда, из Сан-Франциско, все это казалось каким-то… далеким, что ли. Как будто это случилось не со мной или я прочитал об этом в книге. Может быть, повлияли

обезболивающие лекарства, а может, я поддался вполне понятному скептицизму Энджи, но только я внезапно поймал себя на том, что сомневаюсь в собственных воспоминаниях.

— Кстати, — сказал я, закончив рассказ. — Мне предложили работу! Одному политику, идущему на выборы в сенат, нужен вебмастер или что-то в этом роде. Утром напишу им.

— Милый мой, это прекрасно! — обрадовалась мама. Похоже, она говорила искренне. Отец тоже сказал что-то хорошее, но я видел, что он больше переживает из-за работы, которой лишился сам. После суда надо мной и вынесенного приговора — меня, подумать только, признали виновным в краже Машиного телефона! — он внезапно обнаружил, что почему-то не может продлить свой допуск к секретным документам. А значит, мгновенно лишился большей части своих консультационных приработков. Мы забеспокоились, но поначалу не слишком перепугались, потому что у него еще оставалась внештатная преподавательская работа в Калифорнийском университете в Беркли. Но потом Калифорния полетела под откос. Дела пошли очень, очень плохо, реально плохо, а не так, как случалось, когда я еще был маленьким, и в Беркли урезали

все бюджеты под ноль. Первыми на выход попросили внештатников. И, разумеется, когда отец потерял работу, я лишился своей льготы на обучение и начал набирать студенческие кредиты. Круг замкнулся: из-за моей возни с икснетом отец лишился работы, а я, в свою очередь, вылетел из колледжа и остался без образования. Некоторые называют это «законом непреднамеренных последствий», но, на мой взгляд, правильнее говорить коротко: провал.

— Ладно, пора в душ, — сказал я и пригубил чай. Сладкий, крепкий, с молоком, как любит мама. Для меня это был вкус детства, аромат, который скрашивал тягучие дни болезней, когда я лежал в кровати с гриппом или болью в животе, а мама за мной ухаживала. Я решил взять его наверх и допить после душа. Но до ванной я так и не добрался. Даже раздеться не сумел. Просто хлопнулся на кровать среди разбросанной одежды, которую я неделю назад вытряхнул из сумки, освобождая место для Х-1, и тотчас же захрапел.

* * *

Когда я проснулся, уже стемнело и чай давно остыл. Я наконец-то помылся, с трудом соскреб с кожи пустынную пыль, долго стоял под струями

горячей воды, пока она не стала холодной как лед. Потом вернулся к себе, стал разбирать вещи. Одни откладывал в стирку, другие надо было промыть под шлангом во дворе, третьи — положить на верстак и протереть от пыли. В последнюю очередь я распаковал инструментальный пояс и застыл, зажав в кулаке пыльную флешку.

Обычно я очень аккуратно обращаюсь с данными. Поэтому не храню на флешках никакой серьезной информации. Они постоянно теряются. Первым делом надо воткнуть флешку с важными сведениями в компьютер. Я достал свой новейший франкенбук, собранный вручную ноутбук по прозвищу Зверь Колченогий, далекий потомок Винегрета, первого ноутбука, который я соорудил своими руками. У Зверя Колченогого был огромный жесткий диск аж на два терабайта, и с помощью TrueCrypt я разбил его на два раздела методом, который называется «правдоподобное отрицание». Если вы включите мой ноут и введете криптоключ, то попадете в ничем не примечательную версию «параноид-линукса» с браузером и почтой, подключенной к моим открытым адресам и аккаунтам в икснете, туда падают весь спам, дружеские запросы от незнакомых людей и ботов — словом, всякая чепуха.

Но если вы — или я — при запуске машины введете иной пароль, то попадете в другой раздел под управлением «параноид-линукса», тщательно спрятанный на моем исполинском диске. Сторонний человек ни за что не догадается о его существовании. Здесь хранятся только мои закрытые аккаунты и закладки, личный календарь, приватные соцсети и тому подобное. Покопавшись немного, я могу оказаться в защищенном, секретном разделе моего компьютера, запустить в отдельной вкладке виртуальную машину, а потом, закрыв ее, уничтожить все следы моей деятельности.

Рядом со Зверем Колченогим лежал внешний жесткий диск, и у Зверя хватало ума заглядывать в него каждые несколько минут, проверять, подключен ли диск, и, если да, делать собственную резервную копию. Этот диск был также закодирован (а то как же! Стал бы я заморачиваться со всей этой конспирацией, если бы хранил прямо на столе незашифрованную копию всех своих данных!). Оболочка внешнего диска тоже была неглупа — время от времени подключалась к одному из больших серверов в Нойзбридже и копировала содержимое туда.

Система была вполне себе рабочая, и это

значило, что любые файлы, попавшие в мой компьютер, в течение нескольких минут будут зашифрованы, записаны на внешний диск и оттуда скопированы на нойзбриджский сервер. А тот сервер, в свою очередь, синхронизируется с огромным хранилищем, устроенным специально для таких клубов, как наш. Расположено оно на старом складе отработанного ядерного топлива где-то в Англии (не шучу!). Поэтому можете делать все что хотите — украсть мой ноутбук, спалить дом, взорвать весь Сан-Франциско, — а у меня все равно останется копия моих данных. Мва-ха-ха. Да, конечно, это паранойя на грани сумасшествия, но а) на собственном опыте знаю, что паранойя бывает полезна, и б) мое решение ненамного сложнее, чем коммерческие системы резервного копирования, зато безопаснее, надежнее и дешевле.

Рука потянулась к USB-порту. Флешка была безымянная, угловатая и дешевая на вид, корпус вкривь и вкось склеен каким-то китайским пятнадцатилетним подростком, прикованным к машине. Вы и сами не раз видели такие детальки: их раздавленные останки валяются на тротуарах, у входа в метро их суют вам в руки зазывалы, рекламирующие банки или газировку. Трудно

сказать, какова ее емкость — то ли четыре гигабайта, то ли все пятьсот. На ней могут храниться все написанные человечеством книги, или видео чьего-то котика, гоняющегося за красным пятнышком лазерной указки, или горы отвратной порнухи.

Или же ключ к военным и государственным секретам, таким важным, что того гляди Кэрри Джонстон явится среди ночи и заграбастает флешку вместе со мной. И выяснить это можно только одним способом.

Файл с ключом весил меньше пяти килобайт. Просто длинная цепочка случайных цифр. Где-то в сети хранится торрент-файл, который отпирается этим ключом. Но сам ключевой файл настолько мал, что я мог бы продиктовать его Энджи по телефону, если мне не жалко убить целый час на то, чтобы проговорить вслух цепочку вроде «I_?4Wac0’5_9›Ym4PL», а у Энджи хватит терпения записать все это, не ошибившись ни в единой букве, цифре или знаке препинания.

Скопировав ключ на свой компьютер, я внезапно покрылся испариной, сердце бешено заколотилось. Трясущимися руками я набрал команду немедленного резервного копирования — не хотел ждать десять минут до следующего

включения по графику. Боялся, что того и гляди в дверь вломятся Кэрри Джонстон со своими прихвостнями, натянут мне мешок на голову, сунут в вертолет и отправят прямиком в Афганистан. И, естественно, следующим этапом стал скачивать торрент-файл.

Если вы не очень глубоко погружались в тему, то наверняка считаете, что BitTorrent — это просто скачивание пиратских фильмов. Но устроена эта технология очень хитро. Файлы разбиваются на тысячи крохотных кусочков, и вы можете запросить каждый недостающий кусочек у любого, кто им владеет. Эти кусочки слетаются к вам, и, когда их накопится достаточно много, вы тоже начнете получать запросы. Чем обширнее «рой» пользователей, которые загружают файл, тем быстрее идет загрузка, и это очень круто. Ведь в физическом мире все происходит ровно наоборот: чем больше народу хочет что-то заполучить, тем труднее это дается каждому из них. Представьте себе, что было бы, если бы наше питание было устроено так же, как бит-торрент: чем больше вы съедите, тем больше достанется другим.

Но, конечно, у бит-торрента есть и обратная сторона. Если копии файла имеются лишь у нескольких человек, то и поделиться с вами могут только

они. Я вводил название insurancefile.masha.torrent в поисковые окна десятка бит-торрент-трекеров, начиная с самого крупного — The Pirate Bay. В сети нашлось около десяти сидов — компьютеров, имевших полную копию файла, — еще два загружали его. Интересно. Может быть, это правительственные спецслужбисты, мечтающие взломать файл и разобраться, чем владеет Маша. Или рандомные боты по защите авторских прав, они скачивают всё подряд и смотрят, нельзя ли там к чему-нибудь прицепиться и подать иск о нарушении.

Как бы то ни было, я не собирался загружать этот файл с собственного IP-адреса. Родители получали интернет через AT&T, пакостную телефонную компанию, имеющую обыкновение передавать полиции данные о клиентах даже без судебного ордера. Добывать через них из сети опасные файлы — все равно что напрямую позвонить директору ДВБ и сказать: «У вас тут никакие важные сведения не пропадали? Они у меня, и я мал, беззащитен и не вооружен. Хотите, подкину мой адресок?»

Поэтому я, несмотря ни на что, всегда наскребаю денег, чтобы оплатить подписку на IPredator — прокси-сервер, которым управляет Партия

пиратов. Его главная задача — не позволить никому отследить, какие файлы вы скачивали. Он перебрасывает ваши данные из Копенгагена в Стокгольм и обратно, через государственную границу, и не ведет никаких реестров или журналов о том, кто чем занимается. И летает он с быстротой молнии — для прокси-сервера, конечно, ведь они не могут сравниться по скорости с незащищенным интернет-соединением. И управляют им самые наикрутейшие на свете хакеры, горячие противники авторитарной власти, по сравнению с которыми я просто заинька-паинька, беспомощный малыш, едва способный включить компьютер. Если кто-то и сумеет обеспечить анонимность моей загрузки, то только они.

Пока файл капля за каплей просачивался ко мне в компьютер, я заглянул в почтовый ящик. Я не большой любитель электронной почты. Если нам с друзьями надо договориться о встрече, мы обычно связываемся в твиттере или фейсбуке[3] через икснет, где все наши сообщения шифруются. Но пока я учился в Беркли, все профессора писали только по электронке, а потом, когда я стал искать работу, каждый потенциальный

[3] Примечания: 3

Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

работодатель требовал от меня электронный адрес. По-моему, электронная почта — это такая занудная канитель! Собеседники ждут от вас ответа на каждое письмо. И боже мой, сколько же там спама! В твиттере, например, или в икснете я могу просто взять все, что прилетело, пока я тусовался на Burning Man, и разом пометить как прочтенное, и никто не обидится. Но те, кто шлет вам письма, ждут ответа и оскорбляются, если не получают его. Таков уж принцип работы электронной почты. Даже я, бывает, сержусь, если кто-то мне не отвечает.

Загрузить, загрузить, загрузить. Спам, спам, спам. Удалить, удалить, удалить. Дурацкий почтовый ритуал, обожаемый моими родителями. Тоска зеленая. И когда я наконец обтесал огромное бревно всякого барахла и получил крохотную зубочистку полезной почты, глаз зацепился за одно письмо от некоего Джозефа Носса. Скорее всего, это просьба о денежном пожертвовании, ведь мой имейл, кажется, просочился в списки почтовых рассылок чуть ли не всех политиков в штате Калифорния. Однако не так давно Митч Кейпор записал маркером у меня на руке электронный адрес менеджера избирательного штаба, и я тщательно скопировал его к себе в

блокнот. Кандидата, о котором шла речь, звали Джозеф Носс. Интересное совпадение.

> От:
> Джозеф Носс <joe@joenossforsenate.com>
> Кому:
> Маркус
> Яллоу <myallow271828183@gmail.com>
> > Тема: Вебмастер
> > Добрый день, Маркус!
> > Менеджер моего избирательного штаба, Флор, говорит, что Митч Кейпор порекомендовал вас на должность вебмастера. Ваша фамилия показалась мне знакомой, я немного поискал и, сами понимаете, нашел немало интересного. По моему мнению, вы идеальный кандидат на эту работу. Не могли бы вы сразу же позвонить мне? Нам очень нужен сотрудник, причем крайне срочно — я бы сказал, ВЧЕРА. Мой личный сотовый телефон 510–314–1592.
> > Джо

Я дважды перечитал письмо и, забыв обо всем

на свете, потянулся за телефоном. Столько месяцев я обивал пороги, и вдруг мне предлагают работу, причем этот человек настолько крут, что его телефонный номер представляет собой первые семь цифр числа пи. Вот это да!

Я набрал номер, даже ни разу больше не взглянув на экран — это и правда был крутейший номер на свете! — и стал слушать гудки. За миг до того, как он взял трубку, мой взгляд упал на часы, и до меня дошло, что сейчас одиннадцать часов воскресного вечера. Машинально хотел было бросить трубку, но тут раздался ответ.

— Джозеф Носс слушает. — Это и впрямь был он! Я много раз слышал его голос по телевизору и на ютьюбе, а потому сразу узнал. Голос был глубокий, раскатистый, как у старого певца в жанре соул или диктора, который объявляет «Говорит Си-Эн-Эн».

— Гм, — сказал я и ущипнул себя за ногу, чтобы перестать хмыкать. Этому приему научила меня Энджи. — Здравствуйте, сэр, говорит Маркус Яллоу. Вы написали мне на электронную почту. Надеюсь, сейчас не слишком поздно…

— Нет-нет, Маркус, я не спал, работал. Как ни печально, одиннадцать вечера для меня самое горячее время.

— Для меня тоже, — признался я. — Всегда был совой.

Странное дело, он мне сразу понравился. Его голос выдавал человека, который всегда внимательно прислушивается ко всему, что ему говорят, и тщательно обдумывает все, что слышит.

— Я рад, Маркус, что вы позвонили. Знаю, вам доводилось сталкиваться с грязными проявлениями политики, но, насколько мне известно, с серьезной политикой, с выборами и тому подобным, иметь дела не приходилось. Так?

— Так, сэр, — ответил я и подумал: «Попытка оказалась неудачной, но попробовать стоило. У меня нет опыта, который ему нужен».

Но он отозвался:

— Вот и хорошо. В этой сфере у нас у всех тут достаточно опыта. Послушайте, Маркус, я расскажу вам, с чем нам приходится сталкиваться, и тогда вы сможете ответить мне, интересно ли вам будет сотрудничать с нами. Как известно, Калифорнию вообще считают штатом с мозгами набекрень, но то, что мы задумали, является сущим безумством даже по калифорнийским меркам. Вы ведь знаете, что я независимый кандидат?

— Да, — ответил я.

— Жизненный опыт учит, что «независимый»

нынче означает «неизбираемый». И у демократов, и у республиканцев имеются богатые доноры, у них есть эффективно работающие механизмы, есть друзья на каждой теле- и радиостанции, в каждой газете, они могут опираться на государственные организации. А независимые кандидаты с самого начала лишены этих преимуществ, и со временем положение делается только хуже, потому что стоит нам добиться хоть небольшого успеха, и крупные кандидаты сразу подключают своих могучих сторонников, и те давят нас, как букашек. Я мог бы избираться от Демократической партии. Они знают меня со времен моей работы в городской ратуше, знают, что этот округ — единственный, где афроамериканские кандидаты обычно показывают хороший результат, и у меня хорошая репутация. Избиратели знают, что я, набрав в предвыборной кампании значительную сумму денежных средств, после избрания останусь человеком честным и порядочным, в отличие от многих здешних проходимцев. Я мог бы избираться от их партии. Между нами говоря, они меня просили, и не раз. Похоже, они не сомневаются, что кампания Джо Носса закончится верным успехом. Но, хорошенько поразмыслив, я пришел к выводу,

что не хочу избираться от них. Я прекрасно видел, какими условиями обставлена поддержка сильной партии. Она означает, что ты должен ходить по струнке. Если идет голосование по некоему поводу и твоя совесть подсказывает тебе одно, а партийная дисциплина требует другого, то приходится отодвигать совесть в сторонку. Все было бы не так плохо, если бы ты питал доверие к своей партии, а я, к сожалению, не доверяю ни одной из главных партий в этой стране. У нас были «прогрессивные» президенты-демократы, которые считали допустимым убивать американских граждан в других странах, без санкции суда прослушивать телефонные разговоры и читать электронную почту — я мог бы продолжать, но, полагаю, вы и сами понимаете, о чем я говорю.

— Понимаю, — выпалил я. Не знаю, в чем тут дело — может быть, сыграли свою роль кошмарные события прошедшей недели, — но слова Джо задели меня за живое. За него хотелось идти на баррикады или совершить еще какой-нибудь подвиг. Может быть, тут сыграла роль его манера говорить, она чувствовалась даже по телефону; вы верите, что все задуманное им непременно сбудется, и сочтете за честь, если вам доведется принять в этом участие.

— Я не сомневался, Маркус, что вы поймете! Но дело, конечно, не только в демократах. Я знаком с многими республиканцами, это почтенные, вдумчивые люди с широкой душой. Таким республиканцем был мой отец. Но в Республиканской партии есть влиятельные лица, которых иначе как безумцами не назовешь. И это не фигура речи, а точное определение. Многие высокопоставленные деятели в Национальном конгрессе Республиканской партии искренне считают, что Земля возникла пять тысяч лет назад. И эти люди сделали состояние на нефтедобыче в Техасе! Наверное, они велят своим геоинженерам качать нефть только в местах, которые вписываются в теорию молодой Земли? Но и эти ретрограды еще не хуже всех. В Республиканской партии есть немало тех, кто считает пытки не вынужденной мерой на самый крайний случай, а обыденным делом, которое должно применяться как можно шире. Тех, кто верит, что человек, имеющий десять миллионов долларов, по определению хорош, а тот, у кого в кармане десять центов, по определению преступник. Могу ли я допустить, чтобы меня видели в компании этих… к ним лучше всего подходит слово, которое часто употреблял мой отец, а он был человеком

вежливым и умел хорошо говорить, — так вот, он называл их невеждами. Я ни на миг не допускал мысли о том, что примкну к этим невеждам. И тогда я сказал себе: нет, Джо, на свете много умников, готовых помочь тебе выиграть выборы. Но ты сможешь победить и без их помощи. Если ты встанешь на сторону простых людей, прислушаешься к их мнениям и чаяниям, отбросишь идеологические рамки и не будешь набивать себе карманы, то сумеешь взять верх над могущественными партийными механизмами и войдешь в сенат, не приколов на свой пиджак ни единого корпоративного значка. Разумеется, я понимал, что традиционными методами ничего не добьюсь и тактика победы на выборах, разработанная в прошлом столетии, мне не поможет. Успех или неуспех этой кампании зависит от использования современных технологий.

Его голос был глубок, как океан.

— И пусть мне уже далеко не двадцать пять, — усмехнулся он, — но в технологиях я немножко разбираюсь. По крайней мере, достаточно, чтобы понять, сколь многого я не знаю. С самого начала этой избирательной кампании я ставил себе одним из важнейших приоритетов поиск соратников, которые сумеют мне в этом помочь.

Я нашел великолепных организаторов, которые способны разработать стратегию высочайшего уровня. Но не нашел бойца, которому под силу, так сказать, возглавить мои силы особого назначения. Мне нужен не мыслитель, а человек действия. Поэтому, услышав ваше имя, Маркус, я очень обрадовался. Вы станете супергероем моей технологической команды. Как вам такая мысль?

У меня пересохло во рту, язык прилип к гортани, телефон едва не вываливался из вспотевшей ладони, однако я сумел-таки выпалить:

— Да, сэр, замечательно, это работа моей мечты!

— Я надеялся это услышать. Идем дальше. Приемом на работу занимаюсь не я, а менеджер моего избирательного штаба. Но мои рекомендации имеют некоторый вес. Я смотрю ее график на завтра, и, похоже, у нее есть свободное окно около восьми тридцати утра. Для совы это, пожалуй, рановато, но если я впишу встречу с вами в ее календарь, вы сумеете прийти?

— Да, мистер Носс, даже если ради этого мне придется не спать всю ночь.

— Зовите меня Джо. И, думаю, в таких жертвах нет необходимости. Я скажу Флор, чтобы ждала

вас в половине девятого. Ее зовут Флор Прентис-и-Диас. Произнести по буквам?

— Нет нужды, я уже загуглил ее.

— Так я и думал, — отозвался он. — Проводите свои поиски, потом ложитесь спать и не забудьте поставить будильник.

— Не забуду, — пообещал я.

Еще минут двадцать я изучал все, что сумел найти о Флор Прентис-и-Диас. Родители — беженцы из Гватемалы, выросла в районе Залива, училась в Стэнфорде, степень магистра в области государственной политики, работала исполнительным директором в благотворительной организации, помогающей бездомным. С фотографии смотрела красивая, но суровая латиноамериканка лет пятидесяти, с морщинками вокруг глаз и глубокими складками у губ, большие темные глаза, казалось, видели меня насквозь. Потом я обратил внимание на источник, из которого взят снимок: газета «Бэй Гардиан», статья Барбары Стрэтфорд. Я поглядел на часы. Время близилось к полуночи. Поздновато, пожалуй, звонить Барбаре и просить, чтобы замолвила за меня словечко. Но все-таки я написал ей, попросил при случае упомянуть меня в разговоре с Флор Прентис-и-Диас. Все-таки у электронной почты тоже есть свои

преимущества.

Потом я проверил состояние своей большой торрентовой загрузки. Файл уже наполовину скачался, к рою присоединилось еще восемь скачивающих пользователей. Интересно, многие ли из них работают в шпионских агентствах с трехбуквенными аббревиатурами.

В дверь тихо постучали. Я открыл. На пороге стояла мама.

— Привет, — сказала она. — Давно проснулся?

— Пару часов назад, — ответил я. — Прости, что не спустился сразу, решил сначала проверить электронную почту. И, знаешь, мне написал Джо Носс, просил позвонить насчет работы. И завтра в половине девятого я пойду на встречу с менеджером его избирательного штаба! Кажется, я нашел работу!

Мама улыбнулась, взъерошила мне волосы, как любила делать, когда я был маленьким. Это был говорящий жест, он означал, что она мною чрезвычайно гордится. Мне стало тепло от счастья.

— Дорогой мой, это прекрасно! Но как ты себя чувствуешь?

Она осторожно дотронулась до пластыря на носу. Я слегка поморщился. Действие обезболивающих постепенно выветривалось.

— Ну, сломанный нос еще не зажил, зато голова перестала болеть. А в остальном чувствую себя нормально. Все не так плохо, как кажется на вид. Да и могло бы быть намного хуже. Я же, в общем-то, всего лишь упал и пропахал лицом по земле. — Я покачал головой. — Многие там пострадали гораздо сильнее, оказались ближе к эпицентру взрыва.

Мама убрала руку.

— Плохо, что ты не позвонил. Мы… Маркус, мы волновались.

Мама ни словом не упомянула, что в прошлом мне уже доводилось вот так же исчезать без вести. Например, после взрыва на мосту Бэй-Бридж, когда меня схватили Кэрри Джонстон и ее приятели; меня держали в тюрьме на Острове Сокровищ, издевались и мучили. Или немного позже, когда я ушел в подполье вместе с Зебом и снова попался в лапы к Джонстон; в тот раз меня пытали на ватерборде, и я пережил имитацию утопления. Оба этих случая не доставили мне никакого удовольствия, но для мамы с папой они стали сущим адом. Какой же я мерзавец.

— Прости, — потупился я. — Когда мы вернулись в зону, где ловится сотовая связь, я уже крепко спал. Но да, ты права, надо было позво-

нить.

Мы немного посидели молча, вспоминая самые тяжелые моменты из прошлого.

— Мам, как у тебя с поисками работы?

— Да ничего, — вздохнула она. — За меня не беспокойся. Время от времени поступают небольшие контракты. Не сказать, что грандиозные, — так, немного внештатной редактуры и тому подобное. Эти приработки, наши сбережения, папино выходное пособие — в общем, кое-как сводим концы с концами.

Я не стал спрашивать, что они будут делать, когда истратят папино выходное пособие. До меня не раз долетали обрывки их разговоров об этом, и я понимал, что тема болезненная. Когда я входил в комнату, они мгновенно замолкали — видно, не хотели тревожить меня. Месяц назад папа продал свою машину, и они выставили аренду парковочного места возле дома на «Крейгслисте» — идея вполне разумная, хоть и неудобно будет, когда перед нашим домом начнет парковаться какой-то незнакомец. Однако у меня часто возникали те же мысли, что и у них: сначала теряешь работу, потом машину, а затем?.. Мама оборвала цветы на клумбе в заднем дворе и посадила овощи. Они были очень вкусные, но я понимал, что дело тут

не во вкусе, а в счетах из овощного магазина. Ящик, в котором хранились меню доставки всех окрестных ресторанов, уже много месяцев не открывался. Папа и мама взяли привычку отслеживать дни мясных распродаж в супермаркетах, садиться в автобус и возвращаться с огромными мешками, заполняя всю морозилку. Я ничего не имел против экономии, но задавался вопросом, чем это закончится. В нашем квартале на многих домах появились объявления «Продается», а кое-где на пустых витринах висели уведомления о взыскании заложенного имущества в счет долгов.

— Ну ладно, — сказал я. — Мне завтра рано вставать.

— Тебе нужен костюм? — спросила мама. — Хочешь, поищу что-нибудь подходящее у папы в шкафу.

— Мам, — вздохнул я. — Меня берут на должность вебмастера. Вряд ли им нужен ботаник в деловом костюме.

Она открыла рот, словно хотела возразить, но промолчала. Потом добавила:

— Тебе видней. Но все равно оденься поприличнее, хорошо? Неряхи никому не нужны, будь они хоть трижды вебмастеры.

— Спокойной ночи, мам.
— Я люблю тебя, Маркус.
— И я тебя люблю.

* * *

Хорошо, что я включил сразу три будильника. Я ухитрился, не проснувшись, выключить и телефон, и будильник, но музыка, взревевшая во внешних динамиках моего Зверя Колченого, была способна поднять на ноги мертвого. Я нарочно поставил песню «Взломай это» в исполнении Труди Ду и ее группы «Спидхорс», самые оглушительные дэт-металические вопли в исполнении постпанкового анархо-квирового трио, каких еще не знал ни один MP3-плеер. Открыл глаза — на часах 7:15.

Я забежал в душ, отклеил с носа пластырь и окинул критическим взглядом свое побитое лицо. Ну, с этим ничего не поделаешь. Вспомнив мамин совет, покопался в шкафу, нашел классическую белую рубашку, которую в последний раз надевал на выпускной вечер, и серые шерстяные брюки, надеванные по тому же поводу. Отыскал даже подходящие коричневые кожаные ботинки, тщательно протер их старым носком, добившись хоть какого-то блеска. Застегнул рубашку, выровнял

линию пуговиц с ширинкой, оглядел себя в зеркало и даже немного загордился. Мама, как всегда, была права: в приличной одежде я выглядел (и чувствовал себя) грамотным и компетентным. Таким, которого хочется взять на работу.

Папа уже был на кухне, ел овсянку с банановыми ломтиками и клубникой.

— Ого! Да ты, сынок, у нас щеголь, — улыбнулся он.

Я обратил внимание, что он сбрил вчерашнюю щетину и оделся в спортивный костюм.

— Идешь в тренажерный зал? — спросил я.

— На пробежку, — ответил он. — Недавно начал.

Надо понимать, тренажерный зал нам теперь не по карману.

— Отлично, — похвалил я.

— Угу, — буркнул он, и я прикусил язык. Надо было промолчать. Папа смущенно замялся — это было на него не похоже. — Мама рассказала о твоем собеседовании. Овсянка на плите, резаные фрукты вон в той миске.

В последний раз папа готовил мне завтрак, когда мне было тринадцать лет. А потом я заявил, что уже стал большой и нечего ради меня хлопотать, и вместо завтрака просто хватал пару

кусков поджаренного хлеба на пути к дверям. Тут до меня дошло, что он нарочно встал пораньше — проследить, чтобы я пошел устраиваться на работу не на голодный желудок. От такой заботы мне захотелось его обнять, но какая-то сила удержала меня на месте. Словно бы, признав, насколько важно для нас это событие, я невольно разрушу иллюзию нормальной жизни.

* * *

Я не гулял по Мишену в восемь утра с тех пор, как закончил школу. Заглянул к знакомому турку за чашечкой убийственно крепкого кофе, полюбовался, как он засуетился вокруг меня, услышав, что я иду устраиваться на работу. В Мишене всегда было немало бездомных, но не помню, чтобы их было так много, как сейчас. Они спали на тротуарах, в дверях заколоченных магазинов. Над обочинами едко разило мочой. Видно, дела в городе шли совсем плохо.

Допивая кофе, я подошел к главному офису избирательного штаба Джозефа Носса. Он находился между Двадцать второй и Двадцать третьей улицами, на первом этаже здания с большими витринами. Сколько себя помню, здесь располагался недорогой мебельный магазин, но

в прошлом году он закрылся, и с тех пор помещение пустовало.

Широкие окна были увешаны плакатами «Джозеф Носс — будущий сенатор». Они были не синими, как у республиканцев, и не красными, как у демократов, а оранжево-коричневыми. Я взглянул на часы. Восемь двадцать. Рановато. Подергал за ручку двери — заперто. Постучал по витрине, заглянул, пытаясь разобрать, есть ли кто внутри. Там было темно, никто не отозвался. Я еще раз постучал. Тишина. Я напустил на себя самый презентабельный вид и остался у дверей ждать Флор Прентис-и-Диас.

Она прибыла ровно в восемь двадцать девять. Синие джинсы, красивая блузка, на голове платок, в руках стакан кофе из той же турецкой кофейни. Лицо серьезное, чуть ли не сердитое, словно она шла, погрузившись в свои мысли, но при виде меня улыбнулась. Разглядев мое побитое лицо, озабоченно сдвинула брови. Спросила:

— Вы Маркус?

Я улыбнулся в ответ и протянул руку.

— Здравствуйте! Извините, что я такой… — Я осторожно указал на свое лицо. — На прошлой неделе был на фестивале, и там машина взорвалась. Ничего, все не так плохо, как кажется

на вид.

Она пожала мне руку. Ладонь была мягкая, сухая и теплая.

— Я слышала о том происшествии. Вам не тяжело сейчас разговаривать? Если хотите, перенесем встречу…

Я махнул рукой:

— Нет, нет! Честное слово, со мной все хорошо. К тому же Джо… мистер Носс сказал, что дело срочное. Верно?

— Да, это так. Ну хорошо, тогда заходите.

Она достала из сумочки большую связку ключей, отперла дверь, включила свет. Под потолком замигали флуоресцентные лампы, озарив просторный зал с разборными столами, под которыми валялись клубки спутанных проводов и удлинителей. Кое-где на стенах еще висели рекламные плакаты дешевых диванов, длинная кассовая стойка была завалена оборудованием для шелкографии. Кто-то поставил на стол большой вытяжной вентилятор, однако в воздухе все равно витал запах краски. Под старым, в пятнах, натяжным потолком тянулись бельевые веревки, увешанные рубашками и рекламными постерами в цветах кампании — оранжевом и коричневом.

— Здесь и происходит волшебство. — Флор подошла к столу в самой середине зала. Он был завален бумагами сильнее остальных, над ними высился большой внешний монитор. Она достала из сумочки ноутбук, присоединила к питанию и к монитору, включила, ввела пароль. Пока она набирала, я деликатно отвел глаза, но даже на слух понял, что пароль невероятно длинный и сложный — я разобрал хорошо различимый звук нажатой клавиши верхнего регистра и несколько характерных ударов по пробелу.

— Кажется, у вас очень хороший пароль, — сказал я.

— О да, — откликнулась она. — Уже несколько лет как. После того как мой аккаунт на Yahoo взломали и все, кого я знала, получили письмо о том, что меня схватили, отвезли в Лондон и ограбили, и я прошу перевести мне денег, чтобы добраться домой. Думаю, у вас тоже есть свои меры обеспечения секретности?

— Есть кое-что, — кивнул я. — Но безопасность — дело увлекательное: чем глубже погружаешься, тем сильнее понимаешь, что всегда можно что-нибудь улучшить.

По монитору потоком проплывали электронные письма. Флор напряженно всматривалась в

экран, и я обратил внимание, что она не дышит. Я читал об этом состоянии, для него есть даже особое название — почтовая асфиксия. Люди подсознательно затаивают дыхание, когда просматривают почтовые ящики. Надо будет сказать ей об этом, если получу работу.

Наконец она откинулась на спинку кресла и вдохнула полной грудью.

— Мне нравится ваш выбор кофе, — сказал я. — Турок готовит потрясающе.

— Да, таких еще поискать. — Флор пригубила напиток, достала из сумочки стопку бумаг. Я узнал свое резюме. Она указала на адрес. — Живете неподалеку?

— Да, — подтвердил я. — Учился в школе имени Сезара Чавеса, тут недалеко.

— Мои дети тоже туда ходили. Но задолго до вас.

Кажется, собеседование будет успешным. Мы постепенно находим общий язык. У нас много общего: школа имени Сезара Чавеса, турецкая кофейня… И это мы еще о Барбаре Стрэтфорд не поговорили.

Она положила резюме на стол.

— Маркус, вы, кажется, замечательный человек. — Моя уверенность внезапно начала таять.

Приветливое выражение Флор сменилось маской профессионализма. — Но, как я понимаю, у вас совсем мало опыта работы.

У меня вспыхнули щеки.

— Да, — пролепетал я. — То есть… — Я набрал полную грудь воздуха. — В прошлом году отца уволили из университета Беркли, и я лишился льгот. Пришлось оставить учебу. С тех пор ищу работу. Но опыт участия в избирательных кампаниях у меня есть — я два года летом работал в Коалиции избирателей за свободную Америку.

— Ясно, — отозвалась Флор. — Волонтерство?

— Да, мы все там были волонтерами, — ответил я. — Но я очень ответственный человек. К тому же я верю в Джо, считаю, что интернет поможет изменить политику к лучшему — сделать ее более ответственной и прозрачной. Вот почему я хочу работать здесь.

Мне казалось, я нашел те самые слова, какие нужно было произнесли. Но, выслушав меня, Флор поглядела суровее прежнего.

— Ага, — сказала она. — Все это я уже слышала. Двадцать лет слышу. Но дело в том, что для победы на выборах нужно истоптать сотню башмаков, потратить огромные деньги и пожать тысячи рук. Так было всегда. Джо в своих утопических

грезах мечтает переформатировать выборы и преобразить политику, но его избирательной кампанией руковожу я, и на мой взгляд, преображение политики — задача слишком грандиозная, чтобы за нее браться. Лучше мы оставим все эти реформаторские затеи следующему кандидату.

Я застыл, не зная, что на это сказать. Какое-то глубинное, внутреннее понимание организационных принципов подсказывало, что лучше вообще не раскрывать рот.

— У нас тут много народу носится с гениальными идеями о переустройстве мира. И правильно делают. Именно такие задачи и должен брать на себя кандидат, выдвигающийся как независимый. На него должны работать люди с независимым мышлением. Но не надо забывать о ключевом моменте: мы проводим избирательную кампанию, и ее цель — сделать так, чтобы наш кандидат стал сенатором. У нас тут не лаборатория для эгалитарных реформ на основе консенсуса. И не высокотехнологичное бизнес-предприятие. В данный момент нашей кампании нужен вебмастер. Человек, способный создать веб-сайт, который не будет взломан в первую же минуту после запуска. Задачи этого веб-сайта — помочь нам собрать денег, привлечь избира-

телей и обеспечить победу на выборах. Я хочу с самого начала обговорить это с предельной четкостью, потому что мне в свое время уже приходилось брать на работу вебмастеров, и я немного разбираюсь в проблемах, характерных для этой профессии. Мне нужен веб-сайт, который будет четко выполнять поставленную задачу, ни больше ни меньше. Он не должен быть ни на один микрон красивее, чем требуется. Ни на один квант элегантнее в технических решениях, чем требуется. И поскольку вебмастер, помимо этого, возглавит наш айти-отдел, то он должен обеспечивать безопасность наших компьютеров, наладить резервное копирование и поддерживать работоспособность сети. Он должен быть на связи двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю вплоть до выборов. Итак, Маркус, вы меня выслушали, теперь хочу спросить: видите ли вы себя на этом месте?

«Но Джо говорил, что я должен возглавить силы особого назначения», — вертелось у меня на языке, но я промолчал. Уже успел понять, что все, чего Джо хочет и что получает, проходит через его менеджера и только от нее зависит, возьмут меня или нет.

— Мне уже доводилось делать все, что вы пе-

речислили, — сказал я. — Я человек надежный. И быстро учусь. Я верю в Джозефа Носса. Может быть, опыта у меня маловато, но только потому, что никто не давал мне шанса проявить себя. В Сан-Франциско множество специалистов, которые могли бы стать вашими вебмастерами, но кто из них организовал тайную компьютерную сеть, перед которой спасовал даже ДВБ, и восстановил действие Первой поправки к Конституции?

Я много раз пытался доказать собеседникам, что M1k3y был всего лишь одним из рядовых бойцов массового движения, и смущенно крутил ножкой, когда мне выражали восхищение. Но в эту минуту отчетливо понимал, что сейчас не самое подходящее время проявлять скромность.

На лицо Флор вернулась улыбка.

— Хорошо сказано. — Она допила кофе из турецкой кофейни. — Я навела кое-какие справки. Нынче утром, когда я шла на работу, мне позвонила Барбара Стрэтфорд и очень хорошо о вас отзывалась. Вас высоко ценят за лидерские качества и за способность возглавить подпольную борьбу на технологическом фронте. Но никто из респондентов не знает вас как сотрудника, а лидеров у нас и так пруд пруди. Маркус, вы читали «Машину времени»?

— Да, — ответил я. — Даже написал статью про нее для «Ассошиэйтед Пресс».

— Тогда наверняка помните, что там были морлоки и элои. Высокопоставленные элои живут в блаженстве и роскоши на поверхности Земли, среди последних достижений науки. А в недрах планеты, в подземных машинных залах, денно и нощно трудится армия морлоков. Они следят, чтобы все механизмы крутились без сучка, без задоринки.

— То есть вам нужны морлоки, а не элои?

— Умница, — улыбнулась она. — Совершенно верно. Эта работа не принесет вам славы, но делать ее все равно надо. Загляните в себя и спросите: «Хочу ли я заниматься работой скучной, обыденной и неинтересной, но она необходима и делать ее все равно надо?» Вы говорите, что верите в Джо. Сможете ли вы войти в его армию рядовым, а не генералом?

Теперь я понимал, почему избирательной кампанией руководит она, а не сам Джо. После разговора с Джо я был готов ради него выйти на улицу, а после беседы с Флор захотелось доказать, что я справлюсь с работой. Они прекрасно дополняют друг друга.

Но не могу сказать, что не испытал разоча-

рования. Я-то надеялся, что меня встретят как героя-революционера, поставят во главе целого эскадрона инфокоммандос, и я поведу их навстречу головокружительным приключениям. Но Флор Прентис-и-Диас разговаривала со мной как с мальчишкой, который больше хочет оказаться в центре внимания, чем приносить реальную помощь, и ее слова подействовали как шпоры в бока. Я, конечно, обратил внимание, что она прекрасно умеет применять мотивационную технику, но к этому примешивалась мысль: «Я ей докажу!»

Я театрально отдал честь:

— Так точно, госпожа генерал!

Ее улыбка расплылась еще шире.

— Ну ладно, ладно. Я устроила вам такой жесткий разговор, потому что вы принесли с собой множество хороших рекомендаций, однако при этом я вижу немало настораживающих признаков. Вы умный и сообразительный юноша, с такими приятно иметь дело, однако, по моему опыту, они нуждаются в строгом присмотре взрослого человека. Поэтому я намереваюсь внимательно наблюдать за вами, пока не удостоверюсь, что вы понимаете разницу между нашими потребностями и тем, что вы хотели бы

нам дать.

Я моргнул и мысленно повторил ее слова.

— Это означает, что я принят на работу?

Флор лишь махнула рукой:

— Ох, Маркус, вы были приняты в тот миг, когда мы сели за этот стол. Джо от вас в восторге, точнее, от вашей репутации, поэтому он будет счастлив иметь вас в своей команде. Но я хочу убедиться, что вы отчетливо понимаете все требования, какие накладывает работа у нас.

Я не удержался, победным жестом вскинул руки над головой и закричал:

— Ура!

Она рассмеялась:

— Спокойнее-спокойнее. Да, вы на-ня-ты. Мэриэн, наша специалист по кадрам, обсудит с вами оплату и все прочее. Но прежде чем вы приступите, надо обсудить один серьезный момент. Ваши хакерские дела.

Я взял себя в руки.

— Слушаю.

— Не вздумайте этим заниматься. Ни в коем случае. Вы, без сомнения, умеете проделывать с компьютерами много разных хитростей. Вы обвели вокруг пальца федеральные органы власти, проникли в их базы данных, бродили по компью-

терным системам, куда вам отнюдь не следовало совать нос. Такое поведение прекрасно вписывается в старые добрые традиции Сан-Франциско и его окрестностей, но здесь этому совсем не место. И стоит мне хоть единственный раз заметить малейшие признаки незаконных, аморальных, опасных поступков, если вы даже хоть раз прибегнете к этим вашим хакерским штучкам с буквами и цифрами, — она изобразила пальцами кавычки, — я лично вышвырну вас пинком под зад. Я достаточно понятно объяснила?

— А вы и правда умеете по желанию включать и выключать такой грозный голос?

— Умею. Очень полезный навык, если хочу дать коллегам понять, что к моим словам следует относиться серьезно.

— И умеете напускать на лицо суровое, каменное выражение. Просто поразительно, как здорово это у вас получается.

А что еще я мог сказать? Меня только что приняли на работу. На радостях я начал умничать.

— Лицо? Это еще не суровое. Так, ураган всего в один балл. Не советую вам сталкиваться с пятибалльным штормом.

— Буду иметь в виду.

Глава 6

Сразу после собеседования я с головой погрузился в работу. Моя предшественница-волонтерка недавно вернулась за школьную парту, оставив аккуратный список паролей и данные по конфигурации, а также информацию о сетевых контактах. Я решил первым делом произвести тщательную ревизию всего хозяйства, за которое я стал ответственным, проверить, все ли находится там, где должно, и работает как надо. Достал из корзины пачку бумаг, отпечатанных только с одной стороны, пробил дыроколом и подшил в скоросшиватель, найденный в шкафу с канцтоварами. Мог бы делать заметки и на своем Звере — я принес его с собой, загрузившись в безопасный раздел и спрятав все по-настоящему секретные данные в закрытые сектора на диске, неотличимые от случайного шума. Но при проверке мне предстоит писать прямо на ходу, подсаживаться за столы к сотрудникам и записывать их имена, копировать MAC-адреса сетевых карт и прочие данные, и гораздо проще делать это на бумаге. А в компьютер заведу потом.

Время от времени я поднимал глаза и ловил внимательный взгляд Флор — она следила за мной из-за своего стола в центре комнаты. Один раз мы встретились глазами, и она удовлетворенно кивнула — видимо, моя бурная деятельность ей понравилась. Мне сразу стало легче — как обычно бывает, если кто-то замечает, как ты надрываешься в первый рабочий день, дабы произвести хорошее впечатление. Пусть я морлок, но приятно, когда элои смотрят на тебя с одобрением. После разговора с Флор мне вспомнилось, что морлоки поедали элоев, и вся аналогия приобрела двусмысленный оттенок. Интересно, сделала ли она это намеренно, и если да, то что имела в виду.

Джо влетел часов в десять с двумя мобильниками сразу: по одному разговаривал, а другой держал в руке. Вокруг него вертелись с десяток сотрудников и волонтеров с неотложными вопросами. Он прижал телефон плечом к уху и свободной рукой стал указывать каждому, где его дожидаться, а сам в это время, ни разу не сбившись, продолжал оживленный разговор. Когда толпа рассеялась, он распрощался с невидимым собеседником и сунул телефон в карман, потом сделал то же самое с другим гаджетом.

Он был высок и широкоплеч, с коротко стриженными седеющими волосами. Темная кожа по цвету находилась где-то посередине между кофе американо и маккиато, на несколько тонов темнее, чем свитер с высоким воротом. Дополняли наряд свободные джинсы и черные конверсы. Я решил, что завтра, отправляясь на работу, оденусь попроще.

В это время я строчка за строчкой проверял конфигурационный файл WiFi-роутера, установленного в глубине комнаты. И хоть меня подмывало вскочить и представиться, я решил до конца играть роль морлока. Пусть Джо заканчивает свои срочные дела, я выберу минутку поспокойнее и подойду поздороваться.

Но Джо окинул взглядом комнату, заметил меня и громко воскликнул:

— Маркус, а вот и ты! Хорошо!

И чуть ли не вприпрыжку помчался ко мне, протягивая руку.

— Здравствуйте, сэр, — сказал я.

— Маркус, нет слов, как я рад, что ты с нами. Флор сказала, ты произвел на нее хорошее впечатление. Меня это не удивляет. Понимаю, что тебе сейчас предстоит многое сделать, чтобы вывести нашу кампанию на должный уровень, но

все-таки попроси Флор, пусть в моем завтрашнем графике выберет время для встречи с тобой. Хочу обсудить стратегию работы. Хорошо?

— Конечно, — ответил я, стараясь не заикаться. Я впервые видел Джозефа Носса перед собой, и он прямо-таки лучился харизмой, отчего я немного лишился дара речи. Впечатление, которое он производил, трудно описать словами. С первых мгновений чувствовалось, что этот человек очень умен, и мне хотелось не ударить в грязь лицом, однако нужные слова никак не приходили на ум — все, что я мог придумать, казалось слишком банальным, чтобы обременять такой ерундой столь важную персону.

— Молодчина. — Он хлопнул меня по плечу, развернулся на пятках и поспешил обратно к Флор, по пути указывая на сотрудников, которых был готов выслушать. Они сгрудились над столом, а я вернулся к работе.

Через насколько минут за спиной послышался голос:

— Маркус?

Я поднял глаза. Лицо человека, стоявшего передо мной, показалось смутно знакомым. Парень примерно моих лет, может быть, чуть моложе, с клочковатой бородкой, ухмылялся так широко,

что того и гляди голова развалится надвое. Я никак не мог вспомнить, где же его видел, и решил подыграть. Встал, пожал ему руку:

— Привет, старик! Рад снова тебя видеть!

Он с нескрываемым восторгом всплеснул руками:

— Это же надо! Ты — наш новый вебмастер! Глазам не верю!

— Ну да, — отозвался я. — Тут круто.

Он с жаром встряхнул головой:

— Не может быть! Потрясающе! Наш новый вебмастер — Маркус Яллоу! Это же надо!

Мне уже доводилось бывать в такой ситуации — когда человек поет мне дифирамбы, а я стою и не знаю, что сказать в ответ. Плавали, знаем, но все равно понятия не имею, как на это реагировать.

— Гм, да, а ты чем занимаешься?

— Отвечаю за рекламную продукцию. — Он стукнул себя по груди. На нем была футболка с надписью «Нашему городу нужен Носс», стилизованная под старомодную афишу фантастического фильма, с гигантской фигурой Джо Носса, расставившей ноги над мостом через Золотые Ворота. — Придумываю эскизы для футболок и постеров. Стараюсь каждые пару дней рисо-

вать новые и по мере необходимости вывожу на экран. Свежий взгляд, разнообразие и все такое прочее. Вот что я бы хотел спросить: ты не мог бы организовать на нашем сайте сообщество для дизайнеров, что-то вроде Threadless, чтобы объединить всех сторонников Носса?

— Угу. Конечно. Почему бы и нет.

Наш сайт работал на платформе OpenCampaign, бесплатной модификации системы WordPress, специально созданной для избирательных кампаний. Она могла самостоятельно запускать плагины WordPress, и я уже успел заметить, что один из них поддерживает связь с сайтом Threadless, производящим футболки по эскизам пользователей. Запустить его будет делом нехитрым.

— Какой же ты молодчина! Боже мой, до сих пор не верится! Погоди, расскажу Нейту, он просто упадет!

И тут до меня наконец дошло.

— Ты Лиам, да?

— Ну да! Конечно, Лиам! Я тут все лето волонтером работаю. Пришел, когда увидел Джо в ролике в честь Дня независимости. Видео было такое крутое, прямо-таки вселяло боевой дух, йоу!

Некоторые из моих друзей ставят в конце каж-

дой фразы «йоу», но всегда вкладывают в это иронический оттенок, подсмеиваясь над теми, кто пытается изображать уличных хулиганов. А Лиам ничуть не иронизировал. Он и вправду заканчивал каждое предложение словом «йоу».

— Йоу, — поддакнул я, потом устыдился и дружески похлопал его по плечу. — Лиам, дружище, с этой бородой я тебя не сразу узнал. Как здорово, что мы будем работать вместе!

— Я тоже рад. Кстати, ты где планируешь пообедать? Хочешь буррито? Я знаю шикарное местечко на Валенсии…

— Да, буррито будет в самый раз. — Я указал на тетрадку. — А сейчас мне надо поработать, а то времени на обед не останется.

Он изобразил пару диковинных танцевальных па, потом неожиданно обнял меня, да так крепко, что кости хрустнули, приподнял на пару дюймов над землей:

— До встречи за обедом!

* * *

Когда-то, несколько лет назад, у нас была великолепная четверка прекрасных, близких друзей. Дэррил, Джолу, Ванесса и я — мы были неразлучны с раннего детства. Но после всей этой истории

с икснетом случилось сразу несколько важных событий. Ван и Дэррил стали встречаться, а Ван крепко невзлюбила Энджи. Плюс к этому Ванесса, оказывается, была втайне влюблена в меня, и при каждой встрече память об этот нависала над нами, словно невидимая стена. Дэррил уехал учиться в Беркли, и первое время мы виделись хотя бы изредка. Но он постоянно куда-нибудь спешил — то на учебу, то на встречи с Ван, то на занятия с психотерапевтом, который помогал моему другу бороться с кошмарами, до сих пор мучившими его после ужасов, пережитых в тюрьме Гуантанамо-в-Заливе, поэтому мы едва успевали поздороваться. Тем временем Джолу оставил свою замечательную работу в «Пигсплин» и устроился программистом в компанию, разрабатывавшую новые сервисы на основе муниципальных данных, предоставляемых городской ратушей. У него появилось множество новых друзей, умных до ужаса, и, когда они заводили разговор на свои хакерские темы, я понимал от силы половину. Мы с Джолу редко виделись.

Зато у меня была Энджи, проявившая себя лучшей на свете девушкой: она была веселая, умная, великолепная. Ей нравились те же фильмы и игры, что и мне, те же книги и музыка, и она всегда

была рада составить мне компанию, кроме разве что тех дней, какие отнимала учеба. Она изучала теорию коммуникации в Сан-Францисском университете штата Калифорния и сдавала все экзамены на «отлично». Так что, хоть я и скучал по друзьям, нельзя сказать, что я сильно страдал от одиночества, поэтому редко удосуживался позвонить им, написать или поинтересоваться, как у них дела.

Однако те времена, когда я возглавлял шумную ватагу прекрасных друзей, остались далеко позади, и мне от этого было очень грустно.

* * *

Обедали мы вместе с Нейтом, другом Лиама, он приехал на метро из маминой квартиры в центре города. Он тоже стиснул меня в сокрушительных объятиях, а потом обнялся с Лиамом. Эти ребята были калифорнийцами до мозга костей и не мыслили жизни без физических прикосновений. А у меня, хоть я родился и вырос в Сан-Франциско, мама была из Великобритании, поэтому в моей семье телячьи нежности были не приняты.

Мы зашли в мою любимую закусочную, и я взял буррито с языком. Энджи однажды уговорила меня попробовать его, и оказалось необыкновенно

вкусно, если, конечно, не зацикливаться на мысли, что ты фактически глотаешь язык, пусть и не свой, а коровий. Лиам заказал такой же и долго бурно расхваливал — какой этот буррито вкусный и как он мечтает поскорее получить его.

— Мне до сих пор не верится, что ты у нас вебмастер, — говорил Лиам. — Это все равно что… ну, например, Брюс Ли тренирует тебя в спортзале.

— Или Джек Дэниелс работает барменом, — добавил Нейт. У него была такая же бородка, как у Лиама.

— По-моему, Джек Дэниелс давно умер или его вообще никогда не было, — возразил Лиам.

— Или Стив Возняк чинит твой компьютер, — продолжал фантазировать Нейт.

— Возняк — этот тот, кто соорудил первые компьютеры «Эппл», — пояснил мне Лиам.

— Я в курсе, — отозвался я.

— Ну конечно, ты в курсе! — воскликнул Лиам. — А вот послушай, что я расскажу!

Я все думал, как бы повежливее донести до него свою мысль: «Лиам, дружище, не пытайся произвести на меня впечатление. Я и так знаю, что ты хороший парень, а со всей этой ерундой у тебя жалкий вид». Но любые слова, какие приходили мне в голову, были бы обидными для Лиама, а я

бы почувствовал себя последним мерзавцем.

Поэтому я предпочел сменить тему:

— Нейт, а ты чем занимаешься?

Он пожал плечами:

— Сижу без работы. Шлифую свое несуществующее резюме. — И опять пожал плечами.

— Представляю, каково тебе, — посочувствовал я. — Я и сам до сегодняшнего утра сидел без работы.

Оба удивленно разинули рты.

— Не может быть, — проговорил Лиам. — Ты — и без работы? Я-то думал, наши переманили тебя из какой-нибудь крутой программистской компании, а то и из «Гугла».

Пришел мой черед пожать плечами. Кажется, при разговорах о безработице приходится часто повторять этот жест и смущенно отводить глаза.

— Да нет, — отозвался я. — Учебу пришлось бросить несколько месяцев назад, потому что деньги кончились, с тех пор искал работу.

— Ну и ну, — протянул Нейт. — Если уж ты долго не мог найти работу, то на что надеяться мне?

У меня для него не было ответа. Мне вдруг стало стыдно за то, что у меня есть работа, а у него нет. Как будто я в чем-то провинился. А ведь еще даже не закончился мой первый рабочий день.

Наш полный неловких пауз обед подошел к концу, и мы вернулись к работе. Я снова занялся картографированием сети, искал, какие узлы в ней действуют как надо, а какие нуждаются в ремонте, и до самого вечера не вспоминал о скачанном вчера ночью огромном торрент-файле. Наконец я вернулся домой, включил компьютер, загрузился в секретный раздел диска, подключился к IPredator и начал снова раздавать файл.

* * *

Скачанный торрент-файл представлял собой огромный — ИСПОЛИНСКИЙ — зип-архив. Зашифрованный. Ключ, разумеется, у меня был. И я понимал, что Маша, которая сейчас черт знает где томится за решеткой, а то и похуже, наверняка хочет, чтобы я как можно скорее залил в сеть этот файл вместе с ключом.

Мне очень хотелось обсудить это с кем-нибудь. С кем? Ну конечно, с Энджи. Но она сейчас на занятиях и освободится только через несколько часов. И это не та тема, которую можно обсуждать по телефону, электронной почте или мессенджерам. Лучше всего было бы закрыться в звуконепроницаемой комнате где-нибудь на дне шахты, но такого места у меня на примете не было.

Я уже тридцать шесть часов изо всех сил старался не думать об этом файле. И предлоги все время находились. Я пострадал при взрыве. Меня оглушили обезболивающими лекарствами. Я спал. Нашел работу. Провел в штабе свой первый рабочий день. Но к этой минуте предлоги иссякли. Больше ничем я свое бездействие оправдать не мог.

Нет, погодите-ка! Вот и новый предлог придумался. Было бы чистым сумасшествием держать расшифрованный файл у себя на диске, даже в секретном разделе. Мне не удавалось отделаться от мысли, что вот-вот ко мне ворвется группа захвата и уволочет меня на край земли. И если в этот момент на моем компьютере будет открыт секретный раздел, они с легкостью поймут, что у меня на уме.

Я решил добавить к системе еще несколько защитных слоев и только потом открывать этот инфоплутоний.

Первым делом надо обзавестись виртуальной машиной. Тут следует объяснить подробнее, потому что с некоторых пор виртуальные машины стали моими лучшими друзьями.

Предположим, вы хотите создать свою ВМ. Сначала надо написать программу, которая будет

работать точь-в-точь как микропроцессор вашего компьютера. Потом назначьте файл, который исполнит роль жесткого диска, запишите в него операционную систему и любой нужный вам код. И как только вы «включите компьютер», то есть запустите эту программу, она сразу отыщет виртуальный диск, загрузит виртуальную операционную систему и начнет выполнять все инструкции, какие там найдет, передавая их на ваш реальный компьютер. И он начнет работать под управлением этой программы.

Так уж сложилось, что основным применением ВМ стала эмуляция старых компьютеров на более новом «железе». Благодаря этому вы можете играть на своем новеньком ПК, будто на древней игровой приставке, например «геймбое», или запустить винтажные игры. Существует даже колоссальная игровая ВМ, она называется MAME, или эмулятор множества аркадных машин, и поддерживает практически любые старые игры.

Ключевое слово здесь — старые. Потому что виртуальный компьютер внутри настоящего работает медленно. Но скорость компьютеров удваивается примерно каждые восемнадцать месяцев, так гласит закон Мура, названный в честь Гордона Мура, одного из основателей компании

Intel. Это значит, что новенький компьютер будет в шестьдесят четыре раза проворнее, чем тот, который вы купили за те же деньги шесть лет назад. То есть, работая на старой ВМ, вы, скорее всего, не заметите никаких подтормаживаний.

Но в последнее время производители компьютеров научились делать чипы, с которыми ВМ работают эффективнее, поэтому разрыв между ВМ и реальным компьютером, на котором она стоит, постоянно сокращается. А это значит, что на ВМ все легче и легче запускать новые операционные системы и новые программы. И если вы чего-то очень сильно опасаетесь, просто запустите бесплатную ВМ, установите на нее бесплатную ОС и делайте в этой песочнице все что угодно. Никакие события, происходящие на виртуальной машине, не повлияют на ваш настоящий компьютер, если вы, конечно, не дадите ей разрешений просматривать ваш реальный жесткий диск с реальными файлами. Виртуальная машина, словно заспиртованная голова в банке, отрезана от окружающего мира: вы можете рассказать ей любые выдумки о том, что происходит на белом свете, и она вам поверит.

Нынче из интернета можно загрузить сотни — сотни! — виртуальных машин и запускать

их по мере необходимости. Хотите на часок, или на день, или на целый год превратить свой компьютер в роутер или файловый сервер? Многочисленные сисадмины соорудили множество идеально отлаженных виртуальных машин, которые с ходу, сразу после установки, начнут выполнять любые заданные функции. Существуют даже пользовательские обзоры, которые помогут вам выбрать лучшую из доступных ВМ. И поскольку все ВМ строятся на открытом бесплатном коде наподобие «линукса», то любой желающий может их модифицировать, улучшать и распространять дальше.

Я долго искал самую защищенную ВМ и наконец нашел. Она начиналась с копии «параноид-линукса», моего любимого дистрибутива, и безжалостно уничтожала любые программы и сервисы, которые вам не нужны. Кроме того, «параноид-ВМ» хранила свои пользовательские файлы в созданных TrueCrypt засекреченных секторах, и даже при самой тщательной экспертизе диска невозможно было понять, сколько пользователей работает на этом компьютере и сколько файлов они там хранят.

Для начала это было неплохо, но я решил вдобавок установить аварийный размыкатель

— программу, которая прикажет всей системе заблокироваться и выключиться, если я в течение пятнадцати минут не произведу никаких действий. Поэтому я написал небольшой скрипт, который будет требовать от меня каждые пятнадцать минут вводить пароль. Если я его не введу, он даст всей системе команду вырубить любые ВМ и затем уничтожится сам. Так что если за мной и впрямь явится группа захвата, то все файлы, над которыми я работал, рассыплются в прах — разве что им удастся за четверть часа под пытками вытянуть у меня пароль.

Да, им в лапы попадут и торрент-файл, и ключ к нему, но они никогда не узнают, кому я успел это показать и о чем мы говорили. От меня требуется лишь вводить пароль каждые пятнадцать минут и не уйти по забывчивости в туалет или на кухню, иначе я потеряю все, что успел сделать после очередной точки сохранения.

Для такого рода занятий даже есть особое название — брить яка. Оно означает, что вы готовы переделать уйму скучной бесполезной работы, лишь бы оттянуть момент, когда предстоит взяться за серьезное дело. Хакер по имени Дханджи Прасанна написал книгу о работе в «Гугле», и там мне особенно нравится такой пассаж: «Выбрить

всех яков в зоопарке, потом отправиться в Тибет и начать брить всех тамошних яков, которых ты никогда не видел и о методах ухода за которыми имеешь самое смутное представление».

Вот на такую территорию я и намеревался вступить. Пришло время заняться дешифровкой файла.

* * *

Мне не сразу удалось вскрыть зашифрованный зип-архив очень длинным паролем. Потом вспомнил, что существует особая команда, которая сообщит архиву, что требуемый пароль находится в файле. Поискал эту команду, разобрался, как с ней работать. Сделал все, что надо. Перед моими глазами с нечеловеческой скоростью стал разворачиваться список файлов. Их было много. Очень много. ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ МНОГО.

810 097 файлов.

Как там говорила Маша? «И в конце концов ты сталкиваешься с такими кошмарами, что не можешь больше смотреть на себя в зеркало, если не попытаешься что-то с этим сделать».

Целый воз грязного белья.

С первого взгляда было ясно, что названия файлов придуманы человеком. Необычная

пунктуация, необычная расстановка заглавных букв, причем по всему объему. Компьютеры тоже могут расставлять заглавные буквы самым причудливым образом, но в каждом названии принцип расстановки останется одним и тем же. Названия некоторых файлов были весьма информативными, например «взятки сенату Def Cttee.doc», другие более загадочные, например HumIntAfgh32533. Один из файлов назывался WATERBOARDING.PPT, он содержал презентацию из нескольких слайдов в PowerPoint. От одного этого слова у меня комок подступил к горлу.

Дважды щелкнул на этот файл. Первый слайд состоял всего лишь из названия — «Семинар по стрессовым методам допроса 4320». Следующий содержал длинное заявление о конфиденциальности с перечислением частных армейских контрагентов, которые, видимо, принимали участие в создании этой презентации. А на следующем слайде…

Парнишка примерно моих лет, скованный по рукам и ногам, лежал, привязанный к наклонной доске, с ногами выше головы, рот плотно закрыт пищевой пленкой, и ему в нос тонкой струйкой льется вода. Льется из ведра с носиком, которое держат большие, чистые, белые руки. Парень

изогнулся всем телом, как туго натянутый лук, силится ослабить путы, тянет за них так, что отчетливо вырисовывается каждый мускул. Словно иллюстрация в анатомическом атласе.

Нет.

Это не иллюстрация. Он — жертва жестокой пытки.

Пищевая пленка — штука коварная. Вода льется в нос, но не может попасть в легкие, потому что тело выгнуто назад. Тело этого мальчишки. Тело — его тело — чувствует, что в дыхательное горло проникает вода, и отчаянно пытается вдохнуть. Несчастный разевает рот, но пищевая пленка лишь выпускает воздух наружу, а на вдохе пластик плотно прилипает к губам. Воздух может проникнуть только через нос, но и этот путь закрыт — туда льется вода.

В конце концов легкие пустеют, сдуваются, как лопнувший воздушный шарик, сморщиваются, как изюминки. Мозг, лишенный кислорода, медленно умирает. Парень натягивает путы с такой силой, что могут сломаться кости.

Правительство любит называть ватербординг «имитацией утопления». Никакая это не имитация. Вы взаправду находитесь на грани жизни и смерти. Если пытку не прекратят, вы погибнете.

В Гуантанамо, американской тайной тюрьме, есть человек, которого подвергали пытке на ватерборде сто восемьдесят раз. Сто восемьдесят раз он был одной ногой в могиле. Говорят, это он организовал террористическую атаку одиннадцатого сентября 2001 года. Может быть. Не знаю, что он наговорил своим мучителям, но верить его словам станет только сумасшедший. Когда из тебя по капле выдавливают жизнь, ты признаешься в чем угодно, лишь бы прекратить эту пытку.

Но я об этом не думал. Лишь смотрел, как загипнотизированный, на этого парня, на его перекошенное лицо, набухшие вены на лбу, полные ужаса глаза. Я там был. И в моих глазах стоял такой же ужас.

Время застыло.

И вдруг картинка погасла. Окно, в котором она была, исчезло. Виртуальная машина отрубилась. Мой аварийный прерыватель сработал как надо: затребовал у меня пароль и, выждав положенное время, уничтожил и ВМ, и самого себя. Умница. Я даже не заметил окошка для ввода пароля. Видел перед собой лишь ту картину.

А ведь это всего лишь один слайд из одного файла. И таких файлов там больше восьмисот тысяч. Похоже, работа затянется надолго.

* * *

Энджи заглянула ближе к вечеру, и мама сразу отправила ее в мою комнату. Энджи неслышно вошла, подкралась на цыпочках, обняла меня за шею и поцеловала в макушку. Я сделал вид, что не слышу ее и не вижу отражения в экране. Такая у нас была игра. Какие мы все-таки лапочки.

— Привет, работяга, как прошел первый день на новом месте?

— Примерно как я и писал. Большую часть времени пытался понять, в чем заключаются мои обязанности, разбирался, что к чему. Я уже говорил, что встретил Лиама?

— Ага, это же надо! Мир, конечно, тесен, но чтобы настолько…

— К концу дня он уже почти перестал пыжиться от восторга и подошел поговорить по-человечески. Оказывается, он хорошо знает свое дело и подкинул мне много интересных идей, например, подсказал методы идентификации для гостевых ноутбуков, которые мне и в голову не приходили.

— По-моему, здорово, что у тебя появился фанат.

Она подвинула запасное кресло, переложила с

него на кровать разрозненные детали для «мейкербота» и села.

— А меня это как-то смущает, — признался я. — Как твоя учеба?

Она собрала глаза в кучку:

— Я надеялась, что после школы наконец-то начну учиться по-взрослому, без тупого зазубривания всякой чепухи ради успешной сдачи экзаменов. Но почти на всех нынешних курсах итоговая оценка на семьдесят пять процентов зависит от результатов экзаменов.

— Ну, для разнообразия можешь организовать утечку экзаменационных материалов. — Не успел я договорить, как ее ладони зажали мне рот.

— Не шути так, — предостерегла Энджи.

У Энджи есть страшная тайна. В одиннадцатом классе она выкрала и выложила в сеть задания для государственных контрольных работ вместе с ответами. Говорят, на их подготовку были затрачены миллионы долларов. Школьная администрация так и не поняла, кто это сделал. Так им и надо!

— Прости, — отозвался я. — Но это еще не самая плохая идея. Никто другой не справился бы.

— Знаешь что, сначала давай лучше подумаем,

что делать с этой Машиной бомбой. Посмотрим, что нас там ждет. А уж с экзаменами я как-нибудь справлюсь.

— Вот за это я тебя и люблю. Всегда зришь в корень.

Мы часто обменивались шутками про любовь, но я ее и вправду очень любил, да так сильно, что сам иногда пугался. Может быть, дело в том, что я постепенно отдалился от компании своих друзей и бросил учебу, и Энджи стала чуть ли не единственным человеком, с кем я регулярно общался, если не считать родителей. И время от времени мне делалось страшновато. Ей, кажется, тоже. Поэтому я надеялся, что работа в коллективе принесет в мою жизнь немного равновесия.

— Ну, показывай, что ты там накопал.

У меня по спине пробежал холодок — опять дала о себе знать паранойя. Подслушать, о чем говорят в комнате, очень легко, для этого надо направить луч лазера на оконное стекло. Звуковые волны заставляют стекло вибрировать, и эти вибрации хорошо считываются лазером. Я видел на ютьюбе демонстрацию этого эффекта, снятую на DEFCON — большой конференции хакеров в Лас-Вегасе. Звук был не идеален, но вполне разборчив. Достаточно, чтобы понять каждое слово

и распознать голоса.

— Гм, — сказал я. — Погоди секунду.

Я подключил к ноутбуку динамики на длинных проводах и прижал к оконному стеклу. Потом запустил на компьютере генератор случайных чисел /dev/random и дал ему задание создавать белый шум. Из динамиков донесся неразборчивый треск, похожий на звук радиопомех. Я выкрутил громкость до почти невыносимого уровня и опустил на пару делений. Накрыл динамики шторами. Теперь пусть сколько хотят ловят лазером звук из комнаты, им не удастся вычленить осмысленный сигнал из случайного шума. Нельзя сказать, что это совсем невозможно, но, по крайней мере, нас не подслушает ни один любопытный глупее меня.

— Ого, — заметила Энджи, глядя на мои приготовления. — Ну ты и расстарался.

— А как же, — подтвердил я.

Мы придвинули кресла к экрану, и я показал ей свою виртуальную машину и аварийный прерыватель.

— Неплохо, — одобрила она. — Ладно, ты меня убедил, что относишься к этим материалам очень серьезно. Следовательно, ты глубоко убежден, что видел, как на фестивале схватили Машу и

Зеба, и не сомневаешься, что взрыв был организован намеренно. — Она закрыла глаза и набрала полную грудь воздуха. — Итак, спускаемся в кроличью нору.

— Погоди, сама увидишь. — Я запустил ВМ, вызвал список директорий. Откинулся на спинку кресла.

— Что это? Я даже не… — Энджи широко распахнула глаза. Я вручил ей мышку. Она стала открывать файл за файлом, начиная с самого верха. Первый назывался budget_8B5S.xls. Он оказался большой бухгалтерской таблицей с приходами и расходами. Слева в столбик шли имена каких-то людей. Заголовки столбцов представляли собой ничего не говорящие названия компаний вроде «Холдингс импорт/экспорт» или «Менеджмент Лтд». Остальную площадь таблицы занимали числа в долларах. Не очень крупные — $1001, $5100. Самым большим было $7111.

— Как много здесь единичек, — заметил я.

Энджи кивнула.

— Интересно, почему? — Она внимательно всмотрелась в цифры и достала свой ноутбук. — Для анонимности ты все так же используешь «ай-предейтор»?

— В основном да. Но попробуй запустить по-

верх него «Тор».

«Тор» — «луковый маршрутизатор» — случайным образом перебрасывает запросы от браузера с одного компьютера на другой, и ни один из этих компьютеров не знает, откуда пришел запрос и куда он направляется. Работает, конечно, неторопливо, даже медленнее, чем IPredator, и гораздо медленнее, чем прямое сетевое подключение. Но сейчас надо соблюдать максимальную осторожность.

Я долго вглядывался в таинственный гроссбух. Аварийный прерыватель затребовал пароль, и я его ввел.

— Ага, вот оно. Я же помню, что где-то уже читала об этом. В финансовых данных единица встречается чаще других цифр.

— Правда? Почему?

Она показала мне заметку — краткий пересказ материала с конференции.

— Товаров с ценой от 10 до 19 или от 100 до 199 долларов гораздо больше, чем тех, которые стоят больше двадцати или больше двухсот. Такова психология розничной торговли: люди скорее купят вещь за 9 долларов, чем за 10. Точно так же 99 долларов кажутся суммой гораздо меньшей чем 100, и 999 долларов звучат не так устраша-

юще, как 1000. Вот и возникают целые кластеры чисел с единичками. Но когда люди начинают придумывать числа, например, составляя ложные финансовые отчеты или мухлюя с налогами, распределение цифр оказывается более ровным. Таким способом, среди прочих, налоговое ведомство вычисляет махинаторов. Я читала об этом в книге по журналистике данных — в прошлом году пыталась подсунуть эту книгу своей факультетской преподавательнице, но она сказала, что ее задача — подготовить нас к экзаменам, и предложила зайти как-нибудь в другой раз. В общем, получается, что все эти единички кем-то нарочно вставлены. Человек заполнял таблицу выдуманными числами и сознательно добавил побольше единичек, чтобы статистическое распределение получилось правдоподобным. Он не рассчитывал, что эти цифры будет внимательно рассматривать человеческий глаз, лишь опасался, что подвох будет выявлен компьютером.

Она окинула взглядом таблицу и снова начала что-то печатать. В это время аварийный прерыватель запросил пароль, и я не успел вовремя выхватить компьютер. Виртуальная машина погасла.

— Обидно, — вздохнула Энджи.

— Я дам тебе пароль.

— А если поставить интервал подлиннее? Минут на тридцать?

Я покачал головой.

— Я исходил из того, что, если сюда внезапно вломится группа захвата и станет выпытывать у меня пароль, я смогу продержаться пятнадцать минут. А тридцать…

Она охнула и прикусила язык.

— Здесь есть презентация о том, как проводить ватербординг. Сделана в «пауэрпойнте». Подробные диаграммы показывают, через какое время мозг начинает гибнуть, в зависимости от возраста и общего состояния здоровья.

Энджи опять охнула. Она знала, что под душем меня иногда начинает бить неуправляемая дрожь. Переживете собственную казнь — поймете.

Я загрузил ВМ и снова открыл бухгалтерскую таблицу. Энджи начала вводить в поисковик имена.

— Все они — сотрудники аппарата одного из членов законодательного собрания штата Иллинойс. Следующим этапом надо узнать, в какие комитеты он входил и за какие законы голосовал. Это базовые принципы журналистики данных

— если, конечно, этот предмет появится в моей институтской программе.

— Давай попробуем, — сказал я.

— Нет, — возразила Энджи. — Это всего лишь один файл. А их тут больше восьмисот тысяч. Поодиночке мы с ними не управимся. Нужен оптовый подход.

* * *

— Джолу! — воскликнул я. — Вот кто нам нужен! Эта задача как раз для него.

Наш мозговой штурм затянулся уже на много часов. В плане безопасности Энджи оказалась даже осторожнее меня. Она посоветовала копировать виртуальную машину — раз плюнуть, просто скопировать файл данных — а потом с помощью TrueCrypt сгенерировать еще один файл, который поставит одну копию ВМ в обычное хранилище, а другую — в секретную область диска.

— Смотри, как это работает. Врывается группа захвата, надевает тебе мешок на голову, берет компьютер, начинает копаться в нем. Но далеко уйти не успевает — прерыватель требует пароль. Они требуют у тебя пароль, но ты молчишь как партизан. Прерыватель срабатывает, виртуальная машина гибнет, данные шифруются. Но что

происходит потом?

Я прикусил губу. Так далеко моя мысль еще не заходила. И думать об этом не хотелось.

— Они будут выпытывать у меня пароль, чтобы расшифровать файл.

— Верно.

— И если ты окажешься здесь, займутся и тобой тоже.

— Вот почему мы этим и занялись. Теперь мы можем сразу выдать им пароль, этот пароль откроет им фальшивую копию виртуальной машины. В ней лежит весь комплект файлов с разоблачениями. Но это не та копия, с которой мы работаем. А та самая спрятана на секретном разделе диска, и вместе с ней хранятся все наши заметки, списки почтовых рассылок с адресами людей, которые знают об этой работе и помогают нам. Вот этот пароль мы им ни за что не дадим. И будем придерживаться одной и той же легенды: дескать, мы держим весь компромат на этой зашифрованной ВМ и никаких заметок не делали. Ума не приложим, что делать с этими материалами. Вполне правдоподобно. В смысле, мы и впрямь не знаем, что с ними делать.

Так мы и поступили. Придумали два длиннющих пароля и выучили их наизусть. Проэкзаме-

новали друг друга и переглянулись.

— Что дальше?

— Нам нужен Джолу, — повторил я. — Большие массивы данных — это нынче его кусок хлеба.

Энджи стерла обе ВМ, превратив их в случайный на вид набор символов.

— Эти динамики мне все мозги прожужжали, — пожаловалась она. — Ты уверен, что они предотвратят лазерное считывание звука?

Я покачал головой.

— Прекрасно, — сказала она. — Тогда давай выключим их хоть ненадолго. Итак, Джолу. Ты сам понимаешь, что втянуть в это дело Джолу будет такой же гнусной подставой, какую учинила Маша, когда втянула тебя.

— Понимаю. Но Джолу — это совсем другое. Он мой друг. Один из лучших друзей.

Она помешкала, ответила не сразу:

— Маркус, не обижайся, но ты уверен, что вы до сих пор друзья? Когда вы в последний раз общались? Когда хоть парой слов перекинулись?

Я поерзал. А ведь Энджи попала в точку.

— Хорошо, согласен, мы общались давно. Но это не значит, что мы перестали дружить. Мы не питаем друг к другу никаких недобрых чувств, просто, как бы это сказать, каждый занят своими

делами. Я знаю Джолу чуть ли не всю жизнь, с самого раннего детства. Он тот, кто нам нужен.

— Не надо оправдываться, у меня и в мыслях не было тебя обижать. Просто ты хочешь поставить Джолу перед очень, очень трудным выбором и поэтому должен твердо — очень твердо — верить, что поступаешь правильно.

— Джолу меня не подведет. И это очень важно.

Энджи впилась в меня долгим-предолгим взглядом. Я прекрасно понимал ее невысказанные слова: «Если это так важно, то почему ты не бросишь все и не займешься только этими материалами? Почему не пойдешь в полицию, в газеты? Почему цацкаешься со своей новой работой и не сделаешь Машины файлы главным приоритетом?»

Меня и самого не раз посещала эта мысль, и поэтому я, конечно, знал ответ. Знала его и Энджи. Мне было страшно выносить это на публику. Когда я в прошлый раз рассказал свою историю газетчикам, то в конце концов очутился в камере пыток. И если крохотные изученные нами образцы хоть немного отражают содержание всего массива, то сведения, которые мне выложила Маша, намного важнее и опаснее, чем все, что я наговорил в прошлый раз.

Кроме того, Маша не просила меня заниматься ее спасением. Она просила об одном — обнародовать эти материалы. Так я и сделаю. Может быть, увидев их в открытом доступе, Кэрри Джонстон поймет, что над ней нависла беда, и отпустит Машу и Зеба.

Может быть.

Глава 7

Мне всегда хорошо работалось по ночам. Днем я принимал все меры для сохранения работоспособности: поддерживал измученный недосыпанием мозг тщательно отмеренными дозами кофеина, ненадолго прерывался подремать, освежался под душем. А в часы вампиров, когда за каждой тенью прячется вдохновение, возвращался к жизни.

Джолу был таким же, и, наверно, в том числе и поэтому мы так хорошо понимали друг друга. Не сосчитать, сколько раз мы с ним в три часа ночи связывались по скайпу или мессенджерам, а то и выскальзывали из дома и бродили как полудурочные по улицам Сан-Франциско. Поэтому, хотя мы с Энджи наконец доспорили только к восьми часам вечера, я без колебаний связался с ним.

Хотя в последний миг я застыл ненадолго, почти касаясь пальцем иконки с его именем на экране смартфона. Вам тоже наверняка знакомо это неловкое чувство: вы давно не звонили человеку, поэтому звонить как-то неудобно, и чем дольше вы тянете время, тем неудобнее делается…

Потом я все-таки нажал на иконку.

— Маркус! — раздался в трубке его голос. На заднем плане было шумно, звякали бутылки и стаканы, слышались оживленные голоса.

— Джолу! — воскликнул я. — Старик, прости, что звоню вот так ни с того ни с сего…

— Секунду, — перебил он. — Перейду туда, где потише. — Вокруг него гудело веселье. — Сколько лет, сколько зим!

— Прости, что беспокою вот так ни с того ни с сего…

— Нет, нет, все хорошо. Отлично просто. Рад тебя слышать!

«Интересно, будешь ли ты так же радоваться, когда я переверну твою жизнь вверх тормашками».

— Джолу, мы можем встретиться? Дело очень важное.

— Насколько важное? — спросил он.

— Очень-преочень. Настолько важное, что не хочу обсуждать по телефону.

Я отчетливо услышал, как он вполголоса выругался. А вслух сказал:

— Конечно! Прямо сейчас?

— Да, было бы неплохо.

— Гм… — Он надолго примолк. — Давай там,

где ты познакомился с Энджи.

— То есть… — Я прикусил язык. Молодчина Джолу. Тот, кто, возможно, нас подслушивает, понятия не имеет, где мы с Энджи впервые встретились. В плане безопасности Джолу даже осторожнее меня, он сразу сообразил, как действовать, еще до того, как узнал, в чем дело. Правильно я на него понадеялся. — Отлично. Когда?

— Через час годится?

— Хорошо, — отозвался я. — Джолу… Спасибо тебе.

Он фыркнул, и я словно наяву увидел его лукавую полуулыбку, насмешливо приподнятую кустистую бровь.

— Не за что. Ради тебя, старик, я готов на все. Сам знаешь.

Вот они какие, настоящие друзья.

* * *

Мы с Энджи познакомились на тусовке по обмену ключами, которую мы с Джолу устроили в Сатро-Батс, на побережье в районе Оушен-Бич. Руины тех купален, современные, но на вид почти как древние, имеют очень живописный вид, призрачный и драматичный, и та ночь на-

всегда отпечаталась в моей памяти. Я рассказал Энджи, куда мы направляемся, и она посмеялась. В первую годовщину нашего знакомства она повела меня туда, мы устроили пикник, сидели на берегу, любуясь заходящим солнцем, и обнимались, пока не замерзли.

— Телефоны лучше выключить, — сказала Энджи.

Я согласился. Паранойя — штука заразная. Однако мобильники постоянно передают телефонным компаниям информацию о нашем местонахождении, и если кто-то пытается нас выследить, то легко сможет найти доступ к этим данным. Тогда легко будет отследить всю цепочку — Маркус позвонил Джолу, потом Энджи, Маркус и Джолу встретились в Оушен-Бич. Все равно что надеть оранжевые светоотражающие жилеты и написать на них: ЗАГОВОРЩИК. На всякий случай я еще и вытащил из телефона аккумулятор.

Мы пришли на четверть часа раньше назначенного времени — автобусы помогли. А Джолу — через пять минут после нас. Крепко обнял нас обоих, и Энджи поцеловала его в щеку. Я не видел его уже несколько месяцев, с тех пор как он заглянул в Нойзбридж на лекцию по открытым данным. Он сильно изменился. Отпустил

небольшие усики и остроконечные бакенбарды, укладывал короткие волосы в стильную прическу, придававшую ему взрослый, солидный, деловой вид. Он всегда одевался лучше нас, но сейчас превзошел себя — классическая рубашка в какую-то витиеватую полоску, при взгляде на которую у меня разъезжались глаза, плотные джинсы с большими заклепками, щегольские кожаные ботинки. А на мне были привычные старые джинсы из секонд-хенда, потертые мотоциклетные сапоги с въевшейся пустынной пылью и худи. Рядом с ним я почувствовал себя нищебродом.

От него пахло вином.

— Надеюсь, ты не обижаешься, что мы утащили тебя. Крутая вечеринка? — спросил я.

— Да так. — Он пожал плечами. — Отмечали выход нашего приложения, прогнозирующего транспортный график. В разное время на разных дорогах собираем обезличенные данные пользователей и пытаемся заранее предсказывать, где и когда возникнут пробки. Учитываем планируемые дорожные работы и текущую информацию от министерства транспорта. Вы передаете нам свой календарь, мы смотрим, куда вы направляетесь, и даем советы, каких дорог избегать, чтобы

прибыть на место вовремя.

— Ого! Ужас какой, — сказала Энджи. Мне пришло в голову то же самое, но я благоразумно промолчал.

Однако Джолу не обиделся. Лишь усмехнулся.

— Во-первых, каждый пользователь дает добровольное согласие на обработку информации о себе. Во-вторых, все данные обезличиваются, то есть мы знаем, что в этом месте кто-то проехал, но не знаем, что это были вы. Но да, если у нас произойдет утечка данных, весь мир может узнать о вас много такого, чего вы не хотели бы сообщать.

Он сел на камень, достал из кармана жевательную резинку, предложил всем. Черная лакричная, его любимая, от которой язык и слюна приобретают тошнотворный черный цвет. От одного запаха я улыбнулся и унесся мыслями в старые добрые времена.

— А если до ваших серверов доберется полиция? — сказала Энджи. — Странное дело — мы изобретаем всякие икснеты, чтобы наши данные не попали в лапы правительства, но легко передаем их всевозможным компаниям. И полицейским достаточно прийти в дата-центр и спокойно все забрать.

— Ты и половины об этом не знаешь, — отозвался Джолу. — Как-нибудь я расскажу тебе о полицейском перехвате, у тебя волосы на ушах дыбом встанут.

— Кстати, о полиции и серверах, — вставил я. — У меня тут есть интересная техническая проблема, хочу обсудить ее с тобой.

— Так я и думал.

— Пока я не начал — у тебя телефон случайно не включен?

Он достал смартфон из кармана, снял заднюю крышку, показал пустой аккумуляторный отсек.

— Старик, estoy aqui por loco, no por pendejo.

Так звучала ударная концовка самого смешного испанского анекдота, какой я знаю. Правду сказать, единственного. Погуглите.

* * *

Джолу внимательно слушал, время от времени задавая вопросы. Я изложил свою гипотезу о взрыве на фестивале, и Энджи промолчала, не стала говорить, что не верит мне. Закончив рассказ, мы долго глядели на моего друга сквозь темноту, озаряемую лишь тусклым сероватым светом уличных фонарей над высоким обрывом.

— И что нам теперь делать? — спросил Джолу.

— Нам?

Он кивнул:

— Угу. Нам. Вы что думали, я останусь в стороне?

— В прошлый раз на этом самом месте ты говорил, что смотришь на вещи совсем не так, как я. Что для цветного последствия будут куда тяжелее, чем для белого.

— Да, говорил. И сейчас сто раз подпишусь под этим.

— Но все-таки хочешь вступить в дело.

Он устремил взгляд во тьму и ничего не ответил. До меня донесся запах жевательной резинки.

— Маркус, — заговорил он наконец. — Ты обратил внимание, какой нынче настал беспредел? Мы посадили в Белый дом вроде бы «хорошего» президента, и он делает то же самое, что и прежний. Поощряет пытки, ведет бомбардировки, содержит тайные тюрьмы. И стоит нам только отвернуться, как кто-нибудь так и норовит отнять у нас интернет, превратить его в колоссальную дурацкую ярмарку, откуда охранники вытолкают тебя взашей, если ты не так одет. Обратил внимание, какими деньжищами владеет один процент населения? День ото дня все больше народу попа-

дает за решетку, день ото дня все больше народу остается без крыши над головой.

— Обратил, — сказал я. — Но ведь дела всегда развиваются от плохого к худшему. Каждому поколению кажется, что у них-то проблемы самые ужасные, страшнее никогда еще не было. Разве не так?

— Так-то оно так, — отозвалась Энджи. — Только не у каждого поколения был интернет.

— В точку, — кивнул Джолу. — Я не хочу сказать, что в Великую депрессию или еще когда-нибудь все было хорошо. Но у нас есть возможности к самоорганизации, каких раньше не было. А у наших врагов есть возможности шпионить за нами, держать под контролем, бросать под арест.

— И кто же победит? — спросил я. — Мне всегда казалось, что победа будет за нами, потому что мы разбираемся в компьютерах, а они нет.

— Они тоже прекрасно разбираются. И всеми силами отыскивают новые способы воздействовать на нас. И если мы уйдем с поля боя, на нем останутся они. Подлецы, жадные до власти, шпионы, которые хотят контролировать всех и каждого.

— Значит, мы победим?

Джолу рассмеялся:

— Маркус, в этой войне нет победителей и проигравших. Есть только сама борьба.

— Стоило оставить тебя в покое на пару месяцев, и ты превратился в мастера Йоду.

— Так что же нам делать? — снова спросила Энджи.

— Ну, вряд ли мы сможем просмотреть все восемьсот тысяч файлов.

— Восемьсот десять тысяч девяносто семь, — уточнил я.

— Вот именно. Думаю, нам надо соорудить какой-то сайт, закрытый, защищенный, где мы сможем изучать эти материалы, выискивать в них рациональное зерно, оставлять заметки друг для друга.

— А что потом нам с этим делать?

— Опубликовать.

— Угу, — хмыкнула Энджи. — Но как этого достичь? Куда выложить информацию так, чтобы ее увидели все, кому она интересна, но при этом следы не привели бы к нам?

Джолу пожал плечами и устремил взгляд на развалины.

— Не знаю. Наверное, это зависит от того, каких людей мы найдем себе в помощь. Может быть, надо найти через гугл журналистов, которые

проявят интерес к этому делу, и послать им документы с бросового аккаунта. Или придумать еще что-нибудь. Не знаю. Но если перед тобой стоит задача из двух частей и ты знаешь, как решить одну из них, то лучше всего заняться этой частью. И, может быть, в процессе работы само собой найдется решение оставшихся вопросов.

— Пожалуй, так, — протянул я.

— Согласна, — кивнула Энджи. — Но, Маркус, как же быть с Зебом и Машей?

— М-да. Честно сказать, не знаю. Может быть, опубликовав эти материалы, мы навлечем на них еще большую угрозу. Может быть, наоборот, оградим от опасностей. Но нам известно, кто организовал их похищение. Кэрри Джонстон. И что бы мы ни делали с материалами, ее имя обязательно должно упоминаться в этой связи.

— Ты уверен, что это была она? — спросил Джолу.

— Есть лица, которые я не забуду до самой смерти. И одно из них — ее лицо. Это была она.

— Ладно, убедил. Теперь давайте поговорим о прямой секретности, — сказал Джолу.

Оказывается, Джолу знаком с серьезными ребятами из компании, создавшей «Тор». Сейчас они работали над даркнетом — тайной сетью, в кото-

рой можно хранить файлы и доски объявлений. Попасть на сайты даркнета может каждый, кому известен адрес. Но у этих сайтов есть огромное отличие от обычных: даже зная адрес, вы не сможете определить, где физически находится этот компьютер, кто им управляет, на каком сервере хранятся данные и как его отключить. На сайты в даркнете можно зайти, но их нельзя вырубить.

— Итак, у тебя есть точки входа — серверы, которым известны какие-то другие серверы, которым известны третьи серверы, которым известен путь к сайту даркнета. Ты просишь точку входа представить тебя серверу, он проводит всю положенную церемонию с другими серверами в цепочке и создает временную линию, которая отправляет тебя по одноразовому маршруту на даркнетовский сайт. Поэтому при каждом визите ты попадаешь на сайт различными, случайными путями.

Джолу помолчал и продолжил:

— Вот что я хочу сделать. Берем по дешевке простенькую виртуальную машину, ставим на нее «параноид-линукс» — разумеется, ни единого незашифрованного файла. Потом загоняем туда копию твоих данных и ставим клон «Гугл-таблиц». Берем документ, в первое поле вводим его

название, во второе поле — описание, оставляем место, куда можно вписывать ключевые слова. Сварганим скрипт, который будет включаться каждые пару минут и искать эти ключевые слова в еще не отсортированных документах. Он будет автоматически предлагать однотипные варианты.

— И что дальше? Мы втроем просмотрим все восемьсот тысяч документов?

По моим прикидкам, за ночь я смогу просмотреть от силы сотню файлов в зависимости от их сложности. При такой скорости мы одолеем всю партию не меньше чем за год. Слишком долго.

— Нет, не втроем. Чем больше глаз, тем видней баги. Привлечем к делу как можно больше народу. Тех, кому можем доверять. — Кажется, у меня есть такие знакомые, — прищурился Джолу.

* * *

На следующий день я чуть не опоздал на работу. Вернувшись домой, просидел над документами еще несколько часов. Идея Джолу с поиском ключевых слов по всему массиву навела меня на интересные мысли.

Первым делом я провел поиск по словам «Маша» и «Зеб». В нескольких файлах попадались

«зебра» и «машаллах», и только. Потом попробовал «Маркус» и «Яллоу». Набрел на пятерых Маркусов, но все они были не мной.

Потом попытал счастья с «Кэрри Джонстон» — и попал в точку.

У Кэрри Джонстон в Ираке было много забот. Ее имя упоминалось в четырех с лишним сотнях документов. Сначала я шел по ним в алфавитном порядке, но вскоре запутался. Тогда меня осенила гениальная мысль отсортировать их по дате и начать с самых старых. Новейший документ был датирован всего месяцем назад.

Зачитавшись этими четырьмя сотнями документов — одни были совсем короткие, другие очень длинные, — я просидел до трех часов утра. Передо мной проплывала удивительная, чудовищная карьера Кэрри Джонстон, тесно связанная с Вооруженными силами США.

Первый документ относился к временам службы Джонстон на военной базе в Тикрите, городе, где находился старый дворец Саддама Хусейна. В файле содержался ее доклад с описанием передачи партии иракских заключенных в руки иракской полиции. Сначала я не понял, почему кто-то дал себе труд сохранить этот документ, но следующий доклад внес ясность. В нем разъясня-

лось, почему никто не поставил Красный Крест в известность об обмене пленными и не получил от иракской полиции никаких подтверждающих расписок. Немного погуглив, я понял, что это означает: пятьдесят один человек, в том числе женщины и дети, сгинул в застенках иракского правосудия, и об их дальнейшей судьбе ничего неизвестно. Их арестовали по анонимным доносам или схватили на улице за «подозрительное поведение». И для всего белого света они навеки останутся безымянными узниками, томящимися неведомо где, в то время как семьи оплакивают их гибель. А может быть, их давно нет в живых, и бренные останки покоятся в братской могиле.

Потом она перевелась на военную базу «Гризли», где работала в разведке бок о бок с военной полицией. Там ей объявили выговор за несанкционированное применение стрессовых методов допроса пленных, подозреваемых в терроризме. Она контролировала массовую зачистку, в результате которой было арестовано более пятисот подозреваемых. В последующие месяцы все они были освобождены, так как расследование показало, что они не имеют никакого отношения к терроризму.

Примерно в то же время она уволилась из

армии. И, хотя она добровольно написала прошение об отставке, в деле имелся также доклад вышестоящего офицера из Главного управления по кадрам, где говорилось, что ей «указали на дверь» после некоего «инцидента», связанного с «материально-техническим обеспечением». Еще один доклад прояснял суть дела более отчетливо — Джонстон была замешана в поставках американского оружия и боеприпасов наемникам из частной военной компании, и это оружие засветилось в ходе массовой бойни, в которой погибли сотни человек.

С тех пор она стала работать как частное лицо, сотрудничая с той самой военной компанией, то есть подыскивала и брала на службу наемных убийц, а позже засветилась в чрезвычайно прибыльной сделке, заключив выгодный контракт с той самой военной базой, откуда ее выгнали.

Какая гадость.

Лежа в кровати, я тщетно пытался уснуть. В голове вихрем кружились мысли. Интересно, кто поручил Кэрри Джонстон схватить Машу. Она сделала это по собственной инициативе, потому что в украденном файле было слишком много компромата лично на нее? Или выполняла задание американского правительства? Как так

вышло, что армия вышвырнула ее за порог, а через месяц взяла обратно, поручив ту же самую работу за десятикратно большее жалованье? Они там что, белены объелись?

* * *

Я не мог себе позволить на следующий день прогулять работу, поэтому поплелся в штаб. Заглянул в кофейню к турку, пожевал кофейных зерен в шоколаде, закончил инвентаризацию и составил схему сети. Джо удивил меня, пригласив на обед. Оказывается, он включил это в свой график. Я впервые услышал об этом, когда ровно в половине первого он подошел к моему столу и остановился с выжидательной улыбкой.

— Здравствуйте, Джо, — поприветствовал я.

— Маркус, не пора ли перекусить?

Мы пошли в симпатичное вегетарианское кафе, где его знали по имени и сразу усадили за столик. Он тоже знал там всех по именам, поздоровался со всеми без исключения, от официанта до парня, наполнившего нам стаканы с водой, при необходимости переходил на испанский и искренне, по-дружески расспрашивал о женах, мужьях, детях, здоровье.

Больше всего меня поразила его искренность.

Когда я бывал в ударе и чувствовал неодолимую тягу к общению, я мог вспомнить по имени самое большее половину из тех, кого видел. У меня вообще плохая память на имена. А когда мне начинали рассказывать о родителях, детях, братьях, сестрах и тому подобном, я старался изображать заинтересованность, но, честно говоря, какое мне дело, чем живут люди, которых я едва знаю или вообще ни разу не встречал?

Но Джо обладал сверхъестественной способностью проявлять искренний интерес к людям. Когда он говорил с вами, создавалось впечатление, что он в самом деле внимательно слушает вас, а не просто ждет, когда вы закончите, чтобы сказать то, что намеревался. Он был, даже не знаю, словно святой из религиозных рассказов, человек, которого переполняет любовь к ближнему.

И знаете, что самое удивительное? Рядом с ним мне не было стыдно за то, что я не питаю к людям такого же интереса. Наоборот, хотелось походить на него, стать таким же внимательным.

Когда заказ был сделан и стаканы с водой наполнены, Джо сказал:

— Спасибо, что нашел время для меня. Понимаю, как ты занят.

Будь на его месте кто-нибудь другой, я счел бы его слова за язвительную лесть, но он говорил так, будто искренне считает работу вебмастера и сисадмина самой трудной на свете и от души радуется, что его задача гораздо проще — всего лишь победить на выборах.

— Не за что. То есть… с удовольствием. То есть… это просто замечательно. Я очень рад, что у меня есть работа, да еще такая крутая. Все вокруг такие хорошие, интересные люди, и я всей душой верю в вашу платформу, и… словом, это очень здорово. — Я лепетал как идиот и не мог остановиться, а он, казалось, даже не замечал, как я барахтаюсь.

— Помнишь, мы в тот вечер говорили с тобой по телефону. Я тогда сказал: чтобы моя кампания стала успешной, мне нужно активно использовать технологии. И я не сомневаюсь, что Флор при разговоре с тобой выразила совершенно определенное мнение о том, что именно требуется от тебя. Тебе наверняка интересно, кто из нас победил в этой небольшой схватке. И чтобы помочь тебе принять решение, я расскажу кое-что из контекста. Флор — твоя непосредственная начальница, однако она командует не только тобой, но и мной. Мне хорошо известна ее уверенность

в том, что для успеха избирательной кампании надо истоптать немало сапог, стучаться в двери, разговаривать с людьми, собирать деньги. В чем-то она права, и поэтому я терплю ее командирские замашки. Но кандидат здесь все-таки я, и у меня есть дополнительные приоритеты. Обрати внимание, я говорю «дополнительные», а не «другие». Насчет денег, стука в двери и стоптанных сапог Флор совершенно права. Понимаю, что в этой беготне ты будешь выкладываться до последних сил, но хочу, чтобы ты поразмыслил кое о чем другом. Помоги мне с помощью технологий обратиться к людям, которые остаются вне моего охвата. Расскажи, как технологии могут повлиять на общение избирателей с их представителями, дабы сделать работу правительства открытой и подотчетной. Каждая волна новых технологий, от газет до радио и телевидения, по-своему видоизменяла политику, и не всегда к лучшему. Многие политики считают интернет всего лишь инструментом для сбора денег и координации волонтеров, однако, на мой взгляд, они используют возможности глобальной сети меньше чем на один процент. Технологии могут принести в сотни раз больше пользы. Помоги мне найти остальные девяносто девять процентов.

Ого.

— Хорошо, — сказал я. — В какой форме это представить — написать реферат, сделать веб-сайт или что-нибудь еще?

Он улыбнулся:

— Для начала давай побеседуем примерно так же, например, завтра в конце дня. Скажу Флор, пусть вставит эту встречу в мой и твой график.

Мне стало лестно, но немного страшновато. Очень не хотелось подводить его, но в голову лезли только сайты даркнета да рассекреченные файлы. Интересно, как он среагирует, если я скажу, что у меня в руках более восьмисот тысяч конфиденциальных документов с компрометирующей информацией о правительстве. Но также я хорошо помнил слова Флор: «Стоит мне хоть единственный раз заметить малейшие признаки незаконных, аморальных, опасных поступков, если вы даже хоть раз прибегнете к этим вашим хакерским штучкам с буквами и цифрами, я лично вышвырну вас пинком под зад».

* * *

После работы я пошел к Энджи. Джолу уже соорудил для нас сайт в даркнете и скачал с бит-торрента копию документов. Я вручил ему

флешку с ключом, и, когда я с помощью аварийного прерывателя и анонимного частного выхода в сеть перевел свой компьютер в безопасный режим, сайт был уже готов к работе.

Точнее, уже работал. В обеденный перерыв Джолу встретился с Ван, и, пока я оснащал серверы в штабе Джо последними версиями патчей, она ухитрилась прочесать пятьдесят документов. Интересно, успела ли она поговорить с Дэррилом. Он был мне лучшим другом, почти что братом, но мы не виделись уже несколько месяцев. Слишком уж все между нами было запутанно — он встречался с Ван, а она когда-то призналась, что ей нравлюсь я; после заключения в тюрьме Гуантанамо-в-Заливе его разум был неимоверно хрупок; он отчаянно боролся, чтобы справиться хотя бы с половинной учебной нагрузкой в Беркли. Не стоит Дэррилу смотреть ту чудовищную презентацию про ватербординг.

Над документами трудилась не только Ванесса. Джолу подрядил нескольких самых доверенных друзей с загадочными никами типа Леворукий Мутант и Бесконечный Овощ. Надеюсь, у Джолу есть основания доверять им. И надеюсь, он не разболтал, откуда взялись эти документы. Из чистого любопытства я погуглил незнакомые

ники и с удовлетворением убедился, что они никогда и нигде больше не употреблялись. Весьма распространенная ошибка — повторно использовать ник, под которым ты уже однажды где-то засветился, потому что его можно будет связать с твоим настоящим именем.

Судя по тегам и кратким сводкам, Бесконечный Овощ трудился над огромным массивом данных по студенческим кредитам. Я смутно слышал, что правительство обеспечивает гарантиями кредиты на учебу, выданные университетами, а банки выкупают их и сами добиваются погашения. В даркнетовских документах приводилось множество отвратительных деталей — например, веселая переписка между конгрессменом, получившим слезное письмо от избирательницы, чей долг в результате чудовищных пеней вырос от двадцати тысяч до ста восьмидесяти тысяч долларов, и директором банка, получившим эти пени. Похоже, конгрессмен с банкиром были добрыми друзьями, и несчастье этой девушки не вызывало у них ничего, кроме хохота.

Джолу добавил к огромной таблице кнопку «Мне повезет», которая выдавала случайный документ, еще не каталогизированный. Я нажал на нее и получил загадочный набор цифр и

аббревиатур. Попытался погуглить поисковые термины, но ничего не добился. Взял еще один документ, еще и еще. Процесс был завораживающий, словно переключаешь каналы какой-то огромной кабельной сети, где по всем программам идут только непонятные мрачные передачи про подлости, коррупцию и убийства.

— Господи Иисусе, — воскликнула Энджи. — Смотри, что мне попалось.

Я отсортировал таблицу по авторам и нашел строку, только что добавленную Энджи. Это была инструкция к сетевому устройству для полицейского перехвата информации. Устройство монтировалось на оборудовании интернет-провайдеров, мониторило все запросы на обновление, приходящие с андроид-смартфонов, и проверяло, находится ли владелец смартфона в целевом списке. Если да, то устройство перехватывало сетевую сессию и посылало на телефон фальшивое обновление, которое позволяло шпионам тайно включать GPS, камеру и микрофон. Я в ужасе уставился на собственный телефон, лежащий у кровати, потом перевернул его и вытащил аккумулятор.

— Читай дальше, — велела Энджи. Она подгрузила связанные документы и обнаружила целую

партию перехваченных электронных писем и телефонных переговоров. В одном из них содержалась жалоба полевого агента ДВБ на объект, который установил на свой телефон «параноид-андроид» и стал недоступен для отслеживания.

— Что за «параноид-андроид»? — спросил я.

— Как раз про него читаю, — ответила Энджи. — Кажется, он работает на CyanogenMod. — Я, конечно, знал, что такое «цианоген». Хакеры взяли открытый исходный код гугловской операционной системы «андроид» и сделали свою версию, совершенно бесплатную, открытую и способную проделывать много интересных штук. — Он не принимает обновлений, если их контрольные суммы не такие, как у остальных пользователей и официальных релизов. То есть отличает настоящие обновления от поддельных.

— Так чего же мы сидим? Давай его установим!

Энджи указала на свой телефон, уже подключенный к ноутбуку.

— А чем я, по-твоему, занимаюсь?

— Перепрошьешь потом мой?

— Ага.

Дальше обнаружилось еще больше интересного. Некоторые устройства для полицейского перехвата могли маскироваться под обновления

iTunes для Маков и ПК, а одно из них посылало фальшивые обновления на ваш браузер. Потом мне попалось сохраненная переписка главного администратора информационных систем в ДВБ, который до перехода в департамент работал в одной из таких компаний. Его бывший начальник рассказывал, как они с помощью офшорной фирмы, зарегистрированной в Экваториальной Гвинее — стране, о которой я даже не слыхивал! — продавали свою продукцию в Китай, Ирак и другие страны.

Потом стало еще хуже. Списки запросов от органов правопорядка с требованиями об установке шпионских программ на гаджеты активистов, участвовавших в мирных протестах. Доклады об использовании этих систем криминалитетом для слежки за потенциальными жертвами преступлений.

Я пытался понять, как работают эти шпионские программы. Ведь все обновления поступают по протоколу SSL, который идентифицирует отправителя с помощью криптографических сертификатов. Как им удается имитировать запросы от «Эппла», «Гугла», «Майкрософта» и «Мозиллы»?

А вот как. Поиск по ключевым словам «сер-

тификаты полицейского перехвата» вывел на еще одну переписку, на сей раз с крупнейшей американской компанией по компьютерной безопасности, владеющей сертификатом подписи, которому доверяют все браузеры и операционные системы. Они много лет поставляли в ДВБ незаполненные сертификаты, которые позволяли правительству благополучно выдавать себя за ваш банк, или за компанию, где вы работаете, или за «Эппл», «Майкрософт» или «Гугл».

Мы с Энджи поделили между собой остальные документы о полицейском перехвате и стали все глубже погружаться в ужасающие тайны шпионажа. Не успел я оглянуться, как пробило два часа ночи. Глаза слипались.

— Хочешь остаться у меня? — спросила Энджи, когда я зевнул в десятый раз за пять минут.

— Кажется, я уже остался.

Этим летом мы начали оставаться друг у друга на ночь, и, хотя поначалу было неловко (особенно завтракать с родителями!), постепенно все привыкли. У моих родителей имелись более серьезные поводы для беспокойства, а мама Энджи была из тех замечательных взрослых, кто инстинктивно понимает, чему следует придавать значение, а чему нет.

Глава 8

Несколько лет назад террористы взорвали мост в моем родном городе Сан-Франциско. Погибли более четырех тысяч человек. И после этого нам сказали: теперь все по-другому. Как раньше уже не будет. У нас больше нет тех прав, к которым мы привыкли, потому что поймать террористов — это важнее, чем какие-то там наши права и свободы.

Потом нам сказали: террористы пойманы. У истоков этого страшного злодеяния, вероятно, стоял один из тех, кого в Йемене расстреляли с дрона. Если это правда, то, пожалуй, хорошо, что его прикончили. Надеюсь, что это все-таки правда. Никаких доказательств нам, разумеется, не представили, отговорившись соображениями «национальной безопасности».

Но слова «Как раньше уже не будет» оказались не констатацией факта, а требованием. Они якобы должны были описывать новую реальность, но на самом деле требовали от каждого признать эту новую реальность, ту, в которой за нами можно шпионить, можно нас арестовывать и

подвергать пыткам.

Через несколько лет все изменилось опять. Чуть ли не в одночасье все вдруг лишились работы, ни у кого не осталось денег, людей за долги начали выселять из домов. Никто не понимал, почему так случилось: ведь теперь каждому уже стало понятно, что как раньше уже не будет, а как будет — об этом никто говорить не желал.

Когда улицы полны вооруженных солдат и полицейских, которые твердят, что отныне все стало по-другому, то указать на причину этого было легко, потому что она имела человеческое лицо. И каждый соглашается: да, теперь все иначе.

Но когда некая таинственная общественная, или финансовая, или политическая сила перекраивает весь мир на новый лад, когда слова «Как раньше уже не будет» становятся не требованием, а констатацией факта, почему-то бывает гораздо труднее смириться с переменами и решить, как с этим быть.

Одно дело — требовать, чтобы с улиц ушли вооруженные охранники. И совсем другое — понять, что нужно сделать, чтобы из нашей жизни исчезли скромные красные листочки просроченных векселей и безмолвные судебные приставы

с извещениями о выселении.

* * *

На следующий день я чуть не опоздал на работу. Выхватил обратно из груды стирки одну из своих похищенных футболок (Энджи обожала в них спать). От футболки исходил восхитительный запах моей девушки, поэтому у меня сразу поднялось настроение. Я вошел в штаб и прямиком направился к своему столу.

Ко мне, чуть не приплясывая, подскочил Лиам.

— Привет! — вскричал он. — Нет, ты можешь себе представить?

— Что? — спросил я.

— Сам знаешь! То самое, в даркнете!

Кровь отхлынула от лица и забурлила в животе, как штормовой океан. В ушах застучало.

— Чего-чего? — переспросил я.

— Неужели не видел?

Он перехватил у меня мышку, открыл браузер, перешел на главную страницу «Реддита», сайта, куда можно выкладывать свои истории и голосовать за чужие. На главной странице только и разговоров было, что об утечках в даркнете. Оцепенев, как в фильме ужасов, я щелкнул по одной из ссылок. Она вела на рассказ об анонимно вы-

ложенном на pastebin.com файле с инструкцией по использованию устройств полицейского перехвата для удаленного управления телефоном на «андроиде» и включения его камеры. Тот, кто выложил файл, направил репортеру на wired.com письмо о том, что в даркнете выложено еще 800 000 таких документов и что волонтеры прочесывают их и вскоре обнародуют еще. Ни словом не упоминалось, откуда появились файлы и кто такие эти волонтеры.

Я вернулся на «Реддит» и проверил остальные ссылки. Сколько даркнетовских документов утекло в открытый доступ? Но везде рассказывалось в разных вариантах примерно одно и то же: восемьсот тысяч документов, даркнет, будут новые разоблачения. Не больше. Я начал понемногу успокаиваться.

— У тебя телефон на «андроиде»? — спросил Лиам.

— Да. Но я поставил «параноид-андроид» — это альтернативная прошивка, устойчивая к подобным шпионским программам.

— Правда? — раздался голос Джо. Он неслышно подошел к нам, пока мы разговаривали, и я подскочил. — Полно, полно, Маркус, успокойся. У меня тоже телефон на «андроиде». Знаешь что,

давай я на обед закажу пиццу, а ты проведешь нам мастер-класс по безопасности телефонов. Кажется, нам всем не помешает узнать об этом побольше.

— Да, конечно, — отозвался я. — Обязательно.

Хотя сам, едва увидев рассказ на Wired, сразу стал строить планы вместо обеда прихватить с собой что-нибудь перекусить, отыскать сеть WiFi с защитой по слабому протоколу WEP, подключиться, нырнуть в даркнет и разобраться, что там стряслось. Нет, я, конечно, лучше чем кто-либо знал, что идеальной безопасности не существует, и понимал, что рано или поздно найдется ловкач, который без приглашения докопается до наших даркнетовских документов. Но не думал, что это случится на следующий же день после публикации!

Но и работой пренебрегать было нельзя. Я так долго о ней мечтал и получил такое хорошее место. И даже если в эту минуту по моим следам идет безжалостная армия наемников, это не значит, что я откажусь помогать Джо на выборах.

Поэтому, когда начался обеденный перерыв, я стоял у белой пластиковой доски с куском пиццы в одной руке, маркером в другой и рисовал схемы того, как злоумышленники могут получить кон-

троль над вашим телефоном и что делать, если его взломали.

Джо задумчиво дожевал свой кусок пиццы, вытер пальцы и рот и поднял руку:

— Ты хочешь сказать, что в наши телефоны может проникнуть полиция?

— Нет! — аж запрыгал в кресле Лиам. — Он говорит, что кто угодно может…

Я вскинул руки, и Лиам успокоился.

— Я хочу сказать вот что. Если в дата-центре телефонной компании установлено оборудование для перехвата, то пользоваться им может каждый, у кого есть логин и пароль.

— Но у кого есть логин и пароль? У полиции, да?

— Скорее всего нет. В просочившихся документах утверждается, что этими устройствами распоряжается телефонная компания или интернет-провайдер. Поэтому полицейский просто звонит технику, ответственному за перехват, и тот делает все, что поручено. Так что список лиц, способных получить доступ к телефонам, довольно широк. В него входят те, кто сумеет взломать сеть провайдера, подкупить или шантажировать кого-либо из сотрудников провайдера, кто сможет убедительно изобразить из себя поли-

цейского, кто заставит настоящего полицейского дать ему доступ, а также те, кто сумеет за деньги нанять человека, способного проделать все вышеизложенное.

— Получается, что превратить чей угодно телефон в супержучок не сложнее, чем подделать талон за неправильную парковку?

— Мне никогда не доводилось подделывать парковочные талоны, — признался я. — Я вообще не за рулем. А что, это сложно?

Джо побарабанил пальцами по столу:

— Для тех, кто богат или имеет нужные связи, совсем не сложно. Мне так рассказывали.

— Ага, — подтвердил я. — Те, кто богат или имеет нужные связи, могут превратить любой телефон в жучок. Теоретически это относится не только к смартфонам на «андроиде». Можно выпустить аналогичные обновления для «Айтьюнс», «Файерфокса» или любого другого приложения. Для этого нужен только сертификат подписи и… — Я запнулся, вспомнив, что в документах не было ни слова о сертификатах подписи. — И тому подобное. Так что в теории любой компьютер, любой телефон, любой гаджет, автоматически получающий обновления, может быть превращен в жучок. Надо только установить на него

соответствующие программы.

У меня вспотели ладони. Возможно, Джо и остальные сотрудники штаба не знали, что такое сертификаты подписи, но Лиам это прекрасно понимал. Он слушал так внимательно, словно старался навсегда запомнить каждое изреченное мной слово.

— И вот еще что, — добавил я. — Если ваш компьютер подхватит заразу, то наблюдать за всеми вашими действиями сможет не только полиция или те, кто установил жучок.

Джо снова поднял руку и потребовал:

— Объясни.

— Вот как это работает. Скажем, я подкупил кого-то, чтобы он запустил жучка в ваш компьютер. Теперь на вашем девайсе стоит вредоносная программа, которая может, например, смотреть, что передает ваша камера, слушать микрофон, следить за нажатиями клавиш, похищать файлы с жесткого диска и тому подобное. Может быть, эта программа стоит на каком-нибудь удаленном сервере, и в этом случае любой, кто взломает этот сервер, получит доступ ко всем зараженным компьютерам, смартфонам и прочим гаджетам. Или же она прописалась на вашем компе, и я, получив управление над ним, могу перейти с него

на любой зараженный компьютер. Есть и другой вариант: если кто-то догадался, что на вашем компьютере работает жучок, он может напрямую подключиться к вашему компу — например, гулять возле вашего дома, взломать пароль от вайфая, дождаться, пока вы включите машину, и завладеть ею. Или же они вообще знать вас не знают, просто сидят в «Старбаксе», ждут, пока в сеть войдет чей угодно зараженный компьютер, а потом перехватывают управление.

Теперь руку подняла Флор:

— Насколько это реалистично? В смысле, это все звучит очень устрашающе, но ты можешь хотя бы примерно сказать, много ли компьютеров были заражены таким методом? Надо ли беспокоиться об этом в повседневной жизни? Или вероятность здесь примерно как попасть под удар молнии?

Я пожал плечами:

— Думаю, спрашивать об этом надо не у меня. Я такими штучками никогда не пользовался, никому не отстегивал сотню тысяч за такую коробочку. Думаю, если полиция их покупает, то, значит, использует. Относитесь к этому примерно как к ВИЧ. У вашего компьютера есть иммунная система, она защищает его от паразитов с помо-

щью паролей и тому подобного. Когда компьютер взломан, его иммунная система ослабевает. И поселиться в нем могут любые паразиты. — Я на миг задумался. На душе стало спокойнее. Нет, не совсем так. Я по-прежнему волновался, но страх исчез. Приятно было сознавать, что весь штаб ловит каждое мое слово. Сразу чувствуешь себя умным и значительным. — Точнее будет сказать, что иммунной системой обладает вся сеть. Ее опорные точки — честные интернет-провайдеры, которые не запихивают в ваш компьютер вредоносные программы. Когда маршрутизатор вашего провайдера сообщает, что файл пришел от «Гугла», «Эппла» или «Мозиллы», ваш компьютер верит этому. Но если вы начнете мухлевать с этим процессом, если создадите процедуру, которая вынудит провайдера втайне обманывать своих абонентов, вот тогда и вступит в действие иммунная система.

— И что же нам делать?

— Ну, с «андроидом» очень просто, — объяснил я. — Эта операционная система открытая и бесплатная, то есть «Гугл» публикует ее исходный код. Группа хакеров разработала альтернативную версию под названием «параноид-андроид», которая, получив обновление, сразу же прове-

ряет возможные источники и решает, можно ли им доверять. Установить ее было довольно сложно, но сейчас становится легче. Я написал небольшой скрипт-установщик, облегчающий работу, вы можете скачать его из внутренней сети. Просто подключите ваш андроид-смартфон к компьютеру, запустите этот скрипт, и прошивка установится сама собой. Если будут проблемы, обратитесь ко мне.

— Но откуда мы знаем, что этому скрипту можно доверять? — спросила Флор. — Может быть, ты хочешь заразить все наши девайсы.

Лиам аж подскочил:

— Маркус ни за что не стал бы…

Я невольно рассмеялся.

— Нет, все верно. Флор, вы задали хороший вопрос. У вас нет никаких оснований мне доверять. Я здесь работаю всего пару дней. Правда, вы сами позвали меня работать сюда, так что вряд ли я планировал наводнять ваш штаб зловредным софтом, но, может быть, у меня просто хобби такое — подпускать всем жучков. — Я задумался над этим. — Вы, наверно, можете погуглить сами, проверить все, что я вам тут рассказал, и скачать «параноид-андроид» самостоятельно. Но а вдруг я нарочно засунул в сеть эту информацию, чтобы

Гугл ее нашел. Наверное, все зависит от степени вашей паранойи.

— Степень моей паранойи умеренная, граничит с благоразумием и здравым смыслом, — объявил Джо, вызвав всеобщие смешки. — Я установлю твою программу. Что мне делать дальше?

— Ничего ровно до тех пор, пока ваш телефон не предупредит, что доступно обновление. Тогда погуглите, или позовите меня, или положитесь на собственное суждение. Подобный флажок существует для «убунту линукс», если кто-то из вас работает на этой операционной системе. Он сообщит, если доступное обновление не соответствует контрольной сумме публичных серверов. К сожалению, не знаю, существуют ли аналогичные решения для Маков и «виндоус». — Я развел руками. — Пицца еще осталась?

* * *

Джолу выложил для нас в даркнет небольшое приложение для чатов и сразу приступил к делу:

> ДАВАЙТЕ ИСКАТЬ, КТО РАСПУСКАЕТ ЯЗЫК. ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДАРКНЕТА — НЕ ГОВОРИТЬ О ДАРКНЕТЕ. — Пухлый Кролик

«Пухлый Кролик» был ником, который Джолу выбрал себе. В придачу он соорудил генератор никнеймов, который помогал нам выбрать случайные, одноразовые, круто звучащие прозвища.

Мне показалось, что он воспринимает всю нашу затею не слишком серьезно. Сплошные заглавные буквы, шутливый тон. Мы имеем дело с выбросом плутония, а он ведет себя, словно речь идет о мелких неприятностях.

> Ребята, дело серьезное. Пухлый Кролик, ты уверен, что проболтался кто-то из нас? Может быть, нас взломали? — Злой Локомотив

> наверняка сказать невозможно, но похоже на то. Я пролистал журнал, на сайте не было никого, кроме нас. Может, кто-то словил скринлоггер, регистрирующий все действия на компе? — Пухлый Кролик

Ну да, конечно. Может быть, за нами самими следят. Горький юмор ситуации: подпустить жучка, чтобы следить за теми, кто нашел утечку о жучках и собирается с помощью жучков слить утечку в прессу… От этих мыслей у меня голова

пошла кругом. Я решил придерживаться принципа бритвы Оккама. Предположение, что кто-то проболтался, выглядело гораздо реалистичнее.

> Я знаю, что могу доверять тебе, всей нашей банде и еще Вкусному Утенку

(Это была Энджи).

> Но как насчет остальных твоих друзей? — Злой Локомотив
> А почему мы должны доверять твоей банде? С каких пор ты стал непогрешимым? — Беспокойный Агент

Так звали одного из помощников, которых привел Джолу, но больше я не знал о нем — или о ней — ничего. Мы с Джолу решили не разглашать ничего сверх самого необходимого минимума. Мне не обязательно было знать, кто такой Беспокойный Агент, главное — под этим ником скрывается человек, которому Джолу полностью доверяет.

Джолу не Джолу, но у меня руки зачесались пристукнуть этого Беспокойного Агента. Как он смеет сомневаться в Дэрриле, Ван, Энджи и мне? Тем временем Энджи тоже прочитала сообщения на своем экране. Она сидела на моей кровати

скрестив ноги, склонившись над ноутбуком так, что волосы закрыли лицо. Услышав, как мои пальцы сердито застучали по клавиатуре, сказала:

— Эй, босс. Успокойся.

— Но… — начал я.

— Знаю, знаю. С интернетом что-то стряслось. Считай до десяти. В троичной системе.

— Но…

— Считай.

— Один. Два. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Двадцать. Двадцать один. Двадцать два. Сто. Сто один. Сто два. — Я умолк. — Сбился со счета. Сто два — это десять или одиннадцать? — Считать в двоичной системе я мог, даже когда злился, но для счета в троичной — с основанием три — требовалось гораздо больше сосредоточенности. — Ладно, твоя взяла. Я успокоился.

> Ты прав, доверять нельзя. — Вкусный Утенок

> Ты не знаешь нас, а мы не знаем тебя. И не можем продолжать нашу работу, если кто-то ради хвастовства пускает в даркнет бестолковых болтунов. И что же нам делать? Прекратить всю эту затею? —

Вкусный Утенок

> Я могу включить регистрацию и сделать ее видимой для всех. Тогда мы узнаем, кто просматривал каждый документ. Если какой-то документ просочится наружу, у нас будет список всех, кто его читал. Если просочится много документов, круг сузится, и мы вычислим человека, который читал их все. — Пухлый Кролик

> Если допустить, что треплется только кто-то один. — Злой Локомотив

> Да, может, мы все тут говорливые. — Посейдон Змей

(Это был еще один из приятелей Джолу).

> Регистрация — идея хорошая. Если каждый будет видеть, что делают другие, то все станут вести себя честно. — Злой Локомотив

> А что, если крысятничаю я? В этом случае я смогу редактировать журнал регистрации, а вы, салаги, об этом даже не узнаете. — Пухлый Кролик

> Ха-ха. Ну и шутник ты у нас. Если ты крысятничаешь, нам всем крышка. Ты уж, пожалуйста, не делай этого. — Вкус-

ный Утенок

— Ну ладно, на том и угомонимся, — вздохнул я. — Спасибо, что уберегла меня от превращения в онлайн-злюку.

— Обращайтесь. Не следовало во всеуслышание говорить «как мы можем доверять твоим друзьям». Нехорошо.

Я хотел было поспорить, но спорить тут, в общем-то, было не о чем. Ведь я же вышел из себя, когда Беспокойный Агент сказал мне то же самое.

— Угу, да, проехали. — Я пролистал вверх и вниз колоссальную таблицу из восьмисот с лишним тысяч строк. — Что сегодня почитаем?

— Давай о полицейском перехвате. Алгоритм выловил сотни документов на эту тему. Раз уж мы к ней приступили, изучим поподробнее.

— Договорились, — согласился я. — Ты бери предлагаемые документы из первой половины, а я двинусь на четыреста тысяч строк вперед. Кстати, мама пригласила тебя остаться на ужин.

— Вот и чудненько, — отозвалась Энджи, и мы принялись за работу.

* * *

Стоит упомянуть еще об одной особенности даркнетовских документов: почти все они невероятно скучны. Длинные ряды чисел. Невнятные доклады, написанные бюрократическим жаргоном, щедро усыпанные аббревиатурами, именами людей и названиями организаций, о которых я слыхом не слыхивал. Был велик соблазн перескочить через них и заняться чем-нибудь поинтереснее или хотя бы попонятнее, но здесь то и дело попадались детали, с которыми какой-нибудь другой документ обретал смысл, вставал на место еще один кусочек пазла, и я радовался, что дал себе труд прочитать это.

Вот, например, документ от Сан-Францисского объединенного управления образования. В нем перечислялись школы, участвовавшие в «эксперименте по противодействию воровству ноутбуков», проведенном год назад. На ноутбуки, выданные в школе, ставились следящие программы, которые каждый день-другой связывались с базовой станцией в районе, где расположена школа. Таким образом отслеживались украденные ноутбуки — программа узнавала их IP-адреса и передавала в полицию. Сначала я не обратил

большого внимания на то, что школа имени Сезара Чавеса находится в верхних сточках списка экспериментальных площадок, а потом вспомнил, как все четыре года учебы таскал в рюкзаке школьный ноутбук.

Но еще через десять или пятнадцать документов я наткнулся на описание продукта под названием «ноут-лок», использованного в эксперименте. Стало интересно, почему алгоритм Джолу пометил этот документ как имеющий отношение к полицейскому перехвату. На каких ключевых словах он выскочил? Оказывается, этими словами были «скрытое включение» и «веб-камера». Термин «скрытое включение» говорил сам за себя: если вы установили на гаджет следящую программу, которая связывается с базой в случае кражи, то, естественно, не хотите, чтобы эта программа афишировала свою работу. «Внимание, вор! Я собираюсь сообщить в полицию ваш IP-адрес. Хотите продолжить? [ОК] [ОТМЕНА]»

Но зачем активировать веб-камеру на украденном ноутбуке? Я пролистал брошюру. Ну конечно, чтобы сфотографировать вора. Программа может скрытно включать веб-камеру, так, чтобы не загоралась лампочка индикатора включения, фо-

тографировать вора и тихо отправлять его фотку в учебную часть. А вот это уже кошмар. Ведь кто угодно из учеников может добыть логин и пароль и с помощью этой фишки тайно наблюдать за одноклассниками. Мой ноутбук стоял открытым у меня на столе постоянно — и когда я спал, и когда одевался, и когда мы с Энджи…

Тьфу ты черт.

Я продолжил раскопки. Теперь я знал название продукта, а это уже позволяло провести поиски. И — вот оно! В даркнетовских документах слово «ноут-лок» встречалось множество раз. Я отсортировал их по дате и углубился в чтение увлекательной переписки между сотрудницей информационного отдела из управления образования и ее начальством. Девушка обеспокоенно докладывала, что один из школьных директоров использует интерфейс администратора в «ноут-лок» для слежки не за ворами, а за учениками своей школы, причем делает это и ранним утром, когда они, возможно, одеваются, и ночью, когда они, скорее всего, спят.

Девушка заглянула в общую сетевую папку этого директора и обнаружила тысячи снимков учеников и их родственников — иногда обнаженных, иногда спящих. Там лежали также аудио- и

видеозаписи личных разговоров учеников с родителями. Начальник не в меру совестливой сотрудницы пришел в ярость, потому что рядовым сисадминам не положено «шпионить» за директорами школ. Спор разгорался все жарче, девушка подчеркнула, что ее «шпионаж» — детский лепет по сравнению с тем, что вытворяет директор, и закончилось дело тем, что ее вынудили написать заявление об увольнении. Мне стало ее жалко. Такому достойному специалисту нелегко будет найти новое место в нашем гнусном современном мире.

Такое случалось не только в Сан-Франциско. В других районах тоже находились школьные директора, не способные устоять перед возможностями, которые открывает панель управления «ноут-лока», и считавшие, что слежка за учениками входит в круг их прямых служебных обязанностей. Однако директором, о котором шла речь в переписке, был не кто иной, как некий Фред Бенсон.

Когда-то Фред Бенсон был заместителем директора в школе имени Чавеса и с высоты своего престола вершил строгий суд над невежами, осмелившимися задеть его тонкое чувство консервативной морали.

То есть надо мной.

Но старый Фред Бенсон был вынужден уйти на пенсию, когда стало ясно, что жители Сан-Франциско, да и всей Калифорнии, не намерены отдавать свой город «силам законности и правопорядка» — полувоенным формированиям, которые под предлогом защиты от терроризма взяли горожан в заложники, хватали их, бросали за решетку, подвергали пыткам и издевательствам. Ах, как печально было видеть его покинувшим свой уютный кабинет и уныло бредущим по улице. Еще одна жертва войны против террористов.

Но Фред когда-то был спортсменом и даже после отставки не растерял боевого задора. Он решил избираться в окружной школьный совет. Ему противостоял один-единственный кандидат, какой-то чудак, признанный виновным в трех случаях крупного мошенничества с недвижимостью, который, однако, сумел оттянуть на себя почти половину голосов. Счастливый избранник стал получать от государства неплохое жалованье и бодрым шагом восходил к сияющим вершинам системы образования, жестоко помыкая учителями и пытаясь навязать свой «лидерский стиль» всем школам округа.

Одним словом, если вы еще не поняли, я этого гада терпеть не мог.

Но даже я немало удивился, обнаружив, что старый Фред с таким рвением пользуется защитной системой школьных ноутбуков. Собственно говоря, в его служебные обязанности отнюдь не входил контроль над учениками, однако он так много раз запрашивал активацию «ноут-лока», что информационный отдел выдал ему личный логин для сохранения результатов работы. Кто-то в отделе оказался недоволен таким решением и скрупулезно зарегистрировал все многочисленные случаи, когда Фред употреблял систему.

Употреблял? Точнее, злоупотреблял.

— Энджи, смотри! Это непременно надо предать гласности, — заявил я. — Что? Ты так не считаешь?

— Нет, Маркус, я думаю, этого делать не следует. Ты же сам только что ругался на всех из-за утечки. А теперь сам хочешь ее организовать. Твоему примеру последуют и остальные. Мы договорились, что сначала каталогизируем весь массив, решим, что из него имеет наивысший приоритет, потом опубликуем так, чтобы не навлечь неприятностей ни на кого из нас. Если завтра ты нас подведешь, Маше и Зебу не выкарабкаться.

Да и нам всем тоже. Нельзя ставить под угрозу всю наш группу ради того, чтобы свести счеты со школьным завучем, на которого у тебя зуб.

— Да он же извращенец, вуайерист! Это не просто личная месть. Общество имеет право знать, что этот подонок подглядывает за их детьми. Энджи, на месте этих ребят мог быть я. У меня в школе имени Чавеса осталось много друзей, и Бенсон их терпеть не может. Могу спорить, он с них глаз не сводит ни днем, ни ночью!

— В твоем представлении он сидит у себя дома, потирает руки и упивается властью и секретностью. Но пойми, в этих файлах Бенсон еще не самое страшное чудовище. Посмотри, что творят другие. Загляни в файл 439 412.

Я пролистал таблицу и прочел краткое содержание:

«Государственный департамент. Транспортная накладная на доставку устройств для полицейского перехвата в Сирию. См. 298 120»

Файл 298 120:

«Отчет разведывательного персонала посольства о гибели под пытками диссидентов, схваченных с применением устройств для полицейского перехвата».

— Ого, — выдохнул я.

— Вот тебе и «ого», — передразнила Энджи. — Так что прекрати. Соблюдай дисциплину. Тут не просто детские шалости, игра идет по высшему разряду.

И не успел я рассердиться на нее — рассердиться по-крупному, как бывает, когда ты совершенно неправ, а тебя ставят на место, и ты понимаешь, что не можешь ничем оправдаться и поэтому бесишься, — как снизу окликнула мама:

— Маркус, Энджи, пора ужинать!

* * *

В старые добрые времена «семейные ужины» бывали у нас чуть ли не каждый вечер. Либо мама с папой приготовят что-нибудь, наполняя кухню звоном кастрюль и сковородок, веселыми голосами и вкусными запахами, либо, если все устали, заказываем что-нибудь из ресторана с доставкой. Даже я время от времени удосуживался что-нибудь состряпать, и мне это нравилось, хотя, по-моему, самое трудное в этом деле — начать. Пустая кухня всегда навевает унылые мысли о домашней рутине. Однако у меня получалось вполне пристойное каре ягненка, а когда я готовил пиццу, на тарелках не оставалось ни крошки.

Семейные ужины остались в прошлом вместе с родительской работой. Временные подработки, которые удавалось урвать то папе, то маме, иногда задерживали их до позднего вечера, но настоящая причина была не в этом. А в том, что они целыми днями сидели дома, с глазу на глаз, и довольно часто с ними сидел и я, поэтому никому не хотелось лишний час проводить за столом в пустых разговорах. У нас просто не осталось тем для застольных бесед. Спрашивать друг у друга, как прошел день? Дурацкий вопрос, если с самого утра мы не расходились дальше чем на пять метров.

Однако, когда пришла Энджи, все расстарались. Родители в ней души не чаяли. Я, конечно, тоже. При этом смотреть, как она ест, было очень забавно.

Входя в кухню, она, как всегда, воскликнула:

— Как вкусно пахнет!

И сразу достала свой аэрозольный баллончик. Когда мы только познакомились, она намешивала себе перечное масло до жгучести в сто тысяч единиц по шкале Сковилла, примерно как у карибского красного перца. Но Энджи постоянно тренировалась и наращивала обороты, поднимаясь к высочайшим вершинам кулинарной отваги.

Каждый месяц она стряпала себе новую порцию обжигающего соуса. Брала убийственную дозу молотого перца хабанеро в плотно завинченном флакончике и растворяла в нескольких унциях масла. С каждым месяцем увеличивала концентрацию перца, пока не получила, по ее словам, «то, что надо». В переводе на человеческий язык это означало жгучесть, при которой через минуту после дегустации капли этого масла на верхней губе выступал пот.

Пару раз в год она старательно измеряла жгучесть своего масла, примешивая к своей месячной дозе немного спирта, потом постепенно разбавляя это сладкой водой, пока острота не переставала ощущаться. Последнее измерение показало триста двадцать тысяч по Сковиллу. Примерно тогда я начал требовать, чтобы между едой и поцелуями она чистила зубы. У меня на губах начали появляться химические ожоги.

— У нас сегодня колбаски с чипсами, — сказала мама. — Вкусная и сытная британская еда.

— Но приготовленная американцем, — отозвался от духовки папа.

— Да ладно! Это ведь я поставила чипсы в духовку! — Под чипсами мама как истинная британка подразумевает жареную картошку, особенно ту

ее сладкую разновидность, которую она сама запекает в духовке и замораживает. Надо признать, получается очень вкусно.

— Да, милая моя, конечно ты. И к тому же наблюдала за приготовлением.

Папа поставил на стол блюдо тихо шкворчащего мяса. Как-то раз он выполнил небольшой заказ по анализу данных и отладке онлайн-торговли для кооператива, производящего органическое мясо. Потом написал им опять и спросил, нет ли для него еще какой-нибудь работы. Они сжалились и предложили продавать ему мясо по льготным ценам, как для сотрудников. Поэтому у нас на столе часто появлялись страусятина, оленина и буйволиная колбаса. Больше всего мне нравилась оленина; вкус замечательный, главное — за едой не думать о Бемби.

Папа шагнул к плите и выключил вытяжную вентиляцию, с громким гулом уносящую прочь аппетитные мясные ароматы. Потом хлопнул себя по лбу:

— Совсем из головы вылетело! Энджи, ты же, кажется, теперь вегетарианка?

Я спрятал улыбку. В начале лета Энджи объявила, что переходит на вегетарианство, но Burning Man разбудил в ней внутреннего хищника, осо-

бенно если мы забредали в лагерь, где гостей угощали вкуснейшим барбекю.

— Ничего страшного, — успокоила Энджи. — Мясо — это всего лишь глубоко переработанная форма растительных тканей.

— Пра-а-авильно! — поддержал папа, положил ей на тарелку пару колбасок и наконец сел.

До чего же хорошо было снова собраться всей семьей за ужином, глядеть на стоящую передо мной тарелку вкусной еды и слушать, как родители ведут оживленный разговор, словно забыв на время о своем неизбывном страхе перед платежами по ипотеке и счетами из супермаркета.

Но счастье не может длиться долго. Мне непременно надо было сморозить какую-нибудь глупость.

— А знаете, какую интересную штуку я недавно узнал? Читал книгу по истории криптографии во Второй мировой войне, и там была целая глава по истории шифровальных машин — «Энигмы» и тому подобных. Ими занимались в Англии, в Блетчли-Парке.

— Какие-какие машины? — переспросила мама.

— Те, с помощью которых нацисты шифровали свои сообщения, — объяснил папа. — Даже я это

знаю.

— Простите, — сухо сказала мама. — Плохо ориентируюсь в нацистских гаджетах.

— На самом деле, — Энджи проглотила большой кусок буйволиной колбаски, — «Энигмы», строго говоря, не были нацистскими. Их разработали в Нидерландах и продавали как коммерческий товар. Ими пользовались банкиры, чтобы засекречивать свои телеграммы.

— Верно, — кивнул я. — А еще ими пользовались все страны Оси. Так что первые поколения этих машин были просто прекрасны. Над ними работали превосходные инженеры. Нацисты скопировали нидерландские модели и постепенно усложняли конструкцию, добавляли новые роторы и другие детали, чтобы выдаваемые машиной шифры стали еще надежнее. На основе «Энигмы» было создано около десяти модификаций, одна другой крепче. Но в то же время все свои лучшие ресурсы они израсходовали на главную цель — уничтожение людей. Поэтому к концу войны машины превратились в грубые биметаллические коробки с двенадцатью роторами вместо первоначальных трех, но на вид они были унылыми, без изящества и лоска первых моделей. Похоже, у инженеров к тому времени настроение

было хуже некуда, приходилось целыми днями надзирать за рабским трудом или чинить арифмометры в лагерях смерти. Так что, по большому счету, война стерла с шифровальных устройств всю элегантность и красоту, оставив чистый функционал, и только сумасшедшие могли бы разглядеть в этих уродцах какую-то красоту.

— Ого, — протянула Энджи. — Символично.

Я шутливо ткнул ее в плечо:

— О чем и речь. Эта небольшая иллюстрация хорошо показывает, как гибнет все хорошее, что есть в обществе. Как-нибудь покажу вам ту картинку. Машины первого поколения были потрясающими. Настоящие произведения искусства. А последние версии… Чувствовалось, что их делал глубоко несчастный человек. Вот увидите.

Папа с мамой ничего не сказали. Сначала я не придал этому значения, потом заметил, что по папиной щеке ползет слезинка. Мне стало до безумия стыдно и неловко. В полном молчании папа встал из-за стола, вышел в ванную, вернулся через несколько минут, умытый, с еще влажным лицом. Пока его не было, никто не произнес ни слова, да и после его возвращения разговор никак не возобновлялся.

Он съел несколько ложек и сказал:

— Просто удивительно, как быстро общество может скатиться в полную дикость.

Мама натянуто рассмеялась:

— Полно, Дрю, не думаю, что все так уж плохо.

Он отложил вилку, долго-предолго жевал, работал челюстями так старательно, словно желал отомстить этой несчастной колбасе.

— Ты так считаешь, Лилиан? Сегодня на нашей улице были выселены за долги жильцы из трех домов. Только за один сегодняшний день. А что касается рабского труда — вдумайся, на скольких вещах в нашем доме стоит штамп «Сделано в Китае» и как много из того, что произведено у нас в Америке, вышло из тюремных стен.

— Дрю… — попыталась остановить его мама.

— Маркус, Энджи, я прошу прощения.

— Папа, не за что… — начал я.

— Нет, я прошу у вас прощения за то, что мы оставляем вам страну в таком жалком, бедственном состоянии. Страну, где все богатства находятся в руках кучки банкиров, где максимум, на что ты можешь надеяться, это частичная занятость безо всяких социальных гарантий и пенсионного плана, где твоя единственная медицинская страховка — беречь здоровье и надеяться, что не заболеешь, где…

Он стиснул зубы и отвел глаза. Я уже видел у мамы на столе счет от страховой компании с предупреждением о том, что в случае неуплаты мы лишимся медицинской страховки. О том, что будет дальше, не хотелось даже думать.

— Ничего, пап, — выдавил я.

Даже под бородой я видел, как побледнело его лицо, вокруг глаз залегли глубокие морщины, шея покрылась складками. Он стал выглядеть лет на двадцать старше, чем в начале ужина.

— Дрю, не вешай нос, — сказала мама. — Могло быть намного хуже. Многие на свете сказали бы: нам бы ваши проблемы. Давай лучше выпьем по бокалу вина и посмотрим «Ежедневное шоу». Я записала прошлый выпуск.

Когда родители отключили кабельное телевидение, я поставил на старый компьютер программу MythTV и соорудил цифровой видеомагнитофон. Он работал только с некоторыми телеканалами HD-качества, транслируемыми в Сан-Франциско, зато автоматически конвертировал файлы так, чтобы их можно было смотреть на смартфонах или ноутбуках, и убирал рекламу.

Папа опустил глаза и ничего не ответил.

— Энджи, пойдем, — позвал я. Ужин все равно, считай, закончился, а нам предстоит еще долго

копаться в даркнетовских файлах.

Глава 9

Если хотите капитально вынести себе мозг, сядьте и вдумайтесь в случайные числа.

Взять, например, число пи, отношение длины окружности к ее диаметру. Каждый, кто учил в школе математику, знает, что пи считается иррациональным числом. Оно представляет собой бесконечную дробь и, насколько нам известно, ни разу не повторяется. Вот как оно выглядит:

3,14159265358979323846264338327950288419716939937510582097494459230781640628620899862803482534
0360011330530548820466521384146951941511609…

И так далее. С помощью короткой компьютерной программы вы можете вычислять число пи хоть целый день. Да даже хоть до тепловой смерти Вселенной.

Возьмите любую тысячу знаков числа пи, и примерно сотня из них будет единицами, еще сотня — двойками, и так далее. Но в расположении этих цифр нет никакой закономерности. Выберите любую цифру числа пи — например, ту, что стоит 2670-й от начала. Это будет 0. Следующей цифрой окажется 4, потом 7, еще раз 7, затем две

пятерки. Если вы, бросая десятигранный кубик, получите такой результат, то сможете назвать его случайным. Но если вам известно, что число 047755 представляет собой цифры числа пи с 2670-й по 2675-ю, то вы догадаетесь, что при следующем броске кости выпадет 5 (снова!) Затем 1. Затем 3. Затем 2.

Это уже не случайное число. Оно предсказуемо. Может, вы и не совсем отчетливо представляете себе, что такое случайность (лично я, например, понятия не имею!), однако она уж точно не подразумевает предсказуемости.

Поэтому число пи никак нельзя назвать случайным, даже при том, что оно обладает многими похожими характеристиками.

А как же с другими числами? Предположим, вы задали компьютеру какой-то псевдослучайный алгоритм, и он выдал вам вот такое число: 2,7182818284590452353602874713526624977 57. Оно случайное?

А вот и нет. Это, оказывается, число e, называемое также константой Непера. Не вникайте в его математический смысл, это очень сложно. Главное — число e похоже на число пи в том, что каждая его цифра предсказуема.

Ну

а если ваш генератор случайных чисел выдаст вот такое
число:
22222222222222222222222222222222222222222222222222
22222222222222222222222222222222222222222.

Оно случайное?

Ничего подобного.

А почему? Потому что если я спрошу: «Какая будет сотая цифра в числе, состоящем из тысячи двоек?», ответ будет вам известен. Никаких неожиданностей.

Оказывается, люди давно ломают головы, пытаясь придумать точное определение случайности. И одно из лучших предложенных определений звучит так: «Число является случайным, если самый простой способ представить его — записать».

Ничего не поняли? Без паники, все нормально. Сейчас объясню. Возьмем опять наше старое доброе число пи. Вы можете придумать программу для расчета числа пи, и она будет состоять примерно из двухсот знаков. А само число пи бесконечно, в нем уж точно больше, чем двести символов. Поэтому самый простой способ записать число пи — составить программу, и пусть она выводит на принтер все его бесконечные

цифры.

И

если уж с числом пи все более-менее легко, то уж с числом

22222222222222222222222222222222222222222

будет совсем просто. На языке Python программа для его записи будет выглядеть так: «print.join([‘2’]*42).» Язык Perl еще компактнее: «print 2×42.» Но даже на велеречивом «бейсике», который по цветистости и многословности может тягаться с языком Шекспира, программа будет не такой уж длинной:

10 PRINT «2» 20 GOTO 10 30 END

В этой программе тридцать символов, то есть гораздо меньше, чем в числе от 22222222222222222222222222222222222222222 до бесконечности. Намного меньше. Поэтому, если случайное число в самом деле непредсказуемо, если оно не имеет легко описываемой структуры или упорядоченности, то можно сказать так: «Число является случайным, если самая короткая программа для вывода его на печать будет длиннее, чем само это число».

Это определение обладает всеми признаками хорошего правила: оно короткое, внятное и строгое. Автором этого четкого правила является

математик Грегори Хайтин. Однако впоследствии он сам же накрутил на него множество всяких уточнений. Он так гордился своим достижением, что послал свою статью безумному гению от математики Карлу Гёделю, а в конце добавил еще больше неразберихи, задав вопрос: «Как мы можем узнать, что придуманная нами программа для записи числа является кратчайшей?»

И ведь замечание действительно верное. Программисты то и дело предлагают новые способы решения задач. И, возможно, в якобы случайном числе скрыта некая закономерность, о которой вы даже не догадываетесь. Например, я попросил вас написать программу для записи вот такого числа: 64641260024379684543777339026472512819416320076848
32140603009593710558845705251570426628460035.

Вглядывайтесь сколько хотите, вряд ли вы найдете в нем хоть какую-то закономерность (а если найдете, то она — плод вашего воображения). Значит, это число случайное? Ничего подобного. Оно — часть числа пи, его цифры со 100 000-й по 101 000-ю. Теперь вы можете написать очень короткую программу для записи этого числа: надо всего лишь попросить компьютер напечатать число пи и добавить фразу: «начать со 100 000-й цифры и закончить через 1000 цифр».

Идея Хайтина заключается вот в чем: невозможно с уверенностью утверждать, может ли некое длинное число быть напечатано с помощью программы более короткой, чем это число. То есть ни о каком большом числе нельзя сказать, является ли оно случайным. Может быть, случайных чисел вообще не существует. Он назвал эту особенность «неполнотой» и выразил примерно так: «Вы не можете быть полностью уверены, знаете ли вы, что некое число является случайным».

К тому времени Гёдель уже сформулировал собственную идею о неполноте, утверждая, что любая математическая теория содержит проблемы, которые не могут быть решены в рамках самой теории. Хайтин же вдобавок нашел неполноту в наших рассуждениях о случайных числах.

Насколько нам известно, Хайтин оказался прав. Мы не в силах понять, является ли число случайным или оно полностью предсказуемо. Потому его и считают одним из величайших гениев математики.

Печальный факт: в старости Гёдель страдал от психического расстройства и твердо верил, что его пытаются отравить. Он отказался принимать пищу и сам себя заморил голодом до смерти. Неизвестно, что именно довело его до безумия,

но мне иногда думается, что он слишком много размышлял о всяческих неопределенностях.

* * *

Я никуда не сливал документы с описанием «ноут-лока». Энджи тоже этого не делала. И Джолу тоже. Если верить регистрационным журналам, к документам прикасались только мы трое и больше никто.

Но тем не менее они просочились в сеть.

Разумеется, Лиам узнал об этом даже раньше меня. Едва прочитав публикацию на «Реддите», чуть ли не вприпрыжку примчался к моему столу.

— Ты ведь учился в школе имени Чавеса?

— Да, а что?

— Знал там этого мерзавца Фреда Бенсона?

Он мог бы и не продолжать. Я мгновенно понял, о чем пойдет речь. Но дело обстояло еще хуже. Все выложенные копии из массива о «ноут-локе» были озаглавлены «DARKNET DOC −» с номером документа. Самым большим номером документа о «ноут-локе» был 745 120, многие читатели уже подметили это и пришли к выводу, что где-то есть сайт под названием «Даркнет-докс» и на нем выложено не меньше чем 745 120 документов.

Нас раскрыли.

— Потрясающе, правда? Даже не верится! Интересно, что еще у них есть?

— Гм, — буркнул я. — Угу. Ого.

Лиам подтащил стул к моему столу, склонился ближе. От него пахло туалетной водой «Акс», самым противным запахом, какой известен человечеству.

— Маркус, — вполголоса проговорил он. — Помнишь, вчера ты рассказывал о корневых сертификатах и тому подобном? Сдается мне, ты знаешь больше, чем рассказываешь.

— Да неужели.

— Ну, ты же не кто-нибудь, а Маркус Яллоу. Если на свете есть такая штука, как даркнет, ты, небось, его вдоль и поперек знаешь, йоу. Серьезно, чел! — Казалось, он от меня чего-то ждет. Не умею разговаривать с людьми, которые в конце каждой фразы говорят «йоу». Они словно разыгрывают сценарий какой-то броманс-комедии, которую я не успел посмотреть. Но Лиам был так взволнован, что его даже слегка потряхивало. — Старик, ну просвети, возьми меня в дело.

Так вот оно что. Лиам отнюдь не дурак. Он бурлит энтузиазмом и немного желторот, однако слушал внимательно и знает, что десять плюс де-

сять равняется ста (в двоичной системе). И сердце у него на месте. И Джолу тоже приводит своих друзей в наш даркнетовский клуб. Но не могу же я записывать в наши ряды всех восторженных щенят вроде Лиама. Особенно если на нашей базе, кажется, завелись стукачи.

— Лиам, я серьезно, честно, абсолютно никак не возьму в толк, о чем ты говоришь. Впервые слышу.

— Правда? Честное-пречестное?

— Провалиться мне на этом месте. У меня даже аккаунта на «Реддите» нет. И понятия не имею, чего еще они нарыли об администраторах, использовавших «ноут-лок».

— Да нет, ничего особенного. — В своем благоговении перед мощью коллективного разума интернета Лиам даже забыл о том, что секунду назад подозревал меня в руководстве некой бандой по организации утечек. — Видел бы ты, что бывает с теми, кого доксят аноны.

Я, конечно, слышал об «Анонимусе» — странной полумифической группе, отпочковавшейся от /b/, мессенджера на анонимном веб-форуме 4chan, где никто не разглашает своего имени, а главная цель всего проекта — непристойно шутить и издеваться. На той почве постоянно

проклевываются диковатые подгруппы, творящие много разных дел — храбрых, глупых или жестоких (или все это сразу). Например, однажды они задумали сподвигнуть тысячи пользователей на обрушение PayPal за то, что эта платежная система отказалась обслуживать «Викиликс». Анонимусы втянули в свою орбиту несколько крутейших хакеров, но гораздо больше у них крутится ребят, которые ничего толком не понимают ни в компьютерах, ни в политике, зато любят дух товарищества, ощущение собственной силы или просто от души посмеяться (или все это сразу).

Но не могу сказать, что я часто заглядываю к ним. В свое время я уделил много сил партизанской кибервойне и решил завязать с этим, а в особенности не иметь ничего общего со всякими невообразимыми «движениями», которые не столько боролись за свободу, сколько грызлись между собой или просто забавлялись.

— Доксят… — задумчиво протянул я, пытаясь вспомнить, что это такое.

— Да, обрушивают на кого-нибудь свой праведный гнев. Тогда этого беднягу доксят, то есть откапывают как можно больше сведений о нем. Судебные постановления, сведения о собственности, свидетельства о браке, рождении и смерти,

школьные дневники, домашний адрес, рабочий адрес, телефонные номера, упоминания в новостях… Да все что угодно. Мы и понятия не имеем, как много всякой всячины знают о нас всевозможные агентства и компании, какую прорву могут накопать поисковые машины. Это, конечно, безумие, все равно что ДВБ наизнанку. И вот они берут это все и вывешивают на всеобщее обозрение. То, что они надыбали о твоем долбанутом замдиректоре, это еще детский лепет. Когда за дело берется Анон, пиши пропало.

Теперь и я вспомнил, что такое доксинг. Деанонимизация. Мерзкая штука.

— Ты случайно не знаешь, кто еще может заниматься такими вещами?

— То есть? Если не считать копов, ФБР и тому подобного?

— Да, они, конечно, на это способны. — И на многое другое, подумалось мне. Мало ли что можно раздобыть при помощи той штуковины для полицейского перехвата. — А если, например, за дело возьмется руководитель какой-нибудь крупной корпорации? Или сотрудник частной военной компании?

— Ты хочешь сказать, там сидит кто-то вроде этих «Анонимусов», но занимается этим не ради

хохмы, а за деньги? Вроде наемных хакеров? Старик, я в этом не сомневаюсь. Не обязательно быть ангелом или гением, чтобы понимать, как внедрить SQL-код или взломать слабый файл с паролями. Зуб даю, половина придурков из моей школы нынче ошивается в частных информационно-аналитических агентствах.

— Ага, — вздохнул я. Интересно, многие ли из тех придурков получают плату от Кэрри Джонстон. Наверняка кто-нибудь из них ошивается в даркнете и морочит нам головы.

* * *

Когда настал обеденный перерыв, я отпросился на пару часов, чувствуя себя отпетым лодырем — ведь сегодня всего-навсего мой третий рабочий день, — и договорился о встрече с Энджи и Джолу в Саут-Парке, месте, которое находилось примерно на равном удалении от школы Энджи и рабочих мест — моего и Джолу. Этот небольшой, слегка запущенный парк к югу от Маркета был отправной точкой для множества интернет-сервисов и технологических компаний, здесь постоянно тусовались компьютерные гики. Тут я всегда чувствовал себя в своей тарелке.

Первым явился Джолу, как обычно взрослый и

солидный. На окрестных скамейках несколько человек, жующих свой ланч, узнали его и помахали.

— Как тебе это удается? — спросил я, когда он сел.

— Что? — улыбнулся он, словно мы с ним задумали какую-то невероятно веселую шутку.

— Ну, как тебе сказать… Почему у тебя такой классный вид? Я целыми днями ковыряюсь с этим даркнетовским массивом и при этом выгляжу так, словно одевался в темноте, не знаю, как подстричься, чтобы не смотреться лет на пятнадцать, а ты весь из себя такой стильный.

Он снова одарил меня той же беззаботной улыбкой:

— Не знаю, Маркус. Меня постоянно терзали всяческие тревоги. Хорошо ли я выгляжу, не влипну ли в какую-нибудь историю, скоро ли наступит конец света и все такое прочее. А потом я сказал себе: «Что бы ни случилось, я своим судорожным трепыханием ничего не исправлю». Поэтому велел себе прекратить. И так и сделал.

— То есть ты истинный мастер дзен?

— Попробуй и ты, братан. Вид у тебя, уж прости, немного задерганный.

— Сам знаешь мой девиз: если страшно, не

молчи — топай, бегай и кричи.

— Да, слышал от тебя не раз. И хочу спросить: ну как, помогает?

Я закрыл глаза, потер ладони о джинсы.

— Не очень.

— А ты не пробовал просто притормозить на минуту-другую, успокоиться и поставить крышу на место, пока она не слетела?

Будь на месте Джолу кто угодно другой, я бы обиделся, но мы с ним дружим всю жизнь и он знает меня как облупленного. Мне вспомнилось чувство, испытанное в храме, когда я сидел в пыли под звуки гонгов и пение «Оммммм». В тот раз на меня снизошли мир и спокойствие, я погрузился в них, словно в теплую ванну. С тех пор я много раз пытался вернуть то чувство, но никак не мог. Вспомнить его получалось, а вот испытать заново — никак. Чем сильней я старался, тем дальше оно ускользало.

Джолу легонько тряхнул меня за плечо:

— Спокойнее, старик. Не натягивай удила. У тебя вид, словно ты схватился со мной в кун-фу. Надо расслабиться, а не накручивать себя. А если не получается, значит, ты что-то делаешь не так.

Мне и вправду было паршиво. Как будто я провалил какую-то важную задачу. Пытаясь это

скрыть, я спрятал лицо в ладонях и изобразил художника, терзаемого муками творчества.

— Маркус, не парься. Просто задумайся на досуге. Есть два вида событий. Одни происходят в реальном мире, и над ними мы имеем весьма ограниченную власть. Другие творятся у нас в голове, и мы можем полностью подчинить их себе, по крайней мере в теории. Я давно замечаю, что ты стараешься изменить внешний мир и тратишь на это уйму энергии, однако совсем не обращаешь внимания на то, каким образом этот внешний мир отзывается у тебя внутри. Я не отговариваю тебя от попыток изменить внешний мир, но постарайся уделять чуть больше внимания миру внутреннему. И посмотри, что произойдет.

Произнося этот монолог, он улыбался. Я понимал, что он не хочет меня обижать, но все равно смутился. Наверное, потому что он прав. Всю жизнь мне говорили: успокойся, расслабься, не бери близко к сердцу, — но расслабиться у меня почему-то не получалось, а вот психовать — запросто.

Джолу встревоженно поглядел на меня:

— Ладно, забудь все, что я тут наболтал. Я заговорил об этом только потому, что ты сам спросил.

Давай лучше перейдем к текущим делам. То есть к вопросу, что за чертовщина творится в даркнете. Кто заглядывает нам через плечо? Что у них на уме?

— Хороший вопрос. — Я был рад, что он сменил тему.

— Будем действовать методом исключения, потому что надо хоть с чего-то начать. В журналах сказано, что к документам не прикасался никто, кроме меня, тебя и Энджи. Ты уверен, что документы сливает не она? Только не психуй. Я просто хочу рассмотреть все возможности.

— Да, я тебя понимаю. Нет, не могу себе представить, что это делает Энджи. Когда я предложил опубликовать то, что мы узнали о Бенсоне, она мне чуть в горло не вцепилась.

— То есть это ты предлагал устроить слив?

— Что? Нет. То есть, конечно, да, моим первым порывом было пригвоздить всех этих подонков к позорному столбу, но Энджи велела мне не дурить, и я передумал. Кроме того, я всего лишь предлагал обсудить эту возможность со всей командой и не собирался заниматься самодеятельностью. Я вообще понятия не имею, как бы я сделал это, если бы задумал слить. Тот, кто это делает, придумал неплохую схему. Сначала зака-

чивают через «пастбин», потом «Реддит» встает на дыбы, затем подключается пресса.

В эту минуту появилась Энджи. Она была сногсшибательна: черный свитер крупной вязки с пиксельным изображением Марио пополам с Ктулху, колготки в черно-белую полоску, красная юбочка. Дополняли наряд допотопные мотоциклетные ботинки цвета старого цемента и пластиковые браслеты, отпечатанные на 3D-принтере. Энджи — самая идеальная из женщин, моя лучшая подруга, и всякий раз, видя ее идущей по улице или гуляющей в парке, я говорю себе, что счастливее меня нет никого на свете.

Энджи никак не могла втихаря слить файлы за нашими спинами.

Она тепло обняла Джолу, еще теплее стиснула в объятиях меня и наградила долгим поцелуем, под конец которого я уткнулся лицом ей в шею и вдохнул божественный аромат ее ключиц.

— Ну что, ребята, разобрались со всеми вашими проблемами?

— Еще нет, но мы над этим работаем.

Мы распаковали коробки с ланчем. Утром, перед выходом из дома, я сделал себе сэндвичей с арахисовым маслом и вареньем, добавил яблоко, немного печенья и бутылочку кофе холодной

заварки. Я начал носить обед с собой после того, как подсчитал, много ли останется от моей зарплаты, если я каждый день буду тратить восемь долларов на кофе, буррито и орчату[4]. Энджи, как обычно, приготовила рис, овощи, холодный тофу и говядину, в идеальном порядке разложив их в ланчбоксе. Джолу притащил свой фирменный энергетический батончик собственного изготовления, огромный как штакетина и раза в два плотнее; он стряпал такие батончики из всевозможных семян и орехов, приправляя копченым беконом и щедро сдабривая своей секретной смесью пряностей. На таком батончике он мог продержаться целый день, я сам это видел в наших поездках в летние лагеря: чуть проголодается — откусит кусочек и бегает дальше.

— Пока мы еще на берегу, хочу уточнить, — сказала Энджи, аккуратно пережевывая рис с маринованным баклажаном. — Джолу, ты точно не сливал эти документы? Не обижайся, но…

Он расхохотался:

— Да ладно, дело понятное. Видела бы ты, как взвился Маркус, когда я спросил у него то же самое про тебя.

---

[4] Примечания: 4
Орчата — прохладительный напиток из молотого миндаля.

— Ну да, надо ведь было с чего-то начинать. Я, разумеется, ничего не сливала. Даже жаль, лучше бы это сделала я — тогда мы были бы уверены, что в наш контур безопасности никто не просочился. Но, Джолу, ты так и не ответил на мой вопрос. Это не ты слил документы?

— Нет, Энджи. Уж лучше бы это сделал я — по той же причине. Потому что о других вариантах даже думать не хочется. Либо кто-то серьезно обрушил защитный контур моего сервера, что весьма непросто, учитывая, что там ни один байт не входит и не выходит незашифрованным, либо…

— Либо кто-то подпустил червя в компьютер к тебе, или ко мне, или к Энджи.

— Да.

Эта мысль крутилась у меня в голове с самого утра. Кто-то чужой полностью подчинил своей власти мой компьютер, обрел способность включать камеру и микрофон, перехватывать тексты с экрана и файлы с жесткого диска. Об этом даже думать не хотелось. Если верить даркнетовским документам, одного из студентов, бедолагу, чем-то ему не угодившего, Фред Бенсон сфотографировал аж восемь тысяч раз.

Сколько раз мой компьютер был взломан?

Ноль? Или восемь тысяч раз?

И гораздо более важный вопрос. Если мой компьютер и вправду был взломан, то что это? Единичный случай, когда кто-то сканировал уязвимости на всех компьютерах подряд и подловил мою машину в редкий момент ослабленной бдительности? Или это было сделано намеренно и целью взлома был именно я? Подобно Гёделю, я уже не был уверен, что понимаю разницу между случайными и систематическими событиями.

* * *

Уж не знаю, что Джолу сказал Беспокойному Агенту и другим своим приятелям, но в даркнетовских чатах больше никто не обвиняет меня или Энджи в утечке документов. Я не знал, да и знать не хотел, кого Джолу привел в наш проект, но предполагал, что они — его коллеги и он, вернувшись с обеда, провел с ними небольшой разговор. Надеюсь, им хватило ума держаться подальше от любых компьютеров, на которых, возможно, втайне от всех работают микрофоны или камеры.

Но, естественно, ни у кого не возникало желания болтать в даркнете, пока мы не выяснили, кто за нами шпионит.

Дождавшись, когда последний из сотрудников — Лиам — уйдет из штаба, я еще долго сидел за столом и глядел в компьютер, словно внутри него пряталась живая ядовитая змея. Я сказал коллегам, что останусь допоздна, чтобы закончить работу и компенсировать свое долгое отсутствие в обеденный перерыв, однако больше всего мне не хотелось идти извлекать червей из домашнего ноутбука, когда в штабе простаивает множество компьютеров, которые могут во многом помочь.

Теоретически, обеспечить или восстановить безопасность моего компьютера — дело не такое уж трудное. Найти еще один жесткий диск и создать на нем шифрованную файловую систему. Скачать из интернета свежий загрузочный диск, тщательно проверить его контрольную сумму, чтобы убедиться, что передо мной — чистенькая, ничем не зараженная версия «параноид-линукса», и загрузить с этого диска мой — или вообще любой — компьютер. Потом установить свежую версию «параноид-линукса» на новый жесткий диск, скопировать мои пользовательские данные со старого диска на новый, и вуаля! — мой компьютер получает новые мозги. В них хранится та же память, что и в старых, зато я уверен в их надежности и безупречности. Этот метод сработает

еще лучше, если под рукой есть пара запасных ноутбуков и жестких дисков, а этого добра здесь хватало. Обычно ни у кого не поднимается рука выбрасывать старые ноутбуки, поэтому в штабе скопилось немало древних машин, когда-то подаренных Джо Носсу его сторонниками.

Однако при этом возникает другая, более сложная проблема — выяснить, не заражены ли эти древние ноутбуки. Если кто-нибудь подпустил в эти машины червя и внес изменения в ядро — сердцевину операционной системы, где можно спрятать самые коварные шпионские программы, — то мне либо придется проверять строчку за строчкой (на это могут уйти столетия), либо строить новое ядро на основе известных надежных источников, сравнивать контрольные суммы и отслеживать заметные расхождения. Беда в том, что за долгие годы я столько раз латал и штопал ядро своей операционки, что любые расхождения с новой системой будут вызваны, скорее всего, не вирусами, а моими же давними ошибками.

Мой компьютер стоял на столе и глядел на меня маленьким, с рисовое зернышко, глазком веб-камеры. Микрофон прятался в крохотном, как булавочная головка, отверстии в рамке дисплея. Утром, придя в штаб, я первым делом взял

из шкафа рулон липкой ленты, намереваясь заклеить и камеру, и микрофон.

Но не сделал этого. Потому что почувствовал себя отпетым параноиком. Если внутри моего компьютера действительно кто-то прячется, этот человек знает меня лучше, чем я сам. Но до сих пор этот субъект не делал ничего особенного, только аккуратно и эффективно выкладывал в сеть документы, которые я и сам собирался опубликовать. Возможно, этот тип не так уж и плох. Может быть, он вообще на моей стороне. Я попытался представить себе этого шпиона: парнишка лет семнадцати, примерно такой, каким я сам был пару лет назад, пищит от восторга, потому что сумел проникнуть туда, где его никто не ждет. Или старый заскорузлый агент ФБР сидит в тесном кабинете на базе Квантико и тщательно конспектирует выражение моего лица и технику поцелуев с Энджи. Или вояка с бычьей шеей сохраняет скриншоты самых деликатных моментов, чтобы потом показать их Кэрри Джонстон и вместе посмеяться.

В штабе стояла зловещая, призрачная тишина. Уличные звуки растворялись в размеренном гуле кондиционера. Я впился взглядом в веб-камеру и заговорил:

— Ты ведь там, внутри, да? Честно сказать, мне очень не по себе. Тебе кажется, ты мне помогаешь? Знаешь, на самом деле ты меня пугаешь до чертиков. Уж лучше бы ты со мной поговорил, а не прятался по углам. А если ты из моих врагов, то и черт с тобой. Твои фокусы не помешают мне опубликовать все даркнетовские документы. А если тебе удастся меня запугать или я вообще исчезну, то просто одним махом вывалю в сеть весь массив. Ты меня слышишь? Ты вообще там или нет?

Нет слов, каким же идиотом я себя чувствовал. Примерно то же самое я испытал, когда однажды, стоя у кровати, впервые в жизни помолился. Мне было лет десять или одиннадцать, я проснулся ночью и оторопел от внезапной жуткой мысли: если Бог действительно существует, то Он наверняка хочет обрушить на мою семью громы и молнии за то, что мы в Него не верим. Я и правда не чувствовал в душе никакой веры, однако попытался чисто практически взвесить все издержки и выгоды. Получалось примерно так: «Вера в Бога не требует никаких затрат. Вероятность Его существования очень мала, однако если она все-таки окажется правдой, то за неверие Он накажет меня вечным проклятием.

Последствия чудовищны, однако риск невелик. Может, все-таки подстраховаться на случай этого маловероятного события?» Как раз незадолго до этого отец сменил страховую компанию, оттуда приходил оценщик, осмотрел наш дом и долго обсуждал, нужна ли нам страховка от пожара, наводнения, удара молнии и землетрясения, и если да, то в каком размере, и мы с папой вместе проводили расчеты по методике, разработанной Ричардом Прайсом, английским математиком, открывшим миру работы Томаса Байеса, которого папа считал своим математическим кумиром. Так что в тот момент вопросы страхования были мне близки и понятны.

Не спорю, мысль была странная, но еще удивительнее было то, что она захватила меня с головой. Я не мог отделаться от ощущения, что приобрел неправильную страховку, поверил не в того Бога. А может быть, отправляю страховую плату не по тому адресу, то есть не умею как следует молиться. Примерно неделю я провел в состоянии тихой паники насчет своей религиозной безграмотности, а по ночам, когда ложился спать и ждал, пока придет сон, становилось еще хуже.

И вот однажды ночью я встал и, сгорая от стыда

и чувствуя себя дурак дураком, опустился на колени у кровати, сложил руки, склонил голову и закрыл глаза. Я видел такие молитвы в старых мультиках — кажется, этому учил своих племянников Дональд Дак, а может быть, морячок Попай, однако сам я никогда еще не пробовал.

Долго подыскивал слова. «Боже мой, прошу Тебя, — вот все, что приходило в голову. — Боже мой, прошу Тебя, не убивай нас. Прошу Тебя, дай нам счастья и здоровья. Прошу Тебя, скажи папе Дэррила, пусть разрешит ему переночевать у меня в эти выходные. Прошу Тебя, помоги мне выполнить задание по истории...» Едва начав перечислять, я вдруг обнаружил, что у меня скопился длинный перечень подобных просьб, проблем, о которых я и сам не догадывался, и мне хотелось, чтобы некий невидимый и всемогущий небесный отец решил их за меня. Слова текли и текли. Начал я вполголоса, постепенно перешел на шепот, а под конец просто шевелил губами, словно загадывал желание, задув свечку в день рождения.

Наконец исчерпавшись, я произнес «Аминь» и открыл глаза. Болели колени. Приятно было сбросить с плеч груз бесчисленных забот, однако, вдумавшись, я с удивлением обнаружил, что

они никуда не делись. И при этом я все равно чувствовал себя круглым идиотом. Ведь если Бог и вправду существует, какое Ему дело до того, придет мой друг ко мне в гости или нет?

Но что поразило меня сильнее всего, так это полное отсутствие ответа. Я открыл Богу все свои потаенные страхи и тревоги, произнес заветные слова, скрытые в самых глубинах души. Я вознес свою молитву к небесам, слова улетели вдаль, но не принесли мне оттуда никакого отклика. Никакого ощущения чьего-то невидимого присутствия. Никакого впечатления, что меня заметили, услышали, поняли. Я обратился к вселенной, а вселенная и ухом не повела. Той ночью я выбросил из головы все мысли о страховках и платах и понял, что с тем же успехом я мог бы молиться Аллаху, готовиться к бар-мицве или податься в кришнаиты. Всего за какой-то час я прошел путь от тревожного агностицизма до беззаботного атеизма, в коем и пребываю по сей день.

В тот вечер, в штабе Джо, я снова обратился к вселенной.

И на сей раз вселенная ответила.

> агааа попался

Невидимые руки подтащили курсор мыши к панели быстрого запуска, неслышно щелкнули иконку LibreOffice, создали на экране окно нового текстового документа. Впечатление было такое потустороннее, что волосы встали дыбом, а по спине побежали мурашки. Я старался сохранять невозмутимый вид и не мигая смотрел в глазок видеокамеры, а на экране тем временем оживал мой самый страшный кошмар.

Я не знал, что сделать, что сказать, в голову ничего не лезло, во рту пересохло, затряслись руки.

> чувак не парься

Неимоверным усилием воли я шевельнулся, дотянулся до крышки, захлопнул ноутбук и вскочил, опрокинув кресло. Очнулся, стоя посреди штаба, весь дрожа и в холодном поту. Со всех сторон меня окружали темные экраны, пялились немигающими видеокамерами, и я всей кожей ощущал, как вглядываются в меня скрытые за ними далекие, призрачные глаза.

Изо всех сил стараясь не сорваться на бег, я быстрым шагом направился в серверную. Меня терзала звериная жажда выдернуть из гнезда провод, подключающий здание к интернету, превратить наш штаб в темный островок ничейной

земли посреди гигантской паутины планетарного масштаба. Но, очутившись в прохладном кондиционированном воздухе тесной комнатки, где на стеллажах тихо гудели серверы и роутеры, мигали сетевые выключатели и массивные источники бесперебойного питания, я мало-помалу успокоился, перевел дыхание. Да, здесь тоже полно компьютеров, но у них нет ни камер, ни микрофонов. И клавиатура тут только одна, маленькая и побитая, на которой я с пулеметным треском набирал команды для проверки или перезагрузки роутеров. И экран всего один, девятидюймовая плоская панель с навеки отпечатавшимся окошком для ввода пароля к одному из роутеров. Все здесь было знакомо и привычно, все дышало спокойствием высоких технологий. В этой комнате я невидим для веб-камер. Тут я могу запрограммировать роутеры, чтобы они генерировали огромные, необъятные журналы, целые библиотеки с информацией о каждом пакете, каждом байте, входящем в здание или покидающем его стены. В этой комнате я сумею организовать западню.

* * *

Ноутбук нагло развалился у меня на столе, пялясь экраном мне в лицо, будто незваный гость.

> чувак не парься

«Эй, Боже, это ты? Слышишь меня? Это я, Маркус». В горле вспыхнул истерический смешок, я его с трудом проглотил.

Тишина. Гудел кондиционер. Запертый в серверной роутер старательно закачал на свой твердотельный диск лишние несколько миллионов байт, за счет этого выработав чуть-чуть больше тепла, чем обычно, и кондиционеру пришлось самую малость прибавить мощности. В атмосферу взлетел крохотный шлейф углеродного выброса.

Я глядел во въедливый стеклянный глаз вебкамеры и размышлял. Кто, интересно, смотрит на меня с той стороны? Или там вообще никого? Хотелось бы знать, как работает этот баг. Звонит хозяевам всякий раз, когда я вхожу в сеть, и сообщает, что я доступен для слежки? А пока я не в сети, накапливает мои фотографии и отчеты о нажатиях клавиш, ожидая удобного момента

слить эти данные куда следует?

Может быть, в этот миг на чей-то телефон прилетела эсэмэска вроде «Маркус онлайн» и раздался бодренький рингтон? Например, «Ла кукарача»?

— Эй! Кто там есть?

Тишина.

— Да вылезайте же, паршивцы, я знаю, что вы там. — Паранойя отчетливо подсказывала, что меня записывают, что любые мои слова и жесты минут через десять будут выложены на ютьюб. Я старался строить из себя крутого супергероя, чтобы весь мир видел, как я с гордо поднятой головой встречаю известие о том, что за мной следит скрытая камера. — Что толку прятаться? Я знаю, что вы влезли в мою машину. Поэтому я, как только закончу, выключу этот комп и переустановлю операционку. У вас последний шанс поболтать со мной, пока я не прикрыл вам дверцу.

Я долго смотрел в экран. А он терпеливо пялился на меня.

— Ну ладно. — Я встал и потянулся закрыть крышку. На миг я испугался, уж не примерещилось ли мне все это. Может, я уже рехнулся? Но едва рука коснулась крышки, как на экране

вспыхнуло слово:

> погоди

Я сел обратно.

— Рад новой встрече. У вас есть что мне сказать?

> чувак мы на твоей стороне

— Вы за мной шпионите. — В моем голосе слышалась дрожь.

> анонимность мертва забудь

Теперь дрожь пробила меня с головы до ног. Эти подонки шпионят за мной, и у них еще хватает наглости говорить «забудь»?

— Вы не… — У меня перехватило дыхание. Я сглотнул комок, сделал пару глубоких вдохов. — Ошибаетесь, вы не на моей стороне. Вы хоть сами понимаете, что за чудовищную гнусность творите?

> вот ведь а
> заткнись
> вонючка гребаная
> сам такой мать твою

Я хотел было оскорбиться, но тут до меня дошло. Эта цепочка грубостей адресовалась не мне. По ту сторону экрана сидели два человека и переругивались прямо в моем текстовом окне. Один печатал гораздо быстрее и аккуратнее другого.

— Вам что, лет по двенадцать? — спросил я. — Вы, значит, мелюзга?

> я родился в тот же год что ты маркус эдвард яллоу 1320 род айленд драйв сан франциско калифорния 94107..... мы оба водолеи..... рыба в хате есть?

В моем списке лингвистических преступлений «хата» стояла наравне с «йоу» в конце предложений. Это и вправду мелюзга, даже если мистер водолей не врет насчет своего возраста. По крайней мере, эмоционально они еще салажата.

— Имейте в виду, что из-за ваших фокусов могут погибнуть два человека. Того, кто дал мне эти документы, схватили. Вам лишь бы поржать, однако своими хиханьками вы серьезно запороли работу, которую мы проделывали ради помощи им.

> балда мы это делаем для зеба и маши/ ////устали тебя ждать

На миг мне подумалось, что, может быть, они из Машиной группы. Например, ее разноцветные подружки. Но потом — бритва Оккама — я решил, что они наверняка узнали о Маше и Зебе, подслушивая мои разговоры.

— Зря суете нос не в свое дело.

> ой да? наша плохой. и что?

— Вы о чем?

> что будешь делать? доки уже утекли. этого не изменишь. помогать будеш или как?

— Что? Помогать? А чем я, по-вашему, занимаюсь все время? То есть все свободное время, когда не пытаюсь выяснить, откуда идет утечка. Когда не трачу время на вас, придурков.

> лестью делу не поможеш
> прости чувак так было надо
> ну ты и тоооооооооормоз
> чего ждешь? кэрри джонстон сволочь последняя
> кстт видал бы ты что мы на нее нарыли

> дрянь она вот кто
> ты и прдствить себе не мог
> во сне увидиш одеяло съеш
> бошку бы ей открутить
> сука она
> дрянь
> сука
> чтоб ее
> маркус

— Чего? — Я внимательно следил, как на экране появляются слова. Их там не меньше чем трое. А то и четверо.

> выложь это все выложь сейчс же чего ждеш дождичка в чтв? Что по твоему сйчс делают маша и зеб? на слншке нежатся? сигары в клубе смолят? им небось к сос-кам бтрейки прикрутили

В обычном чате сообщение сразу приходит целиком — пауза, потом текст. Но здесь было не так. Я видел, как на том конце кто-то набирает текст, то задумывается, то стирает написанное, пару раз даже вмешивался другой таинственный наборщик, пытался вставить что-то от себя, но был изгнан, его текст поспешно стерли. В этом

тексте была фактура, и оттого он казался уже не таким призрачным и страшным. По ту сторону сидели и цапались люди, а не всемогущие боги, и тот факт, что им удалось меня взломать, еще не указывал на их всемогущество или моральное превосходство.

— Я хочу выложить весь этот массив и не хочу сесть за это в тюрягу. И чтобы эти факты сыграли весомую роль. А для этого надо превратить их в связные рассказы, понятные людям. Вы же давно следите, что мы делаем, и прекрасно понимаете, почему мы за это взялись. — Мой страх сменился гневом. — Кроме того, вы начали постить это без нашего ведома, не сказав нам ни слова. Нам пришлось принимать сложные меры безопасности. И если бы мы не тратили время на это, то продвинулись бы гораздо дальше.

> сдрйфл? Птмушта мы слили ваш слив? эх ты

> маша тебе поверила а у тебя кишка тонка. отвали сами спрвмся.

— Хотите сказать, что вы по чистой случайности взломали мой комп как раз тогда, когда мы начали это дело? Начали шпионить, когда я стал делать то, что вам не нравится?

> мало ли когда мы тебя ломанули это неважно хватит менять тему. ты сдрйфл и не можш делать что надо. будь мужиком

— Чего? Да я сейчас одним звонком сменю все пароли в даркнете. Через час из всех компов все будет вычищено. Ничего у вас нет, дурачье, и не будет, если не начнете со мной работать.

> это мы исчо посмотрим

Я постарался не отразить на лице никаких эмоций. Разумеется, нельзя сказать, что у них ничего нет — в каком-то смысле у них есть все. Зависит, конечно, от того, много ли они успели записать. Наверняка у них есть мои пароли, почтовые адреса, аудиозаписи… И про Энджи тоже все есть — имя, разговоры со мной, наши свидания.

— Да, погубить меня вы сможете, это вам под силу. Но кто тогда сумеет помочь Маше? Вы этого хотите?

Сейчас вроде бы стал печатать кто-то один, тот, кого я про себя окрестил главным боссом, верховный шпион этой жалкой шайки.

— Мы так ничего не добьемся. Я ухожу, перепрошью все компы, сменю все пароли. Если захотите поговорить со мной как люди, лицом к лицу, то

сами знаете, где меня найти.

> еще б не знать

* * *

На перепрошивку Зверя Колченогого я убил часа два. В основном время уходило на мучительно медленное копирование файлов из всех моих резервных хранилищ и кропотливую сверку контрольных сумм. Я снова и снова загружал операционную систему и все свои приложения, каждый раз стараясь убедиться, что мне досталась чистая копия, в которой не был изменен ни единый байт.

Я перетащил кресло в серверную и занялся перепрошивкой там. Это давало мне прямой доступ к роутеру и всем его объемным, многословным архивам. Извлек все до единого пакеты данных, входившие в здание и выходившие из него. Колоссальный поток пакетов, наводнение, хаотичное цунами. На первый взгляд кажется, что разобраться в этом вихре данных — все равно что рассортировать пылинки, вьющиеся в воздухе, то есть занятие бессмысленное и безнадежное. Однако пылинки по своей сути аналоговые, а пакеты данных цифровые. От роутера мало толку

в плане крупномасштабного статистического анализа, но от него это и не требуется. Не для того он придуман.

На платформе VMWare выложен отличный каталог виртуальных машин, заточенных на обработку больших массивов данных. В два клика я загрузил одну из них в облачную виртуальную машину, скачанную с «Амазон S3», снял галочку у пункта «Частное/шифрованное». Еще одним кликом запустил ВМ, потом включил VNC — приложение для совместного доступа к экрану, и вуаля — экран виртуальной машины отобразился на маленьком плоском мониторе с навеки впечатавшимися в него призрачными символами. Велел роутеру отправить свой исполинский лог-файл на виртуальную машину, и через пару минут передо мной выстроилась вереница красивых диаграмм и графиков. Это волшебство сотворил Hadoop — бесплатный набор для обработки данных, который обходится с большими массивами примерно так же, как фотошоп с графикой.

Я не очень хорошо разбираюсь в Hadoop, однако, хорошенько поработав мышкой, сумел отсечь весь безобидный трафик, оставив только потоки, которые помогали следить за моим ноутбуком.

По одной-единственной сессии трудно сделать определенные выводы, но, похоже, шпионская программа видела, что компьютер нашел новую сеть, потом выжидала некоторое время и посылала короткий зашифрованный сигнал, вроде как «Я здесь». Через несколько секунд мой комп получал обратно несколько битов («Я тебя вижу»). И тогда из машины вырывался могучий поток информации. Он был зашифрован, так что я, строго говоря, не знал, какие данные в нем содержатся. Видимо, трансляция с моего экрана, камеры и микрофона.

В Hadoop встроена удобная библиотека для анализа трафика, и она предупредила меня, что некоторые пакеты поступили с Kphone, бесплатного телефонного приложения наподобие «скайпа», умевшего передавать видео. А другие уходили с VNC — той же программы, какую использовал я. Что вполне понятно: если хотите запустить кому-то в компьютер троян, то самый простой способ — запихнуть его в пачку надежных, проверенных, отборных приложений. Можете даже поддерживать эти приложения в актуальном виде, используя обновления, устраняющие ошибки, и въехать в машину на спине у разработчиков. У вас появится гораздо боль-

ше времени на изучение частной жизни своей жертвы. Наверняка те же самые приемы используются в полицейском перехвате, подробно расписанном в даркнетовских файлах. У копов и у грабителей в руках одни и те же отвертки, а винтиками оказываются простые граждане, очутившиеся между ними.

И тут я заметил то, на что должен был бы обратить внимание в самом начале: сообщение «Я тебя вижу», скриншоты с монитора и записи с камеры уходили на разные IP-адреса. Я поискал их в гугле, и, естественно, все они оказались выходными точками «Тора». Мои шпионы не просто шифровали трафик с моей машины, они перебрасывали его по всему интернету, чтобы я не смог проследить, куда он направляется. Где-то в недрах сети находился сервер наподобие нашего даркнетовского массива, и на нем имелись кнопочки «Вид с камеры Маркуса», «Звук с микрофона Маркуса», «Экран Маркуса» и «Жесткий диск Маркуса».

Другими словами, эти шпионы взяли технологию, с помощью которой я защищал свою приватность в сети, и использовали ее для защиты своей собственной приватности. Злая ирония судьбы.

Так я ничего не добьюсь. Тем временем Зверь вернулся в исходное состояние. Я даже перепрошил его BIOS — область, которая объясняет всему компьютеру, как надо вести себя при включении. Занятие кропотливое и скучное, но откладывать его было бы глупо. Считается, что удаленно заразить компьютерный BIOS невероятно сложно, однако, восстанавливая комп после фатального взлома, пренебречь BIOSом — все равно что, потеряв ключи, сменить все замки в доме, но оставить окна открытыми нараспашку.

BIOS починен, компьютер восстановлен, тролли изгнаны. Я погасил свет в штабе, накинул куртку, включил охранную сигнализацию и вышел в прохладную сан-францисскую ночь.

Прямиком в лапы полицейских, поджидавших меня в припаркованной машине.

* * *

За всю мою жизнь меня арестовывали дважды. Сейчас со мной обошлись не самым грубым образом (не то что после взрыва на Бэй-Бридж, когда копы из ДВБ схватили нас на Маркет-стрит и в ответ на вопрос, в чем, собственно, дело, огрели дубинками по голове) и не слишком сильно запугивали (не затягивали на шее мешок, как

сделали головорезы из отряда Кэрри Джонстон; в тот раз меня вырвало полупереваренной пиццей из помойки, и я не сомневался, что задохнусь насмерть). В этот раз они действовали слаженно и профессионально — не будь мне так страшно, я бы вручил им награду за хорошее обслуживание клиентов.

Едва я ступил на дорогу, они с идеальной синхронностью вышли из машины. Оба здоровенные, мясистые, сразу видно — копы. Рядом с такими у меня мускулы на шее сразу натягиваются, как струны на теннисной ракетке. Один встал у обочины, преграждая мне дорогу, и с монотонностью хищного зверя завертел головой, глядя, не идет ли кто. Другой направился ко мне, в три быстрых шага вступил в мое личное пространство и махнул перед носом заламинированным удостоверением ДВБ. Не давая мне времени прочитать, движением фокусника сунул карточку обратно в карман.

— Маркус, — сказал он. — Нам бы хотелось поговорить с тобой.

Если страшно, не молчи…

— Я предпочел бы говорить в присутствии адвоката, — отозвался я.

— Не нужен нам адвокат. Просто неформальная

беседа. — От него повеяло дезодорантом «Акс». Самый нелепый аромат для рослого громилы.

— Разрешите еще раз посмотреть ваше удостоверение, — сделал я еще одну попытку.

— Нечего тебе на него смотреть. Пойдем.

Топай, бегай…

Я сделал осторожный шаг по Мишен-стрит, прочь от копов, заранее высматривая прохожих, которых можно было бы позвать на помощь. Но тут железная рука вцепилась мне в бицепс и потянула вверх. Я повис, не касаясь ногами асфальта. Казалось, плечо вот-вот вывернется из сустава.

И кричи…

— ПОЖАР! — завопил я. На крик «Помогите!» никто в Мишене даже не обернется, зато всегда найдутся желающие поглазеть на пожар. Так, по крайней мере, рассказывали на уроках самообороны. — ПОЖАР! — еще громче закричал я.

Другой рукой полицейский плотно зажал мне нос и рот, подсунул большой палец под подбородок, не давая разжать челюсти.

Может,
надо было все-таки кричать «ПОМОГИТЕ!».

* * *

Усаживая меня в машину, они привычным полицейским движением, одновременно грубым и заботливым, пригнули мне голову, чтобы я не высадил себе мозги о дверную раму. Но теперь я был на 110 процентов уверен, что они не из полиции, не из ДВБ и вообще не имеют отношения к государственной службе. Их выдавало техническое оборудование — ничего похожего на побитые, поцарапанные ноутбуки в прорезиненных корпусах, какими снаряжены патрульные машины сан-францисской полиции. А у этих громил компьютеры были военного образца, матово-черные, с массивными стальными накладками по углам, с поляризационными фильтрами, видеть сквозь которые мог только тот, кто сидит прямо перед монитором, а всем остальным предстает лишь черный экран. Выглядели эти гаджеты так, словно дизайнер никогда не видел настоящих компьютеров и представляет их себе лишь по описаниям человека, разъезжающего в мощных машинах вроде «хаммеров».

И приемник GPS у них тоже был, да не простой, а военно-навороченный, ощетинившийся, как еж, короткими прорезиненными антеннами.

Уличная карта на дисплее отображала знакомые улицы Мишена в квадратной восьмибитной графике и не имела ничего общего с обычными гражданскими навигаторами или гугл-картами. Прямо в приборную панель были вделаны бронированные USB-порты с парными светодиодными лампочками под закаленным стеклом. В салоне стоял отчетливый запах новой машины, словно они не далее как утром заказали для моей поимки новенький шпионский автомобиль, а после операции обольют его бензином и столкнут с обрыва.

Весь вид этих парней говорил о том, что у них есть деньги, много денег, и они не боятся их тратить. Они не походили на нищебродов с госслужбы, которым приходится заполнять кучу нелепых бумаг, чтобы получить возмещение расходов, как вынужден был делать отец, покупая книги для своего факультета в Беркли. Тот, что стоял на страже, скользнул на заднее сиденье рядом со мной. Я заметил, что на задних дверях с внутренней стороны нет ручек, и задумался, как, интересно, он выберется, когда со мной закончат. Странная мысль. Она навела меня на размышления о том, что конкретно будет означать «со мной закончат».

— Привет, Маркус, — сказал мой сосед на заднем сиденье. От него тоже пахло «Аксом» — видно, это фирменный запах Сволочандии. Вид у него был обезоруживающе дружелюбный, гладко выбритое лицо изрезано веселыми морщинками. Он лучился неколебимым спокойствием и уверенностью в себе, словно повзрослевший типаж самого популярного парня футбольной команды из дурацкого подросткового фильма. — Можешь называть меня Тимми.

Если они намеревались разыграть спектакль с добрым и злым полицейским, то Тимми явно взял на себя роль доброго.

— Я бы хотел посоветоваться с адвокатом, — повторил я.

Его улыбка стала еще шире.

— Так я и думал. Именно это она и предсказывала. Даже голос сумела изобразить. Она тебя прекрасно знает.

«Она» — это наверняка Кэрри Джонстон. Забилась, как бурундук, в удобную норку, грызет попкорн и развлекает подчиненных рассказами о моих жалких корчах.

Эти ребята явно хотят что-то из меня вытрясти, добиться чего-то, выпытать имена тех, кто имел доступ к пропавшим документам, пароли или

ключи, местонахождение всех копий. Норовят меня запугать. И это им удалось. Я еле сдерживал рвотные позывы. Боялся, что вот-вот обмочусь.

Нет. Знаете, что я ощущал на самом деле? Как будто я тону. Словно меня опять привязали к доске, подняли ноги выше головы, закрыли рот липкой пищевой пленкой и капля по капле заливают в нос воду. Она затекает в дыхательное горло, срабатывает кашлевой рефлекс, я судорожно пытаюсь втянуть воздух. С каждым кашлем пищевая пленка выгибается наружу, выпуская из легких последние остатки драгоценного воздуха. А с каждым вздохом плотно прилипает к губам, и я втягиваю носом все больше и больше воды. Легкие опустели и сжимаются. В голове вспыхивает чудовищный фейерверк, сливаются последние огни и звуки, какие воспринимает обезумевший мозг, понимая, что вот-вот угаснет, погибнет, сгниет.

Вот что я чувствовал.

Меня прошиб пот, на грудь словно поставили тяжеленную гирю. Я понимал, что нахожусь во власти человека, который уверен, что может безнаказанно делать со мной все, что захочет, и ему ничего за это не будет.

— Маркус, дружище, успокойся. Мы не сделаем

тебе ничего плохого.

Я мысленно пнул себя за то, что выказал слабость. Однажды я спал в неудобной позе и что-то защемил в ноге — то ли нерв, то ли сосуд. Проснулся, и нога стала как деревянная. Встал — она подвернулась, я упал и растянулся во весь рост. Вот и теперь у меня было похожее ощущение — как будто некая внутренняя сила, место, куда я погружался, сидя в храме на плайе, внезапно предала меня, причем в миг, когда я меньше всего ожидал этого.

— Я бы хотел, — пролепетал я сдавленным голосом, — посоветоваться…

Он отвесил мне пощечину. Не сильную. Даже почти что ласковую. Но очень стремительную. Я даже не заметил, как шевельнулась его рука, лишь сумел воссоздать произошедшее по мелким жестам — его туловище чуть склонилось вперед, потом снова расслабленно откинулось назад, расплывчато мелькнуло предплечье. Щеку словно обожгло, но сильной боли не было.

— Маркус, — сказал он голосом по-отечески суровым. — Хватит валять дурака. Мы пришли не для того, чтобы тебя бить. — «Ага, а кто только что влепил мне пощечину?» — подумалось мне. Нет, конечно, он ударил не сильно. А ведь мог

бы, но не стал. Он на добрых шесть дюймов выше меня, широкоплеч, мускулы выпирают, как у супергероев на картинках. — Нам всего лишь надо с тобой поговорить. Если хочешь скорее закончить эту беседу, выслушай нас.

Я уставился в одну точку прямо перед собой.

— Маркус, у тебя есть кое-что очень важное. То, о чем ты уже успел раззвонить кому не следует. И эта штука, о которой идет речь, тебе не принадлежит. Наша задача — забрать ее и вернуть на место. Как только мы убедимся, что она у нас, в целости и сохранности, нам не будет нужды продолжать общение с тобой, а тебе — с нами.

Я хотел было снова потребовать адвоката, но понял, что это бессмысленно. Так и сидел, устремив взгляд в одну точку.

— Насколько мне известно, некое лицо просило тебя опубликовать этот материал. — Чего? Ах да, Маша. — Это лицо изменило свое решение.

Я попытался сохранить невозмутимый вид, но у меня это плохо получается. Он заметил, как в моем лице что-то дрогнуло.

— Думаешь, мы ее били или что? Она передумала под нашим нажимом? — Он расхохотался во все горло, будто услышал забавную шутку, и его приятель на переднем сиденье засмеялся тоже —

мелко, гаденько, словно увидел, как незнакомый человек споткнулся и упал. — Маркус, друг мой, знаешь, эта девочка уже очень устала бродяжничать. Ей надоело питаться тортильями и бобами, прятаться от непогоды в оврагах. Она хочет жить так, как жила раньше, питаться три раза в день, спать в теплой постели, смотреть телевизор с большим экраном, держать продукты в холодильнике. Нынче для нее все это недоступная роскошь. Она не хочет провести остаток жизни в бегах, спать под газетой и искать еду в мусорных баках. И, знаешь, такие люди, как она, нам очень нужны. Мы в нашей группе ее хорошо знаем, кое-кто раньше работал с ней. Нам нравится то, что она делает. У нее неплохо получается. Мы ее не били, не вырывали ногти и не капали горячим воском. Всего лишь предложили ей работу, и она согласилась.

Вранье было настолько очевидным, что я и сам чуть не расхохотался. Маша, конечно, человек сложный, но чтобы она продалась этим мерзавцам? Да никогда.

Но черт возьми, настолько ли хорошо я знаю Машу? Встречался с ней всего три раза. О ее репутации знаю лишь понаслышке, и нельзя сказать, что репутация эта безупречна.

Но Зеб? Зеб уж точно на это не подписался бы. И я видел Машу и Зеба вместе. Они — пара. Или, по крайней мере, выглядят так.

— Кстати, этот ее парнишка, — сказал Тимми, словно прочитал мои мысли или разглядел что-то на моем якобы невозмутимом лице. — Он нам малоинтересен. Мы ей сказали: если хочешь, оставим его тут вместе с тобой. Места он занимает немного, жрет не в три горла. Каждый имеет право завести себе ручного зверька. Но она с ним рассталась, хотя в их, так сказать, интимные подробности я не посвящен. Они друг другу наговорили много теплых слов, и он ушел своей дорогой. — Он перевел дыхание. — Ты наверняка считаешь нас злодеями. Это не так. Маркус, мы не чудовища. Мы нормальные люди.

«Ага, нормальные люди только и делают, что силком хватают других. Взрывают арт-мобили среди пустыни и укладывают множество народу на больничные койки. Ангелочки, да и только». Я произнес это мысленно, про себя, но вслух не сказал.

— Хочешь, отвезем тебя к ней? Это в наших силах. Правда, ехать далековато.

— А шмотки собрал? — безумно хохотнул коп на переднем сиденье. — Не надо ехать налегке,

Маркус, далековато будет.

— Чистая правда. Но если это поможет убедить тебя, Маркус, мы готовы. Кто знает, возможно, ты будешь нам чем-то полезен. Ты ведь мальчик умный, умнее многих в этом болоте. Но вряд ли хочешь отправиться с нами в дальний путь, верно?

Тип на переднем сиденье включил мотор и выехал на улицу. Я было дернулся, но тот, что сидел рядом, мягко положил мне руку на грудь, не давая шевельнуться. Между передним и задним рядами опустилась панель из непрозрачного стекла, а задние окна внезапно потемнели. Свет падал только из крохотной лампочки под потолком.

— Куда мы едем? — спросил я, и голос дрогнул, как у испуганного пацана, каким я, собственно, и был.

— В одно уютное местечко. Рад слышать, что ты не отказываешься с нами поговорить. Вот и поболтаем.

* * *

Будь я супершпионом, я бы всю дорогу считал холмы и спуски, прислушивался к характерным звукам городского движения и в точности вычислил бы, куда мы направляемся. Но в Сан-

Франциско полным-полно холмов, и если вы, сидя до смерти напуганным в затемненном ящике, сумеете отличить один от другого, то снимаю шляпу — вы дадите фору простому горожанину вроде меня.

Всю дорогу Тимми тихонько напевал себе под нос. Он отобрал у меня куртку и рюкзак и стал методично рыться по карманам и того и другого, извлекая всю электронику: ноутбук, телефон, электронную книгу, небольшой тестер, который я сунул в карман, чтобы проверять сетевую проводку в штабе. Из каждого девайса он вытаскивал аккумулятор, потом укладывал и то, и другое в прочный металлизированный пакет. Все остальное после быстрого, но тщательного осмотра было возвращено в мою сумку, кроме маленького, но классного мультиинструмента, который я в Нойзбридже покрыл яблочно-красной эмалью. Тимми повертел штуковину, раскрыл лезвие, попробовал большим пальцем — ножик был острый как бритва, — улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Хорошо, — сказал он, и меня охватила странная нелепая гордость оттого, что этот доморощенный ниндзя похвалил мой ножик. Может быть, то же самое чувствовала и Маша, когда

впервые пришла на работу в ДВБ или когда сошлась с Кэрри Джонстон и прогнала Зеба — если, конечно, это правда.

Нож нырнул в пакет с электроникой. Он тщательно прощупал все швы и края, и мне подумалось: вот так и должны обыскивать багаж работники службы безопасности в аэропортах, если бы они действительно стремились найти опасные предметы, а не играли на публику.

Машина остановилась. Может, мы ехали несколько минут, а может, и сотню лет. Разделитель между передним и задним рядами скользнул вниз с тихим, еле слышным жужжанием, какое издает отлично сконструированный и отлаженный механизм. Коп, сидевший впереди, — его сверхкороткая стрижка не скрывала грубый шишковатый шрам от макушки до вздутых сухожилий на шее — обернулся к нам. Я озирался, пытаясь понять, куда мы приехали. В лобовое стекло виднелись вода, какие-то темные силуэты вроде катеров, промышленные здания. Должно быть, это Чайна-Бейсин, рекультивированный район, где опустевшие склады и фабрики соседствуют с модными жилыми комплексами и офисами, устроенными прямо в этих складах и фабриках. Судя по заколоченным окнам, пласти-

ковым пакетам и другому застарелому мусору, мы попали в реально заброшенный квартал.

— Вот мы и приехали. — Тимми потер руки и обменялся с напарником долгим взглядом. Потом снова обернулся ко мне. — Маркус, ты прекрасно понимаешь, чего мы от тебя ждем. Верни то, что к тебе попало. Так надо. Мы постараемся любыми способами убедить тебя в этом. Если хочешь, можем отвезти тебя к твоей подружке, пусть она тебе объяснит, что к чему. Только вряд ли тебе это понравится. Поэтому давай закончим эти неприятные разговоры как можно скорее и с минимальными потерями.

Губы его напарника растянулись в злобной ухмылке.

— Да уж, дорогуша, давай обойдемся без потерь. Без тяжелых потерь.

Я понимал: он старается меня запугать.

И ему это удалось.

— А с другой стороны, — Тимми взял у приятеля бутылку минералки и осушил половину одним глотком, — если отдашь то, что нам нужно, мы тебя просто отвезем куда скажешь, и все. Будто на такси, только бесплатно. Ты вернешься к прежней жизни, мы закончим работу пораньше и успеем еще прошвырнуться по барам. Решай,

Маркус, ты умный мальчик или глупенький?

Я попытался найти в душе мир и покой, но они никак не приходили. Поэтому я стал искать в себе злость — убежище, в которое легче всего спрятаться от собственного страха, — и нашел.

— Ребята, ну и чушь вы городите, — заявил я. — За дурака меня держите? Вот открою я ноутбук, сотру ваш файл — и что, вы меня отпустите? Поверите, что эта копия единственная? Я вас умоляю. Если этот файл так важен для вас, вы мне ни за что не поверите.

Тимми расхохотался и захлопнул дверь машины.

— Да брось, Маркус, мы же профи. Кое-что смыслим. Не потащим тебя с собой без крайней нужды. Место, куда мы направляемся, овеяно славой, служить там — награда и почет. Тамошние люди — сплошь элита. У тебя еще нос не дорос. Будь наша воля, мы бы тебя оставили там, где нашли.

Я снова постарался напустить невозмутимый вид. Ага, оставят они меня. В мусорном мешке на дне Сан-Францисского залива.

— Думаешь, мы хотим тебя прикончить? А какой в этом смысл? Ты мальчик умный, наверняка сделал кучу копий и рассовал туда, где мы их не найдем, но, если ты исчезнешь, они рано или

поздно всплывут. Нам нужно твое сотрудничество, а его можно добиться, только если ты жив.

— И если тебе есть что терять, — добавил другой. Злой полицейский.

— Покажи ему, — сказал Тимми. Его напарник вышел, закрыл дверцу — опять с хорошо отрегулированным щелчком — и направился к багажнику. Достал что-то — машина качнулась на подвесках. Тихо скрипнул гравий под его ботинками. Он открыл дверь с пассажирской стороны, сел. В руках у него был футляр из высокопрочного баллистического пластика, еще одна тактическая черная штуковина с массивными защелками. Они слегка потерлись от частого использования, и сквозь матовую черную краску поблескивал серебристый металл. Коп сдвинул защелки, откинул крышку — она подалась, тихо хлюпнув каучуковыми уплотнителями. Внутри оказалась пенорезиновая подложка с углублениями, в которых идеально размещались маленький черный ящичек, какие-то провода, разнообразные диски и зажимы.

— Полиграф, — солидно заявил коп.

Сюрприз оказался таким приятным, что я чуть не расхохотался.

Полиграф — это звучное наукообразное на-

звание детектора лжи, машины, которая якобы может отличить правду от вранья, измеряя такие параметры, как «кожно-гальваническая реакция» (еще одно наукообразное слово, означающее просто потливость) и частоту сердцебиения. Он был изобретен в 1921 году и, подобно многим наукообразным штуковинам, показался таким сложным, что люди решили: уж это точно будет работать. Довольно сомнительный повод верить чему-нибудь.

На самом деле детекторы лжи — полная дребедень. Они способны лишь показать, что человек, к которому пристегнуты провода, вспотел или у него быстрее забилось сердце. Но это не означает, что он врет. Поэтому ни один суд не считает показания детектора лжи вескими доказательствами.

Однако эти приборы все равно выпускаются и широко применяются — по той же самой причине, какая заставляет людей носить на шее кристаллы, якобы излечивающие от болезней, или покупать гомеопатические снадобья. Это сочетание двух разных оттенков глупости. Один из них называется «Все-таки это лучше, чем ничего», а другой «Ну мне же помогло».

Эти заблуждения и являются причиной, по которой многие крупные корпорации, американ-

ские Вооруженные силы и ФБР проверяют своих сотрудников на детекторе лжи. Представьте себе, что вы — важная персона, миллионер, глава крупной торговой сети. Вам нужен региональный менеджер. Выбор — дело серьезное. Если вы возьмете на работу нечестного сотрудника, он дочиста ограбит вас и разорит. У вас нет права на ошибку.

Поэтому вы поручаете подбор соискателя большой и дорогой рекрутинговой компании. Они расхваливают себя на все лады: мы, дескать, компетентные, занимаемся этим уже много лет, и главное — мы используем достижения науки. У нас есть специально разработанные научные тесты анализа личности. И прежде чем рекомендовать вам кандидата, мы пристегнем его к детектору лжи и зададим очень важные вопросы, например «Намереваетесь ли вы ограбить компанию?» или «Употребляете ли вы наркотики?».

Наука — великая вещь, правда? Такая рекрутинговая компания уж точно порекомендует вам самого надежного кандидата, ведь они опираются на последние достижения науки и имеют в своем штате множество великих специалистов по подбору персонала. Но вот беда: вы где-то слыхали, что детекторы лжи, мягко говоря, не очень

надежны. Можно ли им доверять?

— Ну конечно, — скажут вам консультанты. — Разумеется, наши методы не вполне совершенны. Но в мире вообще нет ничего совершенного. Однако полиграфы все-таки в некоторых случаях сообщают, что человек *лжет*, а это ведь лучше, чем ничего, правда?

Правильный ответ: скорее всего, нет. Подбрасывание монетки или принесение в жертву козла тоже может в некоторых случаях сообщить, что человек *лжет*, особенно если у вас в запасе много времени, лжецов и козлов.

А теперь представьте себя начальником отдела в ФБР. Вы попали на эту должность, пройдя испытание на детекторе *лжи*. Вас опутали проводами и стали спрашивать, не являетесь ли вы тайным коммунистом, исламофашистом, террористом или наркоманом. На все вопросы вы ответили «нет», и машина с вами согласилась. Ура, работает! И вдруг какие-то умники заявляют, что детектор *лжи* — полная дребедень. Да что они вообще понимают?! Ведь этот аппарат показал чистую правду, и не только в вашем случае, но и со всеми вашими сотрудниками!

Естественно, те, в чьем случае детектор не сработал, либо не были приняты на службу, либо

все-таки их взяли даже несмотря на то, что они сооружали бомбу для самоубийц, втягивая метамфетамин сквозь скрученную трубочкой страницу из «Манифеста коммунистической партии».

В мире полным-полно всякой наукообразной ерунды. Наверняка кто-нибудь из ваших знакомых носит медный браслет, который якобы «помогает от артрита». С тем же успехом они могли бы сжечь на костре ведьму или, перемазавшись в синей грязи, танцевать под полной луной. Любой из этих способов может улучшить их самочувствие благодаря эффекту плацебо — это когда мозг убеждает сам себя, что самочувствие улучшилось. Однако есть люди, и их слишком много, которые утверждают, что если средство помогло, то это не плацебо, а настоящее лекарство.

И вот теперь копы хотят пристегнуть меня к детектору лжи, принести в жертву козла и проверить, вру я или нет. Они, конечно, ребята крутые и богатые, вооружены куда лучше меня и способны на многое, однако поддались на уговоры деревенского знахаря и приобрели у него волшебный талисман, распознающий ложь. Поэтому я в два счета обведу их вокруг пальца.

* * *

Они и тут изображали из себя супершпионов. Смотрели, как я ввожу пароль в компьютер, старательно записали его в какой-то черный прорезиненный тактический девайс — веб-камеру, из которой мне на пальцы безжалостно падал режущий свет ослепительно-белого светодиода. Похоже, у этих ребят неограниченный запас технических игрушек для взрослых мальчиков. Под их внимательными взглядами я запустил TrueCrypt, вошел в свой скрытый раздел, открыл каталог, показал им нужные файлы и удалил их.

— Так, с этим все в порядке. Но, Маркус, у тебя наверняка есть резервные копии?

Похоже, они все-таки не такие уж дураки.

— У меня много резервных копий, — признал я. — Пожалуй, ради вас я смогу справиться с этой задачей.

— Да? Ну-ка, расскажи. — Тимми лучезарно улыбался всеми своими веселыми морщинками. Казалось, он очень доволен собой и хочет поделиться своей радостью. Мне подумалось, что с этой же самой улыбкой Тимми будет отрезать мне пальцы или прикручивать к яйцам электрические провода.

— Естественно, все мои резервные копии зашифрованы.

— Надо думать.

— И чтобы добраться до их содержимого, мне нужен ключ, так?

— А как же.

— Так давайте я уничтожу ключ.

— А разве у тебя нет его резервной копии?

— Есть, — ответил я. — Мне нужно выйти в сеть и стереть его в нескольких местах. Не будет ключа — не будет и ничего остального. Вся информация превратится в случайный шум.

Другой коп, тот, что со шрамом на затылке, держал веб-камеру, направив ее яркий луч прямо мне в глаза, и я не видел его лица. Но когда Тимми обернулся к нему, Шрам опустил лампу, и я разглядел у него в ухе наушник — разумеется, тактический. Интересно, часто ли эти ребята роняют на пол какую-нибудь важную детальку и потом не могут ее найти, теряя из виду черную мелочь на черном фоне. Может, кто-то из них в прежней жизни был готом.

А может, и нет.

Шрам поднял толстый палец, прислушиваясь к кому-то в наушнике. Значит, веб-камера стримила все происходящее кому-то еще, и за

всеми моими действиями наблюдал технический эксперт, который советовал им, как поступить. Шрам два раза кивнул, сказал в микрофон:

— Так точно, — и обернулся к нам. — Действуйте. А потом проверим его на полиграфе.

— Я дам тебе пароль от нашего вайфая, — сказал Тимми. — Ты сможешь сделать, как говорил. Мы будем следить за твоими действиями. А потом проверим результат. Если все будет как надо, пойдешь домой. Все очень просто. Договорились?

До этой минуты мне было очень страшно. А теперь я боялся, что они по моему лицу поймут, как я доволен. Надо было строго следить за собой, так как весь мой замысел основывался на том, что они поверят: я очень, очень нервничаю.

Я ввел пароль от вайфая и дождался соединения. Интересно, что здесь за линия. Я бы на их месте направил все через туннель SSL на тор-маршрутизатор где-нибудь на просторах сети, чтобы хорошенько анонимизировать весь трафик. А почему бы и нет? Если этот способ вполне устраивает такого параноика, как я, то и для них сгодится. Вся техника так устроена — хорошо работает для каждого. И для тех, у кого что-то утекло, и для тех, кто беспокоится за свои данные, и для тех, кто выкладывает утечку. Всем нам

хватает ума направлять свои параноидальные пакеты взад-вперед по сети, словно взбесившиеся мячики.

Разумеется, соединение было очень медленным. Я терпеливо ждал, пока ноутбук подключится к резервному хранилищу у меня дома.

— Это мой домашний диск, — сказал я и ввел парольную фразу, которая открыла ключ, спрятанный на жестком диске, и приказала отправить его на внешний диск, лежащий дома на столе. Камера внимательно фиксировала все мои действия, и я ей не мешал. Она разглядела, как мои пальцы ввели команду полного удаления искомого файла из моего первичного резервного хранилища, записав поверх него три слоя случайных (точнее, «случайных») данных, потом провел поиск на диске, показав, что та копия была единственной. — Мой диск синхронизируется с хранилищем в нашем хакерском клубе — Нойзбридже. — Я вышел из домашней системы и залогинился в открытую оболочку Нойзбриджа, специально созданную для защиты от взломщиков. Долго блуждал среди ее бесчисленных слоев, зашифрованных и уводящих не в ту сторону. — Уничтожаю этот файл и здесь. — Сказано — сделано. — Нойзбридж создает резервные ко-

пии в облаке. Тем диском я управлять не могу, но синхронизация происходит каждые пять минут, и журналы хранятся вот здесь. — Я открыл файл журнала командой tail — f, которая позволяет видеть новые строки прямо по мере добавления. В гнетущей тишине мы стали ждать очередной синхронизации, потом отслеживали в журнале, как нойзбриджский сервер сравнивает свои данные с облачной копией, замечает, что я удалил файлы и ключи, и отдает команду также удалить их на том конце линии.

Тогда я вышел из системы.

— Готово.

— Ну что, Тимми, поверим ему? — с издевкой спросил Шрам.

— Я-то ему верю, но ты же знаешь поговорку: доверяй, но проверяй. Твой черед, приятель.

Шрам обогнул машину, открыл заднюю дверь и поменялся местами с Тимми. Притащил свой высокотехнологичный детектор лжи, скрупулезно осмотрел все детали, постаравшись, чтобы этот процесс не ускользнул от моего внимания. Во времена испанской инквизиции палачи придумали процесс под названием «демонстрация возможностей»: перед несчастными еретиками выкладывали орудия пыток, давая вдоволь налю-

боваться на причудливые железяки, способные поддевать, отделять, расковыривать самые нежные и болезненные части человеческого тела. Из Шрама вышел бы отличный инквизитор, да еще с научным подтекстом. Ему бы родиться лет пятьсот назад.

Он надел на меня манжету для измерения кровяного давления — разумеется, тактическую, один вид которой радовал его милитаризованную душу, — и стал возиться с электродами. Электродов было много, и он явно намеревался пристегнуть ко мне все до единого. Аккуратно смазывал каждую присоску специальным проводящим гелем, выдавливая его из одноразового пакетика вроде тех, в каких в «Макдоналдсе» подают кетчуп. Эти пакетики в кои-то веки были не тактическими, пестрели надписями на немецком языке и незнакомым логотипом.

И тогда я начал сжимать и разжимать мышцы заднего прохода.

Нет-нет, вам не померещилось. Детекторы лжи измеряют признаки, характеризующие нервное состояние клиента: пульс, частоту дыхания, потливость. Теория гласит, что люди, когда врут, сильнее нервничают, и эту нервозность можно измерить приборами.

На практике дело обстоит не так хорошо. Существуют отпетые лжецы, которые способны врать, не проявляя никаких внешних признаков волнения, потому что они вообще не испытывают никакого волнения. В этом, собственно, и заключается определение социопата: человек, который никак не реагирует на собственную ложь. Так что детекторы лжи прекрасно работают в большинстве случаев и дают сбой, когда дело доходит до самых опасных лжецов на свете. Помните, я упоминал одно из проявлений глупости — «Это лучше, чем ничего»? Вот оно во всей красе.

Но, с другой стороны, множество людей нервничают по совершенно понятным причинам — например, если от результата испытаний на детекторе лжи зависит их свобода или будущая должность. Или, например, когда человека схватили два наемных головореза и угрожают отвезти в свое логово, если он не станет сговорчивее.

Иногда детектор лжи все-таки может отличить простое волнение от нервозности лгуна. Вот почему полезно с самого начала добавить в процесс немножко дополнительных признаков тревожности. Для этого существует много способов. Говорят, разведчики подкладывают в ботинок канцелярскую кнопку и колют об нее пальцы,

чтобы в нужный момент нервная система отплясывала чарльстон и «спокойное» состояние казалось дьявольски нервным. Поэтому, когда они говорят ложь, любая дополнительная нервозность тонет в океане безумной парасимпатической трясучки.

Канцелярские кнопки в ботинках — это, по-моему, перебор. Пусть этим методом хвастаются суперотвязные супершпионы, для которых дырка в ноге — все равно что медаль за отвагу. И если вам доведется попасть на полиграф, просто работайте ягодицами.

В сжатии и расслаблении ануса задействовано множество крупных мышц и нервных узлов, усиливается кровоток, и на полиграфе вы будете казаться, что вы нервничаете как отъявленный лжец, хотя на самом деле просто совершаете ритмичные мышечные движения. В качестве побочного эффекта получите накачанную попу.

У нас в Нойзбридже народ постоянно экспериментирует с такими вещами, вот почему там так круто. Кто-то услышал о возможности ягодичной атаки на полиграф, рассказал еще кому-то, и вот уже оглянуться не успеешь, как мы уже прикупили на eBay парочку дешевых моделей и развлекаемся, пристегивая к ним друг друга

и качая попу. Вам кажется, будто заметить, что человек сжимает ягодицы, очень легко? Ошибаетесь. Немного практики — и никто вас ни в чем не заподозрит.

— Какой сегодня день недели? — спросил Шрам.

— Среда, — ответил я и сжал ягодицы. Любая проверка на полиграфе обычно начинается с простейших вопросов, на которые вы знаете ответ. По ним аппарат определит, как выглядит ваше нормальное правдивое состояние.

— Вас зовут Маркус Яллоу?

Жим-жим.

— Да.

Жим-жим.

— На мне черная куртка?

Жим-жим.

— Да.

А еще черная рубашка, черные штаны, черные носки и черный пояс. Жим-жим.

— На фестивале Burning Man в Неваде ваш сообщник передал вам инструменты для скачивания и расшифровки файлов, содержащих конфиденциальную информацию?

— Да.

Жим-жим. К концу допроса мои ягодицы станут

железными.

— Вы родились в Сан-Франциско?

Жим-жим.

— Да.

— Вы говорите на латыни?

— Нет. — Жим-жим.

В таком духе Шрам продолжал допрос еще некоторое время. Ясное дело, хотел как следует откалибровать свой гаджет, прежде чем перейти к серьезным вещам.

И вот:

— Вы удалили все копии файлов?

Жим-жим.

— Да.

— У вас остались копии этого файла?

— Нет. — Жим-жим.

— Вы сможете каким-либо образом получить копию этого файла или его расшифрованных частей?

— Да. Некоторые из этих частей уже опубликованы. Я могу получить к ним доступ.

Шрам зарычал, а Тимми расхохотался:

— Ловко он тебя подловил.

— Если исключить документы, которые уже находятся в публичном доступе, сможете ли вы каким-либо образом получить копию этого файла

или его расшифрованных частей?

— Да. Полагаю, я все еще могу загрузить зашифрованный торрент-файл.

Твердым как сталь пальцем Шрам ткнул меня под ребра. В животе словно вспыхнул пылающий огненный шар, я согнулся пополам, задыхаясь, хватая воздух ртом, еле сдерживая рвоту.

— Только попробуй блевануть на меня, голову откручу, — пригрозил Шрам совершенно спокойным тоном.

Я заходился кашлем, но воздух никак не хотел просачиваться в грудь. Глоток за глотком мне мало-помалу удалось наполнить легкие и при этом не блевануть.

— А ты не собьешь калибровку полиграфа? — спросил Тимми с легким раздражением. Если он и сердится на напарника, то уж точно не за избиение меня.

— Ничуть, — отозвался Шрам. — Смотри. — Он влепил мне пощечину, твердую, но не сильную. — Эй, Маркус, ты готов отвечать на вопросы?

— Да, — ответил я и машинально сжал ягодицы.

— Раскаиваешься, что был таким умником?

— Да. — Жим-жим.

— Вы удалили все имевшиеся в вашем распоря-

жении копии переданных вам документов?

— Да. — Жим-жим.

— У вас остался доступ к ключам для расшифровки любых других копий, к которым вы могли бы получить доступ?

— Нет. — Жим-жим.

— Вы рассказывали кому-нибудь об этих документах? Передавали кому-нибудь копии этих документов?

— Нет. — Жим-жим. Вот он, главный вопрос. Из него станет ясно, охотились ли они на Энджи, или Джолу, или других моих друзей, допрашивали ли их, как меня, будет ли с ними то же, что со мной. Я изо всех сил сжимал-разжимал ягодицы.

Шрам показал напарнику экран. Тимми склонил голову, прислушался к голосу в наушниках и ответил:

— Вас понял.

Шрам выключил прибор.

— Ну что ж, получилось неплохо. Теперь отвезем нашего юного дружка, куда он захочет. Маркус, куда тебя доставить? В кафе-мороженое? В кино? Или на курсы изучения Библии? В скаутский отряд?

— Пешком дойду отсюда, — буркнул я.

Я обливался потом и мечтал как можно скорее

выбраться из машины. Глаза сами собой падали на дверь без ручек, и в голове крутилась мысль: «Это не машина, а тюрьма на колесах». До сих пор думалось, что они набьют мне карманы камнями и швырнут в залив. Ведь на то они и головорезы, чтобы убивать.

— Ну, полно дуться, душечка, — ухмыльнулся Тимми. — Разве мы плохо с тобой обошлись? Просто выполняем свою работу. И, кстати, мы на своей работе защищаем тебя от реальных негодяев, которые охотно взорвали бы твой дом и нарядили твою мамашу в паранджу. Нынче вечером ты оказал своей стране большую услугу. Можешь гордиться собой.

Я ничего не ответил. Все слова, какие вертелись на языке, закончились бы для меня еще одной пощечиной или тычком под ребра. А то и похуже.

— Маркус, куда тебя отвезти? Хочешь с нами в стриптиз-клуб?

— Выйду здесь.

— Как знаешь, — недовольно буркнул Тимми.

Шрам снял с меня электроды и распахнул дверь. Я начал собирать рюкзак — просто швырял вещи внутрь, и все. Когда дошел до мультиинструмента, Тимми выхватил его у меня и помахал в воздухе.

— Можно я его оставлю себе? Не возражаешь? Так сказать, в память о нашем сотрудничестве на благо правды и справедливости.

В его глазах блеснуло безумное веселье, и внезапно он показался гораздо опаснее Шрама.

— Возьмите, — кивнул я.

— Боже мой, Маркус, ты очень любезен, — процедил он. — Правда ведь, он лапочка?

Шрам расхохотался. Я схватил рюкзак, застегнул, накинул куртку и зашагал прочь. Не знал в точности, где сейчас нахожусь, однако нетрудно было догадаться, что, удаляясь от воды, я буду приближаться к Саут-Маркету, а оттуда сумею отыскать Мишен-стрит и доберусь до дома пешком, а может, сяду в автобус или на метро. Прошел шагов двадцать — и за спиной взревел мощный мотор. Я едва успел отскочить. Тачка промчалась мимо, чуть не зацепив меня. Это был последний гадостный привет от Шрама и Тимми, прощальное напоминание о том, что я жалкий котенок, а они крутые пацаны. Месть была мелочная просто до смешного, но если это так забавно, то почему у меня на глазах слезы?

Я расплакался. Всерьез, навзрыд, со всхлипами и соплями. Тряслись руки, подкашивались ноги. Рюкзак показался тяжеленным, я сбросил его

наземь, ничуть не заботясь о ноутбуке.

Я чувствовал себя побитым щенком. Словно меня смешали с грязью. Словно я пустое место. Попытался в утешение сказать себе, что у них хватило глупости поверить детектору лжи, что я их все-таки перехитрил. Не помогло. Они все равно больше, сильнее, лучше обеспечены. Верят в детектор лжи, потому что сами проходили проверку на нем, и все, кого они знают, тоже проходили, а значит, детектор работает. Точно так же многие люди верят в астрологию или чудесные исцеления, потому что все, кого они знают, тоже в это верят. Но все равно это не меняет главного факта — эти громилы сильнее и могущественнее меня.

Я силком проглотил слезы, крепко зажмурился и постарался выкинуть из головы эту жалкую плаксивость. Снова надел рюкзак на плечи и зашагал. Надо добраться домой, связаться с Энджи и Джолу, рассказать им. Рассказать обо всем. Болел разбитый нос. Время близилось к полуночи, через несколько часов мне надо быть на работе и представить предложения о том, как превратить кампанию Джо в «Выборы 2.0». Понятия не имею, что я ему скажу.

Скажу, наверно, что мою домашнюю работу

съели наемные убийцы.

* * *

Домой я не пошел. На полпути к Мишен свернул к Маркет, направился к Хейес-Вэлли, где жила Энджи. В нерешительности остановился у ее дверей. Время позднее, в ее доме не горело ни одно окно, а у меня в телефоне сел аккумулятор, так что я даже позвонить не мог. Оставалось только нажать на кнопку звонка и разбудить весь дом. Или идти домой и провести ночь одному. Это было невыносимо.

Наконец я придумал: сесть на крыльцо, достать ноутбук, подключиться к вайфаю Энджи, позвонить по скайпу на ее мобильник и разбудить. Странноватый способ связи с человеком, находящимся в десяти метрах, но именно так я звоню на собственный телефон, когда не могу его найти. Должно быть, окно в комнате Энджи было приоткрыто, потому что вслед за вызовом по скайпу над улицей поплыл ее рингтон — призрачный звук Тардис из «Доктора Кто».

— Кто это? — Звонок по скайпу пришел с неопознанного номера.

— Это я. Я внизу. Открой мне.

— Внизу — это где?

— Прямо тут. У тебя под ногами.

В динамиках компьютера раздался шорох, он повторился из окна и откуда-то изнутри дома. Это Энджи накинула халат и спустилась по лестнице. Через мгновение звякнула цепочка на двери, щелкнули замки, дверь распахнулась, и передо мной предстала Энджи. Оказавшись рядом с ее телефоном, мой компьютер взвыл обратной связью. Я захлопнул крышку, Энджи коснулась экрана и сбросила звонок.

— Маркус?

— Впусти меня, а?

Я люблю Энджи. Она крепко поцеловала меня в губы, схватила за руку и потянула в дом. Мы на цыпочках поднялись по лестнице, и на пороге ее комнаты я спросил:

— У тебя комп включен?

Она озадаченно посмотрела на меня:

— Да.

— Пойди выключи.

Я подождал за дверью, прислушиваясь к шорохам. Через мгновение дверь распахнулась, на пороге стояла Энджи с ноутбуком в одной руке и его аккумулятором в другой.

— А теперь рассказывай, что стряслось.

* * *

Я-то думал, что принес самую грандиозную сегодняшнюю новость. Оказалось, ошибся.

— Ты уверен, что твоему компьютеру можно доверять? — спросила Энджи, когда я закончил рассказ. Честно говоря, я ожидал услышать от нее совсем другое.

— Да, со мной все хорошо, только до сих пор немного потряхивает, спасибо, что поинтересовалась, — отозвался я.

— Проехали пока. Как ты считаешь, твой компьютер не заражен? Ты мог бы выйти с него в даркнет?

И только тут я заметил то, на что должен был обратить внимание с самого начала. Энджи тоже напугана, и не только моим рассказом.

— А что стряслось?

— Ты доверяешь своему компу или как?

— Да, да, — торопливо ответил я, включил ноут и застучал по клавиатуре.

— Зайди в базу данных, — велела Энджи. — Ищи «ЗИЗ». З-и-з.

— Что еще за зиз?

Она прожгла меня взглядом, в котором читалось: «Не задавай дурацких вопросов».

Глава 10

Корпорация «ЗИЗ» не всегда носила такое название. Когда-то она звалась «Пожарная безопасность», и основал ее один из высших чинов компании «Халлибертон», гигантского военного подрядчика, заработавшего зузаквинтиллионы долларов на продаже дорогостоящих низкокачественных услуг американским воякам по всему земному шару. Потом они переключились на строительство никуда не годных, но бешено дорогих нефтяных скважин, в том числе той, что погубила все живое в Мексиканском заливе.

В «Халлибертоне» работал «динамичный, прорывной молодой вице-президент» (кроме шуток, так его называл журнал «Форчун») по имени Чемберс Мартин. В 2008 году он покинул родную компанию и основал «Пожарную безопасность», которая стала сразу набирать обороты, заключая с американскими вооруженными силами контракты на охрану транспортных колонн «Халлибертона», везущих припасы в Ирак и Афганистан.

До сих пор все идет нормально. Мало ли на свете

компаний, которые выдаивают деньги из налогоплательщиков на удовлетворение потребностей кровожадных вояк. В Кандагаре и Фаллудже они охраняли грузовики с кремовым печеньем, направлявшиеся на передовые военные базы — если кто не знает, эти базы представляли собой нечто среднее между неприступной крепостью и супермаркетом. Армия платила им колоссальные деньги за стирку солдатской одежды, доступ к интернету и строительство пиццерий.

Но планы «Пожарных» простирались гораздо шире. Их уже не удовлетворяли получаемые из кармана налогоплательщиков бешеные гонорары за некачественные услуги. Они решили — ни много ни мало — стать банком. Для начала они взялись за выпуск облигаций под предполагаемые будущие контракты с правительством США. Самые простые облигации — это, по сути, долговые расписки: я продаю вам облигацию на сто долларов под пять процентов годовых и затем ежегодно выплачиваю по пять долларов в течение всего срока действия облигации — скажем, пяти лет, и когда этот срок заканчивается, мы с вами в расчете. Разумеется, если до истечения срока действия я разорюсь, то меня объявят банкротом, а вы лишитесь своих денег.

«Пожарная безопасность» продавала свои облигации направо и налево, платила самые высокие проценты, уверяла всех, что халява никогда не иссякнет, потому что с каждым годом военных контрактов становится все больше и больше, а значит, растут и ресурсы, из которых они платят по своим облигациям. Все шло прекрасно, пока Америка не начала выводить войска из Ирака. Контрактов стало меньше, годовая прибыль компании пошла вниз, и пришлось искать другие области приложения своих сил.

Компания стала не только выпускать собственные облигации, но и торговать чужими. Начали они с облигаций, обеспеченных задолженностями по студенческим кредитам. Получается, каждый доллар, который я брал взаймы, чтобы оплатить учебу в Беркли, превращался в облигацию, то есть какой-то денежный мешок покупал себе право получать выплату всякий раз, когда я гашу часть своего кредита. На этом неплохо нагревали руки и Беркли, и другие университеты и компании, которые выдавали студентам кредиты, необходимые для получения волшебной бумаги под названием «диплом». Облигации под залог студенческих кредитов гораздо надежнее, чем поручительство скользких военных

подрядчиков, потому что скользкие военные подрядчики могут разориться, а студенты — никогда.

Спорим, вы этого не знали? Если вы возьмете заем для учебы в колледже и в конце концов разоритесь так, что вас признают банкротом, то с вас спишут все долги — и по кредитным картам, и по автокредитам, — но студенческий долг не исчезнет ни в коем случае. И стоит вам пропустить хоть один платеж, ушлые финансовые компании, выкупившие ваш долг у университета, имеют право обвешать ваш кредит баснословными штрафами и пенями. Если вы задолжали тридцать тысяч долларов за учебу и пятьдесят тысяч по кредитной карте, то, став банкротом, обнаружите, что долг по кредитной карте сильно уменьшен или вообще списан, а долг за учебу вырос аж до ста пятидесяти тысяч. Законы о банкротстве по студенческим кредитам прописаны так, что деньги в счет уплаты займов на обучение, взятых вами еще в подростковом возрасте, можно списывать даже с вашей пенсии, и плевать, что вы уже уплатили штрафы и пени на миллионы долларов.

Такой расклад пришелся очень по нраву «ЗИЗ». На деньги, получаемые от продажи облигаций, они стали скупать студенческие долги. Но не все,

а только самые безнадежные. Долги несчастных обездоленных ребят из беднейших слоев населения, тех, кто загнал себя в вечную кабалу ради призрачной мечты подняться немного выше, чем удалось их родителям.

Этим бедолагам приходилось нелегко. Сам по себе вузовский диплом (хотя чаще им приходилось вовсе бросать учебу) не гарантировал хорошей должности. Должники становились безработными или трудились на десятках временных работ, чтобы только оплатить жилье, и без конца пропускали сроки платежей. И долги у них вырастали до неподъемных размеров.

Вступайте в «ЗИЗ». У них есть динамичный, прорывной план выбивания долгов — откровенный разбой. Их сотрудники отлично умеют запугивать, мучить, преследовать должников. У них крепкие связи с Департаментом внутренней безопасности, а значит, они имеют полный допуск к базам данных о том, кто где живет, кто с кем в родстве, о чем говорится в налоговых декларациях, сколько получают их родители, бывшие супруги, дедушки и бабушки, дальние родственники и школьные друзья. «ЗИЗ» распоряжается этой информацией весьма… гм… агрессивно. Можно сказать, прорывными методами.

Звучит довольно гадко? Да. Но дальше становится еще хуже. Люди, попавшие в кабалу к «ЗИЗ», начинали совершать поступки, совершенно для себя не характерные. Кто-то с оружием выходил на большую дорогу, кто-то взламывал богатые дома, некоторые шли на откровенный шантаж. Многие вступали в армию и вскорости бывали отчислены по причине полной непригодности к службе.

Почему они шли на это? Потому что в «ЗИЗ» им давали «финансовый совет». Например, такой: «Плати по счетам, приятель, иначе тебе и тем, кого ты любишь, будет очень, очень плохо». «ЗИЗ» — это не просто частная военная компания и не финансовые махинаторы высокого полета. Это мафия.

* * *

Эта информация содержалась в бесчисленных документах, среди которых были письма от штатских и окружных прокуроров, получавших жалобы от «клиентов» «ЗИЗ». Компания, разумеется, все отрицала, а сама между тем расширяла связи, заводила друзей в правительствах штатов и всего государства, в правоохранительных органах и в ДВБ. С такими друзьями можно жить

спокойно и безмятежно.

Самый впечатляющий доклад поступил от городского прокурора Сан-Франциско. Она получила множество почти одинаковых жалоб от клиентов «ЗИЗ» и стала кропотливо выстраивать дело против компании. Собрала множество документальных свидетельств (также включенных в эту базу данных), однако получила от своего руководства строгий приказ прекратить следствие, потому что «в настоящее время у нас недостаточно улик для обоснования необходимости дополнительного расследования».

Но эта дама — читая, я мысленно аплодировал ей — не собиралась спускать дело на тормозах. Она продолжала записывать рассказы жертв «ЗИЗ», изучала финансовую деятельность компании, пыталась набрать «достаточные улики», которые убедят ее руководство. Но в один отнюдь не прекрасный день банкиры, ссылаясь на задолженность по выплатам, наложили взыскание на ее дом. Даму вместе с мужем и двумя маленькими детьми разбудили в шесть часов утра и вышвырнули на улицу. С тех пор она с головой увязла в бюрократическом кошмаре и много месяцев вела неравную борьбу за свое доброе имя, кредитную историю и собственный дом.

На этом рассказ о ней заканчивается, но для «ЗИЗ» все только начинается. Они наняли лоббистов в правительствах каждого американского штата. Это наверняка обошлось им в круглую сумму, и теперь я примерно представляю, какие деньжищи они заколачивают на купле-продаже своих грязных облигаций. Лоббисты продвигают принятие законов, дающих большую «свободу маневра» при охоте за имуществом родителей и даже бабушек и дедушек задолжавших выпускников, особенно если выпускники эти живут под крышей отчего дома. Перевожу: если вы задолжали по студенческому кредиту и обнищали настолько, что не можете позволить себе собственное жилье и вынуждены жить с родителями (гм), то они откроют охоту за жильем, зарплатой и пенсией ваших родных. Они не хотят дожидаться, пока вы сами выйдете на пенсию, они нацелились на пенсию вашей бабушки.

У лоббистов хватает дел везде, но особенно активно они действуют в Калифорнии, где молодежная безработица самая высокая по стране. С недавних пор плата за обучение в Калифорнийском университете стремительно взлетела до небес, и количество отчисленных школяров вроде меня тоже достигло рекордов. Скоро у нас

подойдут сроки выплат по кредитам на обучение, и «ЗИЗ» нацеливается на деньги наших родителей.

А сейчас, с приближением выборов, «ЗИЗ» стал раздавать направо и налево бешеные суммы. Для этого они учредили целую сеть филиалов. И опять-таки один придирчивый репортер (чье имя было старательно вычеркнуто из документов) докопался до сути и обнаружил, что компания поддерживает деньгами каждого серьезного кандидата, часто даже противоборствующих — то есть всех, кто с приходом к власти сможет встать во главе какого-либо важного комитета.

Наша даркнетовская команда, получив задание вести поиск по ключевому слову «ЗИЗ», откопала целые горы похожих материалов. В глаза мне сразу бросился один документ: недавно в «ЗИЗ» приняли на работу высококлассного специалиста по безопасности с многолетним опытом работы в ДВБ и вооруженных силах — Кэрри Джонстон.

* * *

— Черт их всех побери, — выругался я.

— Ага, — подтвердила Энджи. — Вот почему они так задергались. Скупают по дешевке долги несчастных обедневших студентов, а потом вы-

селяют этих ребят вместе с семьями из родных домов. И заколачивают на этом миллионы — да что там, сотни миллионов!

— И что будет, если мы предадим это гласности?

— Что значит — если? — Она посмотрела на меня как на ненормального.

— Энджи! — развел руками я. — Ты же читала об этих типах и знаешь, кто они такие. И они знают, кто я. Знают, что Маша передала выкраденные документы мне. Если это выплывет наружу, они…

— Что?! Маркус, эти люди — преступники и к тому же чокнутые. Подстраиваясь под них, ты себя не обезопасишь, только хуже сделаешь. Если понадобится, они опять придут за тобой. Эти чертовы хакеры редкостные сволочи, но насчет нее они правы. Она доверилась тебе, решила, что ты ее подстрахуешь, а ты вместо этого тратишь время, занося все улики в каталог…

— Чего-чего? Это я-то трачу время? Ты, Энджи, тоже уделила этому немало времени. Мы все вместе решили, что, прежде чем публиковать даркнетовские документы, надо их изучить, понять, чем мы располагаем, разработать стратегию…

— Маркус, это ты так захотел, потому мы этим и занимаемся. Ты бы запросто мог выложить в твиттер название торрента, ключ и заявить: «Загрузите это сейчас же! Тут полно всякого криминала!». Сколько у тебя подписчиков? Десять тысяч? После этого твой файл стал бы неубиваем.

— Но Маша-то очень даже убиваема, — возразил я.

— А вдруг она заодно с этими типами? Откуда тебе знать?

— Энджи, брось, глупости говоришь. Секунду назад ты говорила, что я последний негодяй, раз не хочу обнародовать документы ради спасения Маши. А теперь утверждаешь наоборот — что мы имеем полное право подставить Машу, потому что она сама может оказаться негодяйкой. Ты уж определись…

Энджи замотала головой:

— Все это ерунда. Важно лишь одно — ты мог бы сделать хоть что-нибудь полезное, а вместо этого по своему обыкновению топаешь, бегаешь и кричишь.

— Энджи, просто я, прежде чем действовать, хочу составить план. Что тут плохого?

— Маркус, я уже составила для тебя план. Пункт

первый: ты сообщаешь всем, где лежат документы. Пункт второй: второго пункта не будет.

Она загнала меня в угол. Наши голоса звучали все громче и громче, и я уже боялся, что мы разбудим маму и сестру Энджи. Если бы наш спор разгорелся в общественном месте, в парке, например, я мог бы встать, отойти и остыть. Но время близилось к двум часам ночи. Куда тут пойдешь? И от этого я, разумеется, злился еще сильнее.

— Ну конечно, легко и просто. Ведь не тебя же бросали за решетку и не тебе угрожали.

К этому вопросу она была готова.

— А тебе не кажется, что они меня тоже давно вычислили? И если мы опубликуем файлы, то следующей в списке буду я? Маркус, меня не колышет, что со мной случится. Дело слишком важное, я не могу ставить превыше всего свою личную безопасность.

— Рад слышать, что ты подбиваешь меня пожертвовать собой.

— Маркус, а мне тебя и подбивать не надо. По-моему, M1k3y уже был бы готов действовать, сражаться за правое дело, а не болтался как в проруби, доводя до совершенства организационные вопросы и заботясь о себе. Он бы что-нибудь предпринял.

Вот оно. Единственная душа на свете, которую я любил, доверял всем сердцем и жить без которой не мог, одним махом выложила мне все, чего я боялся. Если тебя незаслуженно выпороли, хуже может быть только одно: если выпороли заслуженно.

— Энджи… — начал я.

— Проехали, — перебила она. — Пора спать.

Мы лежали в кровати, как две мраморные статуи, оцепенев и не касаясь друг друга. Я снова и снова прокручивал в голове все сегодняшние разговоры, анонимных хакеров, которые пролезли в мой компьютер, громил из «ЗИЗ» и Энджи, злую и разочарованную во мне. Все они дружно обвиняли меня в самых страшных грехах.

Когда укоряющий хор зазвучал чересчур громко, я встал и, не включая света, начал одеваться. В темноте, возясь с одеждой, услышал, как Энджи затаила дыхание, потом выдохнула, хотела что-то сказать, запнулась.

Кое-как одевшись, в незашнурованных ботинках, торопливо запихав свое барахло в рюкзак, я вышел из комнаты Энджи, скатился по лестнице и выскочил за дверь.

* * *

Хорошо хоть, у меня хватило ума зарядить телефон. Стал прокручивать список быстрого набора. Кому позвонить? Родителям? Надо бы, но что я им скажу? Чем они могут помочь?

В списке были два человека, которым я не звонил уже много месяцев. Поэтому автоматическая сортировка отодвинула их в самый конец. И только ручное добавление в избранные спасло их от полного выпадения.

Дэррил и Ванесса.

Мой палец надолго завис над иконкой Дэррила. Я шагал по Маркет-стрит и размышлял, удобно ли будет позвонить ему. Ведь Ван призналась, что я ей нравлюсь, и я не знал, известно ли об этом Дэррилу. К тому же Ван и Энджи годами терпеть друг друга не могли, и мне оставалось только гадать, то ли Дэррил ненавидит меня как соперника, то ли обижается на мою девушку за какие-то прошлые ссоры с Ван. Сначала мы перезванивались каждые несколько дней, потом дни стали перерастать в недели, недели — в месяцы. Чем больше времени проходит между встречами, тем труднее бывает вернуться к общению. Разговоры без повода становятся невозможны, а найти

подходящий повод все как-то не удается.

На улице стало прохладно, меня пробила дрожь. Она словно проломила какие-то невидимые барьеры в моей душе, и через несколько минут меня затрясло всем телом, но уже не от холода. Тогда я нажал кнопку. Шел четвертый час ночи. Я ждал и ждал ответа.

«Привет, это Дэррил. Оставьте сообщение, а еще лучше — пришлите эсэмэс или письмо по электронке».

Я повесил трубку.

Странное дело — я страдал от одиночества и в то же время чувствовал, что за мной наблюдают. В телефоне был установлен «параноид-андроид», но и это не гарантировало защиты — взломать трубку станет сложнее, только и всего. Был ли телефон у меня на глазах все время, пока я сидел в машине со Шрамом и Тимми? Нет, он побывал у них в руках. Могли ли те хакеры, которые проникли в мой ноутбук, запустить червяка в мобильник?

Так оно даже лучше. В истерике позвонить человеку в три часа ночи — не лучший способ возобновления дружбы…

И тут телефон зазвонил. Дэррил.

— Привет, старик.

— Маркус, ты в норме? — В его голосе слышалась такая искренняя озабоченность, что я опять чуть не расплакался.

«Прости, старик, я просто нажал не ту кнопку. Прости. Ложись спать». Эти слова вертелись у меня на языке. Но не сорвались.

— Нет. Не в норме.

Взвыла сирена. Мимо промчалась пожарная машина. Я вскрикнул и подскочил.

— Ты где? — спросил он.

Я огляделся.

— На углу Маркет-стрит и Герреро.

— Стой на месте, — велел он. — Буду через пятнадцать минут.

Вот они какие, настоящие друзья.

* * *

Когда в Беркли проводилось сокращение штата, отец Дэррила не остался без работы, но вынужден был согласиться на «добровольное» снижение зарплаты. Однако они кое-как удержались на плаву и до продажи машины дело не дошло. У них осталась «хонда» десятилетней давности, и у Дэррила имелись собственные ключи. Машина была страшная как смертный грех, держалась на честном слове и на одном крыле, но тем не

менее могла ездить и оказалась способна в три часа ночи домчаться от Твин-Пикс до центра города за пятнадцать минут, хотя, подозреваю, для этого Дэррилу пришлось несколько раз проскочить на желтый свет и, возможно, пару раз — на красный.

«Хонда» подъехала к обочине, щелкнули замки, я открыл дверь и сел. В этой машине я ездил уже миллион раз, и нос сразу уловил знакомые ароматы: старый кофе, отголоски утреннего сэндвича из «Макдоналдса», пригорелый и одновременно сыроватый запах, какой образуется в салоне, если машина с закрытыми окнами то раскаляется на солнцепеке, то остужается в туманной прохладе университетского кампуса в Беркли.

Дэррил был в тренировочных штанах и футболке, обут в незашнурованные конверсы на босу ногу, сквозь дырку в правом торчал большой палец. Ноги у Дэррила были великанские, и любые ботинки быстро рвались на мысках.

Первыми его словами были не «Что случилось?», и не «Ты знаешь, который час?», и не «Старик, ты передо мной в неоплатном долгу».

Нет, он сказал:

— Дружище, как я рад снова тебя видеть.

Он сумел подобрать самые лучшие слова.

— Угу, — отозвался я. — Тоже очень рад видеть тебя.

Я никак не мог решить, с чего начать рассказ. Дэррил знал о даркнете, просматривал документы. Вероятно, натыкался и на отчеты о «ЗИЗ», помогал их разбирать. Но сказать надо было очень многое, а я никак не мог начать. В раздумье закрыл глаза — и вдруг Дэррил встряхнул меня за плечо. Я разлепил веки, осмотрелся. Машина стояла у ворот его отца. Когда-то я знал это место не хуже собственного дома.

— Просыпайся, старик, — сказал он. — Заходи.

Я заковылял за ним, еле волоча ноги по земле, в дверях споткнулся о порог, поплелся в спальню.

В темноте едва заметил, что в его постели сидит Ванесса. На ней была футболка, волосы разметались в какой-то безумной укладке анимешного стиля.

— Привет, Ван, — выдавил я. Дэррил направил меня к узкому походному матрасу, уже уложенному у изножья его кровати. Я плюхнулся туда. Глаза закрылись даже раньше, чем голова коснулась подушки. Кто-то — наверное, Дэррил — попытался перекатить мое бренное тело набок, чтобы вытащить из-под меня запасное одеяло и укрыть, но потерпел неудачу. Я словно налил-

ся свинцом. Организм понял, что я нахожусь в безопасном месте, среди людей, которым можно доверять, и не намеревался бодрствовать долее ни секунды. В глубинах сознания промелькнула мысль, что неплохо бы поставить будильник, дабы не опоздать на работу, но руки стали тяжелыми, как бетонные блоки, а телефон находился за миллион миль от меня — в кармане. Кроме того, я уже спал.

* * *

Проснулся я от запаха яичницы с беконом, поджаренного хлеба и, главное, кофе. В спальне никого не было, сквозь плотные занавеси просачивался тусклый свет. Я раздвинул шторы и уставился на ярко-голубое небо. Морщась от боли, вытащил телефон — я так и проспал всю ночь прямо на нем, отдавив ногу, — и посмотрел на часы. 11:24. На работу я безнадежно опоздал. Надпочечники попытались выплеснуть адреналина и захлестнуть меня паникой, но организм иссяк. Сил хватило лишь на слабую тревогу. Я заскочил в туалет и спустился в залитую солнцем кухню.

Ослепленный ярким светом, я прикрыл глаза рукой, чем вызвал громкий смех Дэррила и Ванессы, кружившихся по кухне под звон кастрюль,

тарелок, стаканов и кружек.

— Я же говорил, проснется на запах, — захохотал Дэррил. — У него вместо мозгов желудок.

Ван хихикнула:

— А я-то думала, у парней мыслительные центры находятся дюймов на шесть ниже.

Они поцеловались. Неужели мы с Энджи выглядим так же тошнотворно? Наверное, да.

— Ребят, — сказал я. — Я очень, очень благодарен вам за помощь, но остаться на завтрак не могу. И так уже опоздал…

— На работу, — закончил за меня Дэррил. — Знаю, знаю. Потому и позвонил твоей маме, а она позвонила твоему боссу и предупредила, что ты плохо себя чувствуешь и с утра поработаешь из дома, а после обеда постараешься явиться. Так что, братан, ты под прикрытием. Садись и ешь.

Вот они, настоящие друзья! Я потянул носом — на плите начала булькать гейзерная кофеварка. Эти штуковины — не самый плохой способ приготовить кофе, но с ними надо правильно обращаться. По сути, они представляют собой двухэтажные кастрюльки. Нижнюю часть наполняют водой, в верхнюю насыпают кофе и ставят на огонь. Вода нагревается, расширяется, давление проталкивает ее сквозь слой кофе в

верхнюю половину. Но у гейзерных кофеварок есть склонность разогреваться слишком сильно, и перегретая вода экстрагирует из кофе все худшие, самые горькие кислоты. В итоге вы получаете чашку крепкого отвратительного кофе, который надо сдабривать галлоном молока или килограммом сахара.

— Дай-ка сюда. — Я притушил огонь, взял кухонное полотенце и смочил под холодным краном, а потом обмотал им кофеварку, остужая воду и прекращая экстракцию. Досчитал до трех, потом отвинтил верхнюю секцию. В идеале надо охлаждать кофеварку еще быстрее, но от резкого перепада температур она может лопнуть. Я выяснил это опытным путем на собственной шкуре — эксперимент с применением кофеварки и миски ледяной воды закончился генеральной уборкой, затянувшейся на целый день. Чугунная кастрюлька разлетелась вдребезги, хорошо хоть рука осталась цела.

— Маркус, — укоризненно сказал Дэррил. — Это всего лишь кофе.

— Вот именно, — подтвердил я. — Это всего лишь кофе. А ты что хотел сказать?

Я потянулся к буфету за кофейными чашечками, которые много лет назад подарил Дэррилу

на Рождество. Автоматически вспомнил, в каком из кухонных шкафов они хранятся. Выудил три чашки и разлил кофе. Попробовал. Не так уж плохо. Почти что хорошо.

Дэррил отпил из другой чашки и кивнул:

— Хорошо. У меня так не получается.

Ванесса тоже пригубила.

— Дэррил, это потрясающе. Отдай должное нашему гостю, он это заслужил.

Дэррил отвесил мне театральный поклон:

— Сэр, ваша осведомленность в области кофейных дел поразила мое воображение. Прошу, водрузи же свой зад в сие кресло, дабы я мог угостить тебя наилучшим зажаренным провиантом.

Ван наградила его шлепком, я уселся, и передо мной появились тарелка, нож, вилка и соус табаско — он напомнил об Энджи, и кольнуло сердце. Стояла даже баночка поливитамина.

Дэррил и Ван тоже сели, и мы быстро покончили с едой. Потом я помыл посуду, Дэррил нашел и включил музыку, а Ван ушла в душ и вернулась с полотенцем на голове, в коротенькой юбке и длинной просторной хлопковой блузе длиной чуть ли не до края юбки. Выглядела она потрясающе, и я невольно засмотрелся на нее пристальнее,

чем позволяли приличия. Она перехватила мой взгляд, загадочно хмыкнула, и я отвел глаза.

— Ну как, готов рассказать, что случилось? — спросил Дэррил.

— Не совсем, — честно ответил я. — Но рассказать все-таки надо.

* * *

И я изложил все опять. Днем, на сытый желудок, это далось гораздо проще — я словно пересказывал сюжет боевика, а не историю, случившуюся со мной. Поймал себя на том, что заостряю внимание на подмеченных странных деталях, например на горячей приверженности ЗИЗовцев к тактическим гаджетам. Ван реагировала взрывами хохота, и от этого вся история зазвучала спокойнее, стала казаться уютной стародавней сказкой, а не нависшим над головой дамокловым мечом. Дэррил и Ван уже знали про «ЗИЗ» и не нуждались в подробных объяснениях, поэтому я смог сразу перейти к той части нашего разговора с Энджи, когда она обозвала меня трусом и подонком за то, что я отказался рисковать жизнью. Так, по крайней мере, это прозвучало в моих устах.

Они сочувственно кивали, и от этого мне стало

вроде бы легче, но на самом деле гораздо тяжелее. Словно я возвел себя на пьедестал героя, хотя вел себя совсем не героически.

— Боже мой, Маркус, ну и досталось же тебе, — выдавила Ванесса.

— Что думаешь делать дальше? — поинтересовался Дэррил.

Ван бросила на него нетерпеливый взгляд.

— А как ты считаешь? Бросит всю эту затею и уйдет. И правильно сделает. Для него это очень опасно.

Дэррил выпустил ее руку.

— Нет, он так не сможет. Во-первых, в это дело вовлечены и другие. Даже если он уйдет, они останутся.

Ван скрестила руки на груди:

— Если Маркус скажет, что работа прекращается, Джолу так и сделает. Вот и весь сказ.

Потрясающе. Из милой воркующей парочки они вмиг превратились в заклятых врагов. Глядя на них, я понял, что, во-первых, ругаюсь с Энджи довольно редко, а во-вторых, очень мало знаю об их отношениях. Я попытался вставить хоть слово, но за меня уже заговорил Дэррил:

— Не скажет. Не может и не должен. Всю эту петрушку про «ЗИЗ» и все остальное надо предать

гласности.

— Да неужели? А зачем? От этого что-нибудь изменится? Думаешь, кто-то не знает, что вся система прогнила насквозь? Думаешь, порция анонимных, ничем не подтвержденных сплетен из интернета сподвигнет людей восстать и действовать? Сбросить цепи, освободить мир? Брось, Дэррил. После всего, что ты пережил…

Дэррил рывком вскочил.

— Пойду прогуляюсь.

И вышел, хлопнув дверью. Я не успел ни слова сказать. Дэррилу пришлось гораздо хуже, чем мне, он застрял в Гуантанамо-в-Заливе на несколько месяцев. Его держали в одиночной камере, преднамеренно сводили с ума, и это оставило на нем множество ран — и видимых, и невидимых. После освобождения он месяц пролежал в больнице под наблюдением врачей, и только после этого его отпустили. Об этом не говорилось вслух, но я знал, что за ним наблюдают на предмет возможного суицида.

У Ванессы на глазах выступили слезы.

— Иногда он бывает страшно глуп, — молвила она. — Что плохого в том, чтобы не лезть в пекло? С какой стати он заставляет тебя рисковать жизнью ради чьих-то принципов?

Мне нечего было ей ответить. Разумеется, принципы были не чьи-то, а мои. Точнее, были когда-то, пока ужас пережитого не изгнал их из моей души. Почему же Дэррил, на чью долю выпало гораздо больше, оказался таким бесстрашным? Кто из нас сломлен — он или я?

Ван заплакала. Я неуклюже обнял ее, она уткнулась мне в плечо. Однажды она поцеловала меня — всего один раз, крепко, в губы. Это случилось, когда она откликнулась на мой зов и передала весточку от меня Барбаре Стрэтфорд, журналистке из «Бэй Гардиан». В тот раз она призналась, что я ей нравлюсь, и больше никогда об этом не заговаривала. И вот сейчас я не мог думать ни о чем другом. Ссора с Энджи, бурные события последних дней настолько натянули мне нервы, что я, кажется, был готов совершить какую-нибудь несусветную глупость — например, поцеловать ее еще раз.

Я выпустил ее и встал. Плечо было мокрым от ее слез. Она глядела на меня снизу вверх, и по лицу струились слезы.

— Пойду поищу Дэррила, — сказал я. — Нельзя оставлять его одного.

И только выйдя за дверь, задумался, можно ли оставлять в одиночестве Ванессу.

* * *

Я отыскал Дэррила именно там, где и рассчитывал, — выше по склону холма, на небольшой площадке для выгула собак. Оттуда открывался потрясающий вид на глубокую долину, на холмы по ее другую сторону, на другие холмы, подальше, на венчающий их причудливый человекоподобный силуэт башни Сатро-Тауэр, похожей на сдающегося в плен инопланетянина с поднятыми руками-антеннами. Именно сюда мы ускользали, когда замышляли сомнительные проделки, например втихаря забить косячок или выпить бутылочку чего-нибудь запрещенного. Пару раз даже ставили эпические опыты с фейерверками, чудом не оставшись без глаз или пальцев. Судя по тому, насколько часто тут попадались бычки, пустые бутылки или сгоревшие петарды, мы были не единственными.

Дэррила я нашел на изрисованной скамейке над долиной, запруженной автомобилями. Он сидел и смотрел в никуда. Я опустился рядом с ним.

— Ума не приложу, откуда в тебе столько храбрости, — начал я. — Мне до тебя далеко. Я бы так не смог.

Он вроде как усмехнулся, но без всякого веселья.

— Храбрости? Маркус, никакой я не храбрец. Мне дико страшно. Все время, понимаешь? По сто раз на день у меня руки чешутся оторвать кому-то голову. Чаще всего ей. — Мне не было нужды спрашивать, кому это — ей. Он говорил о Кэрри Джонстон, женщине, которая являлась мне в кошмарных снах. Дэррилу тоже. — Меня одолевает злость. Я словно смотрю на себя со стороны. Тебе повезло, ты мог хоть что-то делать. А я сидел взаперти. И ничего не мог. Ни помогать тебе с икснетом, ни ходить на демонстрации, ни глушить маячки, как другие икснеттеры. Сидел в той комнате голышом, один-одинешенек, часами, часами, часами, и не было там ничего, только мои мысли да голоса у меня в голове.

Мне никогда в голову не приходило считать себя везунчиком после всего, что произошло, когда власть в Сан-Франциско захватил ДВБ, однако сейчас, взглянув на дело с точки зрения Дэррила, я волей-неволей признал, что да, могло быть намного хуже. Попытался представить себе, что чувствовал бы я, оказавшись в одиночестве и полной беспомощности. Меня окружали хорошие друзья, соратники, которые смотрели на меня

снизу вверх и чествовали как героя. А каково было Дэррилу?

— Прости, Дэр, — вздохнул я.

— Ты не виноват, — отозвался он. — Не хочу грузить тебя. С этим я должен разобраться сам. — Он пару раз запнулся. — Отчасти поэтому я в последнее время редко вижусь с тобой. А то мало ли, вдруг ненароком ляпну что-нибудь обидное. Потому что знаю: все то, что ты сделал, было ради меня.

Разве? Ну если только отчасти. Но в основном я действовал ради себя самого, в стремлении преодолеть и оставить позади все свои унижения, страхи, боль.

Дэррил продолжил:

— Но когда Джолу рассказал мне о даркнете, когда я увидел те документы, то почувствовал: пришла моя очередь действовать. Теперь и я наконец смогу выступить против всей гнусности, продажности и злобы нашего мира. Но Ванесса оказалась к этому не готова. Она хотела только одного — чтобы со мной больше ничего не случилось. Но она не понимает: если я буду беречь себя, то не смогу снова стать самим собой, не смогу прогнать демонов из своей головы. Мне надо что-то предпринять, я хочу наконец стать

звездой собственного фильма.

— Ну, Дэр, вообще… — Я не мог подобрать слова. Отчасти я об этом догадывался, но не думал, что Дэррил когда-нибудь выскажет это вслух. Обычно парни друг другу такого не говорят, даже если они близки как братья, как были мы с Дэррилом.

— Да, — вздохнул он. — Это сложно понять, правда?

— И что же ты хочешь сделать? — спросил я.

— То есть как — что я хочу сделать?

— Да, — подтвердил я. — Именно ты. Чего хочешь ты? Не «Что, по-твоему, я должен сделать?», и не «Как ты думаешь, какие шаги будут самыми безопасными». Что именно желает предпринять Дэррил Гловер, не откладывая, сегодня же?

Он опустил глаза и поглядел на свои руки. Ногти были изгрызены под корень, кутикулы пестрели крошечными шрамами там, где он прокусывал кожу до крови. Он часто грыз ногти в детстве, но лет в пятнадцать бросил. Я и не знал, что эта привычка вернулась к нему.

— Хочу все это предать огласке. Сегодня же. Сейчас.

— Да, — отозвался я. — Это будет правильно. Действуем, черт нас возьми.

* * *

Ванесса нашу идею не одобрила, но тем не менее села с нами в машину. Дэррил вел медленно, осторожно, но я, сидя на пассажирском месте, видел, как дрожат его руки. На Саут-Маркете мы застряли в плотном потоке транспорта, и Дэррил проявил энциклопедическое знание окрестных улиц. В итоге мы вынырнули на Маркет-стрит из переулка такого узенького, что, выбираясь из него, зацепили боками пару пластиковых мусорных контейнеров. Еще через несколько минут он добрался до Хейес-Вэлли и остановился перед домом Энджи. Я знал, что у нее сегодня утром нет занятий, и позвонил ей, однако она не ответила. Тогда я постучался в дверь.

Энджи открыла. Она была в тех же тренировочных штанах и футболке, в каких накануне легла спать, глаза покраснели и опухли. Увидев меня, она сложила руки на груди и сердито сверкнула глазами.

— Оденься, пожалуйста, — попросил я. — Немного позже сможешь ругать меня сколько хочешь. А пока оденься.

Она бросила взгляд через мое плечо. Дэррил помахал ей, Ван тоже пошевелила рукой, но без

всякого энтузиазма.

— Издеваешься, что ли? — сказала Энджи.

— Оденься, — повторил я. — Свершилось.

Она окинула меня долгим внимательным взглядом. Я ответил ей тем же, твердя про себя: «Ну же, Энджи, потом поспоришь, сделай же как я прошу, пока я не сдрейфил». Сердце колотилось в груди, как голубь, который случайно залетел в магазин и бьется о стекло в тщетных попытках вырваться.

Энджи развернулась на каблуках и скрылась в доме. Я услышал на лестнице ее торопливые шаги. Через минуту в коридоре появилась ее сестренка Тина.

— Помнишь, я говорила, что, если ты разобьешь ей сердце, я тебе мошонку на голову натяну?

Она была на два года моложе Энджи, рослая и тощая, полная противоположность невысокой, хорошо сложенной сестре, однако родство между ними было заметно с первого взгляда: похожие голоса, одинаковая мимика.

— Помню, Тина. Давай отложим переформатирование мошонки на потом. Сейчас у нас есть дела поважнее, чем наши с Энджи отношения.

Она вздернула голову:

— Я подумаю.

Через минуту Энджи стремглав сбежала по лестнице. В уголке губ белела зубная паста. На ней был длинный ярко-синий плащ, который мне очень нравился, кеды с ручной росписью и огромные, квадратные японские штаны, которые она сама сшила по выкройке. Все эти шмотки были разбросаны по полу в ее комнате, когда я был там в последний раз — прошлой ночью, а может, сто лет назад.

— Тина, хватит уже про мошонку, — сказала сестренке Энджи, направляясь к нам. Тина состроила обиженную рожицу и чмокнула сестру в щеку. — Пошли, — бросила мне Энджи и стремительно шагнула к машине Дэррила. На миг замешкалась, потом решительно распахнула заднюю дверь и уселась рядом с Ванессой. Я, замыкая шествие, сел на пассажирское место и украдкой покосился назад — не поубивают ли друг друга девчонки.

Напряжение в машине было густым, как ночной туман на вершинах Твин-Пикс.

— Ты ведь знаешь, где офис Джолу, верно? — спросил я Дэррила.

— Мы едем к Джолу? — осведомилась Энджи.

— Я же тебе сказал, — отозвался я. — Свершилось. И присутствовать при этом должны мы

все, лично. Так лучше, чем без конца дергаться, не взломал ли кто-нибудь наши компьютеры и телефоны.

Энджи достала из сумочки мобильник и выключила. Ее примеру последовали мы с Ванессой. Дэррил извлек свой телефон и протянул мне, и его я тоже выключил.

— Ну ладно, — смилостивилась Энджи.

Дэррил сказал:

— Да, я знаю, где работает Джолу.

Мы были уже на полпути туда. У Дэррила был почти мистический талант объезжать сан-францисские пробки. Из него получился бы лучший на свете таксист или угонщик.

— И каков же наш план? — чуть позже поинтересовалась Энджи.

— Нет у них никакого плана, — ответила Ван. — Просто сели в машину и покатили куда глаза глядят.

Я покосился через плечо на Энджи. Она кивнула:

— Ну да, это как раз в их духе.

Девушки впились друг в друга взглядами. Я невольно затаил дыхание. Они терпеть не могли друг друга с восьмого класса. Я так и не сумел выяснить, какая кошка пробежала между ними, и

подозревал, что это застарелая неприязнь из тех, что постепенно обретают собственную жизнь, и вы не ладите с человеком просто потому, что не ладите, вот и все.

Наконец дуэль взглядов прекратилась. Я с облегчением развернулся обратно. Через несколько секунд Ван как ни в чем не бывало спросила:

— У тебя есть знакомый адвокат?

— Не то чтобы знакомый. После Гуантанамо-в-Заливе на судебном процессе нам был назначен государственный защитник и еще приходили из Американского союза гражданских свобод, но никого из них я толком не знаю.

— Ясно, — отозвалась Ванесса. — Кто приходил из Союза гражданских свобод — женщина или мужчина?

— Оба. Мне показалось, что та женщина отлично знает свое дело. Как ее звали?

— Алисса? Аланна?

— Элана, — вспомнила Энджи. — Она была великолепна.

— Так вот. Думаю, нам всем надо написать на руках номер телефона адвоката. На всякий случай. Мы ведь имеем право на один телефонный звонок. Не хочется тратить его на справочные службы.

— Ее номер должен быть у меня где-то в почте.

Я услышал, как Энджи открывает ноутбук, вводит пароль.

— У меня есть маркер.

Они стали писать друг у друга на руках.

— Не надо так крупно, — попросила Энджи.

— Если написать покрупнее, остальные смогут увидеть номер с другого конца комнаты, даже если у них номера смоются. Мало ли что.

— Верно подмечено, — кивнула Энджи. — Ну, теперь ты закатывай рукав.

— Вы серьезно полагаете, что если нас схватят, то разрешат поговорить с адвокатом? — спросил я, втайне радуясь, что девушки общаются вполне цивилизованным тоном.

— Заткнись, — перебила Энджи. — Если нам все-таки разрешат сделать звонок, а у тебя не будет номера, кем ты себя будешь чувствовать? Круглым идиотом.

— Ну да, точно, — подтвердил Дэррил.

— Ты тоже заткнись, — велела Ванесса. — И на следующем красном свете дай сюда руку.

Я закатал рукав и, извернувшись, протянул руку к заднему сиденью. Энджи схватила ее и больно дернула. Я ойкнул, и она недовольно хмыкнула:

— Сиди смирно.

Руку защекотал кончик маркера. Энджи возилась как-то уж очень долго. Получив наконец свою руку назад, я увидел, что из всех ноликов она сделала грустные рожицы, а из всех восьмерок — черепа. Я решил считать это выражением симпатии, и на душе стало немного спокойнее.

* * *

Крошечная фирмочка Джолу состояла из трех парней и одной женщины, занимавших два стола в глубине помещения другой конторы, покрупнее и побогаче. Вокруг этих столов теснились четыре офисных кресла, явно помнивших кризис доткомов, случившийся в конце прошлого столетия, и липкой ленты на них было едва ли не больше, чем родной эргономичной сетки. Мы, петляя между столов, цепочкой пробирались через офис большой компании — какого-то аналитического агентства, о котором я смутно слыхал. Джолу заметил нас издалека, обратил внимание, что мы явились все вчетвером, и тихонько постучал по плечу свою коллегу, а сам встал и двинулся нам навстречу.

— Пойдемте в комнату для совещаний, — предложил он и показал дорогу.

В тесной совещательной комнатке едва хватило места для нашей компании, а вместо рабочего стола был приспособлен стол для пинг-понга, причем сетку и ракетки запихнули на одну из битком набитых полок. К счастью, в комнате имелась дверь, и Джолу ее закрыл.

— Знакомьтесь, это Кайли Дево, — представил он свою сотрудницу, хорошенькую чернокожую девушку чуть постарше нас, с короткими волосами и в круглых очках в красной проволочной оправе. Она улыбнулась и пожала всем руки.

— Вы, должно быть, из даркнета, — сказала она. — Рада познакомиться лично.

— Кайли — основательница компании, — пояснил Джолу. — Я не мог выходить в даркнет, не посвятив ее в наши дела.

— Понятно, — ответил я. — Это было бы непорядочно.

— Нет, — возразил Джолу. — А впрочем, да. Но главная причина в том, что Кайли умнее нас всех вместе взятых. — Кайли отвесила шутливый поклон. — Это она раньше всех отыскала информацию про «ЗИЗ». Вы, наверно, из-за этого и пришли? Или вы затеяли еще какое-нибудь грандиозное сверхсекретное дело, о котором мне следует узнать?

— Нет, — успокоил его я. — Только об этом. Кайли, рад познакомиться. Я хочу рассказать о людях, с которыми столкнулся вчера ночью. Чисто условно я называю их людьми, хотя первые из них больше похожи на привидения или сверхразумные котоматрицы, а вторых хочется назвать гориллами или, может быть, гиенами.

— Я же говорил, будет интересно, — ухмыльнулся Джолу и сел.

* * *

— В общем, — сказала Кайли, — я понимаю, почему вам так не терпится предать это огласке.

— Правда? — обрадовался Дэррил. — А мне вот кажется, что наша затея самоубийственна.

От этого слова меня передернуло. Может быть, эскулапы не зря держат Дэррила под постоянным наблюдением.

— Возможно, — улыбнулась Кайли. — Но если ничего не делать, это и будет чистейшим самоубийством. Конечно, эти мерзавцы не будут вечно смотреть сквозь пальцы на то, что вы гуляете на свободе. По-моему, они отпустили тебя только потому, что были вынуждены действовать быстро и не успели придумать предлог, как убрать тебя с дороги, не подставляясь под удар самим.

Но, как мы уже видели, с их рук кормятся множество различных агентств, у которых хватит сил отобрать дома всех городских прокуроров. Им не составит труда намекнуть полиции, что к тебе нужно проявить повышенный интерес.

— До сих пор мне это даже в голову не приходило, — вздохнул я. — Опасался лишь, что мне натянут на голову мешок, засунут в самолет и отправят, например, в Йемен. Или еще куда-нибудь к черту на рога.

Кайли ответила:

— Такой вариант обошелся бы им в круглую сумму. Знаешь, сколько нынче стоит топливо для реактивных самолетов? Проще переложить расходы на кого-нибудь другого. Эти ребята виртуозно умеют сидеть на государственных пособиях. Выбивают из правительства деньги на военные контракты, вместо контрактов пускают их на облигации, заставляют принимать законы, которые обеспечат их облигациям надежную защиту, а потом требуют все новых и новых законов, еще масштабнее и выгоднее для себя. Вряд ли они добровольно потратят хоть пенни, скорее подсунут счет дяде Сэму, пусть оплачивает. Нет, я думаю, вчера ночью они просто хотели подстраховаться. Убедиться, что, если они и впрямь

натравят на тебя правоохранителей, ты не сумеешь соскочить с крючка, например, обнародовав кучу документов об их незаконной деятельности. Потому я и считаю, что тебе следует действовать сейчас. Потому что следующим шагом, я думаю, в какой-нибудь из полицейских служб раздастся очень важный телефонный звонок, и речь пойдет о тебе, а может быть, еще и о твоих друзьях, потому что они прекрасно знают, с кем ты дружишь, и после этого тебе станет гораздо труднее добиться правды…

— Картина ясна. — Я обвел взглядом друзей — давних, самых лучших. Энджи немного побледнела, стиснула пальцы так, что побелели костяшки; на руке темнел номер адвоката, записанный знакомым почерком Ванессы. Дэррилу тоже было страшно до чертиков. Джолу, как обычно, был крут как кинозвезда, хотя я замечал легкие признаки волнения: морщинки вокруг глаз и губ, тоненькую жилку на лбу, пульсацию вен на шее. Но Ванесса сидела как ни в чем не бывало и была исполнена мрачной решимости.

— Так что лучше действовать немедленно, да? — спросила она.

Джолу кивнул:

— Да, время пришло. Я написал скрипт, который

мгновенно уничтожит наши чаты на даркнетовском сайте, сотрет все журналы и удалит наши ники из примечаний под базой данных.

— Когда ты успел? — изумилась Ван.

Джолу улыбнулся в своей кинозвездной манере:

— В первую же ночь. Прикинул, что нам, вероятно, потребуется в спешке открывать доступ к нашему сайту, и решил действовать на опережение. Меры надо принимать своевременно.

— Отличный девиз, Джолу, — похвалила Энджи. — Во много раз лучше, чем «Если страшно, не молчи — топай, бегай и кричи».

Меня передернуло.

Джолу пожал плечами:

— Не хочу встревать в ваши отношения, Энджи, но топать и бегать иногда тоже бывает полезно. У каждого из нас свои суперспособности.

Дэррил нервно рассмеялся:

— Да, Маркус не был бы самим собой, если бы не бегал и не кричал. Таков уж он уродился.

— Ребята, я здесь, — напомнил я. — И все слышу.

— Заткнись, дорогуша, — оборвала Энджи. Но потянулась через весь стол и взяла меня за руку. Я ответил таким же пожатием, она откинулась

назад, подтянув меня к себе через весь стол, обхватила меня за голову и впилась в губы жгучим поцелуем. А выпустив, заявила: — Ты, конечно, болван. Но все равно мой. И не вздумай еще раз сбежать, иначе после каждой ссоры, в которой ты проиграешь, буду сажать тебя на привязь и караулить.

— Ах вы мои сладкие, — всплеснул руками Джолу. — Любовь — это прекрасно!

— Так и есть, — подтвердила Ванесса. Дэррил встал, обошел вокруг стола, обвил ее длинными руками и прижал к себе так крепко, что у нее хрустнули ребра.

— Дети мои, — вступила в разговор Кайли. — Любовь — это, конечно, прекрасное и важное чувство, однако у нас много дел. Мистер Торрес, надеюсь, упомянутый скрипт готов к запуску?

Джолу пробежался по клавиатуре.

— Готов.

Дэррил поднял руку:

— По-моему, для начала надо попытаться войти в контакт с теми чудиками, которые шпионили за Маркусом. Они, кажется, придумали хороший способ привлечь всеобщее внимание к своим словам.

Я прикусил язык. Если бы после перепалки с

призраками, поселившимися в моей машине, меня не схватили наемные бандиты, я бы сейчас на стенку лез от злости при одном только предположении, что мы должны пойти на сотрудничество с этими отморозками. Однако в последние дни моя шкала кошмарности подверглась радикальной перекалибровке: неделю назад я бы поставил шпионам, проникшим в мой комп, девять баллов из десяти, но сейчас моя оценка снизилась до шестерки и стремительно падала.

За меня ответила Энджи:

— Дэррил, это будет нехорошо по отношению к Маркусу. Они ведь как-никак шпионили за ним. Наизнанку выворачивали. Это не те люди, с которыми хочется работать.

Я немного расслабился. Вот она, Энджи, моя верная подруга.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил Дэррил. Я видел, что он взвинчен куда сильнее, чем секунду назад. Мне вспомнилось его признание в парке: он хочет хоть раз стать звездой собственного фильма. До чего же, наверно, противно, когда кто-то развенчивает твой героический план. Но, черт возьми, эти ребята все равно отморозки.

— Расскажем обо всем прессе. Отправим ссылку, анонимно, Барбаре Стрэтфорд, объясним ей,

как попасть в даркнет. Из всех журналистов на свете только она сможет разобраться, как войти на сайт даркнета через «Тор». А если не разберется сама, у нее много знакомых умников, помогут.

Журналистка Барбара Стрэтфорд работала в «Бэй Гардиан» и специализировалась на расследованиях. Она давно дружила с моими родителями и приложила много усилий, чтобы вытащить меня из тисков Кэрри Джонстон. Но она работала в традиционной печатной прессе, дорожила своей репутацией и действовала с кропотливой осторожностью.

— Это будет слишком долго, — подтвердил мои опасения Дэррил. — Она сначала прочитает все документы от начала до конца, поищет подтверждение в других источниках, проверит юридическую сторону дела, напишет статью и поставит ее в очередь на публикацию в следующем еженедельном выпуске. А нам нужно выплеснуть это немедленно.

Энджи открыла было рот, чтобы возразить, но ее перебил Джолу:

— А почему бы не сделать и то и другое? Расскажем твоей подруге репортеру, но в то же время опубликуем даркнетовский адрес там, где его сможет увидеть кто угодно.

— Как это сделать? — Я давно размышлял над этой проблемой. Как опубликовать документы, при этом сохраняя анонимность?

Джолу пожал плечами:

— Создать новый аккаунт в твиттере, запустить его из-под «ай-предейтора». Создать новый блог в «уорд-пресс», сделать то же самое. Завести новую учетную запись в фейсбуке[5], выложить и туда тоже.

Я покачал головой:

— Не получится. Кто в твиттере обращает внимание на только что созданные аккаунты?

— Ну, можешь ретвитнуть, у тебя тысячи подписчиков. Или я смогу это сделать.

— Ага, с тем же успехом я могу написать яркими буквами: «Видите этот анонимный аккаунт? Он мой!»

— Верно подмечено, — признал Дэррил. — Поэтому надо найти человека, которому мы доверяем, и попросить его обратиться к своим друзьям — пусть они раскрутят этот аккаунт, подпишутся на него, ретвитнут, подружатся — все что угодно. Тогда будет труднее отследить источник.

---

[5] Примечания: 5

Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Теперь уже покачал головой Джолу:

— Прости, братан. Не забывай, это будет происходить в социальных сетях, там, где каждый пользователь свободно выкладывает на всеобщее обозрение подробные списки своих друзей. И отследить нас будет очень просто. Надо всего лишь прошерстить все эти контакты, отследить, что между ними общего, и вуаля — у вас на руках полный перечень вероятных подозреваемых. Остается лишь установить за ними слежку или подослать дрон-убийцу.

Дэррил умолк и сердито уставился в стол. Джолу сохранял хладнокровие.

— Прости, старик, но, сам понимаешь, такова реальность. Она жестока, но от нее никуда не денешься.

Пока шла эта перепалка, Ванесса сидела, откинувшись на спинку кресла, словно ее этот разговор не касается. И вдруг заговорила:

— Кайли, Джолу говорит, вы умнее нас всех вместе взятых. А он и сам не дурак. Как, по-вашему, мы должны поступить?

— Ну, первым делом скажу, что это задача трудная. Одна из самых трудных на сегодняшний день. С такой проблемой сталкивается каждый, кто хочет привлечь внимание к своему товару

или делу, от крупных политиков до мелких бизнесменов, желающих торговать газировкой или открыть ресторан. Каждый, кто хочет продвинуть свои достижения или пригласить зрителей на игры своей малой лиги. По этой причине существуют рекламные агентства и маркетинговые компании, в этом бизнесе крутятся миллиарды долларов. А у вас дело осложняется еще и тем, что вы хотите все проделать быстро и сохранить свою анонимность. Имейте в виду, вам будет очень нелегко. А теперь, после всего вышесказанного, подчеркну, что у вас есть два очень важных преимущества. Во-первых, вы ребята толковые, прекрасно разбираетесь в компьютерах, сетях, людях и технологиях. Во-вторых, выставляете на «продажу» грандиозный «товар». Я читала эти ваши документы и представляю, на какой пороховой бочке вы сидите. Вы ведь не впариваете покупателям новый вкус сладкой водички. Вы хотите рассказать о несметной кладези опасного взрывчатого вещества, о грудах информационного плутония, выкопанного на заднем дворе у правительства. Материалы такого рода вызывают неподдельный интерес, и люди охотно рассказывают друг другу о подобных находках. Мне кажется, лучшая стратегия должна быть

такова: мы создаем новый аккаунт и рассылаем с него сообщения. Всем, кто обладает хоть каким-то политическим весом, или имеет много подписчиков, или способен выступать на широких площадках. Сообщения простейшие, типа «Эй, мистер, смотрите, что у меня есть». Большинство адресатов, особенно поначалу, проигнорирует нас, потому что они ежедневно получают сотни таких сообщений — от мошенников, спамеров, пиарщиков и просто психов. Но мы должны действовать как одуванчики.

— Как это? — не поняла Ванесса. Я видел, что Кайли ей понравилась. Ван взяла на себя роль ответственного взрослого человека, заботящегося о бестолковых малышах, и видела в Кайли потенциальную союзницу. Мне она тоже пришлась по душе — идеально облачала в слова то, что бурлило у меня в голове и не находило выхода. Хотел бы я уметь так говорить.

— А вот как. Мы, млекопитающие, вкладываем в процесс размножения много сил и ресурсов. Когда мы хотим произвести на свет себе подобных, мы на несколько месяцев теряем работоспособность, а потом на несколько лет посвящаем себя тяжелому кропотливому труду ради жизнеобеспечения наших копий. — Мне не очень

понравилось определение моей персоны как «копии» родителей, однако суть дела была схвачена верно. — Однако посмотрите на одуванчик. Когда приходит время воспроизвести себя, он создает тысячи своих возможных копий в виде крохотных семечек, складывающихся в пушистый шарик. Когда налетает порыв ветра, одуванчик не бежит за каждым из своих потомков, дабы проверить, в правильном ли направлении они летят, надели ли варежки и взяли ли с собой коробочку с завтраком. Большая часть семян, выпущенных одуванчиком на ветер, погибнет, не успев укорениться, но одуванчик об этом не беспокоится. Ему не важно, выживет ли каждое семечко, главное — использовать все до единой возможности пустить корни. Успешный одуванчик — это тот, кто сумел заселить каждую трещинку в тротуаре, а не тот, который старательно высадил на грядку все свои семена. Вот и мы будем действовать так же. Рассылать сообщения о даркнете — дело недорогое. Может быть, имеет смысл чуть-чуть видоизменить каждое сообщение с учетом потребностей адресата — добавить его имя, пробудить интерес. Но уделять каждому сообщению не больше минуты. Мы не ставим себе целью добиться, чтобы все до единого адресаты

пересказали кому-нибудь нашу историю. Мы хотим добиться, чтобы каждый, кто может хоть чуть-чуть усилить наш сигнал, знал, что файлы хранятся там-то, бери и распространяй.

— А если ничего не получится? — спросил я. Идея Кайли звучала как-то слишком уж легко и просто.

— Попробуем что-нибудь еще, — отозвалась Кайли.

— А если не успеем попробовать? Если к нам ворвется группа захвата, привяжет к ногам камни и бросит в океан?

Кайли смерила меня укоризненным взглядом.

Ванесса подскочила:

— Маркус, я понимаю, у тебя есть веские причины беспокоиться, но подумай сам, что нам еще остается? У тебя есть предложения получше? Вы с Дэррилом решили, что пришла пора действовать, и мы с вами согласились, но, пожалуйста, не иди сразу же на попятный. Неправильно это будет.

Я на миг вернулся к мысли войти в контакт с теми отморозками, которые за мной шпионили. Но, во-первых, я не хотел этого, а во-вторых, не знал, как к этому подступиться. С одной стороны, мне хотелось забить на все остальное и кричать о наших документах на каждом углу, со всех моих

аккаунтов с тысячами подписчиков. За это я, конечно, вылечу с работы, но, черт возьми, раз уж мы вступили в гонку с «ЗИЗ» и хотим обнародовать как можно больше, прежде чем за мной явятся их мордовороты, то на кой мне нужен зарплатный чек, который я, скорее всего, даже не успею обналичить. А с другой стороны, мне было попросту страшно. И предложение Кайли казалось далеко не таким опасным.

— Ну хорошо, — сдался я. — Но, когда нас всех отправят в секретную афганскую тюрьму, не рыдайте у меня на плече.

* * *

Дэррил подбросил нас к дому Энджи. Мы, как и миллион раз прежде, уселись в ее комнате с компьютерами на коленях и принялись торопливо выбирать людей, которые, возможно, согласятся принять наше сообщение. Для каждого из них мы немножко меняли текст и отсылали с анонимных аккаунтов, состряпанных в офисе у Джолу. Использовали для этого IPredator и «Тор», и это здорово замедляло работу, поэтому для компенсации мы отсылали письма нескольким адресатам сразу, перескакивая с одной вкладки на другую. Джолу предложил запустить в дарк-

нете еще один сайт, на котором можно было бы координировать, кому мы уже отправили письма и какой отклик получили, чтобы избежать дублирования, но Кайли упрекнула его в том, что он действует не как одуванчик, и Джолу отказался от своей идеи.

Поднимаясь к Энджи в комнату, мы все еще дулись друг на друга после вчерашней ссоры, но быстро погрузились в работу и забыли недавние распри. Вскоре мы, как обычно, начали поддразнивать друг друга и перешучиваться. Энджи заметила, что я слишком углубился в биографию Стива Возняка, легендарного гениального инженера, одного из основателей «Эппл», имевшего миллионы подписчиков в твиттере. Я с головой погрузился в «Википедию», переходил со ссылки на ссылку, впитывая информацию о его карьере и достижениях.

Энджи метнула мне в голову карандаш:

— Эй, не слышу стука клавиш. Ты кем себя считаешь — одуванчиком или млекопитающим?

Я фыркнул, показал ей средний палец, но все-таки перестал валять дурака и отослал сообщение.

Потом мы приготовили на кухне сэндвичи с арахисовым малом и джемом, отнесли их в комнату и поужинали. Даже на эти сэндвичи Энджи

умудрилась плеснуть своего острого соуса, и, что удивительно, на вкус получилось очень неплохо, что-то вроде индонезийского карри. А потом она меня вытолкала в шею.

— Завтра тебе на работу. — напомнила она. — Нельзя прогуливать два дня подряд.

Я покорно поплелся на выход и всю обратную дорогу, сидя в автобусе, копался в телефоне, перезагружая поисковые ссылки на наш даркнетовский сайт. Нашел несколько ссылок, от силы пару десятков, но, разумеется, нелегко было догадаться, что они ведут в даркнет. Потому что сначала надо было установить к себе на компьютер «Тор», потом разобраться, как им пользоваться, и поставить в браузер что-нибудь вроде «Торбаттона». Даже я успел забыть, как его устанавливать, и каждый раз на новом компе приходилось искать наши документы заново. Дал себе слово, что если выйду из этой заварушки целым и невредимым, то посвящу себя работе в Нойзбридже. Тамошние хакеры постоянно ковырялись с «Тором», стараясь сделать его удобным в использовании.

Я устал как собака. Вчерашней ночью почти не сомкнул глаз, и все прошлые семьдесят два часа надпочечники старательно накачивали

организм адреналином. Вдобавок все еще болели разбитый нос и бесчисленные синяки, полученные на фестивале, не говоря уже об отголосках целой недели, проведенной в пустыне. Хорошо еще, что мама и папа с головой погрузились в собственные неурядицы. Если бы они уделяли мне столько же внимания, как в мои шестнадцать лет, то сошли бы с ума от ужаса.

И от этого мне стало еще паршивее. Лежал в постели, включив будильник на светящихся часах, которые сам соорудил из газоразрядных трубок, и страдал, а дурацкие голоса у меня в голове издевательски нашептывали, что родителям нет до меня дела, они даже не устроили мне разнос за долгое отсутствие, и я, к стыду своему, никак не мог прогнать эти нелепые мысли.

Хорошо еще, что силы у меня были на исходе, так что даже идиотские голоса в голове не смогли побороть биологическую потребность в сне. Поэтому, как мне показалось, всего мгновение спустя будильник выдернул меня из мрачных сновидений, и я, шатаясь, побрел в ванную принимать душ и чистить зубы.

* * *

Выходя из дома, я сильно надеялся, что дело близится к концу. Ведь когда я в прошлый раз обратился к Барбаре Стрэтфорд, она поместила мой портрет на первую страницу «Бэй Гардиан», и с той минуты события начали развиваться стремительно. И по мере приближения к штабу у меня в душе с каждым шагом крепла уверенность, что стоит мне переступить порог, как со всех сторон раздастся: «Ты только представь, что творится в этом даркнете! Это же надо! Все только об этом и говорят!»

Но я вошел — и никто на меня даже глаз не поднял. Никто не догадывался, что мир в одночасье перевернулся с ног на голову. Я уселся за стол, постарался сосредоточиться на составлении доклада для Джо — он написал, что огорчен моим плохим самочувствием и жаждет услышать мои идеи, как только я смогу вернуться в штаб.

Мне подумалось, что неплохо бы составить что-то вроде презентации в «пауэрпойнте», но всякий раз, загружая бесплатный аналог этой программы — «либре-офис импресс», тупо пялился в экран. Терпеть не могу «пауэрпойнт». Кроме того, в голову лезли только мысли о даркнете и

больше ничего.

Я решил, что загляну туда всего только на минуточку-другую, погуглю, посмотрю, что там происходит. Ага, как же.

Через час я разозлился окончательно. Да, некоторые видные ресурсы опубликовали-таки нашу ссылку, стебельки одуванчика пробились сквозь трещины в асфальте. Но все они до единого были переполнены едкими презрительными комментариями. Одни пользователи считали, что все это газетная утка. Другие говорили, мол, там нет ничего интересного. Сотни утверждали, что на сайты невозможно попасть и не стоит даже пытаться. И все эти комментарии поступали с разных аккаунтов, их писали разные люди, но у меня не укладывалось в голове, что все, кто заглянул в даркнетовские документы, не нашли в них ничего примечательного.

Хуже того, если бы я впервые случайно набрел на эти документы, то решил бы: раз они вызывают столько отрицательных эмоций, раз люди дружно утверждают, что все это лажа, чушь и ничего интересного, значит, так оно и есть. По словам Кайли, большую часть времени я занимаюсь выявлением материалов, не заслуживающих внимания, чтобы отфильтровать их и вплотную

заняться по-настоящему важными вещами, и одним из критериев отбора являются отзывы людей, которые уже успели с этими материалами познакомиться.

Усилием воли я заставил себя вернуться к ковырянию в «пауэрпойнте», и в этот миг на горизонте появился Лиам, чтобы, по своему обыкновению, изводить меня расспросами. Я радостно ухватился за хороший повод отвлечься.

— Как ты думаешь, эти даркнетовские материалы — лажа или все-таки нет?

Меня не удивило, что ссылка уже долетела до Лиама. Будь оно наоборот, я бы сильно удивился — ведь такие вещи как раз в его духе.

— А ты сам-то читал? — спросил я.

Он слегка смутился:

— Не-а. Знаешь, у меня на компе всегда стоял «Тор», но недавно я обновил операционку, и руки не дошли поставить его обратно, и вообще, так как все кругом говорят, что это вранье… — Он неуверенно смолк и пожал плечами.

— Тебе не стыдно называть это враньем, пока сам не прочитал? — накинулся на него я. — Почему ты доверяешь мнению какого-то случайного дурня из интернета и не хочешь посмотреть своими глазами? У тебя что, мозгов нет? Думать

разучился? — Еще даже не договорив, я понял, что веду себя непорядочно, в том числе и потому, что Лиам, не таясь, смотрит на меня снизу вверх. Под градом моих жестоких слов он сжался, втянул голову в плечи, словно хотел провалиться сквозь землю. С одной стороны, я понимал, что веду себя как сволочь, но с другой — считал, что наказываю его по заслугам. За то, что он не соизволил изучить материалы, которые мы с таким трудом сделали доступными в том числе и для него. В смысле, если уж Лиам не хочет ознакомиться с даркнетовскими документами, то кому они вообще нужны?

— Значит, ты их видел? — произнес он жалобным, обиженным голосом. — Считаешь, что они настоящие?

Я не только сволочь, но и болван. Ведь не собирался же никому говорить, что уже знаком с даркнетовскими документами, по крайней мере до тех пор, пока они не появятся на первых страницах газет и в вечерних новостях, не хотел вызывать подозрений и расспросов «А чего это ты ими так интересуешься?». Но теперь я уже не мог сказать: «Нет, я и сам не смотрел», потому что тогда окажусь еще большей сволочью.

— Да, — сказал я, мысленно отвешивая себе

пинка. — Видел. Они потрясающие. Термоядерные. Посмотри обязательно.

— Угу, — отозвался Лиам. — Ладно. Ты прав, надо жить своим умом, а не делать то, что говорят другие.

И умчался делать именно то, что сказал ему я. Ну и сволочь я все-таки.

Глава 11

Представьте себе, что вы затеяли грандиознейшее мероприятие, и на него никто не явился. Мы выложили в сеть величайшую в истории человечества подборку секретных документов, и никто и ухом не повел. Сработало множество факторов: и огромный размер массива данных, и наша пунктирная стратегия его продвижения, и сложности в использовании «Тора», и слова множества пользователей, утверждающих, что все это вранье, ерунда и смотреть там не на что. И в результате в ответ на нашу бомбу общество лишь широко зевнуло от скуки.

В половине четвертого, когда после сытного обеда у меня слипались глаза, потому что от выпитой за обедом щедрой порции орчаты уровень сахара у меня в крови взметнулся так высоко, что потом ему оставалось только падать, — именно в это время возле моего стола появился Джо и сказал:

— Привет, Маркус.

На Джо была привычная униформа его избирательной кампании: изящного покроя кардиган

на пуговицах, под ним белоснежная рубашка, легкие брюки, ненавязчиво подчеркивающие, что даже в свои почти пятьдесят он сохранил такую же талию, какую имел в студенческие годы. На лацкане поблескивал значок «Джо — в сенат». Таких свитеров у него было штук восемь, и один запасной он всегда держал у стола в пакете из химчистки — на случай, если на встрече с избирателями его обрызгает из лужи машина или какой-нибудь младенец случайно срыгнет прямо на него.

— Здравствуйте, Джо. — Я почувствовал себя тем самым младенцем. — Простите, что вчера не пришел. Мне было очень нехорошо. А сегодня, понимаете, так все навалилось. Я уже почти привел в порядок местную сеть, но с веб-сайтом… — Я развел руками, давая понять, что там творится полная катастрофа.

Он помрачнел.

— А мне казалось, что с веб-сайтом все в порядке. Помнится, ты говорил что-то подобное. Или я неправильно понял?

С каждой фразой я тонул все глубже.

— Да, понимаете, на первый взгляд все выглядело нормально, но когда я стал проверять код, то обнаружил там сразу несколько потенциальных

уязвимостей для внедрения чужого кода, поэтому я стал делать все возможное, чтобы уменьшить угрозу атаки, ну, чтобы свести возможный ущерб к минимуму…

Он жестом остановил мой поток техноподобной болтовни.

— Ну и ну! Похоже, у тебя большое количество задач. Не думал, что после Майры осталось столько недоработок.

Вот теперь я окончательно почувствовал себя последним подонком. Майра, моя предшественница, малыми силами проделала грандиозную работу, а я смешиваю ее труды с грязью, чтобы прикрыть свой никчемный зад.

— Да, то есть она, конечно, сделала очень многое, но технологии развиваются очень быстро, и примененные ею версии исправлений сильно устарели, и, сами понимаете, мы же не хотим, чтобы злоумышленники похитили номера банковских карт или пароли наших спонсоров или через наш сайт установили на компьютеры гостей вредоносные программы…

— В общих чертах понятно. Да, Маркус, тебе предстоит решить важные задачи. Однако хочу напомнить, что в этой кампании будет востребовано не только твое умение ставить заплатки на

наши программы и поддерживать работоспособность компьютеров. Нам нужны свежие подходы. Мы должны достучаться до людей, мотивировать их, привести на избирательные участки. Я рассчитываю на тебя, Маркус. Мне кажется, ты идеально подходишь для этой работы.

Ага, подходил бы, если бы не тратил все время на попытки слить целую гору конфиденциальной информации с подробностями тысяч преступных схем. И не попадал бы в лапы к наемным чудовищам, и не беседовал с придурочными шпионами, просочившимися ко мне в компьютер.

— Джо, я вас не подведу.

— Я верю тебе, Маркус. Помни: ты здесь не рядовой боец информационных войск, а супергерой особого назначения. Вот и действуй как подобает супергерою. Через два месяца состоятся выборы, и, чем бы они ни закончились, на этом избирательная кампания Джо Носса будет завершена. Мы закроем наши сайты, сервера и все остальное. Наша технология должна продержаться до тех пор, большего от нее не требуется. Помни об этом, когда будешь распределять свое время, и, надеюсь, в своем рабочем графике ты сумеешь перейти от поддержания работоспособности нашего оборудования к действительно важным

вещам. К очень интересным вещам, верно?

— Простите, — потупился я. А ведь он верно говорит. Дела, в которые я с недавних пор углубился, могут быть необычайно важны, однако у меня есть работа, а я ее не выполняю. Я видел, что Джо разочарован во мне, и от этого на душе стало хуже некуда. На миг перед глазами промелькнуло все, что со мной будет, если меня вышвырнут с работы. Я приду домой, признаюсь родителям. Земля поплыла под ногами. — Завтра, хорошо?

Он похлопал меня по плечу:

— Не вешай нос, сынок. Помни, это избирательная кампания независимого кандидата. Нам тут всем положено быть колючими, перегруженными и измотанными.

При этих словах я позволил себе слегка улыбнуться и заметил, что у Джо под глазами набрякли тяжелые мешки. И по какому-то порыву спросил:

— Джо, вы в последнее время высыпаетесь?

Он ответил своим фирменным раскатистым, добрым смехом.

— Ты говоришь почти как Флор. А сам, кажется, тоже работаешь как папа Карло. Сколько ты спал прошлой ночью?

— Я отказываюсь отвечать, это может быть

вменено мне в вину, — отозвался я.

— Слова, достойные истинного борца за гражданские права. Упорного, но усталого. Знаешь что? Завтра я буду очень сильно занят. Возьми еще день отдыха, приведи свои мысли в порядок. И хорошенько выспись. Хорошо, Маркус?

— Договорились.

Еще раз подтверждаю: Джо — замечательный человек и станет прекрасным сенатором.

Он отошел, и у меня сразу стало легче на душе. Когда знаешь, что в тебя верит такой человек, как Джо, то хочется стать лучше. И вскоре идеи хлынули рекой — не всегда разумные, но уж какие есть. И о том, чем я уже занимался, и кое-что новенькое. Например, использовать бесплатную IP-телефонию, чтобы дети звонили своим далеким от интернета родителям, бабушкам и дедушкам и просили проголосовать — «Ты сегодня звонил маме?». Плагин для браузера, запускающий всплывающее окно с именами крупных корпоративных спонсоров, которые финансируют противников Джо. При каждой загрузке страницы, где эти спонсоры упоминаются, типа «Вот видите, все эти кандидаты — продажные твари».

Еще одна идея была просто шикарная. А может,

совершенно дурацкая. Я долго пытался выбросить ее из головы, но она упрямо возвращалась и требовала занести ее в длинный список, куда я сохранял результаты своего мозгового штурма (все-таки покопаться в «пауэрпойнте» было полезно). Поэтому я записал ее и пометил, чтобы не забыть: ШИКАРНАЯ ДУРАЦКАЯ ИДЕЯ.

В конце дня я столкнулся с Лиамом. Он попытался проскользнуть в дверь, не встречаясь со мной глазами. Господи, ну и мерзавцем же я иногда бываю.

Я окликнул его, подтащил к своему столу и извинился, а потом, сам не заметив как, пригласил после работы на чашку кофе. Выключил ноутбук, сунул его в рюкзак и вышел вместе с Лиамом.

* * *

По дороге домой я прошел мимо гватемальской бакалейной лавки, где на витринах лежали аппетитные калифорнийские продукты. У меня в кармане звенело несколько долларов, и внезапно мне захотелось состряпать для всей семьи восхитительный ужин, посидеть с мамой и папой за веселым шумным разговором, как в старые добрые времена. Потратил часть денег на компоненты для большого салата и на фрук-

ты к десерту, потом заглянул во вьетнамский магазинчик и прихватил свежей лапши, тофу и курятины, чтобы сварить фо — вьетнамский вермишелевый суп. До сих пор я готовил его всего однажды, но рецепт был несложный, а блюдо получалось сытное и дешевое.

Вернувшись домой, я надел фартук, нагуглил несколько рецептов и принялся мыть и убирать тарелки. На звон в кухню вошла мама с кружкой холодного чаю.

— Боже мой, Маркус, ты что, подхватил мозговую лихорадку?

— Ха-ха. Тебя нынче не приглашают на ужин. А он будет вкусным. Фо.

— Фу?

— Да нет же, фо. Не фу и не фа. Забавный факт. Теперь ты знаешь все.

— Еще бы не знать. Позвольте спросить: чем же вызван столь нехарактерный всплеск активности? Наверняка не тем, что ты разбил машину, потому что ее у нас больше нет. Неужели ты хочешь обрушить на нас какую-нибудь кошмарную новость? Мы станем дедушкой и бабушкой?

— Ну мам!

— Любознательные умы всегда хотят докопаться до истины.

— Просто захотелось хорошо поужинать, и решил, что вам это тоже понравится. Это наименьшее, что я могу для вас сделать. Как-никак ты девять месяцев носила меня под сердцем, в страшных муках произвела меня на свет, много лет потратила на мое воспитание…

— Значит, когда я тебе объясняла, как устроен мир, ты все-таки слушал.

— …Я решил, что приготовлю суп с салатом, и будем считать, что мы квиты, да?

Она взяла со стола кухонное полотенце, все в мыле, и швырнула в меня. Бросок получился медленный, я легко поймал полотенце в воздухе, крутанулся, как бейсбольный питчер. Мама взвизгнула и выскочила из кухни.

— Ужин будет через час! — крикнул я ей вслед. — Оденься понаряднее!

Мама испустила возмущенный вопль, и я услышал, как она рассказывает папе, что их ребенок затеял что-то невообразимое.

Да, надо мной сгущались тучи, и будущее не сулило ничего хорошего. Но, с другой стороны, на прошлой неделе я попал чуть ли не в эпицентр взрыва, разбил нос, нашел работу, был схвачен и запуган, чуть не расстался с любимой девушкой и прогулял ту самую работу, которой очень

дорожил.

Мне нужен выходной. Хотя бы на один вечер. И я постараюсь насладиться им сполна. Я достал из холодильника отцовскую банку пива и открыл. Строго говоря, мне не хватало пары лет до возраста, когда это разрешается, но, черт возьми, пора уже расслабиться по-человечески.

* * *

Я разложил еду и поставил перед своей тарелкой вторую банку пива. Мама удивленно приподняла бровь:

— Ты что, серьезно?

— Мне перелить в бокал?

— Да брось, Лилиан, — фыркнул отец. — Он от этого не помрет. А если помрет, мы получим за него выплату по страховке.

Потом все разговоры стихли, и слышалось только шумное чавканье над супом. Папа старался не втягивать лапшу слишком громко, за это мама дразнила его варваром. Даже не помню, когда в последний раз нам было так же хорошо — спокойно, весело, мы не дергались и не шарахались от всего на свете. Невероятно здорово.

Пока мы поглощали фруктовый салат, состряпанный мной на десерт, — я сдобрил его

листиками мяты и сбрызнул ароматным ромом, — у меня зазвонил телефон. Я посмотрел на номер: 202-456-1414.

Номер был знакомым, но сначала я не мог понять, откуда его знаю. 202 — это ведь код города Вашингтона? Звонок умолк. Гм. Ах вот оно что! Это же главный коммутатор Белого дома.

И не спрашивайте, откуда мне это известно. Скажем так: в восьмом классе у некоторых моих друзей были странные представления о том, что такое хороший розыгрыш. В результате в нашу школу однажды наведалась секретная служба. А все потому, что этим номером была исписана половина стен в школьных туалетах, а сверху пояснялось: «Хочешь развлечься? Звони».

— Прошу прощения. — Я вскочил из-за стола, чуть не опрокинув стул, и рванулся вверх по лестнице, держа палец над зеленой кнопкой. Вошел в комнату, закрыл дверь и нажал. Сказал: — Алло!

Ответом была долгая, вязкая, зловещая тишина, разбавленная парой щелчков.

— Алло! — повторил я.

— Маркус? — Голос был сгенерирован компьютером, причем довольно топорно. Разумеется, это был не президент и не сотрудник из Белого дома. Подмена исходящего телефонного номера — дело

известное и совсем простое, достаточно немного погуглить.

— Да.

Короткая пауза. На том конце провода набирали текст.

— Ты давно не проверял электронную почту.

— Что, аж целых два часа? Да, не проверял.

— И в мессенджерах тебя нет.

— Верно, нет. Я ужинал. У вас есть что мне сказать?

— В даркнетовских документах есть заявка на приобретение и рекламная брошюра продукта под названием «Сердца и умы». — Бестолковая программа преобразования текста в речь произнесла «сердца» как «сердыса», и я не сразу сообразил, о чем речь.

— Ладно, поверю вам на слово. И что тут такого?

— Тебе следует почаще проверять почту. — В механическом голосе послышалось чуть ли не раздражение. — Все будет в письме.

— Хорошо, я проверю почту, — сказал я. — Но в последнее время у меня с техникой творится полная чертовщина. Какие-то придурки взломали мой комп, вторглись в мою частную жизнь и напугали до чертиков. Вам ведь, наверное, об

этот ничего не известно?

Пауза.

— Прекрати менять тему.

— Послушайте, я мог бы много чего сделать. Если вы вдруг не заметили, я опубликовал все документы, как вы и требовали. И ничего хорошего из этого не вышло. Никто даже глазом не моргнул. Если вы вдруг не заметили.

— Сердца и умы. — Опять прозвучало «сердыса и умы». — Посмотри на досуге. И почаще проверяй почту.

Разговор оборвался. Вот тебе и выходной.

* * *

Корпорация «ЗИЗ» приложила руку ко множеству самых разных дел и для каждого из своих специальных проектов основывала отдельное подразделение. Так, контрагент по «безопасному программному обеспечению», занимавшийся самой гнусной работой по организации полицейского перехвата для различных ветвей правительства США и для других стран, назывался «Красный мундир».

«Сердца и умы» были одним из его флагманских продуктов, хотя о нем и не упоминалось на сайте компании. Но в даркнетовских документах

о нем рассказывалось довольно подробно, и чем больше я читал, тем сильнее злился.

Начинались «Сердца и умы» с заказа, поступившего от военно-транспортного командования ВВС США. Они хотели приобрести программное обеспечение для «управления виртуальными профилями». Что такое виртуальные профили? Я тоже не знал. И по названию не очень-то догадаешься.

Вы слышали о политических движениях низового уровня? Когда простые люди начинают проявлять интерес к политике и требуют действовать во имя справедливости.

Существует и искаженная версия низовых движений — сфабрикованный общественный запрос. Эту имитацию инициативы, идущей снизу, организуют политические группы, правительства, рекламные агентства, разведывательные компании или просто мошенники. Не могу сказать, существует ли в практическом плане хоть какая-то разница между этими видами организаций. В сфабрикованных движениях легко можно наблюдать, как сотни и тысячи «простых людей» посылают письма в редакции, выходят на демонстрации, пишут своим конгрессменам, в городские администрации, в управления образо-

вания — словом, занимаются тем же, что и люди, проявляющие реальный интерес к политике. Однако в имитационных кампаниях роль «простых людей» исполняют оплачиваемые сотрудники — целая театральная труппа, изображающая обычных граждан, которым, например, очень хочется увидеть, как на месте городского парка начинают бурить нефтяную скважину.

Однако нанять такое количество актеров, притворяющихся простыми людьми, затея дорогостоящая. Существует удобный способ сократить расходы. Для этого надо использовать «марионеток». Один человек управляет в интернете сразу несколькими вымышленными личностями, и каждая из них притворяется самостоятельным человеком, каждая охотно соглашается с остальными. Этот кукольный театр может быть устроен весьма хитроумно — например, можно сделать так, что одна из марионеток будет даже возражать против вашей идеи, но сделает это в такой неприятной и глупой манере, что все остальные, согласные, на ее фоне будут выглядеть просто молодцами.

Однако быть кукловодом — дело нелегкое. Надо держать всех марионеток порознь друг от друга, помнить, что́ именно каждая из них рассказы-

вала о своей жизни и убеждениях. Не хватало только, чтобы ваша игрушечная домохозяйка из пригорода начала рассуждать о материях, с которыми может быть знаком только ваш же игрушечный шофер-дальнобойщик.

Если хотите выпускать в свет больше чем по паре искусственных личностей за раз, необходимы инструменты, помогающие отслеживать, кто есть кто в вашем вымышленном мире.

Для этого и существуют программы управления виртуальными профилями.

Программа «Сердца и умы» была разработана для Военно-воздушных сил США, но «Красные мундиры» распродавали ее направо и налево. В рекламной брошюре с гордостью сообщалось, что программу используют компании по «управлению репутационными рисками», «информационно-маркетинговые» и «стратегические коммуникативные» агентства. Из хвалебных отзывов становилось ясно, что за всеми этим красивыми именами скрываются конторы, которые помогают другим конторам смешивать с грязью людей, которые жалуются в интернете на некачественные товары и услуги. Если вы продаете несъедобную еду, или ваш персонал грубит посетителям, или детские коляски опрокидыва-

ются на ходу, расплющивая в лепешку лежащих внутри младенцев, то дешевле и проще будет нанять человека с лицензией на «Сердца и умы», который поможет «устранить репутационные риски», выставив недовольных потребителей единичными нытиками, нежели всерьез работать над улучшением своего барахла.

В описаниях программы подчеркивалось, что «Сердца и умы» гораздо эффективнее, чем «пятидесятицентовая армия», легион фальшивых комментаторов, которых китайское правительство использует для дискредитации тех, кто протестует против коррупции и преступлений. Для борьбы со своими противниками оно нанимает безграмотных тупиц и платит им по пятьдесят центов за пост.

А в «Сердцах и умах» один-единственный оператор может выдавать себя за десятки разных людей одновременно. И внезапно я понял, откуда взялись бесчисленные сообщения, в которых даркнетовские документы называются ерундой, враньем и никому не нужной чушью. Интересно, много ли отзывов, которые я считал подлинными, были созданы неким виртуальным предводителем марионеточного войска на компьютере с установленной копией «Сердец и умов». Отврат-

ное чувство.

* * *

Я долго и кропотливо трудился над даркнетовской электронной таблицей, распутывал нити, ведущие к «Сердцам и умам» (мысленно я все равно называл их «Сердыса и умы»), добавлял ярлыки и перекрестные ссылки. Теперь, когда мы рассказали всему миру о даркнетовских документах, электронная таблица приобрела очень важное значение, ведь она представляла собой единственный путеводитель по колоссальному массиву данных. Мы перестали подписывать наши правки индивидуальными никами и все работали с единого аккаунта с правами администратора, позволявшего каждому из нас редактировать таблицу и не допускавшего никого со стороны, особенно вандалов, способных испортить базу или добавить к ней дикие конспирологические теории — у нас самих подобных теорий рождалось немало. Мы своими силами проиндексировали уже больше трех тысяч документов, и осталось всего ничего — лишь какие-то восемьсот тысяч с хвостиком. Работа затянется надолго.

Закончив, я кое-как дотащил свое измученное

тело до кровати и рухнул, едва успев снять ботинки. Но через несколько часов рывком проснулся, стряхивая с себя остатки какого-то клаустрофобического сна. Во рту стоял вязкий привкус имбиря из вчерашнего фо. Я поплелся в ванную, залпом выпил стакан воды, провел по зубам щеткой, а по лицу полотенцем, вернулся в комнату и снова лег. Опустил голову на подушку и закрыл глаза. Но теперь сон не шел. Для чего кому-то понадобилось рассказывать мне о «Сердцах и умах»? Все равно я ничего не мог предпринять.

Все это выглядело на редкость глупо. И всякий раз, когда сон вновь ускользал, я вздрагивал всем телом от бессильного возмущения. Зачем эти болваны разыграли целый спектакль, специально позвонили, всего лишь чтобы сообщить, что я попал под прицел могущественной, великолепно оснащенной команды, способной раздавить меня как букашку. Я и без них это прекрасно знаю.

Я никак не мог заснуть и злился на себя за это. Надо поспать. Завтра идти на работу, нужна ясная голова, а мне уже много ночей не удавалось как следует выспаться. Постепенно я превращаюсь в живого мертвеца. И чем больше я сердился, тем дальше уходил сон. В конце концов я стал считать от сотни назад, вздыхая на каждом числе,

пытаясь отыскать то безмятежное место, куда я погружался в храме на фестивале, и тут-то меня внезапно осенило.

Если все сообщения от «Сердец и умов» генерируются и рассылаются одной и той же программой, то, может быть, существует способ автоматически выяснить, пользуется ли автор «Сердцами и умами». Какой-нибудь след, метка, значок. Я встрепенулся, в голове стал созревать план программы, которая будет анализировать все сообщения от «Сердец и умов» и искать между ними связь, и в этот миг на меня наконец-то снизошел сон. Шарахнул по голове, как кувалдой, сбросив в глубокую темную бездну, где нет сновидений. И всего лишь через несколько коротких часов меня оттуда вытащил будильник.

* * *

В середине рабочего дня к моему столу подошел Лиам, до сих пор немного обиженный, но в глазах опять светилось благоговение, от которого мне всегда хотелось провалиться сквозь землю.

— Гм, — заговорил он. — Скоро пойдешь обедать?

Я кивнул. Утром я, с трудом разлепив глаза, упаковал себе сэндвич с джемом и арахисовым

маслом и щедро присыпал его зернами шоколадного эспрессо. Спозаранку это казалось неплохой идеей, но потом я понял, что горько пожалею об этом.

— Собираюсь сходить в Сивик-сентер, там будут протесты.

— Что, опять что-то затевается?

Новые протесты нынче вспыхивали чуть ли не каждый месяц. Похоже, их участники считали, что, ставя палатки на какой-либо городской площади, они по умолчанию проявляют свою общественную активность. Иногда выходило много народу, иногда — лишь горстка самых упертых, но, по-моему, мы все постепенно приближались к рубежу, за которым новостная картинка с копами в костюмах Дарта Вейдера, которые поливают ядовитыми химикатами толпу активистов, захлебывающихся слезами и блевотиной, перестанет нас шокировать. Нет, я, конечно, сочувствую жертвам, сам однажды испробовал на себе порцию слезоточивого газа, но уже не взвинчиваюсь так же сильно, как пару лет назад, когда все это начиналось.

Лиам выпучил глаза, словно ему не верилось, что такой крутыш, как я, может чего-то не знать обо всех событиях, происходящих в любом угол-

ке света. Лично меня всегда раздражали люди, которые по любому поводу говорят: «Да, знаю, слышал», даже если вам прекрасно известно, что они врут. Люди, для которых ничто не случается впервые. Но, общаясь с Лиамом, я рискую сам превратиться в одного из таких. Надо будет за собой следить.

— Грандиозные, слушай! Целые толпы разных анонов возмущены этими даркнетовскими материалами и хотят добраться до «ЗИЗ». — Он заговорил грозным механическим голосом: — Мы Анонимус. Имя нам легион. Мы ничего не забываем. Ничего не прощаем. Ждите нас. — Меня передернуло. Наверняка вы тоже много слышали об «Анонимусе», интернет-движении, сторонники которого совершают дерзкие хакерские атаки и полностью блокируют программное обеспечение неугодных им сайтов. Но затем цена на ботнеты резко пошла вниз и сетевым террористом мог стать каждый, кому не лень. К тому же Голливуд наштамповал прорву дурацких фильмов, в которых герои, а чаще злодеи, серийные убийцы или просто укурки, бегают в масках Гая Фокса, и вся идея стала выглядеть жалко и наигранно. Нет, где-то, конечно, водились настоящие анонимусы, они собирались на площадках вроде

4chan, были тронутыми на всю голову и дерзили так, как не снилось ни одному голливудскому фильму, однако имидж «Анонимуса» стал еще более мультяшным, чем был вначале. А их знаменитый лозунг «Имя нам легион» столько раз повторялся в хоре веселых летних песенок, что вы охотно отрезали бы себе уши, лишь бы не слышать его. Былое зловещее звучание изрядно поистерлось, и нынче эта мелодия стояла в одном ряду с «макареной» и танцем маленьких утят.

— Значит, там будут анонимусы в палатках?

— Нет, старик. Верно, затеяли это все анонимусы, но придет еще куча народу. Я же говорю — грандиозно! Студенты со всего города, старшеклассники присоединятся. И учителя! И даже родители!

Я выудил из рюкзака сэндвич и сунул в карман куртки.

— Ну ладно, убедил.

Правду сказать, он меня действительно убедил. Пусть наши даркнетовские документы и не заполнили первые полосы газет, но тем не менее из-за них множество народу готово выйти на протесты. Если это единственный отклик, какого мне удастся добиться, что ж, так тому и быть. Хоть что-то.

— Надеюсь, маски нам не понадобятся?

Эти пластиковые маски из фильма «В — значит вендетта» стали еще более заезженным атрибутом, чем анонимусовский девиз. К тому же не хотелось оказаться в толпе, в ситуации, которая может измениться каждую секунду, без периферийного зрения.

— Нет, — ответил Лиам. — Лучше взять вот это. — Он достал из кармана пару потертых черных бандан с какими-то витиеватыми узорами. Развернул одну из них и протянул мне. Это был хлопковый платок с отпечатанным посередине портретом Гая Фокса. — Смотри. — Лиам свернул свой платок по диагонали и повязал большой треугольник на шею в ковбойской манере. Потом потянул вверх, словно собирался ограбить банк, и вся нижняя часть его лица скрылась под лицом Гая Фокса. Затем он развязал бандану, опять встряхнул, приподнял бейсболку, засунул под нее верхний край платка и снова завязал концы на затылке. Теперь картинка закрывала все лицо, лишь глаза поблескивали в заранее прорезанных отверстиях. — Трансформер, — пояснил он приглушенным голосом сквозь ткань. — Выбираешь нужный уровень маскировки и соответственно завязываешь. К тому же она пропитана составом,

ослабляющим воздействие слезоточивого газа. Купил у одного парня на eBay. Хочешь такую? Можем оба пойти в них!

Он говорил с таким энтузиазмом, что мне захотелось спрятаться в туалете. Меньше всего мне хотелось вместе с ним изображать чокнутых близнецов.

— Давай, — сказал я. — Положу в карман на всякий случай. Авось пригодится.

— Угу, — отозвался он с поникшим видом. Я с подчеркнутой старательностью свернул платок и убрал в карман. Мало ли, вдруг понадобится нос высморкать. Или кровь вытереть.

* * *

Я услышал манифестацию задолго до того, как увидел. Этот рокот, похожий на бой барабанов, ни с чем не спутаешь. Внутри у меня шевельнулся глубоко спрятанный ужас — напоминание о давнем концерте, организованном икснетовцами в парке Долорес-Мишен, и о последовавших за ним газовой атаке и избиениях. Однако Лиама этот шум явно воодушевил, он даже начал слегка пританцовывать. Мы вышли из метро и направились в сторону, откуда доносился гул. По обе стороны улицы выстроились машины с мигалками, по

тротуарам прогуливались мускулистые полицейские, выразительно демонстрируя подвешенные к поясам толстые связки пластиковых наручников. У всех были защитные очки, сдвинутые на лоб, маски, опущенные к воротнику. От газа, конечно. И верно, у пары полицейских за спиной висели баллоны, как у аквалангистов, наверняка наполненные слезоточивым газом, а к груди были пристегнуты шланги с разбрызгивателями. Я старался не встречаться с ними взглядом, но по их жестам понимал, что нам с Лиамом уделяется особое внимание. Может быть, из-за банданы с Гаем Фоксом у Лиама на шее.

Вся площадь перед городской ратушей была заполнена палатками, на которых сохранились красочные лозунги с прошлых подобных манифестаций. Из-за этого для самих демонстрантов оставалось очень мало места, и мы выплеснулись на улицу. У многих были нарисованные от руки плакаты о студенческих кредитах, продажных политиках, безработице. Новостные ленты полнились рассказами о попавших под снос лагерях бездомных, и протяженные участки Шотвелл-стрит превратились в палаточные городки, на тротуарах пестрели шатры, валялись матрасы и груды картонных коробок. На Пауэлл-стрит у

входа в метро висел огромный щит с рекламой компании, которая предлагала своеобразные страховые услуги: в период манифестаций ее сотрудники занимали покинутые или выставленные на продажу дома, чтобы там не поселились самовольные захватчики.

На одной стороне улицы какая-то женщина взобралась на высокое бетонное основание фонарного столба. Она состригла свои длинные флуоресцентно-розовые дреды и от этого стала казаться намного старше и мудрее, однако я все равно узнал ее. Труди Ду! В Сан-Франциско она легендарная личность, бывшая солистка группы «Спидхорс», основательница интернет-провайдерской компании «Пигсплин. нет», где работал Джолу, пока год назад его начальница не свернула дело.

— Проверка связи! — громко крикнула Труди Ду.

Люди, толпившиеся вокруг нее, эхом отозвались:

— Проверка связи! Проверка связи!

Так работал «народный микрофон» — еще одно изобретение нынешних протестов. Поначалу на это приходилось идти, так как городские власти отказывались выдавать разрешения на использо-

вание звукоусилительной аппаратуры, но даже в городах, где администрация не затевала дурацких игр в кошки-мышки, манифестанты все же предпочитали «народный микрофон». Когда люди помогают друг другу быть услышанными, это дает чувство сопричастности к общему делу.

— У нас лучшее правительство…

Она выкрикнула это своим раскатистым голосом панк-вокалистки, выговаривая слова громко и отчетливо. Толпа подхватила:

— У. Нас. Лучшее. Правительство.

Сначала это повторили те, кто стоял рядом с Труди Ду. Потом — те, кто окружал их. Слова разносились все дальше и дальше, концентрическими кругами расходились по площади, пока не докатились до противоположной стороны Ван-Несс, к тому времени уже заполнившейся народом.

— …Какое можно купить за деньги.

Вокруг Труди Ду раздался хохот, и лишь через минуту он утих и люди смогли повторить неожиданную концовку.

— Я миллион раз была на таких сборищах.

— И мы всегда говорим одно и то же.

— Иногда кажется, что надежды нет.

— Но мы все равно приходим.

— Потому что причины не исчезли.

— Потому что коррупция, безработица и жестокость никуда не деваются.

— Поэтому мы здесь.

Ответом ей были аплодисменты — такие, как здесь принято, с высоко поднятыми руками и шевелением пальцев. Но Труди Ду еще не закончила.

— Проверка связи! — крикнула она, и вокруг нее мгновенно воцарилась тишина.

— Нам говорят, мы слишком много тратим.

— Говорят, мы жадные и мошенничаем с ипотекой.

— Говорят о глобализации. Мол, нам не могут платить больше, чем платят в Индии или Китае.

— Говорят, это новая нормальность.

— Где нет работы.

— Нет школ.

— Нет библиотек.

— Нет жилья.

— Нет пенсионного обеспечения.

— Нет охраны здоровья.

— Однако на войну денег почему-то хватает.

— Однако военные преступники имеют право отбирать у нас дома и говорят, что в этом есть экономический смысл.

— Но они еще не протащили свои гнусные законы.

— Теперь, спасибо даркнету, мы знаем о них.

— Знаем, что политики, голосовавшие за них, продажны.

— Поэтому мы здесь.

— Мы пришли сказать, что не позволим продавать свою страну.

— Мы пришли сказать, что следим за ними.

Она ловко соскочила с постамента, и ей зааплодировали. Приветственные возгласы переросли в ритмичный распев:

— Мы следим! Мы следим! Мы следим!

Многие были в масках Гая Фокса и в костюмах-тройках из дешевых магазинчиков, они указывали то себе на глаза, то на городскую ратушу, слегка пританцовывая. Лиам был на седьмом небе.

Труди Ду в окружении толпы сразу затеяла жаркую дискуссию, объясняя тем, кто не знает, что такое даркнет. Завидев меня, она крикнула:

— Маркус, подойди на минутку!

Лиам зашелся восторгом. Признаюсь, мне было лестно ощутить на себе внимание Труди Ду.

Но потом она сказала:

— Маркус, ты ведь слышал о тех даркнетовских

документах?

У меня пересохло во рту.

— Гм, кажется, да.

— Хорошо. Погоди секунду.

Она ловко вскочила обратно на постамент, сложила руки рупором и крикнула:

— Проверка связи!

— Проверка связи! — ревом отозвалась толпа.

И в тот же миг на меня устремились миллионы глаз. Я передернулся и неуклюже помахал.

— Хотите больше узнать про даркнет? Вот его и спрашивайте.

— Маркус! Поднимайся сюда!

Труди Ду соскочила с постамента и была встречена вежливыми аплодисментами. Обняла меня по-медвежьи. От нее почему-то пахло как от перегретого компьютера, словно ее духи назывались «О-де-сервер».

— Уложи их наповал, — рявкнула она прямо мне в ухо, снова стиснула в объятиях и подтолкнула к постаменту. Я на миг замешкался. Тогда она одной рукой ухватила меня за задний край джинсов, другой подсадила под зад и буквально закинула меня на возвышение.

Я окинул взглядом толпу. Они ответили мне тем же. Не все лица были незнакомыми. Неко-

торых я знал — кого-то по Нойзбриджу, пару девчонок видел в Мишене, с другими учился в школе. Заметил даже Джона Гилмора, основателя Фонда электронных рубежей, он в пестрой футболке и кепке лукаво улыбался в длинную бороду, поблескивая стеклами круглых очков.

— Ого! — невольно воскликнул я и запнулся.

Толпа откликнулась:

— Ого!

Сработал народный микрофон, и отовсюду послышался смех. Ага, известная шутка — повторять то, что не должно было сорваться с языка. Очень смешно.

Отступать было некуда. Мне предстояло прочитать паре тысяч слушателей публичную лекцию о своем совершенно секретном сайте. Вот и конец твоей маскировке, Маркус.

* * *

Когда-то я помогал создавать сеть под названием «икснет». Она работала на взломанных игровых приставках «иксбокс-универсал», которые компания «Майкрософт» раздавала бесплатно однажды на Рождество, чтобы пользователи покупали как можно больше ее программ. Естественно, народу стало интересно, как запускать

на иксбоксе другие игры, и кто-то сумел установить на приставку новую операционку — GNU/Linux, бесплатную операционную систему на открытом коде, которую каждый желающий мог усовершенствовать и передать дальше. Существуют миллионы разновидностей «линукса», и одна из них, «параноид-линукс», представляла собой десктопную версию «параноид-андроид», операционной системы, которая по умолчанию подразумевает, что за вами шпионят, и делает все возможное для сохранения вашей личности в секрете.

Мы с Джолу доработали систему «параноид-линукс», научив ее прямо из коробки взламывать чужие вайфай-сети, а потом распространили как можно шире. Поэтому, если в зоне приема чьего-нибудь вскрытого вайфая находился хоть один иксбокс, то этим соединением могли воспользоваться все иксбоксы в зоне покрытия. Мы встроили в «параноид-линукс» программы для «Тора» и создавали собственные секретные серверы, чаты, игры, передавая самые хитроумные вещи через «Пигсплин», интернет-провайдер, который принадлежал Труди Ду.

К тому времени, как я попал в лапы к ДВБ, икснетовский проект постепенно начал выдыхаться.

В «параноид-линуксе» то и дело находили новые уязвимости, чинили и подштопывали, и нам было нелегко поддерживать икснет в актуальном состоянии. Мы передали управление проектом комитету добровольцев, и они несколько месяцев занимались им, а потом объединили с «параноид-линуксом», который к тому времени приобрел облик загрузочного диска, на котором в придачу содержались «Тор», безопасные версии «Файерфокса» и чат-программа под названием «Пиджин», а также другие защитные инструменты. Достаточно было вставить этот диск в любой компьютер и перезагрузиться, и все — можете считать себя под надежной защитой, если, конечно, сумеете гарантировать достаточную сложность своих паролей, понимаете, как устроены даркнетовские сайты, и разбираетесь во множестве других вопросов, до каких весь остальной мир еще не додумался. Но когда-нибудь додумается.

Так что даркнет — это просто новейшая версия икснета, примерно в той же степени, как человек — новейшая версия шимпанзе. Я, конечно, умел им пользоваться, но сумею ли объяснить? Вот сейчас и выясним.

* * *

— Сайты даркнета работают на «Торе».

— «Тор» — это луковый маршрутизатор.

— Инструмент, который перебрасывает ваш трафик по всей сети.

— Мешая следить за вами и контролировать.

— Сайт в даркнете — это обычный веб-сайт.

— С одной разницей: ваш компьютер не знает его адреса.

— И сайт тоже не знает адреса вашего компьютера.

— В даркнете есть один сайт.

— На нем лежит больше восьмисот тысяч документов, которые утекли в сеть.

— Никто не знает, кто их туда положил.

— Никто не знает, что в них содержится.

— Но несколько тысяч файлов уже включены в каталог.

— Там говорится о страшных вещах.

Я набрал побольше воздуха.

— Вы, наверно, видели множество комментариев.

— Мол, все это полная чушь.

— Ложь и измышления.

— Ничего интересного там нет.

— Зайдите в даркнет сами.

— Вы найдете много файлов по теме «Сердца и умы». (Я сумел-таки не произнести «сердыса».)

— Это программа, разработанная корпорацией «ЗИЗ».

— Чтобы загромождать спамом дискуссионные форумы.

— Создавая фальшивых пользователей.

— И теперь там торчит уйма народу.

— О которых вы и не слыхивали.

— Заполняют флудом доски объявлений.

— Говорят, что все файлы, разоблачающие «ЗИЗ».

— Это полная чушь.

— Мне это кажется подозрительным.

Аплодисменты с высоко поднятыми руками. Это немного примирило меня с фактом, что я чуть было не раскрыл себя как обладателя даркнетовских документов.

— Самый простой способ попасть в даркнет.

— Это установить бесплатный плагин для браузера. Он называется «Торбаттон».

— Потом зайдите на est5g5fuenqhqinx.onion.

— Понимаю, название слишком длинное.

— Я его повторю.

Чей-то голос из толпы — голос одного из анони-

мусов, приглушенный маской, — произнес:

— У меня есть пачка листовок, где все это объясняется. С адресом.

Я помахал ему. Он ответил тем же. Его развязная манера держаться хорошо гармонировала с широкой сардонической ухмылкой на маске.

— Вон у того парня есть листовки с адресом.

Он отвесил изысканный мушкетерский поклон.

— Надеюсь, вы зайдете в даркнет и посмотрите сами.

— И примете собственное решение.

— В общем, спасибо, — закруглился я и соскочил с постамента. В ушах громко стучала кровь.

Публика вежливо аплодировала, гораздо громче, чем я заслуживал. Нельзя сказать, что я их завел, дал приказ выступать и отправил на бой с силами зла. Нет, я всего лишь обеспечил им техническую поддержку. На меня, разумеется, были устремлены миллионы камер, некоторые из них напрямую транслировали видео в интернет, а ролики с других будут позже выложены на ютьюбе и прочих ресурсах. А по площади прогуливались три подтянутых типа в синих куртках сан-францисской полиции с пристегнутыми видеорегистраторами. Они кружили в толпе,

подходили ко всем, надолго останавливались, чтобы запечатлеть лицо каждого протестующего, особенно тех, кто, подобно мне, взбирался на возвышение и произносил речь. Я поперхнулся. Впрочем, они и так прекрасно знают, кто я такой. Они уже поливали меня газом и бросали за решетку. Как говорится, будем считать, что мы знакомы.

Тот самый анонимус подошел ко мне и вручил свою листовку. Потом пожал мне руку:

— Рад познакомиться.

— Взаимно.

Насколько можно было судить по глазам и по манере держаться, он был примерно моих лет. Я вгляделся в неровный квадратик бумаги. На нем была вся необходимая информация: адрес для загрузки виртуального диска с «параноид-линуксом», пригодного для загрузки на любой компьютер, адрес сайта с даркнетовскими документами, несколько ссылок на обучающие материалы. Листок был старательно разрисован масками Гая Фокса и исписан лозунгами, а еще на нем содержалась контрольная цифра, которая подтвердит, что ваш виртуальный диск с «параноид-линуксом» не был испорчен при загрузке. На миг мне показалось, что указанный

ими числовой адрес неправилен, и в голове сразу вспыхнули параноидальные фантазии — а вдруг эти ребята участвуют в какой-то дезинформационной кампании, а вдруг контрольная цифра для «параноид-линукса» неверна, вдруг она ведет на какую-то зараженную версию, которая будет отслеживать каждый ваш шаг? Потом сообразил, что это я сам прочитал адрес неправильно, и сурово приказал себе успокоиться.

— Отличная мысль, — сказал я парню. — Спасибо за это.

Анонимус кивнул головой, спрятанной под маску.

— Не за что. Рад помочь. Решил, что это будет полезно. Я как услышал о даркнетовских документах, увидел, сколько чуши сегодня с утра понаписано об этих «Сердцах и умах», сразу рванулся туда посмотреть и решил, что люди должны узнать правду. Поэтому записал адреса и сделал копии. Кажется, нынче это будет самое полезное занятие — сделать как можно больше копий.

Он произнес это с такой веселостью, что я невольно расхохотался:

— Бактерии именно так и действуют.

— Ага, — подтвердил он. — Отыскать бы какого-

нибудь повернутого биотехнолога и записать это все в бактерию. Оставить на ночь в чашке Петри и к утру получить триллион копий.

— Вирусный маркетинг, — сказал я.

— Скорее бактериальный, — подал голос Лиам.

Анонимус рассмеялся под маской. Не чешется ли у него кожа под ней, подумалось мне.

— Это мой друг Лиам, — представил я. — Это он меня сюда привел.

Они пожали друг другу руки, и анонимус с восторгом дотронулся до банданы Лиама. Тот натянул ее, и даже сквозь ткань я разглядел его ухмылку.

— Круто! — восхитился анонимус.

— Сам знаю, — отозвался Лиам.

Сзади подошла Труди Ду и положила мне руку на плечи.

— Похоже, Маркус, у тебя все хорошо.

— Я уже несколько недель не высыпался, на прошлой неделе разбил нос, нахожусь на грани нервного истощения, но все равно спасибо, — откликнулся я.

— Вот я и говорю. Ты вплотную занят делом, а значит, у тебя все хорошо. Уж всяко лучше, чем лежать, как зомби, одной ногой в могиле. — Она встряхнула меня за плечи.

— А у тебя как дела?

Нехорошо, конечно, задавать такие вопросы человеку, который недавно лишился своей компании, однако я не придумал, что еще сказать, и к тому же купался в завистливых взглядах Лиама и не хотел отпускать Труди Ду, пока не покажу ему во всей красе, какой я крутыш.

Она пожала плечами:

— Хреново. Это значит — хорошо. Лучше пусть все будет хреново, чем тихо-мирно удалиться на покой. Вся та фигня, что нынче творится, все те деньги, которые наши суперпупербогачи высасывают из экономики, все те штучки-дрючки, которыми большие телефонные компании погубили «Пигсплин»… Все это вызывает у меня только одно желание — бороться, бороться и бороться!

Вокруг нее сгрудились анонимусы, явно впечатленные такой речью. Хотел бы я уметь так говорить.

И тут меня снова захлестнула паранойя. А что, если за мной следил через компьютер тот самый анонимус? Может, это он со своими приятелями той ночью вел со мной призрачную переписку в мессенджере? Мне почему-то представлялось, что те ребята живут за тысячи миль отсюда, в

крохотном городишке, где им некуда девать свободное время. Но ведь они могли оказаться практическим моими соседями. А может, мне так и не удалось вычистить их из своего компа и они следят за мной непрерывно, а увидев, что Лиам потащил меня на демонстрацию, тоже явились сюда?

Нет, так дальше нельзя. Надо привести голову в порядок. Выспаться бы хоть разок как следует, и я буду как новенький. И вдруг до меня дошло: а ведь я живу в таком состоянии уже много лет. Если бы выдался хоть один нормальный день, день, когда родители не будут трястись из-за денег и работы, день, когда я смогу побыть обычным студентом, или обычным программистом, или еще хоть кем-то обычным…

Да вернется ли хоть что-нибудь к нормальности?

А толпа все прибывала и прибывала. Мне уже доводилось маршировать на больших демонстрациях в своем городе, но обычно они проводились с разрешения властей, в организованном порядке. А сейчас все было иначе. Все лето я краем уха слышал, что размах протестов ширится, с каждым разом в них вливается все больше народу. Но смысл этого дошел до меня только сейчас, когда

я понял, что нечленораздельный рев, раздирающий барабанные перепонки, это всего лишь голоса тысяч и тысяч людей, разговаривающих одновременно на очень тесном пространстве.

— Черт возьми, — буркнул я. Лиам ухмыльнулся, осмотрелся и показал мне свой телефон. На экране шла прямая трансляция с какого-то беспилотника, одного из тех, что с жужжанием проносились над демонстрацией. На одних были полицейские эмблемы, на других — логотипы новостных каналов, третьи пестрели радугами, лозунгами и ухмыляющимися черепушками. Но большей частью они были зловеще-черными и могли принадлежать кому угодно. Тот, передачу с которого ловил Лиам, кружился над толпой медленными восьмерками. А толпа между тем растянулась вниз аж до Гроув-стрит, а вверх — до Голден-Гейт-авеню, и из боковых улочек вливались новые потоки народу с самодельными плакатами.

Лиам, чуть ли не приплясывая, показывал телефон всем подряд: Труди Ду, анонимусам, каждому, кто мог хоть секунду простоять неподвижно. А я тем временем боролся с паникой. Один раз мне уже довелось побывать в гуще огромной хаотичной толпы. Это случилось в тот

день, когда прогремели взрывы и над городом взревели сирены воздушной тревоги. Тысячи людей хлынули на станцию метро «Пауэлл-стрит». Люди стояли настолько плотно, что толпа превратилась в единый живой организм. Удав, готовый вас задушить, огромная ломовая лошадь, которая растопчет вас насмерть. В той толпе кто-то пырнул Дэррила ножом в бок. Ночами я часто лежал без сна и размышлял об этом. Что за бессмысленная жестокость двигала этим человеком? Может быть, он просто потерял разум от страха? Или же тайно дожидался дня, когда предоставится возможность безнаказанно резать незнакомых людей?

Толпа напирала со всех сторон, двигалась медленно, по миллиметру-два за шаг, но все же двигалась, не останавливалась и с каждым мгновением приближалась. Я попятился на шаг и наступил кому-то на ногу. Бедняга вскрикнул, я машинально извинился.

— Лиам! — Я схватил его за локоть.

— Чего?

— Не нравится мне это. Давай уйдем. Сейчас же. Я хочу вернуться на работу, а мы рискуем вместо этого загреметь в тюрьму.

Или нас растопчут насмерть.

— Не бойся, — отозвался он. — Тут круто.

— Лиам, я пошел, — заявил я. — Увидимся в штабе.

— Погоди. — Он взял меня под руку. — Я с тобой. — И вдруг добавил: — Стой. Проклятье.

— Что?

— Котел.

Я прикусил щеку изнутри и попытался проглотить подступающий к горлу едкий комок. Котел — это когда на демонстрации полицейские в шлемах и защитных масках, со щитами и дубинками окружают демонстрантов и постепенно сжимают кольцо, сгоняя толпу все теснее и теснее, спрессовывая людей, не давая ни присесть, ни лечь на землю, оставляя их без еды, воды и туалетов. В котле оказываются заперты десятки тысяч человек — и дети, и больные, и беременные, и старики, и те, кому надо возвращаться на работу. По неизвестной причине котлы почему-то делаются герметичными — никому не позволено сделать ни шагу ни внутрь, ни наружу, пока полиция не решит, что пора вскрывать крышку, и не начнет тонким ручейком выпускать по нескольку человек за раз. А каждого, кто попробует вырваться, скручивают по рукам и ногам как закоренелого преступника. Вот почему вокруг «котлов» все-

гда кружат «скорые» с носилками. Они массово увозят жертв с пробитыми до крови головами, с красными глазами, бьющихся в судорогах от слезоточивого газа.

— Лиам, — сказал я. — Надо уходить как можно скорее. — На его экране был хорошо виден ровный строй полицейских во всем своем тактическом обмундировании, в шлемах и со щитами — влажная мечта любого коммандос из «ЗИЗ» или другого доморощенного вояки. — Пока они не начали теснить.

К моему изумлению, он улыбнулся и начал напевать.

— Полли, чайничек поставь, Сьюки, чайничек сними! — А его пальцы в это время бегали по экрану телефона. — Ты что, не знаешь? — спросил он, поймав мой озадаченный взгляд.

— Чего?

— Сьюки. Из того стишка. «Полли, чайничек поставь, Сьюки, чайничек сними!» Нет? Старая детская песенка. Я думал, ее все знают!

— Лиам, не знаю я никаких песенок. Да и при чем она сейчас? — У меня руки чесались оторвать ему голову. Ни разу еще не встречал человека, который при виде котла так радовался бы.

— «Сьюки» — это разведывательное прило-

жение с открытым кодом. Собирает сведения о котлах от людей в толпе, с дронов, видеокамер, из эсэмэсок, откуда угодно, и накладывает их на мелкомасштабную топографическую карту, так что сразу становится видно, какие пути еще свободны. На таком большом пространстве полиция не может перекрыть сразу все переулки.

Он протянул мне телефон, и я вгляделся. Полицейские кордоны были обозначены тревожными красными линиями, стрелками указывалось направление, откуда прибывают новые силы. А тонкие зеленые линии указывали пути к отступлению.

— Пунктирные линии еще не подтверждены. Сплошные линии — то, что наверняка, но при отсутствии регулярных обновлений они становятся пунктирными. Вот сюда, кажется, можно пойти. — Он указал на пешеходную дорожку между двумя общественными зданиями в сотне метров от нас.

— Этот путь неподтвержденный, — возразил я. — Может, лучше сюда? Подтверждено и ближе.

Лиам покачал головой:

— Да, но кто-то должен сходить туда и подтвердить. А если перекрыто, то, смотри, там рядом

есть подтвержденный путь. Этим мы внесем свой вклад в общее дело.

— Лиам, я хочу смыться как можно скорее, — твердо заявил я.

Он посмотрел на меня с таким разочарованием, что у меня ноги буквально приросли к земле. А вокруг бурлила толпа. Анонимусы вскарабкались на постамент, и на их лицах под улыбчивыми масками невозможно было ничего прочитать. Труди Ду смешалась с толпой, и я потерял ее из виду. Но меня не оставляло чувство, что она следит за мной, и не только она, но и все анонимусы, и Лиам, и вся толпа, все они стоят и смотрят, как знаменитый M1k3y празднует труса. И выкладывают в твиттер.

— Ладно, — вздохнул я. — Пойдем посмотрим, что нам приготовила твоя Сьюки.

Лиам неуверенно улыбнулся, и мы тронулись в путь. Двигались медленно-медленно, словно сквозь патоку. Вокруг раздавались веселое пение и бурные разговоры, но издалека уже доносились еле слышные крики. Меня начала бить дрожь, и я стал проталкиваться энергичнее. Но Сьюки не обманула: узкий проход никем не охранялся, и люди свободно ходили по нему туда и сюда. Мы встроились в цепочку, проскользнули. До-

бравшись до конца, Лиам коснулся экрана и подтвердил безопасность маршрута.

— Готово, — сказал он, и мы зашагали вниз по Маркет-стрит. Я велел Лиаму снять бандану. По дороге нам встретилось множество полицейских, одни стояли наготове, другие шли в сторону демонстрации. Демонстрантов тоже было много, копы останавливали некоторых и обыскивали. Пару девчонок, примерно наших ровесниц, в пластиковых наручниках тащили в полицейский фургон. Одна яростно сверкала глазами, другая, казалось, вот-вот расплачется. Мы ускорили шаг.

Вскоре мы спустились в метро и поехали, не обмениваясь ни словом. Обоим было тяжело на душе. Казалось, со всех сторон нас сверлят осуждающие взгляды.

Когда мы вышли на Мишене, Лиам сказал:

— Надо же, как много народу собралось.

— Ага.

— Наверно, никто не хотел приходить, а потом они узнали, что все остальные уже там, и тоже решились. А когда пошли все, то за ними потянулись и остальные.

Между нами повис невысказанный вопрос: «Тогда почему же мы сейчас не там?»

Остаток дня я провел за рабочим столом, то и де-

ло переключаясь с работы на новостные каналы, стримы и твиты. Все они вещали о неслыханной по масштабам демонстрации. Если верить «Сьюки», люди до сих пор просачивались из котла, но, как я видел по снятым с воздуха видеороликам, приходило больше народу, чем уходило. Съемки с дронов стали напоминать что-то вроде грандиозного рок-концерта. С наружной стороны котла начали формироваться центры новых, более мелких демонстраций, и линия полицейского оцепления потеряла всякий смысл. Энджи после занятий прислала сообщение, что направляется к одной из таких демонстраций. Позже я узнал, что Джолу, Дэррил и Ван тоже были там, независимо друг от друга. А я так и не вернулся. Перед сном проверил телефон. «Сьюки» показывала, что котел уже распался и демонстранты разошлись по домам — все, кроме шестисот с лишним несчастных, которых увезли в тюрьму, и еще пары десятков раненых, направленных в больницы. Я лег спать.

Глава 12

Наутро я проснулся задолго до будильника, сполз с кровати и побрел в ванную, предаваясь тихой панике при мысли о том, сколько работы мне предстоит сделать сегодня. Натянул футболку, которая показалась наименее пахучей, и решил, что продержусь еще день в тех же носках, что накануне. Хотел было опрокинуть в рот чашку мюсли, как вдруг взгляд упал на газету, лежавшую на кухонном столе, там, где ее оставила мама. Газета была толстенная, как библия, которую дают в отелях, и называлась «Сан-Франциско Кроникл». Ее испокон веков клали нам на крыльцо каждое субботнее утро.

Стоп. Каждое субботнее утро. Сегодня суббота. Я отставил недоеденные мюсли и плюхнулся в кухонное кресло. Весь адреналин, побуждавший меня встать и выйти из дома, вылетел из организма чуть ли не со свистом.

Пять минут спустя я все еще сидел в кресле и размышлял, как провести свободные дни. В последний раз настоящие выходные выпадали мне еще в школе, да и то приходилось учить

уроки. Я решил, как в старые добрые времена, приготовить маме и папе роскошный завтрак с нормальным кофе вместо той бурды, которую они обычно пили. Я сварю ее в своем замечательном аэропрессе. Потом не торопясь приму душ, приберусь в комнате, загружу полную стиральную машину, отправлюсь в Нойзбридж, стряхну пыль со своего «Секретного проекта X-1» и постараюсь наладить 3D-принтер, чтобы он нормально заработал хотя бы к следующему Burning Man. Я поджарил фантастические трехмерные оладьевые скульптуры, изобразил даже печеный шагоход в стиле «Звездных войн», а кофе получился — в точности цитирую мамины слова — великолепный. Родители отдали должное моей прибранной комнате, я сунул в рюкзак Зверя Колченогого, сел на велосипед и покатил в Нойзбридж. Меня согревало приятное ощущение, что я наконец-то сумел обрести ту самую, давно утерянную «нормальность».

В Нойзбридж я прибыл около половины одиннадцатого, и в столь ранний час народу там было немного. Я снял с полки свой ящик с инструментами, сдул гипсовую пыль со всякой поломанной всячины, привезенной с фестиваля. Нашел свободный рабочий стол, кивком приветствовал

бритоголовую девушку, которая за соседним столом учила младшую сестренку паять. Взял баллончик со сжатым воздухом, стал прочищать свой принтер от пыли и приводить его в рабочее состояние. Мало-помалу погрузился в свои мысли, изредка прерываясь, чтобы отхлебнуть клаб-мате — эта сладкая немецкая газировка, приправленная кофеином и экстрактом чая мате, считается официальным напитком компьютерных клубов по всему свету. Идеальный стимулятор.

Закончив с чисткой принтера, я взял мультиметр и стал прозванивать все схемы, начиная с электропитания и продвигаясь по системе все дальше и дальше. Где-то на полпути я, кажется, нашел место, где скрывалась неисправность, — шаговый моторчик был смонтирован задом наперед. Я раскрыл Зверя и стал искать схему установки, размышляя про себя: «Черт возьми, если выяснится, что все дело было только в этом, то, значит, я полный болван».

Но естественно, поставив ноутбук на рабочий стол, я не мог хотя бы одним глазом не заглянуть в почтовый ящик. Раскрыть ноутбук и не проверить почту — это все равно что подойти к буфету и не стащить печенье.

Кому: marcusyallow@pirateparty.org.se
От: Мокрый Утечкодержатель
Тема: доксы кэрри джонстон
Делай с ними что хочешь

Вместо подписи стоял крошечный псевдографический портрет Гая Фокса, составленный из букв и знаков препинания. К письму был прикреплен гигантский zip-архив.

Я прекрасно понимал, что может содержаться в этом архиве. Доксы, то есть персональные данные. Всевозможные факты и домыслы, какие только можно найти или сочинить про Кэрри Джонстон и ее карьеру. Мне доводилось видеть в составе доксов ученические табели за второй класс, в которых содержались не только сведения об успеваемости ученика, но и его медицинские данные и многое другое. Если тебя доксят, то докопаются до всего.

Я захлопнул ноутбук и закрыл глаза.

С одной стороны, мне очень не хотелось рассматривать документы из этой папки. У меня у самого имеется немало секретов. И я отлично представляю, как паршиво себя чувствуешь, когда кто-то тщательно перетряхивает твое грязное белье, ничего не оставляя без внимания. Именно это проделала со мной Кэрри Джонстон. И те

придурки, которые взломали мой комп. Может быть, где-то на земном шаре перед кем-то сейчас всплывает электронное письмо с темой «Доксы Маркуса Яллоу».

Однако я прекрасно понимал, что открою этот архив. Обязательно. А кто бы удержался? Ведь Кэрри Джонстон — сущее чудовище, она бросает людей за решетку, пытает, убивает. Опьяненная властью военная преступница. Тварь и командует такими же тварями. И не будем забывать: она охотится на меня. Теперь, когда вся история выплыла наружу, разве «ЗИЗ» не вернется за мной? Скоро ли у меня на пути вновь вырастут Тимми и Шрам? Сбросят ли меня на дно Залива на этот раз?

Я непременно должен открыть архив. Это чистая самооборона. Думаю, Кэрри Джонстон еще не упрятала меня в какую-нибудь частную пыточную камеру только потому, что уверена: у меня хватило хитрости собрать такое вот досье и сделать так, что в случае моего исчезновения оно автоматически выложится в сеть. Мерзавцы вроде Кэрри Джонстон всегда полагают, что все остальные похожи на них. Не на меня. Те, кто похож на меня, хорошие люди. Мы имеем право заглянуть в чужое грязное белье. Особенно белье

таких негодяев, как Кэрри Джонстон.

Ну и трус же я.

Я открыл архив и стал листать документы.

На моем месте вы бы тоже так поступили.

* * *

Прошла вечность, и меня вывел из забытья чей-то голос.

— Маркус!

Это был Лемми, тот самый коллега по Нойзбриджу, который подвез меня и Энджи домой после Burning Man. Бывший панк лет за сорок, с растянутым пирсингом в ушах и руками в синих татуировках сверху донизу. В механической мастерской он был сущим гением, и, когда у меня возникали вопросы о чем-нибудь большом, быстродвижущемся и смертоносном, я первым делом обращался к нему. Я не мог отделаться от ощущения, что он считает мои электронные проекты забавными игрушками — прикольными, но не идущими ни в какое сравнение с огромными деталями из прецизионно обработанного металла.

Возможно, он уже несколько минут говорит со мной, а я не слышу.

— Прости, — сказал я. — Зачитался.

Он улыбнулся:

— Слушай, я хочу сходить с остальными на большую демонстрацию. Возьму свои дроны. Хочешь со мной? Будешь помогать.

— Сегодня будет большая демонстрация?

Лемми рассмеялся:

— Ты бы, дружок, почаще отдыхал. Слышал, что вчера происходило? Так вот, похоже, что все, кто вчера был там, решили выйти снова да еще и прихватить своих друзей. Весь центр города перекрыт. Я тут как раз возился с квадрокоптерами и решил, что могу с их помощью отснять классное видео. К тому же все они способны раздавать вайфай и настроены на разные сети 4G, так что поможем народу бесплатно выходить в интернет. А в придачу три из них оснащены программно-определяемыми радиостанциями и могут триангулировать местонахождение полиции и машин скорой помощи. Я их настроил так, чтобы они отыскивали места самой плотной концентрации полицейских радиопереговоров. Интересно будет послушать. Но, сам знаешь, в программировании я не силен, поэтому для испытательного полета мне нужен помощник, который сможет на ходу устранить ошибки в коде.

Лемми обожал дроны, хотя, опять же на мой взгляд, предпочел бы создавать беспилотные ав-

тономные танки или квадроциклы, обвешанные тяжелым блестящим металлом. Я вгляделся в экран, тот вгляделся обратно в меня, заманчиво демонстрируя все, что я хотел знать о Кэрри Джонстон, и даже намного больше.

Я не мог оторвать глаз от ноутбука, однако не желал погружаться в эти материалы с головой. Поэтому захлопнул крышку и сунул Зверя в рюкзак.

— Идем. Ты прав, старик, программист из тебя никакой.

— Ага, — бодро подтвердил он. — Программы — это мелочи. А я люблю действовать с размахом.

Лемми решил добираться на машине — нелегко было бы пару миль тащить на себе четыре миниатюрных квадрокоптера. Однако улицы были наглухо забиты тачками, направлявшимися туда же, куда и мы, — к местам демонстрации, поэтому мы ползли с черепашьей скоростью. Чтобы не терять времени, я решил познакомиться с программами, которые разработал Лемми. Это оказалось нетрудно — большей частью они базировались на хорошо знакомых мне стандартных библиотеках. В основном это были системы для управления беспилотниками и для работы программно-определяемого радио.

Программно-определяемое радио появилось сравнительно недавно и проникло в мир так тихо, что мы почти и не заметили. Обычное традиционное радио работает на маленьких кристаллах кварца, примерно таких же, как в электрических часах. Кварц имеет свойство вибрировать, то есть колебаться туда и обратно с частотой, заданной при его изготовлении. Выбирайте кристалл, настроенный на нужную частоту, соорудите вокруг него электронную схему, и радио готово — оно может настроиться на любые сигналы, частота которых попадает в пределы колебательных частот кристалла. Одни радиоприемники настраиваются на спутники GPS, другие — на сотовые телефонные сигналы стандарта CDMA, третьи — на FM-радиостанции, и так далее, и тому подобное.

Но SDR — это программируемое радио. Вместо кристалла в нем работает аналого-цифровой преобразователь, небольшой электронный прибор, который принимает любые аналоговые сигналы с датчиков, например световые колебания с фотоэлементов или звуки с микрофона, и превращает их в нули и единицы. Подключаете преобразователь к радиоантенне, сообщаете ему, к какому диапазону прислушиваться, а потом с помощью

стандартных программ извлекаете информацию из принимаемых им сигналов.

Это означает, что одно и то же устройство способно считывать сигналы воздушного транспорта, полицейских каналов, любительской радиосвязи, аналогового телевидения, цифрового телевидения, AM-радио, FM-радио, спутникового радио, GPS, радионянь, одиннадцать стандартов вайфая и все, какие существуют, стандарты сотовой связи, и делать все это одновременно. Главное условие — чтобы преобразователь был достаточно быстрым, антенна — достаточно большой, а программы — шустрыми. Представьте себе, что вы изобрели автомобиль, который путем загрузки нужных программ может превращаться в велосипед, реактивный самолет, дирижабль, океанский лайнер или гоночный мотоцикл. Вот так это и происходит в мире радиоволн. Гениальная штука.

На своих дронах Лемми установил готовые SDR-приемники, купленные у нью-йоркской компании Adafruit, специализирующейся на электронных компонентах с открытым исходным кодом. Adafruit продает устройства с полным открытым кодом и подробными схемами, то есть вы имеете возможность переделать их под свои

задачи. В Нойзбридже все обожали их SDR-приемники и другие детали. И, поскольку тысячи хакеров и рукастых умельцев по всему миру пользовались станциями, выпущенными этой компанией или ее конкурентами по тем же чертежам, то, разумеется, по сети гуляло очень много чистых, хорошо задокументированных программ для работы с ними.

Сидя на пассажирском кресле, я вникал в тонкости программного кода, лишь краем глаза замечая, как Лемми то трогается с места, то тормозит, то сворачивает из переулка в переулок, пытаясь выбрать местечко поближе к демонстрации.

— Ну что, док, каков вердикт? — спросил он, ставя машину на стояночный тормоз. — Годятся мои программы?

Я пожал плечами:

— На мой взгляд, все нормально. Осмелюсь предположить, ты просто скопировал примеры кода из руководств и добавил пару строк, привязывая каждый модуль к предыдущему. Так?

— Ага, — усмехнулся он. — Для меня написать программу — это как приготовить кекс из готовой сухой смеси: высыпаешь в миску, добавляешь яйцо и чашку воды, перемешиваешь и ставишь

в духовку. Кекс все равно получится, а красивый или нет — это уже другой вопрос.

— Ну что ж, тогда посмотрим, испекся ли наш кекс.

Я вышел из машины. Это далось нелегко, потому что мы припарковались на уходящем вверх склоне крутого холма. Не сразу понял, куда нас занесло, а сообразив, удивился:

— Это же обратная сторона Ноб-Хилл!

— Ага. Я не смог ближе подобраться к демонстрации. Она огромная.

— Но нам же надо быть в миле отсюда? Или вроде того?

— Да нет, меньше. К тому же, насколько я вижу, протесты разрастаются. К концу дня дотянутся и досюда. Там происходит что-то несусветное. Люди злы как черти. Я тут живу с восьмидесятых годов и ни разу не видел таких масштабов.

Лемми достал из багажника квадрокоптеры. Они представляли собой крестообразные конструкции из легкого гибкого пластика, с четырьмя вертолетными винтами по концам крестовины. Посередине в круглой капсуле находились аккумуляторы, электроника, радио и системы управления. Без аккумуляторов каждый дрон весил меньше полкило, но с аккумулятора-

ми этот вес удваивался. Лемми вручил мне два дрона. Я взял их в обе руки, кое-как пристроив пальцы между датчиками и антеннами центрального диска, стараясь ничего не погнуть и не заляпать линзы объективов.

Потом он протянул мне еще один. Лемми вообще обращался с дронами гораздо грубее, чем осмеливался я. Что ж, хозяин барин, хочет ломать — пусть ломает. Я неуклюже подхватил третий дрон под мышку. Оставшийся аппарат Лемми взял в одну руку, а другой стал водить по экрану телефона. Винты закрутились, застрекотали по-стрекозьи, квадрокоптер пару раз дернулся у него на ладони и взмыл. Вертикальный взлет произошел так быстро, что, казалось, дрон просто исчез в результате какого-то спецэффекта.

Лемми взял лишний коптер у меня из-под мышки и показал свой телефон. На экране отображался вид с нижней камеры дрона: на фоне удаляющегося пейзажа виднелись наши головы, постепенно они превратились в крохотные точки. Дрон поднимался все выше и выше в небо.

— Получается, — с довольным видом сказал Лемми. — Полезно будет иметь на экране полную картину происходящего. А теперь передадим эту трансляцию в сеть.

Он нажал еще несколько кнопок.

— Здорово, — похвалил я. Вот за это я и люблю технологии — они превращают каждого отдельного человека в силу природы. Мы подняли в небо зоркий глаз, подключиться к которому может кто угодно. — Дай ссылку.

— Когда я начинаю трансляцию, URL автоматически передается с моего аккаунта. Ты ведь на меня подписан?

— Ага. — Я достал телефон, запустил твиттер-клиент, нашел твит со ссылкой и перепостил, добавив: «Идем к #санфранциско #демонстрация #протесты. С квадрокоптерами. Видео с высоты».

Мы медленно поднимались к вершине Нобхилл, а коптер парил в сотне футов над нами. На такой высоте он не наткнется ни на провода, ни на деревья. На экране у Лемми были видны неровные, похожие на бахрому края демонстрации. Люди постоянно прибывали. Чуть дальше картинка выглядела практически статичной, лишь еле двигались крохотные точки — людские головы, упакованные, как апельсины в ящике.

Коптер поднялся выше, и я поразился неимоверным размерам собравшейся демонстрации. Людское море растянулось от Фелл-стрит до Маркет-стрит, выплескивалось в боковые улицы,

заполняло целые кварталы.

— Боже мой! — ахнул я.

— Проклятье! — согласился Лемми. — Хочешь их прозуммерить?

— А ты сможешь это сделать отсюда?

— Ага, — подтвердил он. — Правда, в результате коптер выйдет из зоны прямой радиосвязи, но мы все равно будем получать картинку в интернете. Заодно проверим программы, посмотрим, как все работает.

Он прочертил пальцем на экране зигзаг над толпой, меняя траекторию полета. Потом нажал ПУСК. Коптер, висевший у нас над головами, двинулся в сторону людского моря, сначала сохраняя прежнюю высоту полета, потом стал медленно спускаться и завис всего метрах в пяти над землей.

С этой высоты я мог различать отдельные лица в толпе, читать лозунги на плакатах. Потом картинка резко, головокружительно дернулась, аппарат опять изменил траекторию, с математической точностью следуя нарисованному зигзагу и лишь изредка вздрагивая под порывами ветра. Коптер чуть не столкнулся с другим беспилотником, и я, глядя в экран, невольно вскрикнул:

— Смотри по сторонам!

Тот, другой беспилотник был испещрен логотипами вещательной корпорации «Майкрософт». Он круто накренился и едва ушел от удара. То ли на нем стояли какие-то приборы, помогающие избегать столкновений, то ли рядом находился умелый оператор с проворными пальцами.

— Лемми, а что произойдет, если эта штука рухнет? Я не хочу никого превращать в гамбургер.

— Я тоже не хочу. Теоретически у любых двух винтов хватит подъемной силы, чтобы замедлить падение, к тому же при аварийной посадке дрон будет громко жужжать, и люди уйдут с дороги.

— Разве что вокруг будет такой шум, что они ничего не услышат.

— Да. Ну, таковы издержки жизни в большом городе.

Я не был с ним полностью согласен. Все-таки это очень плохо — сбрасывать беспилотники людям на головы. Но, с другой стороны, понимание риска придавало просмотру видеотрансляции жгучий привкус опасности и тем самым притягивало еще сильнее. Впрочем, зрелище и без того было притягательным. Бесчисленные лица, тысячи и тысячи, колышущимися волнами проносились по экрану.

— Пойдем туда, — предложил Лемми, и я кив-

нул.

* * *

Эта демонстрация гремела еще громче, чем вчерашняя. Оглушительный гул был слышен за два квартала, пробивался через раздраженные гудки машин, пытающихся найти дорогу в объезд. Тротуар был запружен народом, и мы вместе с сотнями других таких же пешеходов стали пробираться среди застрявших в пробке машин, увертываясь от велосипедов и мотоциклов, спешащих туда же, куда и мы. Вскоре движение практически застопорилось, и до меня дошло, что мы уже находимся в самой гуще демонстрации, даже несмотря на то что вокруг нас полно неподвижных машин. Я заглянул в одну из них. За рулем сидела измученная женщина, а на заднем сиденье бесились двое малышей. Один колотил другого игрушечной машинкой, и оба орали как резаные — в закрытые окна были видны лишь беззвучно разинутые рты.

Я встретился глазами с водительницей, и она ответила мне отрешенным взглядом. Тогда я задумался обо всех остальных в этой пробке. Они хотят скорее попасть домой, накормить детей, а может, спешат на работу, в больницу или в

аэропорт. На миг у меня мелькнула мысль встать посреди дороги и регулировать движение, помочь этим беднягам развернуться, выбраться из пробки и уехать подальше от демонстрации, — но я не знал, как к этому подступиться. Позже я прочитал, что многие поступали именно так — разруливали пробку, и толпа расступалась, пропуская застрявших. Меня охватила гордость за своих соотечественников и стало стыдно, что у меня самого не хватило духу хотя бы попробовать.

Теперь мы не могли сделать ни шагу, не наступив никому на ногу, и то и дело орали «извините» прямо на ухо своим соседям, которые, в свою очередь, кричали то же самое идущим впереди.

— Черт знает что, — буркнул я.

— Красотища, — широко улыбнулся Лемми.

И вдруг весь мир словно перекувырнулся. А ведь и правда красотища. Сотни тысяч, если не миллионы моих соседей и друзей вышли на улицы Сан-Франциско, потому что их возмущало то же самое, что и меня. Они пришли, рискуя собственной жизнью и свободой, потому что в стране все пошло совсем не так, как надо. И дело было не только в даркнетовских документах, и не только в грязных манипуляциях со студенчески-

ми кредитами, и не только в выставленных на продажу домах и потерянной работе. И не только в опустошении планеты или в глобальном потеплении, и не в том, что в далеких государствах мы приводим к власти преданных нам диктаторов или поставили на поток в своей стране целую индустрию частных тюрем. Нет, их волновало все это вместе взятое. Их выводили из себя вся совокупность творящихся ужасов и тот факт, что никто не может ничего с этим поделать. Ни политические лидеры, ни полиция, ни армия, ни деловые круги. Наоборот, чаще всего оказывалось, что и политики, и полицейские, и солдаты, и бизнесмены как раз и творят все те безобразия, против которых мы выступаем, и при этом говорят: «Нам и самим это не нравится, но ничего не поделаешь, так надо, верно?»

И сейчас немалая часть моих сограждан вышла на улицы родного города, чтобы сказать: «НЕТ!» Сказать: «ПРЕКРАТИТЕ!» Сказать: «ХВАТИТ!» Я понимал, что проблемы эти сложные, и мне своим умом их так сразу не охватить, однако хорошо знал, что слова «Это сложно» чаще служат предлогом, а не реальным объяснением. Прикрываясь этими словами, люди обычно идут на попятный, говорят, что больше ничего поделать

нельзя, пожимают плечами и возвращаются к обыденной жизни.

Я еще никогда не видел сразу так много народу. С высоты, на которой летал коптер, казалось, что город оживает, по каменным и бетонным улицам растекается живое людское море, расходится волнами все дальше и дальше. От такого зрелища делалось страшно, и я понятия не имел, во что это выльется, но, честно сказать, не волновался. Свершилось то, чего я ждал, происходило то, что не могло не произойти. Ничто уже больше не будет как прежде. Никто не станет пожимать плечами и говорить: «А что тут поделаешь?» Отныне мы будем действовать. И не «топать, бегать и кричать», а «идти плечом к плечу и требовать перемен».

А еще я понял, что моя дурацкая идея насчет того, как вдохнуть новую жизнь в избирательную кампанию Джо Носса, на самом деле не такая уж дурацкая.

* * *

Коптеры Лемми с жужжанием кружили над демонстрацией, наш канал на «Юстриме» набирал просмотры, дойдя уже до пары тысяч. Наверняка многие из зрителей находились в этой же толпе,

но, судя по статистике в реальном времени, канал пользовался успехом по всему свету.

Время от времени мы включали на трех коптерах сканеры программно-определяемого радио, выискивая места повышенной концентрации переговоров в полицейском диапазоне. С недавних пор полиция начала шифровать свои сигналы, но это там не мешало — мы не интересовались, что именно они друг другу говорят, лишь хотели вычислить места, где радиообмены происходят интенсивнее. Иными словами, нам был важен сам факт разговоров, а не их содержание.

Когда три коптера обнаруживали всплески интенсивности на частотах, используемых полицией, они посылали туда четвертый — чтобы он определил место сосредоточения и прислал оттуда видео. Таким способом мы получили множество видеозаписей с прибывающими отрядами вооруженной полиции и, немного позже, национальной гвардии. Их были сотни, они привезли с собой множество автозаков — больших автобусов, в которые можно запихнуть огромное количество пленников. Кое-где кружили даже полицейские квадрокоптеры, транслирующие сигналы в тех же самых зашифрованных диапазонах.

Два этих коптера обнаружили нашего разведчика и стали кружить возле него.

— Чтоб их, — ругнулся Лемми.

— Почему?

— Потому что даже с новенькими аккумуляторами у нашего малыша скоро иссякнет заряд, мне придется приземлить его для смены батареек, и они в точности узнают, кто мы такие и где находимся.

— Чтоб их, — согласился я. — А что, разве закон запрещает запускать беспилотники?

Лемми пожал плечами:

— Может быть. В целом, конечно, не запрещает, но на такой случай у них наверняка найдется какое-нибудь безумное обвинение, например в «тайном сговоре с целью организации гражданских волнений», по которому они смогут упрятать за решетку любого, кто им не нравится.

— Чтоб их, — повторил я.

— Придется просто угробить его, — вздохнул Лемми. — Жалко.

— Сколько еще продержится аккумулятор?

Лемми вгляделся в поток телеметрии с разведчика.

— Минут двадцать.

— Сможешь посадить его куда-нибудь подаль-

ше, например на крышу? А потом мы попробуем его забрать.

— Да, — отозвался Лемми. — Умница.

Я включил Google Earth, осмотрел ближайшие крыши и нашел подходящую. Показал ее Лемми, и он направил коптер туда. Крыша находилась далеко от эпицентра протестов, на случай если операторы полицейских дронов, висевших на хвосте у нашей птички, заподозрят нас в чем-нибудь нежелательном. Я взял на себя управление оставшимися тремя и тоже отвел их подальше от полицейских коптеров. В основном я старался снижаться над местами, где, на мой взгляд, затевалось что-то интересное. Неподалеку от муниципального центра несколько человек с маленькими детьми организовали что-то вроде детского сада — встали в круг, охраняя малышей, играющих посередине. Ну и круто же это выглядело! Я наконец поверил, что мои собратья из рода человеческого в основном народ замечательный.

Мне позвонила Энджи. Она, разумеется, была уже в самой гуще событий, в нескольких плотно запруженных кварталах от меня. Я объяснил ей, где нахожусь, и она сказала:

— Стой где стоишь, сейчас приду.

— Все в порядке, мы сели, — сообщил Лемми. — Ты отметил эту точку?

— Да, — подтвердил я.

— Понял вас, — сказал Лемми. — Как идет управление полетом?

— Нормально.

Я переключался с одного коптера на другой, глядя, как парят камеры над нашими головами, и вдруг заметил, что мы стоим уже не на краю протестующей толпы — демонстрация растянулась еще на два квартала, и люди всё прибывали и прибывали.

Пока я раздумывал над этим, мне на плечо легла тяжелая сильная рука, и я на миг ударился в панику, решив, что за мной пришли из «ЗИЗ». Даже не успев ничего сообразить, я машинально ринулся в самую гущу толпы, петляя, протискивался в узкие просветы между плотно стоящими людьми.

— Маркус! — раздался знакомый голос. Услышав его, я остановился и обернулся. Передо мной стоял Джо Носс в своей привычной одежде — кардигане с эмблемой избирательной кампании. Он широко улыбался.

— Джо! — воскликнул я. — Простите, вы меня напугали.

— Ну разумеется, никто не хочет в выходные наткнуться на своего босса, — усмехнулся он. — Ну и дела тут творятся, да?

— Потрясающе! — сказал я, и только потом мне пришло в голову, что, может быть, он отнюдь не одобряет подобные мероприятия. Стало страшно: а вдруг я ляпнул что-нибудь не то? — Трудно даже поверить, правда?

— Маркус, я никогда в жизни не видел ничего подобного. Сейчас самое подходящее время для того, чтобы выдвигаться как независимый кандидат. Эти люди сыты по горло безобразиями, которые творит наше правительство. И я их прекрасно понимаю, поэтому мы с ними находимся по одну сторону баррикад.

— Возрадуемся, братья! — подытожил Лемми, и Джо озарил его своей тысячеваттной улыбкой.

— Здравствуйте. Я Джозеф Носс, — представился он.

— О, я вас узнал! А я Лемми.

— Лемми — мой друг по хакерскому клубу, — пояснил я.

Джо пожал ему руку.

— Очень приятно. Маркус рассказывал мне о вашем клубе. На мой взгляд, необычайно интересно. Вы величайшие герои научного фронта.

Насколько я понял из рассказов Маркуса, вы и ваши коллеги способны воплотить в жизнь практически все, что придет вам в голову.

Лемми с жаром закивал:

— Ну да, все что угодно. А если сами не справимся, нам помогут ребята из других таких же клубов. По вечерам в пятницу у нас вроде как день открытых дверей. Приходите, посмотрите, чем мы занимаемся.

— С удовольствием, хотя, наверное, придется подождать, пока пройдут выборы, а до тех пор я буду очень занят. — Он снова окинул взглядом толпу. — В голове не укладывается. Столько народу!

— Посмотрите-ка сюда. — Лемми показал ему свой экран.

— Это репортаж какого-нибудь информационного агентства?

Лемми расхохотался:

— Ага. НХА — Наше Хакерское Агентство. Сигнал идет с построенных мной беспилотных квадрокоптеров. Вон они, летают. — Он указал в небо. Джо поднял глаза и перевел взгляд обратно на Лемми.

— Шутите? Вы управляете вертолетами с дистанционного пульта?

— Да они величиной с обеденную тарелку и весят чуть больше килограмма. Вот такие малютки. На каждый из них пошло электронных деталей баксов на пятьдесят. Самая дорогостоящая штука в них — батареи, я их соорудил из аккумуляторов сотовых телефонов.

Джо уперся руками в боки и, склонив голову набок, вгляделся в Лемми, словно прикидывал, не врет ли тот. Потом в восхищении покачал головой:

— Невероятно. Просто потрясающе.

— Хотите поуправлять? — Лемми провел пальцем по экрану. — Трансляцию с этого дрона смотрят пятнадцать тысяч человек. Вот, возьмите клавиатуру.

Джо взял телефон и поглядел на него с опаской, словно тот был радиоактивный.

— Боюсь, у меня не хватит квалификации управлять летательным аппаратом.

— Да вы им не управляете. Он сам собой управляет. А вы только подсказываете ему, куда лететь.

Я думал, Джо заупрямится, но он осторожно коснулся экрана. Потом еще раз, поэнергичнее.

— Поразительно, — сказал он через минуту. — Просто поразительно. А это что за красная иконка

мигает?

Лемми взял у него телефон.

— Батарейка садится. Приземляем всю стаю, меняем аккумуляторы. У меня с собой на смену целая тонна заряженных.

И он сосредоточил все внимание на телефоне, словно нырнул в кроличью нору. Пальцы плясали по экрану, а сам он исполнял любимый фокус таких же нердов, всем своим видом излучая: «Не трогайте меня, я занят».

Мне хотелось кое о чем поговорить с Джо, но я боялся. Во рту пересохло, ладони вспотели. Вокруг нас громко шумела толпа, но даже сквозь гул я слышал стук собственного сердца.

— Джо, — начал я. Он обернулся ко мне. Его глаза, как обычно, проникали прямо в душу.

— Что, Маркус? — отозвался он и чуть-чуть пошевелился, приняв позу вдумчивого слушателя. Этот трюк, хорошо знакомый всем политикам, словно возвышал его над простыми смертными вроде меня. В глубине сознания мелькнула мысль: интересно, он сам понимает это или оно получается бессознательно? Но разум послушно отозвался на его невербальный сигнал. Странная штука — разум.

— У меня есть идея насчет вашей избиратель-

ной кампании. Но она, гм, немного амбициозна.

— Амбициозна — это хорошо. Люблю амбициозных.

— Давайте дадим нашим сторонникам своего рода программу для поиска голосов. Небольшое приложение, которое можно запустить на компьютере. Первым делом оно просматривает ваш список контактов на фейсбуке[6], твиттере, в электронной почте, где угодно, и дает возможность в один клик отправить письмо каждому из соседей, кто, на ваш взгляд, захочет поддержать вашу кампанию. Можно выдать им списки с перечнем вопросов, которые могут быть интересны потенциальным сторонникам, а потом автоматически создавать агитационное письмо с вашей позицией по каждому вопросу. После этого попросим каждого нового сторонника проделать то же самое с его списком контактов. Потом изучим сведения о местных спонсорах избирательных кампаний, посмотрим, не связан ли с ними кто-нибудь из ваших существующих сторонников и нельзя ли обратиться к ним с просьбой о финансировании. Затем займемся избирателями и теми, кого вы уже сумели сагитировать. Но наше

[6] Примечания: 6

Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

агитационное поле не будет статичным. Начнем мы с тезисов, которые считаем самыми удачными, напишем несколько вариантов и посмотрим, какой из них получит наилучший отклик. Есть такое понятие — А/Б-тестирование. Какая программа лучше — эта или та? При большом числе просмотров будем отлаживать текст письма по несколько раз в день на протяжении всей кампании. Что-то вроде опросов общественного мнения, только гораздо быстрее. И каждый, кто приведет друга, будет получать бонусные баллы. А мы будем вывешивать списки лидеров, каждую неделю приглашать лучших рекрутеров в нашу штаб-квартиру на вечеринку с пивом и пиццей, словом, превратим это в игру, в чемпионат. Тем временем мы пустим в дело картографические программы, которые знают, где находится каждый избиратель, и будем вычислять наилучшие места для наших мероприятий по всему штату. Поставим в известность прессу, и журналисты повалят толпой, потому что мероприятия будут действительно интересными. Там не будет долгих серьезных речей обо всем хорошем — мы устроим что-то похожее на комедийные шоу с короткими, остроумными, запоминающимися репликами, которые будут прекрасно смотреть-

ся в эфире вечерних новостей или на газетных страницах. Каждая встреча с избирателями будет чуть-чуть отличаться от предыдущих и поэтому станет заметным событием в местной жизни.

Глаза Джо широко распахнулись.

— Ты и правда можешь такое соорудить?

Я пожал плечами:

— Наверно. В целом, на мой взгляд, требуется всего лишь немного доработать уже существующие открытые программы для проведения рекламных кампаний, просто никому еще не приходило в голову использовать их для предвыборной агитации. Я, пожалуй, смогу составить это и запустить.

— То есть если ты сможешь написать такую программу, то и моим соперникам это под силу?

— Ничто им не мешает. И поэтому вам желательно опередить их.

Он рассмеялся. Но мои идеи еще не исчерпались.

— Да, но я также подумываю использовать сеть, которая вашим соперникам недоступна.

— Ну-ка, ну-ка.

В тех же глубинах сознания зародился вопрос: а почему он не скажет «Давай отложим до понедельника»? Но Джо выдвигается в сенаторы, ему

надо вести предвыборную агитацию. У него не бывает выходных. И если он в данный момент разговаривает с одним из своих сотрудников, то, значит, у него в разгаре рабочий день.

— Вы ведь знаете о документах, выложенных в даркнете? — Я усилием воли удержался, чтобы не оглядеться по сторонам — не подслушивает ли кто-нибудь.

— Я о них слышал. — На его лице была все та же непроницаемая маска внимательного слушателя, которую он надел в начале нашего разговора.

— Сейчас до них добраться нелегко. Надо долго возиться с «Тором». Анонимайзеры — технология сложная. Преимущество этого метода в том, что эти документы невозможно уничтожить или даже хотя бы вычислить, где они находятся. Но, с другой стороны, обычным людям трудно их увидеть. Они не хранятся на каком-нибудь стандартном, старом добром интернет-сайте, куда может зайти каждый, у кого есть веб-браузер и нужная ссылка.

— Верно, — кивнул Джо. — Я и сам не пошел их смотреть, потому что, на мой взгляд, такие сложные методы доступны только продвинутым специалистам.

Я открыл рот и хотел было сказать: «Ну, не так

уж это и сложно», а потом прочитать ознакомительную лекцию об использовании «Тора», — но прикусил язык. Сейчас не время. И к тому же, если Джо считает эту тему слишком сложной, моя задача — подтвердить, что он имеет все основания так думать.

— Ну, а я все-таки заглянул в эти документы. Та часть, которую я успел увидеть, наполнена свидетельствами о коррупции и преступлениях. И по большей части эти преступления совершаются государственными деятелями и теми, кто к ним близок. Поэтому мне кажется, что, если вы хотите, чтобы люди рискнули проголосовать за независимого кандидата, будет полезно показать им, что их голоса не пропадут впустую, потому что, голосуя за других кандидатов, они приведут к власти тех, кто совершал все эти мерзости.

— И ты считаешь, что мы должны выложить все эти даркнетовские документы, — понял Джо. Похоже, эта идея казалась ему не самой плохой на свете, однако он был далек от того, чтобы вскинуть руки в воздух, стиснуть меня в медвежьих объятиях и закричать: «Маркус, молодчина!»

— Да.

— Насколько я понял, на сей день изучена лишь малая часть документов. А если мы выложим их

на наш сайт, и окажется, что там сплошная ложь, грязные шутки и чужие банковские реквизиты?

Черт, ну и умник наш Джо. Хороший вопрос.

— В даркнете лежит электронная таблица, и в ней перечислены все документы, которые успела прочесать исследовательская команда, уж не знаю, что это за ребята… — Меня так и подмывало виновато потупиться, но я удержался. — Так что мы можем брать только то, что уже просмотрено. Я могу написать скрипт, который будет просматривать эту таблицу по несколько раз в день и забирать то, что в нее включено.

Джо задумался.

— Ну, это уже лучше, чем публиковать все подряд, но, Маркус, мы же не знаем, кто эти ребята из даркнета. Твоя идея наделяет их возможностью выкладывать на агитационном сайте Джо Носса все, что им захочется, достаточно лишь включить это в таблицу. Для меня это большой шаг. И большой риск.

Как ни печально, он был прав. Терпеть не могу, когда меня ставят на место.

— Гм, — протянул я. — Может быть, введем требование: все, что выкладывается на сайте, должно предварительно просматриваться живыми людьми в нашем штабе? — Я задумался. — Например,

собрать все названия документов, которые мы еще не успели одобрить, и пусть посетители сайта голосуют, что из этого они хотели бы увидеть раньше. Так что, если даркнетовцы начнут заливать документы тысячами, мы сумеем выделить те, какие сильнее всего интересуют сторонников Джо Носса.

В середине этой моей речи он начал понимающе кивать, а под конец его губы растянулись в широкой улыбке.

— Очень интересная идея. Я, надо признаться, думал совсем не об этом, но твоя мысль мне нравится. Лучшее, что может сделать независимый политический кандидат, стремящийся к реформам, это выложить на своем сайте свидетельства о продажности традиционных политиков. И это тоже ты сумеешь организовать?

Я опять задумался, мысленно прикидывая, каким образом соединю разрозненные части готовых программных библиотек для Drupal, мощной системы промышленного масштаба, на которой работал наш веб-сайт. И ответил:

— Сумею. Это не так уж сложно. Я уже занимался подобными вещами и смогу повторить еще раз, надо будет лишь склеить детали в другом порядке.

Джо опять кивнул:

— Тогда займись. Сделай и то и другое. Построй мне демоверсию, я покажу ее Флор и нашему консультативному совету. На этом этапе мне может понадобиться твоя помощь. Успеешь что-нибудь показать к понедельнику?

Сегодня суббота. Теоретически этим можно будет заняться в воскресенье. Демоверсия? Смогу сколотить ее за пару часов.

— Да, — ответил я. — Справлюсь.

— Маркус, ты мой супергерой высоких технологий!

Лемми оторвался от возни с батареями квадрокоптера и рассмеялся:

— Что верно, то верно. Он такой.

В этот миг у меня ожил телефон. Звонила Энджи, она была неподалеку, но заблудилась в толпе. Я объяснил ей дорогу и помахал руками в воздухе, чтобы она меня заметила. Подойдя, Энджи бросилась мне на шею, и я представил ее Джо.

— Маркус от вас в полном восторге, — сообщила она ему вместо приветствия.

— Я от него тоже, — отозвался он, и чувствовалось, что это не простая вежливость — он говорил искренне. У меня аж голова закружилась. — И

с учетом того, что мне о нем известно, полагаю, вы — девушка необыкновенная. Заходите к нам в штаб поздороваться, посмотрите, как Маркус творит волшебство.

— С удовольствием, — улыбнулась Энджи, и я видел, что она мгновенно прониклась к Носсу тем же доверием и восхищением, что и я. Это было почти что колдовство, удивительное и при этом пугающее.

Энджи поздоровалась с Лемми и сразу принялась помогать ему с подготовкой коптеров к новому полету. По моей ссылке она уже давно подключилась к трансляции и жаждала порулить дроном сама. Чувствую, Лемми не скоро сумеет отобрать у нее пульт управления.

— Ты, наверное, часто ходишь на такие демонстрации, — обратился ко мне Джо.

— Гм, — замешкался с ответом я. — Не очень. Вчера мы с Лиамом сходили разок, но в целом, должен признаться, довольно редко заглядываю на протесты.

— Понятно, — отозвался он. — Во времена моей молодости мы, кажется, только и делали что протестовали. Годы, когда президентом был Рейган, в Сан-Франциско прошли довольно бурно. А с тех пор я редкий гость на здешних событиях. Однако

стараюсь отслеживать, когда и где намечается что-нибудь важное. На таких демонстрациях мы обычно выступаем, произносим речи.

— Вы и сейчас можете произнести речь, — предложил я. — Многие захотят послушать, что вы скажете. — Я рассказал ему о «народном микрофоне». Оказывается, он слышал о нем, но никогда не видел в действии.

— Получается, этот микрофон работает только в тех случаях, когда ты сумеешь убедить людей, что тебе есть что сказать, — подытожил Джо. — Хорошая идея.

— Хотите попробовать?

После того как вчера меня силком вытолкнули на трибуну перед «народным микрофоном», мне очень хотелось проделать эту же штуку с кем-нибудь еще. В конце концов, Джо — настоящий профессиональный политик, обладающий сверхъестественной способностью одним взглядом и парой слов вызывать доверие к себе.

Он оглянулся на толпу, серьезно задумался.

— Пожалуй, да.

— Прямо сейчас?

— Конечно, — улыбнулся он. — Пока я не струсил и не ушел домой.

Я сложил ладони рупором и, немного мучаясь

угрызениями совести, громко прокричал:

— Проверка связи!

Мой клич подхватили с десяток человек. Я повторил его еще и еще раз, и наконец уже несколько сотен демонстрантов вокруг нас выкрикивали «Проверка связи!» и ждали слов Джо Носса.

А Джо тем временем затеял разговор с водителем стоявшей неподалеку машины. Тот вышел и облокотился о бампер.

— Этот господин предложил мне вместо трибуны капот своей машины, — пояснил Джо. Шофер, пожилой азиат в спортивной куртке и очках-авиаторах, смотрел на нас с добродушным интересом. В целом общее настроение было довольно приподнятым, и это казалось странным, если учесть, что тысячи возмущенных граждан вышли на улицы, чтобы выразить протест. Надо бы разузнать, многие ли из наших соседей пребывали в таком же хорошем расположении духа, что и мы.

Джо ловко вскочил на капот, покачнулся, обрел равновесие.

— Меня зовут Джо Носс, я независимый кандидат на выборах в сенат Калифорнии, но сегодня я пришел сюда по другому поводу.

Эта фраза была слишком длинной для «народного микрофона», и в повторах слова стали бессвязными. Джо ничуть не смутился, снова примерил свой внимательный вдумчивый лик и начал заново:

— Простите.

— Простите, — эхом отозвался «народный микрофон».

— Меня зовут Джо Носс.

— Я независимый кандидат.

— На выборах в сенат Калифорнии.

— Я мог бы выдвигаться от Демократической партии.

— Или от Республиканской.

— Но я решил быть независимым.

— Хотя мне и говорили: в этой стране нельзя победить.

— Если ты не входишь ни в какую партию.

— Возможно, так и есть.

— Но я всю жизнь был демократом.

— И видел только шпионаж, войны и диктат банкиров.

— Поэтому я не пошел в Демократическую партию.

— Республиканцы тоже не смогли предложить ничего лучше.

— Потому что в нашей стране что-то идет не так.

— И во всем нашем мире что-то идет не так.

— Понятия честности, справедливости и добрососедства куда-то исчезли.

— Их заменили культ алчности, близорукость и расчет, что вам все сойдет с рук.

Он говорил размеренно, как проповедник, и голос его звучал как трубный зов. Между фразами приходилось делать долгие паузы, ждать, пока слова, повторенные сотнями глоток, разойдутся кругами, растекутся по улицам во все стороны. И в этих паузах Джо сохранял безмятежную уверенность. Владелец машины, на которой стоял Джо, уже не усмехался лукаво, в его глазах сквозил чистейший восторг.

— У меня нет ответа.

— И не думаю, что у кого-нибудь он есть.

— Полагаю, ответ мы найдем, только когда положим конец беззакониям.

— Нам нужны политики, которые пекутся не о деньгах, а о людях.

— Я всегда был таким.

— И собираюсь оставаться таким и дальше.

— Наш штаб находится на Мишен-стрит, на углу Двадцать четвертой.

— Он открыт все рабочие дни.

— Заходите в любое время.

— Расскажите, чего ждете от правительства.

— И мы расскажем о наших планах.

— И, конечно, вы можете заглянуть на наш веб-сайт.

— Просто наберите в гугле «Джо Носс».

Он улыбнулся мне. Я давно замечал, что в конце каждой своей речи он старательно произносит «даблъю-даблъю-даблъю-точка-джоносс-в-сенат-калифорнии-точка-орг» и из-за этого становится похожим на путешественника во времени, явившегося к нам из девяностых годов. Поэтому напомнил ему, что его сайт непременно появится в первых трех выдачах любой поисковой системы, если ввести его имя.

— Благодарю вас.

Ответом ему были аплодисменты в стиле «народного микрофона», с пальцами, шевелящимися в воздухе, чтобы не заглушать слова оратора. Джо спустился, поблагодарил парня, предоставившего ему свою машину. Тот неожиданно обнял его — мы ведь как-никак в Калифорнии! — и Джо отреагировал как настоящий профессионал: от всей души стиснул его в медвежьих объятиях и похлопал по спине.

— Маркус, это вышло замечательно, — сказал мне Джо. — Спасибо, что подсказал такую возможность.

— Вы были великолепны, — похвалил я, понимая, что выгляжу глуповато: ну какое дело настоящему профессионалу до мнения жалкой козявки вроде меня. Однако он, кажется, искренне обрадовался.

Мы поболтали еще немного. Потом на импровизированную трибуну поднялась девушка и по «народному микрофону» рассказала о студенческом кредите, который вырос до двухсот с лишним тысяч долларов за счет штрафов и пеней, после того как компания-кредитор потеряла один из ее платежей. О том же самом рассказали еще несколько человек. Мало-помалу я проголодался. У Энджи в рюкзаке нашлась холодная пицца, завернутая в фольгу, мы отошли в сторонку и поели, потом вернулись к Лемми. Джо уже ушел.

— Сказал, хочет посмотреть, что творится в других местах, — сообщил Лемми. — Кажется, классный мужик.

— Так и есть, — подтвердил я, втайне гордясь, что познакомил Джо с Лемми.

* * *

У толпы, как и у человека, есть настроение, и оно далеко не всегда совпадает с суммой настроений всех людей в этой толпе. Вы можете радоваться, находясь в разозленной толпе, однако рано или поздно или уйдете оттуда, или разозлитесь сами.

Когда мы пришли, настроение толпы было радостным, хоть и с оттенком нервного напряжения. Но время шло, люди всё прибывали, и постепенно народ разогревался все сильнее, в настроении стали проявляться возмущенные оттенки: «Черт возьми, как же так!», «Нет, с этим надо что-то делать» и «Долго ли мы будем терпеть?».

Мы втроем — Лемми, Энджи и я — двинулись дальше, то углубляясь в толпу, то уходя в запруженные переулки, направляя коптеры туда, где происходило что-нибудь интересное. В одном месте марширующий оркестр наигрывал регтайм, и люди танцевали, в другом огромный ансамбль барабанщиков выбивал оглушительный сложный ритм. Кое-где на импровизированных сценах выступали ораторы, поддерживаемые «народным микрофоном». Один из них читал очень инте-

ресную лекцию о Федеральном резерве, другой развивал конспирологическую теорию о том, что за взрывами на мосту Бэй-Бридж стоит правительство. В подтверждение своей теории он утверждал, что участвовал в восстановительных работах, и им было официально и под страшным секретом приказано не сохранять никаких улик, способных вывести на вероятного организатора взрывов.

Я уже не раз слышал эту теорию и считаю, что она не выдерживает никакой критики. Поверить в нее может только тот, кто старательно ищет повод не доверять правительству. Ну, а мне не нужны были никакие поводы, я и без них ни на грош не доверял нашим властям. Мне не было нужды размышлять, могли они взорвать Бэй-Бридж или нет, я и без них знал, что власти только и ждут удобного случая загнать нас всех в полицейское государство. Я не доверял правительству потому, что после той атаки Сан-Франциско в одночасье очутился под властью полиции. Либо некий злой гений устроил взрывы, чтобы наслать на наш город своих авторитарных головорезов, либо там, наверху, сидят мерзавцы, которые только и ждут любой катастрофы, придерживая наготове своих цепных псов, готовых вцепиться

в глотки безвинным людям, еще не пришедшим в себя после величайшего в их жизни бедствия.

Называйте меня скептиком, но я считаю, что планировать катастрофу — это еще не самый большой грех. Настоящие преступники — это те, кто смотрит на людей, переживших беду, потирает руки и думает: «Ага, нынче они беззащитны, и я могу делать с ними все что хочу». Поэтому я не вижу смысла с пеной у рта доказывать, что взрывы на мосту произошли в результате заговора. Гораздо страшнее сознавать, что никакого заговора не было.

Размышляя над этим, обсуждая с Энджи, я вдруг почувствовал, что настроение толпы меняется. На улицах сгущались сумерки, повеяло прохладой. Сентябрьские дни в Сан-Франциско бывают жаркими, почти как в июле, но к вечеру сгущается знаменитый здешний туман и холод пробирает до костей. Радостное возбуждение, царившее весь день, сменялось гневом и страхом, я все чаще и чаще слышал треск полицейского радио, видел кружащие над головой вертолеты и беспилотники.

Неподалеку от Макаллистер-стрит мы застряли в особенно густой толпе. Я достал телефон и долго рассматривал трансляцию с квадрокоптеров

Лемми. Да, полиции стало намного больше. Один из коптеров летал над самыми краями манифестации и, развернувшись, продемонстрировал во всей красе длинную линию полицейского оцепления и военных автобусов. Она тянулась чуть ли не до Эмбаркадеро. Либо эти автобусы привезли к зоне протестов миллионы копов, либо приготовились увезти в наручниках миллионы демонстрантов. А может, и то и другое.

Я показал Лемми экран своего телефона. Энджи потянула мою руку вниз, она тоже хотела посмотреть. Я от испуга совсем забыл, что она небольшого роста, а Энджи не давала спуску тем, кто пренебрегает интересами коротышек.

— Пора выбираться, — сказал Лемми.

— Ага, — согласился я. — Пошли.

Мы стали озираться, выискивая кратчайший путь наружу. Обводя взглядом толпу, я заметил, что не у меня одного в глазах мечется страх. Многие, наверно, смотрели трансляцию с летающих над головами коптеров и заметили линию оцепления.

Я снова перевел взгляд на телефон.

— Что-то странное.

Энджи опять дернула меня за руку, всмотрелась тоже.

— Можно поконкретнее?

— Нельзя, — ответил я. — Сам не понимаю. Но дело нечисто.

Лемми тоже внимательно вгляделся в мой экран.

— Полицейских беспилотников нету, — заметил он.

Мы дружно подняли головы. И верно, полицейских беспилотников, планеров и квадрокоптеров стало значительно меньше.

— Откуда ты знаешь, что исчезли именно полицейские дроны? — спросил я.

— Они летают ниже всех, — пояснил Лемми. — Лица снимают.

У меня пересохло во рту.

— Зачем они приземлили все свои дроны?

Лемми выпучил глаза:

— Может, не хотят, чтобы в сеть попало видео того, что тут скоро начнется.

— Или, может, они хотят что-то сделать с электроникой, — предположила Энджи.

Мы с Лемми дружно обернулись к ней. Она с решительным видом покопалась в сумке и извлекла две пары плавательных очков и пачку малярных бумажных масок. Одни очки надела сама, другие отдала мне, потом достала молоч-

ную коробку с магнезией и смочила бумажные маски. Надела сама, дала мне и протянула Лемми, но он будто и не заметил — присел на корточки и с головой нырнул в рюкзак, усердно что-то выискивая.

— Лемми. — Я сунул ему под нос мокрую маску. Жидкость нейтрализует самые едкие составляющие любого перечного спрея, а если они пустят другие химикаты, то мокрая маска защитит лучше, чем сухая. — Лемми!

Он выпрямился, да так резко, что зацепил меня под подбородок. Я бы опрокинулся, если бы хватило места. Но в густой толпе люди за спиной подхватили меня и помогли устоять на ногах. Я помахал им в знак благодарности и снова обернулся к Лемми. Он держал в руках серебристый пакет на застежке.

— Телефоны сюда, — велел он. — Быстро!

Этот пакет был мне знаком. Он назывался сумкой Фарадея, в нем можно было носить любые радиочастотные идентификаторы — удостоверения, пропуска, проездные билеты, транспондеры для платных дорог, паспорта. И тогда никто не сможет прочитать, что на них записано.

Но в сумке Фарадея можно не только прятать свои вещи от общения с внешним миром. Они

столь же эффективно не пропускают внутрь радиоволны, идущие извне. Я выхватил телефон так стремительно, что джинсовый карман вывернулся наизнанку и на землю высыпалась мелочь. Энджи уже держала свой телефон наготове. Мы сунули мобильники в пакет, Лемми добавил свой, застегнул и сунул в рюкзак. Потом взял у меня маску, достал свои плавательные очки и экипировался.

Окружающие обратили внимание на наши странные действия, и некоторые последовали нашему примеру. Другие принялись толкаться, спеша выбраться наружу, и у меня мелькнуло в голове: «Боже мой, сейчас начнется паника, нас затопчут…»

В этот миг над головами раздался треск, словно гигантские божественные руки разорвали в небесах огромный лист бумаги. Все, какие были поблизости, электронные устройства взорвались фонтанами искр и погасли.

На нас обрушили поток высокоэнергетического радиоизлучения.

* * *

Высокоэнергетическое радиоизлучение, или HERF — страшное оружие. Оно представляет

собой мощные импульсы электромагнитной энергии на радиочастотах. Радиочастотная пушка может получить энергию от обычного автомобильного аккумулятора, с помощью мини-тарелки спутникового телевидения преобразовать ее в луч толщиной с карандаш и сжечь ноутбук на расстоянии в двадцать шагов. Сделать такую пушку совсем нетрудно, и, если с умом подбирать детали, она обойдется вам долларов в двести, не больше.

Но разумеется, у правительства или хорошо снаряженных полицейских отрядов нет нужды собирать такие пушки на коленке. Достаточно открыть каталог любого военного магазина и заказать готовые импульсные энергетические устройства огромной мощности. С точки зрения сил охраны правопорядка эти штуки можно сравнить с «чистыми» атомными бомбами: электромагнитный импульс не затрагивает ни людей, ни здания, зато гарантированно превращает в кирпич любое устройство сложнее, чем дизельный двигатель 1975 года выпуска.

Сначала мне показалось, что полиция облучает радиоимпульсами толпу, но, как выяснилось, дело было не так. Позже, в ходе слушаний дела о протестах 24 сентября, офицеры из отдела

по пресечению массовых беспорядков засвидетельствовали, что импульсное оружие было направлено на сто футов выше людской массы и мгновенно погасило все беспилотники. Они рухнули на головы собравшихся и положили начало первой волне жертв той страшной ночи. Никто не погиб, но один человек провел шесть месяцев в коме, а одна девушка лишилась левого глаза.

Те же самые офицеры клятвенно утверждали, что не имели намерений отключать людям мобильные телефоны, а также бортовую электронику всех машин, оказавшихся на пути луча. И те шесть человек, у которых сгорели слуховые аппараты, и те двенадцать, у кого остановились кардиостимуляторы, — они пострадали по чистой случайности, мы очень, очень сожалеем.

Однако целью использования импульсного оружия, по их словам, было «обеспечение оперативной безопасности», что в переводе с полицейского языка на человеческий означало «Никто не должен видеть, что мы будем делать дальше». Тем более что перед этим они «законным образом отдали приказ разойтись», хотя я, надо признаться, его не слышал. В общем, всякое бывает. Жизнь в большом городе полна неожиданностей.

* * *

— Лемми! — прошептал я ему на ухо сквозь маску.

— Чего?

— Помнишь коптер, который ты приземлил на крышу? Тот, у которого сели батареи?

— Угу.

— Как ты думаешь, он сможет взлететь?

— Кто его знает. Может быть. А что?

— По-моему, надо поднять его в воздух и начать инфракрасную съемку. Немедленно.

— Ага.

Он расстегнул чехол Фарадея, достал телефоны, отдал наши с Энджи, занялся своей трубкой. Вышки сотовой связи были отключены по требованию полиции за миг до радиоатаки, но телефон Лемми был напрямую подключен к дрону на частоте 900 МГц. Волны с частотой 900 МГц отлично проникают сквозь стены и другие препятствия, однако этот диапазон сильно загружен, в нем работают радионяни, портативные рации и радиоуправляемые игрушки. Но почти все эти устройства сгорели под лучами HERF, и Лемми мог распоряжаться опустевшим диапазоном как хотел.

Повозившись, он удовлетворенно хмыкнул.

— Взлетел. Батареи хватит минут на двадцать пять. — И через минуту добавил: — Он даже ловит 4G. Наверно, с какой-нибудь далекой вышки.

— Отлично, — одобрил я. — Подведи его поближе к нам.

— Угу.

Тем временем Энджи снова и снова перезагружала свой вайфайндер, дожидаясь, когда станет доступна сеть, ретранслируемая коптером.

— Поймала!

— Сможешь выложить ссылку на наш стрим с коптера?

— А чем я, по-твоему, занимаюсь?

— Прости.

Я тоже взял телефон, подключился к сети коптера, выложил твит.

— Можешь отключить его сетевой мост? — попросил я Лемми. — Сейчас в сеть ломанутся миллионы народу, и никакое наше видео не пробьется.

— Ага, — сказал Лемми. — Готово.

Впервые после радиоимпульсного удара я огляделся по сторонам. Ох и ничего же себе! Казалось, весь свет, какой был в округе, провалился в тартарары, и мы очутились в царстве теней. Повсюду,

насколько хватало глаз, виднелись лишь смутные силуэты, они колыхались, как былинки под ураганным ветром. То тут, то там у кого-нибудь находился фонарик, и эти крохотные искорки вспыхивали в кромешной тьме, как лучи прожектора.

В этот миг на нас обрушился душераздирающий вой. Словно в каком-нибудь старом военном фильме, ревела сирена воздушной тревоги. В последний раз этот рев раздавался над городом в день, когда прогремели взрывы на мосту Бэй-Бридж. До этого сирену включали для проверки раз в неделю, днем по вторникам, но после террористической атаки испытания прекратили, потому что у многих горожан этот вой вызывал реакцию посттравматического стресса. Одни впадали в истерику, другие неконтролируемо бежали прятаться в домах или, наоборот, выскакивали на улицу, более легкие психические проявления приобрели массовый характер. После долгих обсуждений городские власти решили для проверки сигнализации воспроизводить кодовый сигнал SOS в азбуке Морзе — три длинных гудка, три коротких, три длинных.

Но сейчас сирена ревела во всю мощь, и я не понимал, откуда идет звук, ведь поблизости не

было ни одного громкоговорителя. Оглушительный вой то нарастал, то падал безумной волной, перекатывался внутри черепа, сводил болью стиснутые зубы, и каждая клеточка кричала: «Беги, хуже будет!»

Силуэты-былинки заколыхались сильнее, сталкивались и падали, ища спасения от этого мучительного рева.

И вдруг звук оборвался. Звенящая тишина, наступившая следом, вселяла еще больший страх. В тот же миг из невидимых динамиков обрушился трубный глас. В нем звучала чистейшая, кристаллизованная властность, словно он не принадлежал человеку, а был сконструирован в лаборатории или синтезирован обезумевшей программой, настроенной на максимальное устрашение.

«ЭТОТ МИТИНГ НЕ САНКЦИОНИРОВАН».

Слова прокатились над демонстрацией от края до края, растекаясь от квартала к кварталу, словно нелепая пародия на «народный микрофон».

«ВЫ ПРОЙДЕТЕ ТЩАТЕЛЬНУЮ ПРОВЕРКУ НА БЛАГОНАДЕЖНОСТЬ».

Мне вспомнилось: у нас над головами летает коптер и транслирует все это в интернет. Интересно, много ли народу смотрят его передачу.

«ТЕ, КТО НЕ НАРУШИЛ ЗАКОН И ГОТОВ СОТРУДНИЧАТЬ, БУДУТ ОТПУЩЕНЫ НА СВОБОДУ».

Где-то поблизости началась толкотня. В центре одной из лужиц света стоял здоровенный детина с налобным фонариком. Он снял мешковатый плащ, под ним обнаружилась ветровка, спереди и сзади испещренная большими квадратными буквами: ГПСФ. Городская полиция Сан-Франциско. Я огляделся. Со всех сторон появлялось все больше и больше ветровок с такими же буквами. Здоровяки в одинаковых куртках, разбросанные в толпе, как изюминки в рисовом пудинге, раскрывали свою истинную сущность.

Были и другие неожиданные гости. В десятке метров отсюда трое громил в тактических черных мундирах, в защитных очках и лицевых масках, выстроившись клином, бесцеремонно проталкивались сквозь толпу, расшвыривая людей. Остановились они перед парой совсем молодых ребят. Те побелели от страха, глаза распахнулись так, что блеснули белки. Без лишних разговоров, не произнеся ни слова, копы ткнули их электрошокерами, ребята повалились наземь, как телята на бойне, и заколотились в судорогах. Один из них случайно задел рукой какую-то

девушку, та взвизгнула, отшатнулась и ударила затылком в нос мужчину, стоявшего позади. У него хлынула кровь.

Трое громил не обратили на происшедшее никакого внимания. Они склонились, связали ребят по рукам и ногам пластиковыми наручниками, затянули сильным рывком, действуя совершенно равнодушно, словно запускали упрямую газонокосилку, потом закинули ребят на плечи, будто это были не люди, а свернутые рулоном ковры, и тем же клином двинулись сквозь толпу обратно.

В эту минуту послышались крики, толпа заколыхалась.

Поначалу звук раздавался где-то вдалеке, за несколько кварталов, а толкотня прокатывалась по толпе легкими волнами. Девушка, стоявшая впереди меня, отступила на полшага, чтобы удержаться на ногах после столкновения с человеком, невольно толкнувшим ее, наткнулась на меня, я тоже отступил на полшага, натолкнулся на Энджи, она удержала меня и тоже сделала полшага назад.

Но следующая волна оказалась гораздо сильнее. Люди колыхались уже не на полшага, а на добрых полтора. Я получил локтем в солнечное сплетение, задохнулся и согнулся бы пополам,

если бы для этого хватило места. Третья волна больше напоминала столпотворение на рок-концертах, четвертая походила на землетрясение, а пятая… На пятой волне мы очутились посреди стотысячной толпы, охваченной паническим безумием.

Внезапно у кого-то родилась блестящая идея.

— Проверка связи!

Сначала я разозлился. Какого черта этот болван вздумал произносить речь? Какой от этого прок? Но, конечно, речи тут были ни при чем, просто парень сообразил, что главное сейчас — прорваться сквозь животную натуру толпы, достучаться до ее человеческого разума, разбудить осознание того, что толкучка и паника неминуемо приведут к катастрофе.

— Проверка связи! — завопил я, и другие голоса подхватили:

— Проверка связи!

— Проверка связи!

Зов расходился кругами по человеческой массе, и там, где его слышали, наступала тишина. Мимо меня протолкалась полицейская группа захвата, они прошли так близко, что я мог бы подставить им подножку, но я ничего не сделал, даже бровью не повел. На меня снизошло спокойствие, то са-

мое, которое я впервые испытал в храме, то, какое всегда пытался обрести в критические моменты, но редко находил.

В мою сторону направился один из полицейских здоровяков, увешанный всевозможными приспособлениями. Я поймал себя на том, что с любопытством разглядываю их, прикидывая, для чего они предназначены. Он остановил мужчину и женщину, которые по возрасту вполне могли быть друзьями моих родителей — когда-то давно, в старые добрые времена, такие же приветливые люди иногда приходили к нам на ужин и оставались посмотреть телевизор.

Полицейский что-то сказал повелительным тоном, и они достали паспорта. Коп поднес документы к планшету, провел по ним красной сеточкой лазерных лучей, словно в магазинном считывателе, и сфотографировал. Вгляделся в дисплей и убрал гаджет. Еще несколько секунд они разговаривали на повышенных тонах, потом пара протянула копу свои телефоны, предварительно введя коды разблокировки. Наверно, они оказались в тени радиочастотного удара, и телефоны остались в рабочем состоянии. Полицейский пригляделся к разъемам на нижней стороне мобильников, достал подходящие ка-

бели и вставил. Кабели тянулись к одной из непонятных коробочек у него на поясе, и я, кажется, понял, что происходит: полиция проверяет людей, регистрирует, копирует все данные с их телефонов и затем отпускает.

Я взбеленился. Почему-то это показалось даже страшнее, чем группы захвата, которые без единого слова вылавливали людей прямо из толпы. В этих телефонах могли храниться самые интимные подробности жизни их владельцев. Пароли. Адресные книги с именами друзей и родных. Хронология GPS-регистрации всех посещенных мест. История браузера со списком всех просмотренных сайтов. Мессенджеры, сообщения на стене, твиты. Я не верил своим глазам.

Закончив свою работу, полицейский достал из небольшой кобуры ручку и что-то написал каждому на тыльной стороне ладони. Пара стояла с остекленевшими от ужаса глазами. Полицейский улыбнулся им, что-то подробно объяснил, и они кивнули, так и не обретя дара речи.

Потом коп дружески похлопал их по плечу и легким толчком отправил обратно в толпу. Я двинулся наперерез.

— Эй, погодите! — окликнул я их.

Пара остановилась.

— Что он вам сказал? Полицейский этот.

Мужчина — лет шестидесяти, с приветливым лицом, аккуратными усиками и мягким южным говором — ответил:

— Сказал, чтобы, если нас остановят, мы предъявили эту надпись, и тогда нас пропустят. — На руках красовались невнятные каракули вроде подписи автора под граффити. Может быть, инициалы этого копа. — Особые чернила, — добавил мужчина.

— Он скопировал себе все данные из ваших телефонов?

Женщина кивнула. На вид она была ровесницей своего спутника, с модной стрижкой и массивными деревянными украшениями на руках и шее. Может быть, в юности они были хиппи.

— Да. И удалил все наши фотографии. — Она сдвинула брови. — У меня там были снимки внуков.

Оба разговаривали будто в кошмарном сне.

— Спасибо, — кивнул я.

— Не за что. — Они побрели дальше.

А полицейский занялся следующей жертвой. Просканировал паспорт, отобрал телефон. На этот раз ему попался парень. Чернокожий. Может

быть, в этом и было дело. Коп обыскал его сумку, заставил вывернуть карманы. За это время телефон парня опять заблокировался, и коп велел его разблокировать. Парень, казалось, вот-вот заплачет — или ударит копа. А тот явно упивался происходящим. Накарябал что-то у парня на руке и отправил своей дорогой.

Энджи и Лемми тоже видели это. Мы обменялись потрясенными взглядами. Очередная группа захвата послала по толпе качающуюся волну, на этот раз я не устоял на ногах, упал и оцарапал ладони. Боль словно пробудила меня из оцепенения. Я понял, что делать.

— Проверка связи! — крикнул я.

Энджи бросила на меня встревоженный взгляд.

— Проверка связи!

Энджи повторила мой клич. Присоединился и Лемми. Призыв кругами разошелся по толпе.

— Полиция проверяет паспорта.

— И копирует данные из ваших телефонов.

— И удаляет фотографии.

— Не имея ордеров на обыск.

— Не предъявляя обвинений.

— Это противозаконно.

— Это преступление.

— Полицейские нарушают закон.

— Полиция не имеет права толковать законы как ей хочется.

Полицейский услышал это и пригляделся ко мне внимательнее. Я подавил невольное желание говорить быстрее. Для «народного микрофона» речь должна быть медленной, размеренной.

— Не подчиняйтесь.

— Требуйте адвоката.

— Отказывайте им в праве нарушить закон.

Полицейский направился ко мне сквозь толпу, нашаривая что-то на своем поясе. Перечный спрей? Электрошокер? Нет, длинная лента пластиковых наручников.

— Кажется, он хочет меня арестовать.

— За то, что призываю соблюдать закон.

— Вдумайтесь в это.

Полицейский был уже совсем рядом, изготовился схватить меня, как вдруг из толпы вышел какой-то парень и преградил ему дорогу. Я видел его только со спины — зеленая армейская куртка, длинноволосый затылок, три сережки в левом ухе и две в правом. В свете полицейского фонарика эти детали вырисовывались с фотографической ясностью.

Полисмен попытался обойти его, но на пути

выросли еще двое. Потом еще и еще. Я отступил на шаг, и толпа сомкнула ряды вокруг меня. Коп что-то закричал. Никто не стал повторять. У него не было «народного микрофона».

— Вы можете идти.

Не знаю, что сподвигло меня сказать это. Само вырвалось.

— Вы можете идти, — раскатилось по толпе.

— Вы можете идти, — нараспев повторяли демонстранты. — Вы можете идти.

Три коротких слова. Не «Пошел к черту, свинья», и не «Вот она, хваленая демократия». Вместо этого группа собравшихся людей просто утверждала, что они способны сами за собой присмотреть и не нуждаются в услугах стражей порядка, которые отправляют их по домам, словно непослушных детишек.

— Вы можете идти.

Коп остановился. Снисходительное дружелюбие, с которым он обращался к обыскиваемым людям, быстро сменилось гневом вперемешку с ужасом. Рука сама собой потянулась к поясу, на котором висело множество штуковин с пистолетными рукоятками и аэрозольными кнопками — так называемое нелетальное оружие, с помощью которого он мог избивать нас, поливать

газом, обездвиживать. Между копом и мной встало еще больше народу, и я, приподнявшись на цыпочки, увидел, что у него за спиной толпа разделилась надвое, открывая ему свободную дорогу прочь отсюда.

— Вы можете идти.

Этот клич подхватили сотни голосов. Мы уже не злились. Но и не смеялись. В наших словах не было насмешки. «Мы управимся сами. Вы нам не нужны. Идите займитесь делом». Вот какой смысл мы в них вкладывали.

— Вы можете идти.

Полицейский развернулся на каблуках и медленно побрел прочь. Голова высоко поднята, подбородок вздернут, плечи расправлены. И хотя мгновение назад он был готов направить на меня струю газа, сейчас мне стало его немного жаль. У него только и было что власть, и мы ее отобрали. Из доблестного стража порядка он превратился всего лишь в человека, наряженного словно на детский праздник, в карнавальный костюм героя, и его обратили в бегство простые гражданские, которых ему полагалось пасти и опекать.

Звук — это ударная волна, имеющая определенную длину и частоту колебаний. В разреженном воздухе молекул слишком мало, ударная волна

не может распространяться далеко, поэтому звук движется медленно и вскоре угасает. А в плотных материалах — железе, камне, воде — звук движется быстро и проходит очень большие расстояния, потому что ударная волна легко перекидывается с одной частички материала на другую.

Мы стояли в толпе плечом к плечу, и наши идеи распространялись, как звуковая волна по стальному брусу. Слова «Вы можете идти» разбегались во всю ширь городской площади, как круги по воде. Народ медленно, шаг за шагом двинулся в сторону Маркет-стрит. Мы целый день готовились — стояли, собирали народ, набирались сил — и вот теперь выступили в поход. Наш путь должен куда-то привести.

Энджи сплела пальцы со мной, я закинул руку на плечи Лемми. Со стороны мы, должно быть, походили на Дороти, Железного Дровосека и Страшилу, отправившихся в путь по желтой кирпичной дороге. Шаг. Еще шаг. «Вы можете идти». И мы тоже можем. Шаг, еще шаг.

Вдруг вспыхнула какая-то кутерьма — общее смятение, сердитые крики, человека, идущего за мной, резко толкнули, и я получил локтем в спину. Я не сразу понял, что происходит, и попал прямиком в лапы группы захвата.

* * *

В первые мгновения я чувствовал только руки. Много-много рук. Сильные, крепко вцепившиеся куда попало. Потом чей-то локоть стиснул шею так, что я не мог вдохнуть. Мне заломили руки за спину, выкрутили болевым приемом из каких-то боевых искусств, чуть не выломав из плеч.

В левое запястье впилась пластиковая полоска наручников. Я бы завопил, но дыхания не хватало. Я трепыхался, отбивался, края поля зрения уже заволакивало красно-черной пеленой. Услышал далекие крики — Энджи, кого-то еще, потом меня оторвали от земли и стали швырять.

И в следующий миг я опять стою на земле. Руки исчезли. Рядом со мной Энджи, она торопливо нацепила на меня защитные очки, трясущимися от спешки руками натянула мне на лицо маску. Я поднял руки помочь ей и заметил, что левая рука до сих пор стянута пластиковым наручником, зато правая была свободна. Покачнулся, чувствуя, что меня вот-вот стошнит. А вот и Лемми, стоит возле меня в рваной куртке, из глубокой ссадины на опухшей щеке сочится кровь. Одной рукой он зажал ссадину, другой коротко показал мне большой палец.

— Что тут произошло? — спросил я.

— Тебя освободили из-под ареста, — небрежным тоном пояснила Энджи. Я огляделся. Неподалеку от меня какой-то парень с дредами щеголял в респираторе, кажется, полицейского образца, и держал в руках щит, уж точно полицейский. Рядом с ним стояла женщина в полицейском шлеме. Еще несколько шлемов перекатывались по мостовой.

— Что сделали с копами? — поинтересовался я.

— Да ничего особенного, — пожал плечами Лемми. — Забрали их барахло, когда они отступили. Не беспокойся, никто копов не бил и в драки не ввязывался.

Марш продолжался. Колышущаяся толпа сделала еще один шаг в направлении к Маркет-стрит. В маске было тяжело дышать, очки запотели. Только я собрался протереть их, как на нас обрушился газ.

Его распыляли с дирижаблей, крошечных, невидимых и неслышимых. Они удерживались на месте слабенькими шелестящими электромоторчиками. Я и сам в Нойзбридже однажды помогал строить такую игрушку в качестве побочного проекта космической программы. Команда разработчиков запустила метеорологи-

ческий зонд легче воздуха, и тот, поднявшись в верхние слои атмосферы, передавал на базу снимки Земли. Планета была круглой, как огромный мяч, мы всегда знали это, но впервые увидели на снимках с нашего аппарата. А эти полицейские дирижабли были легкими и хлипкими, как пластиковые пакеты из химчистки. Ткнешь его пальцем — уносится прочь, как пушинка одуванчика, потом, управляемый короткими выверенными взмахами крошечного пропеллера, упрямо возвращается точно на прежнее место. Они напоминали ядовитых медуз или безмозглых инопланетян и своими маневрами вселяли в меня инстинктивный страх. Можно подумать, только и ждут, как бы ужалить зазевавшегося чужака.

Газовые баллоны у них под брюхом выплескивали свое жгучее содержимое короткими, почти синхронными залпами. Звук был такой, словно лопалась кукуруза на сковородке. Все дружно подняли головы, посмотрели вверх, и началась…

Паника.

Распылители находились футах в четырех-пяти над нашими головами, и газ успел растечься хорошо заметным пятном. В первое мгновение мы ошалело смотрели на него, потом сообразили, что

на нас обрушивается облако ядовитого химиката, и все одновременно бросились бежать, врассыпную, во все стороны, лишь бы уйти подальше от медленно падающего токсина.

Меня швыряли из стороны в сторону, сбили с ног, чуть не затоптали. Чья-то нога в твердом ботинке опустилась мне на голову, другая пнула по почкам. Потом незнакомые руки подхватили меня, поставили на ноги, толкнули, снова опрокинули, опять подняли.

Потом газ подействовал. Люди стали задыхаться, со всех сторон раздались сдавленные вопли. Началась рвота. То ли в газ было подмешано что-то тошнотворное, то ли организмы жертв отчаянно пытались исторгнуть едкую чужеродную субстанцию через все доступные отверстия. На меня со всех сторон выплескивались рвотные массы. Я поскользнулся на них, упал на четвереньки, встал на колени, затем на ноги.

Часть газа просочилась-таки сквозь малярную маску, правда, очень небольшая. Стало тяжеловато дышать, глаза под очками помутнели от едких слез, поднимавшихся по синусам. Полуслепой, я метался в кромешной темноте, и в голове билась только одна мысль: Энджи.

Я высматривал ее, но нигде не видел. Кое-кто

сумел подняться на ноги, но тут у нас над головами снова начали сновать квадрокоптеры и планеры. На них наверняка установлены приборы ночного видения, и съемка ведется полным ходом. И, наверное, технические возможности этих приборов позволят получить прекрасные, отчетливые портреты «зачинщиков», которые явились на демонстрацию в защитных очках и масках — ожидали, небось, что полиция применит против них химические агенты в отместку за то, что посмели выражать собственное мнение.

Я громко звал Энджи, но маска приглушала голос. Я набрал побольше воздуха, чтобы крикнуть погромче, и наглотался химикатов, которые налипли на маску изнутри и просочились в поры. Согнулся пополам от жестокого кашля, судорожно сглатывал, подавляя рвотные позывы. Не хотел блевать внутри маски и не хотел снимать маску, открывая лицо.

Тогда я стал хватать тех, кто корчился на земле вокруг меня, и помогал им подняться на ноги. Понятия не имел, где сейчас Энджи, и надеялся, что, если она вот так же барахтается в луже собственной блевотины, кто-нибудь поможет ей встать.

Я протянул руку здоровяку с короткой армейской стрижкой. Он держался за голову и стонал.

И вдруг меня что-то остановило. Ледяная игла иррационального страха пронзила позвоночник и пригвоздила меня к месту. Я присмотрелся к здоровяку, и тут до меня дошло. Через весь затылок, от макушки до толстой шеи, тянулся уродливый вспухший шрам. Я уже видел его — на заднем сиденье роскошной машины, в которой на задних дверях не было ручек. Это был Шрам, один из прихвостней «ЗИЗ».

Глава 13

Он лежал всего в нескольких метрах от меня. С такого расстояния он запросто мог держать меня под присмотром, если, конечно, пришел только за этим. Но не смог бы дотянуться и схватить, если, конечно, такова была его цель.

Я шагнул назад, наступил на чьи-то пальцы, отдернул ногу, чуть не поскользнувшись в луже давно съеденной пищи и ядовитых химикатов. Удержался на ногах, сделал еще шаг. Шрам меня еще не заметил. На нем не было привычного тактического обмундирования, однако на синих джинсах сильно выпирали большие карманы и вокруг пояса тоже что-то заметно топорщилось.

Еще шаг, и я осторожно огляделся. Шрам пришел один? Или захватил с собой Тимми? «ЗИЗ», как мне показалось, не из тех организаций, которые отпускают своих агентов на произвол судьбы. Я огляделся по сторонам, обнаружил еще несколько очагов паники и страха, высматривал среди толпы кого-нибудь похожего на Тимми. Он мог надеть парик или еще как-то изменить внешность. Тимми я не разглядел, зато увидел

Лемми — он помогал идти хромому старику, тот ковылял, опираясь на плечи моего друга. Я шагнул было к ним, и вдруг чьи-то пальцы схватили меня за руку. Пальцы были явно женские, и на миг я обрадовался, решил, что это Энджи сумела меня отыскать.

Но тонкие пальчики ухватили меня за большой палец и крутанули так, что я взвился от боли и вскрикнул. Звук утонул в маске. Я попытался вывернуться, но стало только хуже. Невыносимая боль пронизывала все тело. Я приподнялся на цыпочки, кое-как изогнулся и поглядел на свою мучительницу.

Это была Кэрри Джонстон, одетая как домохозяйка из комического сериала, в тренировочные штаны и свободный свитер с эмблемой Сан-Францисского университета, волосы стянуты резинкой. Маскарад был великолепен, он полностью скрывал ее деятельную, безжалостную натуру, и в первый миг я даже не сообразил, откуда мне знакомо это суровое лицо. А сообразив, вскрикнул еще громче.

— Здравствуй, Маркус, — произнесла она и чуть-чуть ослабила хватку на пальце, ровно настолько, чтобы я отдышался и пришел в себя. Долго и внимательно смотрела мне в глаза и,

убедившись, что полностью завладела моим вниманием, извлекла из-под свитера какой-то прибор, черный, тактический, вроде двузубой вилки с пистолетной рукояткой. Электрошокер. — Я бы предпочла не применять его, — произнесла она. — Потому что иначе мне придется тебя тащить. Это привлечет ненужное внимание. И, возможно, мне пришлось бы тебя уронить. Вряд ли тебе это понравится. Я понятно выразилась? — Я кивнул и пару раз сглотнул под маской. Она убрала электрошокер. — Вот и умница. А теперь пойдем. Нам пора.

Над городом уже сгустилась глубокая ночь, и воцарился хаос. Люди кое-как вставали на ноги, бродили и толкались в темноте, отовсюду слышались крики, плач, рвотные хрипы. То и дело кто-нибудь восклицал: «Проверка связи!», ему откликались слабым эхом, пытаясь восстановить хоть какой-то порядок, но Кэрри Джонстон неизменно уводила меня прочь от этих мест, проталкивала перед собой, будто таран, крепко держала за большой палец, но больше не выкручивала. Лишь поворачивала вправо-влево, будто джойстик, задавая мне направление.

Откуда-то издалека раздавались усиленные полицейскими мегафонами приказы сесть и

заложить руки за голову. Услышав это, Джонстон выругалась и стала толкать меня быстрее.

Перед глазами все плыло, но в голове крутилась неотвязная мысль. Кэрри Джонстон и Шрам явились на демонстрацию, вероятно, рассчитывая найти меня, и попали под удар радиочастотного импульса. Они были сверху донизу экипированы всякими тактическими штуковинами, но хватило ли у них ума упаковать эти гаджеты в чехлы Фарадея? По словам Джонстон, она не стала глушить меня электрошокером, потому что не хотела тащить, но, положа руку на сердце, разве ей было бы так тяжело выволочь меня из толпы? И неужели привлекло бы много внимания? По-моему, у этой мегеры хватило бы сил уложить на обе лопатки взрослого буйвола.

И главный вопрос: достаточно ли электроники в тупых мозгах маленького электрошокера, чтобы он свихнулся под радиочастотным ударом?

Из темноты выплыло лицо пожилого человека, все в грязи и слезах, с широко распахнутыми глазами. Он едва успел заметить меня, и через мгновение я натолкнулся на него. Мы повалились наземь единым извивающимся клубком. Падая, Кэрри Джонстон сильнее ухватила меня за большой палец, попыталась согнуть его под

углом, причиняющим самую сильную боль, но не удержала.

Я поджал ноги и скакнул в темноту, как заяц, торопясь уйти. Руками и ногами продирался сквозь толпу, бежал, не разбирая дороги. За спиной раздавались вопли возмущения. Интересно, кто кричит: люди, которых я толкнул на бегу, или те, кого отшвырнули мстительные руки Кэрри Джонстон. Вскоре я запыхался и никак не мог прийти в себя, не мог протолкнуть в горло хоть глоток воздуха, но все равно бежал, бежал через силу, даже когда взор снова заволокла черная пелена.

Мчался я на запад и по окружающим меня зданиям понял, что постепенно удаляюсь от эпицентра протестов и двигаюсь к краю. Скоро я вынырну из этого безумия и окажусь в реальном мире, где нет ни неумолимых преследователей, ни ядовитого газа, ни обезумевшей толпы. Мысли об этом придавали мне сил, и я с трудом переставлял ноги, хватал ртом воздух, будто рыба, вытащенная из воды, еле дышал сквозь мокрую клаустрофобическую маску.

Нет, мне не выбраться. Сил не хватит. Того и гляди рухну на колени, и тогда в меня вцепится Кэрри Джонстон. Даже без электрошокера ей

придется тащить меня волоком — внутри у меня все рвалось, взрывалось, ломалось, и я понимал: если остановлюсь, тронуться с места уже не хватит сил.

Но вот и он, край демонстрации, показался впереди. Место, где заканчивалось людское море и начинался город. Еще несколько шагов. Уличные фонари играли бликами на моих запотевших очках. Я впился в них взглядом и даже не заметил линию полицейского оцепления, отделявшую протесты от реального мира. Вдоль нее шеренгой выстроились суровые полицейские со связками пластиковых наручников у пояса, в плотных черных перчатках. Я чуть замедлил бег, но не остановился. А может, и не смог бы. Как бы то ни было, в тюрьме Кэрри Джонстон до меня не доберется.

Шаг, другой — и я, чуть не падая, врезался в полицейского. Ощутил даже запах его одеколона и гамбургера. Он остановил меня, удержал на ногах, снял с меня маску и очки, заметил на одной руке наручник, ухватился за болтающийся конец пластиковой ленты, заломил мне руки за спину — сначала одну, потом другую, связал наручниками. Обращался со мной совершенно равнодушно, словно ворочал мешок с картошкой.

Из шеренги вышел другой коп и направил меня к одному из автобусов — тех самых, которые я заметил в трансляции с коптера.

Прежде чем втолкнуть меня внутрь, он похлопал меня по карманам, отыскивая телефон, но остановился, когда рука в перчатке попала в блевотину, которой я был вымазан с ног до головы.

— Телефон есть? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Но он сдох.

— Верно, — отозвался он. — Все равно его у тебя отберут при регистрации.

В темном тихом автобусе уже сидело десятка два человек. Молодые и постарше, темнокожие, белые и азиаты. Внутри он был оборудован наподобие школьных автобусов, в которых я ездил тысячи раз, единственным отличием была стальная сетка, отделявшая водительское место и заднюю площадку от середины автобуса. Нас усаживали по двое на сиденье, начиная с задних рядов. Я очутился примерно посередине, рядом с парнем в черных джинсах и свитере. Он был без сознания и тяжело дышал. Полицейский, который меня привел, ничего не сказал, только усадил меня, и вид у него было все такой же безразличный — ни враждебный, ни дружелюбный. Я толкнул парня, и он всхлипнул, как раненый

зверь.

— Кажется, ему нужна медицинская помощь, — сказал я и поерзал, пытаясь устроиться поудобнее со связанными за спиной руками.

— Получит, — сказал коп. — Как только зарегистрируем.

Вокруг меня начались тихие разговоры. Голоса звучали испуганно, словно у детишек, которые прячутся от убийцы в фильме ужасов. Я выглядывал в окна, высматривая, не идет ли Кэрри Джонстон со Шрамом, а точнее, Энджи и Лемми. Каждые пять минут я вспоминал, что так и не записал на руке номер телефона адвоката, и ругал себя за глупость. Как ни странно, мне даже удалось немного подремать, прислонившись головой к спинке переднего сиденья. Должно быть, мой организм сжег уже так много адреналина, что ничто больше не могло поддерживать меня в бодрствующем состоянии. Ко всему прочему у меня дико разболелась голова из-за отсутствия кофеина. Охотно съел бы с полкило сырых кофейных бобов и попросил добавки.

Проснулся я оттого, что на сиденье передо мной кого-то усадили. Я с трудом сфокусировал сонный взгляд. Девчонка примерно моих лет, с Ближнего Востока, в дизайнерской одежде, с растрепав-

шимся длинным хвостом. Вид у нее был мрачный и решительный.

— Эй, — окликнул я копа. — Скоро нас отпустят в туалет?

— После регистрации, — был ответ.

— А когда это будет?

— Позже.

— Слушайте, мы тут уже черт знает сколько сидим. Можете хотя бы наручники снять?

— Нет.

Коп повернулся на каблуках и ушел. Держался он по-прежнему совершенно равнодушно, словно говорил уличному попрошайке, что мелочи нет.

— Давно ты тут? — спросила девчонка.

— Не знаю, — ответил я. — Задремал немного. Сколько сейчас времени?

Она пожала плечами:

— Вроде около одиннадцати.

— Что там, снаружи, делается?

— Черт-те что, — ответила девчонка. — Хватают и допрашивают всех подряд. А если им твои ответы не нравятся, запихивают за ограду.

— За какую еще ограду?

— Не видел, что ли? Целую площадь огородили, с квартал величиной. Поставили со всех сторон передвижные барьеры. Если ты им не нравишься,

заталкивают туда. Поговорят немного. Если ты им по-прежнему не нравишься, сажают сюда. А ты разве за оградой не побывал?

Не хватало только объяснять, что я, спасаясь от чокнутой военной преступницы, налетел прямо на копа.

— Нет. Меня просто схватили и бросили сюда.

Она покачала головой:

— Со мной не так. Схватили, проверили паспорт, посадили в загон, снова проверили паспорт, привели сюда. Мерзавцы.

— Как думаешь, почему тебя схватили?

Она опять пожала плечами:

— Кто их знает. Расисты, что ли? В наши дни иметь египетскую фамилию — все равно что зваться Жасмина бин Террорист аль Джихад. А может, потому что я работаю в Египетском центре по правам женщин.

— А что это такое?

— Женская группа, — пояснила она. — Мы выражаем солидарность с женщинами Ближнего Востока. Когда начинаются революции, женщины выступают в первых рядах, помогают сбросить диктаторов, проливают кровь. Потом приходят новые «революционные» правительства и запирают их по домам, заводят

болтовню о «скромности» и «месте женщины». Мы в группе обсуждаем эти ситуации, организуем дискуссионные кружки, достаем литературу, где разъясняется, что́ на самом деле сказано в Коране о женщинах. Призываем лжецов к ответу. — Она еще раз пожала плечами. — Так что, может быть, дело в этом. Не знаю. Из-за ограды я пыталась позвонить маме, но телефон не работал. И у всех, кто там был, они выключились.

Еще бы.

— У тебя есть адвокат, которому можно позвонить?

— Нет, — ответила она. — Но мама что-нибудь придумает, когда оправится от сердечного приступа из-за моего ареста. А что?

Я понизил голос:

— У меня есть работающий телефон.

Лежавший без сознания парень рядом со мной пошевелился, приоткрыл один глаз и что-то пробормотал.

— Чего? — Я склонился ближе.

— Четыреста пятнадцать — двести восемьдесят пять — десять — одиннадцать, — повторил он. — Сан-Францисское отделение Национальной гильдии юристов. Если у тебя есть телефон, будь добр, позвони, расскажи обо мне.

В передней части автобуса, за плотной металлической сеткой, сидел охранник. На нас он внимания почти не обращал. А может, установил скрытый микрофон и теперь внимательно прислушивался к каждому слову через невидимые наушники.

— Ладно, — пообещал я. — Как ты думаешь, если я повернусь, сможешь сунуть пальцы ко мне в карман и достать телефон?

Он шевельнулся и резко втянул воздух сквозь зубы.

— Не смогу. Кажется, рука сломана.

Я присмотрелся. Рука с моей стороны торчала под неестественным углом. Бедняга, до чего же ему, должно быть, больно. Я снова обернулся к девчонке:

— А ты сможешь вытащить телефон у меня из кармана?

Она обернулась, вытянула шею и с сомнением ответила:

— Может, и смогу. А как звонить-то будем?

— Не знаю, — признался я. — Доберемся до мобильника, тогда и подумаем.

Я изогнулся всем телом и постарался приблизить бедро к связанным за спиной рукам девчонки. При этом нечаянно толкнул парня со

сломанной рукой, тот опять вскрикнул сквозь зубы, но ничего не сказал. Я извинился.

Потом началось самое трудное. Поерзав на сиденьях, мы оба выставили ноги в проход. Телефон лежал у меня в переднем кармане джинсов, и мне пришлось повернуться к ней боком и сдвинуться назад. А ей предстояло на ощупь, со связанными руками, спиной ко мне, извлечь телефон из моего кармана.

— Тьфу ты, — скривилась она.

— Это не мое, — пояснил я. — Кого-то вырвало на меня.

— Спасибо, утешил.

Она сунула мне в карман большой и указательный палец, протолкнула их глубже, нащупала мобильник, начала понемногу вытаскивать его. Когда весь путь был почти проделан, ее пальцы соскользнули, и телефон чуть не упал на пол, но я ухитрился крутануть бедром, и он нырнул обратно в карман. Пришлось начинать сначала. Со второй попытки ей это удалось.

— Погоди, — сказала она. — Наручники такие тугие, что еле шевелю руками. А буду дергаться — могу выронить.

— Не торопись, — успокоил я. — Сможешь передать его мне?

Я изогнулся, дотянувшись пальцами до ее рук, и она вложила телефон мне в ладонь.

Пока она разминала пальцы, восстанавливая кровообращение, я повертел мобильник за спиной. С тоской вспомнил старые добрые времена, когда телефоны были кнопочными и номер можно было набрать на ощупь. Я ощутил в руке привычную тяжесть, нащупал большим пальцем кнопку включения, нажал ее и провел пальцами по экрану. Телефон отозвался знакомым сенсорным жужжанием, легкой вибрацией давая понять, что мой палец касается «горячей» области — той, где я одним прикосновением могу задать телефону какое-нибудь действие. Ведя пальцем по экрану, я осторожно считал жужжащие места. Четыре сверху вниз, три слева направо. Попытался вспомнить, где же нарисована числовая клавиатура. Телефон демонстрировал мне экран блокировки, на котором я своими руками когда-то установил надежный восьмизначный пароль. Сами знаете, какой я параноик.

И вот теперь чертова паранойя обернулась против меня. Мне предстояло вслепую, онемевшими пальцами, правильно набрать пароль из восьми цифр. Не привлекая внимания полиции.

— Что ты делаешь? — спросила девчонка с пе-

реднего сиденья.

— Полагаю, мой палец стоит на цифре один. Так?

— Не вижу, ты же держишь телефон вверх ногами.

Да, веселая будет работенка. Я покрутил руками и повернул телефон экраном к ней. Почувствовал себя циркачом, пытающимся исполнить невероятно трудный и совершенно дурацкий фокус.

— Твои пальцы стоят на единице, девятке, тройке и шестерке.

Я снова переставил пальцы. Теперь к стеклу прикасался только указательный. Руки опять застыли в дурацкой позе фокусника, и я держал телефон только за края.

— Сейчас твой палец на единице.

Я подвинул его.

— Теперь тройка, да?

— Да, но по дороге ты зацепил двойку.

Я прикусил язык и начал мысленный отсчет. Дошел до двадцати, и девчонка сказала:

— Все, перезагрузился.

Набрать пароль удалось только с шестой попытки. После пятой телефон заблокировался, и пришлось ждать долгих десять минут, пока он смилостивится. Защищенность на высшем

уровне.

— Ура, получилось, — улыбнулась девчонка.

Я почти не чувствовал рук.

— Кому позвоним в первую очередь?

— Маме, — сказала она. — У нее сотни знакомых юристов.

Еще несколько минут ушло на то, чтобы включить цифровую клавиатуру, а потом я целую вечность набирал номер ее мамы. К счастью, номеронабиратель позволял исправлять ошибки клавишей возврата.

— И опять получилось! — воскликнула она так громко, что на нас стали оглядываться с других сидений. Я накрыл телефон ладонью, пытаясь спрятать его и при этом ничего нечаянно не нажать. Подождали, пока каждый вернется в свою персональную пучину горя, и я спросил:

— И как мы это проделаем?

— Что проделаем?

— Мы ведь звоним твоей маме, так? Как ты будешь с ней говорить, если ты там, а телефон — вот тут, внизу?

— Ой.

— Ага.

— Сможешь поднять руки как можно выше?

Я постарался. Приятно было размять затекшие

лопатки, однако я пожалел, что слишком быстро забросил занятия йогой, куда меня водила Энджи. Девушка — странное дело, я до сих пор не спросил, как ее зовут — поерзала, нажала на кнопку вызова то ли носом, то ли языком, и на кончиках пальцев завибрировал звук звонящего телефона. Я поймал взгляды нескольких товарищей по несчастью. Одни смотрели на нас с недоумением, другие с восторгом, третьим было страшно. На том конце линии ответили. Телефон отреагировал легким жужжанием, которое я расшифровал как «Алло», потом девочка шепнула: «Мама», — и быстро-быстро заговорила шепотом на неведомом мне языке. Арабском, наверное? Вроде бы на нем говорят в Египте?

Автобус был залит ярким светом, но мы сидели взаперти уже очень долго. Последних пленников доставили несколько часов назад. Должно быть, охранник на переднем сиденье давно задремал или ошалел от скуки, а может, от природы не блистал умом. Как бы там ни было, меня наполнило приятное чувство превосходства. Да, они вооружены до зубов, у них хватит сил арестовать нас, заковать в пластиковые наручники, бросить в тюрьму, обвинить в выдуманных преступлениях, но они не в состоянии полностью контролиро-

вать нас. Мы сидим буквально в пасти у зверя и сумели-таки общими усилиями создать канал связи с внешним миром. Невзирая на газовую атаку, избиения и лишение сна. Меня охватило странное безумие, я чувствовал себя несокрушимым и неуязвимым, считал, что победа все равно останется за мной, потому что я совершил подвиг, достойный настоящего героя, а герои всегда побеждают, разве не так?

И тут прозвучал первый звоночек, напомнивший, что я абсолютно сокрушим и крайне уязвим. Глаза всех пленников, сидевших позади меня, дружно распахнулись от ужаса. Зрелище получилось довольно комичное, словно все эти люди приходились друг другу родственниками и страдали семейной генетической пугливостью.

Затем раздался второй звоночек: одна из девчонок позади меня испуганно взвизгнула. А через мгновение последовал и третий: могучая рука в перчатке выбила у меня телефон, схватила за запястья и с силой дернула вверх. Я согнулся пополам, свалился с сиденья и припечатался лбом об пол, ища спасения от резкой боли, раздиравшей плечи.

Потом ко мне склонилось лицо — так близко, что я слышал над ухом лязг зубов, чувствовал

запах жевательной резинки изо рта.

— Знаешь, малыш, умников никто не любит, — процедил мой мучитель. Я всхлипнул. Он отпустил мои руки, и я бессильно уронил их, стукнув сам себя кулаками по заднице, возя лицом по грязному полу автобуса.

Не успел я перевести дыхание, как меня схватили за лодыжки, и я услышал знакомый леденящий душу звук — скрежет затягиваемых пластиковых наручников. Мне сильно, до боли, стянули сначала одну ногу, потом другую. А мучитель продолжал работу. Дернул мои руки назад, ухватил пластиковую перемычку между ними, повозился еще, тихо и на удивление добродушно ворча, прицепил к перемычке еще один комплект наручников. Притянул лодыжки к запястьям, и в моем затуманенном мозгу шевельнулось понимание, что сейчас меня стреножат, как взбесившегося пса.

Я вырывался, брыкался, орал что-то бессвязное. Это были даже не слова, просто вой, протестующий рев, идущий из самого нутра. Пополз, как червяк, по автобусу, силясь убраться подальше от этого садиста. Остальные пленники убирали ноги с прохода, освобождая мне дорогу, и я услышал, как десяток голосов кричал охранникам:

«Позор!»

Я добрался до клетки на задней площадке автобуса, извернулся и пополз вокруг нее, обернувшись лицом обратно к проходу. И увидел полицейского — молодого белого парня. В пылу схватки он потерял фуражку. На лице у него пылала жажда отмщения. Он погнался за мной, но остальные пленники в автобусе выставили ноги обратно в проход, преграждая ему дорогу. Чтобы добраться до меня, копу придется преодолеть целый лес ног. Он потянулся к дубинке на поясе, почти вытащил ее, но передумал и положил руку на баллончик со слезоточивым газом.

Коп протянул баллончик, словно собрался морить тараканов, сдвинул маску с шеи на лицо, руками в перчатках поправил защитные очки. Пленники, увидев это, один за другим начали втягивать ноги, и через минуту дорога ко мне стала свободна.

Он пару раз подмигнул мне.

— Ладно, ладно, — заговорил я. — Буду сидеть тихо. Не надо меня связывать…

Он сделал пару шагов ко мне, держа баллончик перед собой, словно охотник на вампиров с распятием в руке. А я, как вампир, отпрянул. Весь мир сжался до размеров распылителя на баллончике,

крохотного квадратного отверстия с маленьким круглым соплом.

— Пожалуйста, не надо, — пролепетал я. Его палец плотнее прижался к кнопке. Баллончик был в считаных дюймах от моего лица и смотрел точно в промежуток между верхней губой и носом.

— Том, — раздался голос с другого конца автобуса. — Что у вас там за хрень?

Палец охранника застыл на месте. Он сунул баллончик обратно в кобуру на своем бэтменском поясе и развернулся к передней площадке. Там стоял другой коп, постарше, с двумя полосками на плече. Инспектор.

Охранник прошел вдоль всего автобуса к своему начальнику, и между ними состоялся разговор — тихий, но на повышенных тонах. Все глаза в автобусе были прикованы к ним, уши ловили каждое слово. Том стоял спиной ко мне, и я прекрасно видел, как напряглись его плечи. Он явно получал нагоняй. Признаюсь, я даже немного позлорадствовал, однако все-таки еще сильно дрожал от пережитого страха.

Том вышел из автобуса. Инспектор молча, прошагал ко мне, схватил за плечо и поволок обратно к сиденью. А я пытался удержаться в вертикальном положении, семеня, как пингвин,

связанными ногами. Он равнодушно усадил меня и ушел, так и не сказал ни слова.

— Лучше бы ты позвонил юристам, — сказал мой сосед.

Мне нечего было ответить. Свет в автобусе погас, взревел мотор, и нас куда-то повезли.

* * *

Под рев и тряску автобуса, мчащегося сквозь ночную тьму, девчонка с переднего сиденья извинилась. Самое обидное — ее мама так расписховалась, что дочери так и не удалось донести до нее хоть что-то полезное. А главной приятной новостью было то, что девчонка — кстати, ее звали Далия — сумела подобрать телефон, выбитый у меня из рук нашим другом полицейским. Она спрятала его к себе в сапог и пообещала вернуть при первой возможности. Я, связанный по рукам и ногам, не слишком оптимистично смотрел на будущие возможности, однако был весьма признателен. Назвал ей свое имя, попросил погуглить и найти мой электронный адрес, сказал, что, если она напишет мне и вернет мобильник, я буду ей премного благодарен.

Путь наш был недалек и проходил не быстро. За окном виднелся только сплошной поток

транспорта, в котором часто попадались другие полицейские автобусы. Несколько раз мы притормаживали и стояли очень подолгу, должно быть, часами, а моим связанным рукам и плечам казалось, что прошла вечность. Время от времени меня одолевала дремота, один раз я нечаянно прислонился к парню со сломанной рукой, и он тихонько всхлипнул — это прозвучало даже страшнее, чем громкий вскрик.

На рассвете мы приехали к месту назначения. Ничем не примечательное здание, похожее на склад, без всяких вывесок. Вокруг кишели полицейские. Нас выводили из автобуса по одному, с промежутками в десять-двадцать минут. Наверное, в этом и заключалась «регистрация». Тех, кто не мог идти сам, оставили напоследок. Два дюжих копа вынесли меня из автобуса, точно мешок с мусором, потом вернулись за моим соседом. Я крикнул, что ему нужна медицинская помощь. Они сделали вид, что не слышали.

Никто не спросил, почему мне связали ноги, никто не сделал попытки снять оковы. Меня волоком тащили от одного стола к другому. Сначала усадили на стул перед колченогим столом, и пара сонных копов с потрепанными ноутбуками, во много раз уступающими по крутости мили-

таризированным гаджетам, которыми владели Тимми и Шрам, сняли с меня отпечатки пальцев, просканировали сетчатку, взяли соскоб изнутри щеки для анализа ДНК, записали мое имя, адрес и номер полиса социального страхования. Я заявил им, что больше ни на какие вопросы отвечать не буду. Потребовал адвоката. Сказал, что хочу в туалет. Спросил, за что я арестован. Я много раз повторял этот стандартный ритуал, но одно дело — репетировать его перед зеркалом в своей комнате, если на меня, как выражалась мама, нападал мандраж из-за риска попасть под арест, и совсем другое — произносить то же самое в наручниках.

Полицейские не реагировали. Их ответы были однотипными: «Еще раз произнесите ваше имя по буквам», «У нас больше нет вопросов», «Позже», «Позже», «Противозаконное поведение и нарушение общественного порядка по предварительному сговору».

Они позвали следующего, а меня приподняли — на сей раз вместе со стулом — и повели снимать отпечатки пальцев.

Потом меня втолкнули под крышу, провели в холодную, ярко освещенную комнату, где раньше, наверное, размещалось складское на-

чальство, раздели донага и обыскали. Хорошо хоть, наручники срезали. Я разминал запястья и лодыжки, восстанавливая кровоток и стараясь не подавать виду, как мне больно. Нас было человек пятнадцать или двадцать, и мы, стоя голышом и дрожа, избегали встречаться глазами. А копы со скучающим видом ходили от одного пленника к другому, обшаривали нашу одежду руками в хирургических перчатках, как будто мы все страдали от неизвестной инфекции. Заглянули нам под мышки, за мошонки, между ягодиц. Ни разу в жизни я не испытывал такого унижения, и оно казалось еще острее от того, как буднично и деловито происходил досмотр. Эти типы не питали к нам никаких личных чувств. С таким же видом работники санэпиднадзора проверяют мясо перед отправкой на рынок.

Удивительное дело: когда стоишь в плену у полиции, голый, дрожащий и напуганный, мысли настраиваются на философский лад. Если бы меня незадолго до этого спросили, как я отношусь к полицейским, схватившим меня, я бы сказал: ненавижу. Они бессердечные трусы, хуже того, предатели рода человеческого, защищают интересы властей и коррумпированных богатеев от простых смертных вроде меня. Я видел их с

самой жестокой стороны, видел, как они явились на мирную протестную демонстрацию в обличье суперсолдат из фантастического фильма, видел, как они пускают в ход нелетальное (может быть) оружие против несчастных перепуганных людей и смешивают их с грязью.

Но сейчас, в холодной комнате, стояли друг против друга две группы обыкновенных людей, одни голые, другие в нелепых хэллоуинских костюмах, и ни одной живой душе не хотелось здесь находиться. Мы вопреки своей воле исполняли роли, назначенные нам неким сумасшедшим режиссером под названием «система». Я видел, что все находящиеся в комнате копы охотно свалили бы куда-нибудь подальше, занялись любым другим делом, только бы не торчать здесь. Но им приходилось заглядывать нам в задницы и готовить нас к рассадке по клеткам.

В один особенно напряженный момент мне захотелось натянуть белье, подойти к ближайшему полицейскому и сказать: «Слушайте, ребята, хватит валять дурака», и мы смогли бы поговорить как нормальные люди, живущие в одном и том же городе и страдающие от одних и тех же проблем. Может быть, у этого копа есть дети, которым под угрозой выселения приходится

выплачивать студенческий кредит в четверть миллиона баксов. А может, он сам, молодой парень, вынужден жить с родителями и копить деньги на погашение кредита.

Но заветный миг подошел к концу. Нашу одежду тщательно ощупали и перетрясли, после чего разрешили облачиться в нее. И опять заковали в наручники. Я тихо молил всех богов, чтобы на меня не надевали ножные кандалы, и уже было подумал, что избежал этой участи, как вдруг коп, принимавший меня, вспомнил, что ноги у меня были связаны, и потянулся к поясу.

— Не надо, — взмолился я. — Это совсем не обязательно.

Он сделал вид, будто не слышит, схватил меня за ногу и начал стягивать пластиковой лентой.

— Послушайте, уважаемый. — Я откровенно подлизывался, скулил и ненавидел себя за это. — В этом нет никакой нужды.

Он поднял на меня глаза и хмыкнул.

— Раз тебя заковали, значит, заслужил. Не мое дело разбираться, пора тебя расковывать или не пора.

Я крепко зажмурился. Этот тип не имел понятия, за что меня заковали, но, на его взгляд, если заковали, значит, было за что. Том давным-давно

ушел, и инспектор, спасший меня, тоже. Я представил себе, как тащусь в ножных кандалах в суд, предстаю перед судьей, и мне отказывают в освобождении под залог, потому что я опасный преступник, которого следует держать связанным по рукам и ногам.

Я заковылял из конторы в главное здание. Огромное помещение было сплошь уставлено клетками, между которыми, насколько хватало глаз, тянулись коридоры. Клетки были сделаны из металлической сетки, натянутой на железные шесты, а шесты эти через равномерные промежутки привинчивались к полу и потолку, разделяя пространство на крохотные курятники. Каждая клетка запиралась на электрический замок, внутри на самом виду стоял биотуалет и сидели мрачные узники. Мужчин держали по одну сторону центрального прохода, женщин — по другую.

Копы разводили нас по клеткам, строго следуя инструкциям, поступающим с экранов упрочненных, тактических карманных компьютеров. По-моему, тактические модели — самое скучное направление современной технической моды. Некоторых пленников запихивали в битком набитые клетки, другие же оказывались чуть

ли не в одиночестве. Несколько клеток стояли пустыми. Трудно сказать, каков был алгоритм нашего распределения, но его создателям явно не откажешь в чувстве юмора.

Я очутился в полупустой клетке и порадовался, что руки у меня скованы впереди, потому что сумел наконец отлить мочу, которая уже несколько часов рвалась на свободу. Уселся на открытый всем взглядам унитаз, сгорбился, чтобы хоть как-то укрыться, потом, повозившись, натянул трусы и штаны.

В следующие несколько часов клетка заполнилась. Да-да, часов, вы не ослышались. Время потекло дальше. Кажется, мы проторчали тут целый день, хотя трудно сказать, ведь дневной свет сюда не пробивался, а часы и мобильники у всех отобрали. Я познакомился кое с кем из своих соседей. Один парень попробовал включить «народный микрофон» и произнес небольшую речь о том, какая это подлость — держать нас за решеткой, а заодно призвал копов соблюдать закон и разрешить нам положенные телефонные звонки, накормить и дать воды. Из других клеток ему ответили аплодисментами, а полицейские сделали вид, будто не слышат.

Время текло, как липкая патока.

* * *

В тюрьму то вводили новых пленников, то выводили, и это тянулось так долго, что я перестал обращать внимание. Я проголодался, хотелось пить, унитаз переполнился и мерзко вонял, из него сочилась тошнотворная химическая жижа, из-за которой свободного места в камере стало еще меньше. Через какое-то время я заметил, что вокруг стало тише и просторнее. Уходило больше народу, чем приходило. И они уже не возвращались. Значит, куда-то их все-таки уводят, возможно, разрешают позвонить по телефону и встретиться с адвокатом.

Наконец пришли и за мной. Копов было двое. Один разрезал мне пластиковые стяжки на ногах, чтобы я мог идти. Проходя по коридору, я заметил, что почти все ближние к выходу клетки стоят пустые. Внутри шевельнулась надежда, вспыхнула искрой где-то в животе среди голодного урчания и липкой жажды.

Мы пришли в ту же контору, где меня обыскивали. Женщина-полицейский, немолодая чернокожая, снова сняла у меня отпечатки пальцев, всмотрелась в экран, что-то напечатала, ничего мне не сказала. Это и к лучшему, потому

что я постоянно забывал, что не должен говорить ничего, кроме одной фразы: «Я требую присутствия адвоката».

Она кивнула своим подчиненным, те взяли меня под руки, повели к двери и вытолкнули наружу. Я очутился под холодным серым небом, под моросящим дождичком. На другой стороне улицы стояли тысячи демонстрантов с плакатами и что-то скандировали. Полицейские подвели меня к обочине и отпустили.

— Свободен, — сказал один.

— Чего? — не понял я.

— Иди, — сказал другой. — Свободен.

— А как же обвинения?

— Какие еще обвинения? Хочешь, чтобы мы тебя в чем-нибудь обвинили?

После всего пережитого меня просто отпускают на все четыре стороны. В глубине души мне хотелось воскликнуть: «Нет уж, предъявите мне обвинения, как положено. Иначе какого черта вы меня держали? Это что, незаконный арест?»

Демонстранты по ту сторону улицы были страшно злы. Теперь я понимал почему.

— Какая же хрень тут у вас творится, — с чувством произнес я.

Лица копов мгновенно замкнулись. Но я стоял

на месте. Было страшно до чертиков, но я стоял. Пусть меня хватают, пусть заковывают в цепи, арестовывают, сажают в тюрьму, пытают водой, пусть тащат в суд, признают виновным, приговорят к пожизненному заключению. Все это чертова хрень, и я имел полное право заявить так.

Мы впились друг в друга взглядами, как псы, готовые подраться. На той стороне улицы стало тише, потом люди опять зашумели. Краем глаза я заметил, что многие достают камеры и перемещаются ближе ко мне. Копы, наверно, тоже их заметили. Один из них повернулся и зашагал прочь. За ним ушел и второй.

Меня трясло, кулаки сжались так, что ногти до крови вонзились в ладони.

Демонстранты похлопали меня по спине. Кажется, они сообразили, чего мне сейчас больше всего хочется. Передо мной вырос накрытый стол — кто-то догадался принести чуть ли не тонну еды. Чечевица, рис, сэндвичи с джемом и арахисовой пастой, горячая пицца. Человек пять спросили, есть ли у меня деньги на проезд до дома и не нужно ли показать меня врачу.

Я сел на обочину среди галдящей толпы и уплел примерно десять тысяч калорий. Жевал как заведенный и остановился, только когда кончилась

еда. Потом встал, отряхнул грязь с одежды и побрел домой. Как я туда добрался, не помню.

Глава 14

На пороге меня встретили папа и мама. На них лица не было. Я попытался обратить все в шутку:

— Пора бы уже и привыкнуть.

Но на последних словах мой голос дрогнул, и они стиснули меня в крепких объятиях. Они давно догадались, куда я подевался, а потом позвонили на мой номер. Там ответила Далия. Она подтвердила догадку и рассказала обо всем, что случилось в автобусе. Мама с папой залезли в кредиты и наняли адвоката, чтобы он выяснил у полиции мою судьбу. Однако адвокат оказался одним из многих сотен занимавшихся подобными делами, и родители не догадывались, что меня выпустили, пока я сам не приковылял к дверям.

Я уже лет сто мечтал принять душ. Тысячу лет мечтал выспаться. Но первым делом хотел отыскать Энджи.

— Она вернулась домой десять часов назад, — сообщила мама. — Но, по словам ее матери, сразу отправилась на птицеферму.

Этим изящным словом журналисты окрестили

место, где нас всех держали. Оно находилось на юге Сан-Франциско. На снимках, начавших появляться в сети, эти ряды клетушек и впрямь напоминали гигантский курятник.

Наверняка Энджи встречала меня у ворот, а я не разглядел ее в толпе. Как, черт возьми, люди жили до появления мобильных телефонов?

— Можно позвонить с твоего телефона?

Мама протянула мне его, и добрую пару минут я отыскивал в затуманенном мозгу номер Энджи — он уже много лет стоял у меня под номером 1 в списке быстрого набора.

— Вы что-нибудь слышали о нем? — спросила она, едва сняв трубку.

— Типа того, — ответил я.

— Где ты пропадаешь?

— Дома.

— И что ты там делаешь?

— Собираюсь впасть в эстивацию, — отозвался я. Эстивация — самое подходящее слово, оно означает «спячка», то есть «продолжительное состояние бездеятельности или сна». Именно то, о чем я мечтаю.

— Погоди, сейчас приеду. Как ты посмел выйти из тюрьмы, пока я тебя не нашла?

— Ну и подлец я. Прости, дорогуша.

— Помойся, почисти перышки, надушись и ложись в постель. Буду через тридцать пять минут.

— Есть, кэп.

Воссоединение — вот в чем я сейчас нуждался больше всего. И оно было жарким. Нам обоим выпало немало мучений. Энджи попала под газовую атаку и под ноги бегущей толпы, ее арестовали и освободили. Ее история отличалась от моей лишь небольшими деталями. Почти до самого конца рядом с ней был Лемми — им каким-то чудом удалось не потерять друг друга в толпе. Когда началась давка, Лемми мощным рывком поднял Энджи над головой и держал на руках, словно заправский циркач. Они снова встретились только после освобождения, и Энджи обещала ему позвонить, как только отыщет меня.

Мы долго болтали, обнимались, целовали друг друга в ушибленные места, перешептывались, и в конце концов нас сморил сон.

* * *

На следующий день я пошел на работу.

Попробовал бы я ее прогулять. На дворе стоял вторник, приближался день выборов, и кто-то должен был обеспечить победу Джозефа Носса, и этим человеком был я. По дороге я сотню раз

порывался достать телефон: то поставить себе напоминалку, то послать сообщение Энджи — она до сих пор спала в моей постели, первая лекция у нее начиналась только после обеда, — то проверить прогноз погоды на вечер, то посмотреть, что пишут в твиттере. И каждый раз, наткнувшись на пустой карман, вспоминал: «Черт возьми, я же потерял телефон». Надо будет, придя на работу, позвонить Далии с ноутбука и договориться о возврате. Потом в голове мелькала мысль: «Надо поставить себе напоминалку об этом, где же мой телефон?» И все начиналось сначала. До того смешно, что я даже посмеяться забыл.

Дойдя до штаба Джо, открыл дверь и замер на пороге. Что-то было не так. Я не сразу сообразил, что же тут изменилось, потом дошло.

Все взгляды были устремлены в мою сторону.

Сотрудники, все до единого, уставились на меня, и в округлившихся глазах светился восторг пополам с ужасом. Я смущенно помахал им, снял куртку, направился к своему столу, плюхнулся в кресло, достал Зверя Колченогого, подсоединил к нему монитор, клавиатуру с мышкой и начал вводить пароль для подключения к сети и к облачным дискам. В штабе стояла практически полная тишина, и она так действовала на нервы,

что я дважды ошибся, пока набирал пароль.

Потом я приступил к повседневным будничным процедурам, с которых начинался каждый рабочий день: загрузил электронную почту, заглянул во все журналы серверов и проверил контрольные суммы, запустил собственное резервное копирование. Эти рутинные операции я мог выполнять даже в полубредовом состоянии.

Из этого полусонного рассеянного забытья я вышел всего через несколько минут. Схватил мышку и стал заново открывать только что закрытые окна браузера, колотя по Ctrl-F12 с такой силой, что пружины под клавишами жалобно похрустывали. А я все стучал и стучал.

Тогда я встал из-за стола, обвел взглядом устремленные на меня глаза и спросил:

— Будьте добры, объясните мне, что, черт возьми, происходит!

* * *

Все сотрудники дружно, как один, обернулись к Лиаму. Тот встал и подошел к моему столу.

— Кофе хочешь? — предложил он.

До меня дошло, что вот этого-то я и хочу, хочу так, как никогда еще ничего не хотел в этой чертовой вселенной. Я покорно поплелся вслед за

ним в Долорес-парк, купил у турка чашку кофе с собой и целый термос на будущее. Мы уселись на скамейку, Лиам терпеливо дождался, пока я выпью первую чашку и налью еще одну. Потом приподнял бровь, беззвучно спрашивая, готов ли я выслушать его. Я кивнул.

— Утром в понедельник Джо пришел в штаб злой, как огнедышащий дракон. То и дело спрашивал, где ты, требовал, чтобы Флор позвонила тебе, а я написал. Ему очень хотелось поговорить с тобой о чем-то, но разыскать тебя он так и не смог и поэтому вызвал меня. Сказал, мол, у тебя есть компьютер, интернет и все такое прочее, имеешь ли ты доступ к нашей, как он выразился, «веб-штуковине». Ну, я знал, где ты держишь конверт с администраторскими паролями, так что не покривив душой ответил «да». Тогда он рассказал о твоей идее, которую ты предложил на демонстрации. Насчет того, чтобы выложить все эти даркнетовские документы. У него в голове не укладывалось, что все эти люди вышли на улицы Сан-Франциско, чтобы выразить возмущение вычитанными там сведениями, но при этом ни одно крупное информационное агентство не опубликовало ни строчки и ни один политик не высказался по этому поводу. По его словам, ни де-

мократы, ни республиканцы не хотят разжигать в обществе мысли о том, насколько коррумпирована вся политическая система, как легко покупаются политики и какие подлости творятся в калифорнийском Капитолии. Джо размышлял об этом все выходные и решил, что набрел на ту самую тему, которая выгодно выделит его среди обычных кандидатов. Флор попыталась возразить, но ты сам знаешь, как он упрям, когда уверен в своей правоте. А сейчас он уверен. Поэтому он попытался изложить мне суть твоей идеи. Какая-то система привлечения избирателей или вроде того. Но толком объяснить ничего не смог. Я послушал немного и сказал: «Знаете, я могу за пару часов скачать все даркнетовские документы и выложить их на наш сайт, но понятия не имею, как сделать все остальное. А если попытаюсь, то, скорее всего, пробью огромную дыру в нашей защитной системе, и любой хакер обрушит наш сайт секунд за десять и заменит все материалы фотками пенисов».

Я поморщился.

— И что он ответил?

— Сказал, что готов скорее просить прощения, чем спрашивать разрешения, и велел просто выложить все документы, а об остальном, мол,

он позаботится сам. Сразу же вызвал всю нашу пресс-группу и велел проверить, выдержит ли наш сайт, если скачивать документы начнут сразу миллионы пользователей. Ну, я сказал, что, наверное, пожалуй, да. То есть я знаю, что мы работаем на облачной машине, которая при необходимости может расширяться. Попытался позвонить в дата-центр, но не знал твоей кодовой фразы, поэтому они сказали только, что их серверам ничто не страшно, они выдержат, даже если туда нагрянет одновременно вся Калифорния.

— И она действительно нагрянула?

Журналы сервера показывали, что за ночь у нас было больше миллиона одновременных подключений и их число постоянно увеличивалось.

— Нет, — ответил Лиам. — Хуже. То есть больше. Множество запросов поступает из-за пределов штата. Такими темпами к нам в гости скоро пожалует весь мир. Ты новости-то видел? Вчера об этом говорили по всем каналам, а через десять секунд после прямого эфира выложили в твиттер. Мы все ждали, что ты придешь и выполнишь полноценную аналитику. Я пытался, но… — Он пожал плечами. — Я тебе в подметки не гожусь.

Я вздохнул. Очень, очень глубоко.

— Меня держали в каталажке.

— Я так и понял, — отозвался Лиам. — Эта теория была преобладающей. Сегодня Джо собирался пойти к твоим родителям, если ты не появишься. Кстати, что у тебя с телефоном? Я звонил раз триста.

— Долго рассказывать. — Интересно, почему Далия перестала отвечать на звонки. Может, откликалась, только если на определителе высвечивалось «Мама», и игнорировала все остальное. А может, батарея села. В этом случае я не получу свой мобильник обратно, пока она сама со мной не свяжется. Красота. — Где Джо?

— Дает пресс-конференцию для «Рутстрайкерс». Это группа активистов, которая противостоит попыткам заработать денег на политике. Их твоя тема очень воодушевила.

— Гм. — Я еще раз обдумал услышанное. Строго говоря, они взяли мою идею, воплотили ее в жизнь, и она сработала. По крайней мере, на данный момент. Стало интересно, долго ли она продержится, но, подумав, я решил, что это не мое дело. Моя задача — поддерживать веб-сайт в рабочем состоянии, пока Джо выступает перед публикой. В моих жилах заструился кофе, и густая вялая кровь стала подвижной как ртуть. Пора браться за технологические проблемы. Это

у меня хорошо получается.

Но сначала я все-таки спросил:

— А как моя вторая идея? Насчет виртуальной машины для привлечения избирателей?

— А, это, — протянул Лиам. — Джо пытался мне о ней рассказать, но я так ничего и не понял. Что-то вроде программы, которая копается в твоих социальных контактах?

— В целом верно. — И я пересказал ему свой замысел.

— Ого! — восхитился он. — Грандиозно. Кроме того, эта штука пригодится в процессе принятия решений, например в других крупных избирательных кампаниях. Или проводить опросы на втором туре выборов — посмотреть, что надо сделать. Замечательно. Этим мы тоже займемся?

— Не знаю. Если сможем найти время. Даркнетовские документы гуляют по сети, и в первую очередь надо заниматься ими.

Странное дело: я был с головой погружен в даркнетовские дела, но все-таки меня гораздо больше занимала идея с машиной для привлечения избирателей. Хотелось сосредоточиться только на ней. Надо бы выкроить время и заняться ею.

* * *

Но в первую очередь следовало усилить нашу инфраструктуру.

Первым делом я решил раскидать наши данные по максимальному числу облачных серверов. Моя предшественница оформила нам хостинг в облаке «Амазона», стойкого и несокрушимого, как крепость. Эта колоссальная сеть окутывает весь земной шар. В бесчисленных дата-центрах гудят нескончаемые ряды шкафов, начиненных электроникой, среди них прогуливаются в лабораторных халатах маги и чародеи, способные за две минуты диагностировать и заменить любой неисправный компонент. Эти центры связаны друг с другом оптоволоконными кабелями толщиной с мою руку и охлаждаются исполинскими кондиционерами, парниковые выбросы которых сравнимы с углеродным следом большого города. «Амазон» — прекрасный вариант, если вы хотите, чтобы ваши серверы оставались доступными независимо от их популярности.

Однако если вы опасаетесь, что за вами вот-вот явится полиция, держитесь подальше от «Амазона». Дело в том, что полицейские не дают себе труда разобраться, каким образом извлечь

данные одного-единственного клиента из целой глобальной сети. Если вы со своими данными хоть немного заинтересуете копов, то в любой момент некое облеченное властью лицо позвонит амазоновским юристам и скажет: «Мы ведем расследование в отношении одного из ваших клиентов, но не знаем, как получить его данные с ваших серверов, поэтому завтра пришлем пару больших фур и вывезем все ваше оборудование. Оно останется у нас, пока мы не закончим следствие». Или, как выразился бы Крестный отец, «Хорошее облако; будет жаль, если с ним что-нибудь случится».

«Амазон» очень богат, поэтому им есть что терять. Они были идеальной площадкой для нашего милого скучного сайта избирательной кампании, но в качестве эпицентра новой информационной войны никуда не годятся. Однажды в Нойзбридже я прослушал семинар от хакеров, работавших в «Торе», и они перечислили сразу несколько дерзких облачных провайдеров, которые нас охотно приютили бы. В этом списке были и проекты эксцентричных чудаков, помешанных на свободе слова, и плоды творчества хакерских клубов, и сомнительные сервисы, стоящие одной ногой в порноиндустрии, а другой — в организованной

преступности. Эти сервисы не принимали оплату кредитными картами, потому что их заблокировали все, кто мог, от «Американ Экспресс» до «Визы», «Мастеркарда» и «Пейпала». Им остались доступны только банковские переводы, платежные поручения от «Вестерн Юнион» и прочие нелепые экзотические способы. Я схватился за голову и пошел поговорить об этом с Флор.

Честно говоря, мне было страшновато попадаться на глаза нашей главной управляющей. Я прекрасно помнил, как она настрого запретила «эти ваши хакерские штучки», и подозревал, что она на меня взъярится. Но я недооценил, как меняется дело, если идея исходит от самого Джо. Они с Флор могли спорить хоть до хрипоты, но, как только Джо побеждал в споре, Флор начинала поддерживать его на все сто процентов. Она, как и все мы, была готова идти за ним в огонь и в воду, поэтому, стоило объяснить ей, почему мне вдруг понадобилось брать корпоративную кредитку, идти с ней по улице в винный магазин и переводить деньги через «Вестерн Юнион» какому-то неведомому типу — я даже не знал, где он живет, — она сразу согласилась.

— Только я сначала сама поговорю с ним, — сказала Флор.

Я недовольно насупился, будто в школе, когда родители желали посмотреть мою домашнюю работу, — как-никак поиски надежного веб-хостинга входили в мою компетенцию. Но Флор поговорила с выбранным мной провайдером по телефону, обменялась несколькими сообщениями и быстро выторговала условия гораздо лучшие, чем сумел я, включая тридцатидневный льготный период и круглосуточные звонки в техническую поддержку.

— Кажется, он мальчик хороший, — заявила она, накинула куртку, подхватила сумочку и самолично направилась по Мишен-стрит искать офис «Вестерн Юнион».

* * *

Джо вернулся в штаб ближе к вечеру, как раз когда я заканчивал переход на новый хостинг. Для большей безопасности я организовал два резервных облака, на которые можно было в случае чего переместиться, причем одно из них находилось где-то в Центральной Азии, в стране, о которой я и не слыхивал. Флор отправила еще два денежных перевода, а я набросал скрипты, которые будут поддерживать все облака в синхронном состоянии. Заодно я не поленился

зарегистрировать несколько вариантов нашего домена joenossforsenate.com, в том числе. se (Швеция) и. nz (Новая Зеландия), рассудив, что если кто-то захочет опрокинуть нашу американскую версию, то для этого существует два способа. Один — просто прижать Verisign, компанию, управляющую всеми доменами. com, и второй — натравить на нашу DNS две страны на других концах планеты, с совершенно разными юридическими системами. И второй способ гораздо сложнее.

Джо выслушал мой доклад и торжественно кивнул:

— Маркус, я с самого начала знал, что ты тот, кто нам нужен. Благодарю тебя за огромный труд, вложенный в наше дело. Теперь обсудим другой вопрос. Флор говорит, ты побывал за решеткой. Тебя держали на птицефабрике?

Я не смог выдавить ни слова, лишь кивнул. На глазах выступили слезы.

Обычно Джо выглядел — как бы получше выразиться — образцовым государственным деятелем. Из тех, кто знает, что его могут сфотографировать в любой момент, он к этому готов и на снимке будет неизменно выглядеть так, словно погружен в раздумья о судьбе народа и намерен вести свою страну в правильном направлении. Но сейчас на

его лице отразилась вспышка гнева, какой я раньше не видел. Он стал похож на ветхозаветного пророка, насылающего проклятия на строптивое племя, сбившееся с пути истинного. Впечатление усиливалось тем, что причиной этого гнева были мои злоключения, и от этого я проникся к Джо еще большей симпатией.

— Маркус, — заговорил он. — Я несколько раз проходил по тем кварталам. Видел, какие жестокости творятся именем общественного порядка и сохранения спокойствия. Но преднамеренность того, что было сотворено с тобой и с остальными, жесткий милитаризованный характер тех действий… — Он покачал головой. — Могу сказать только одно: этого терпеть нельзя. Полиция Сан-Франциско заранее готовилась к протестам, закупала дроны со слезоточивыми газами и превратила огромное здание в центр предварительного заключения. Так не должно быть. И не будет. Ты наверняка слышал, что против городских властей подано множество коллективных исков. — Я не слышал, потому что весь день занимался упрочнением нашей инфраструктуры. — Как человек, много лет проработавший в органах городской власти, я не стану тебя винить, если ты тоже выступишь с таким иском.

— Спасибо, — отозвался я. Комок в горле уже рассосался, Джо снова принял свой привычный «государственный» вид. Мы вернулись к тому, с чего начали.

— Теперь поговорим об этих документах. Прости, если обошел тебя, усадив Лиама за эту работу в твое отсутствие. Он сказал, что не сможет справиться так же хорошо, как ты, но для нашей цели своевременность важнее совершенства. После протестов эти документы вызывают огромный интерес, и мне подумалось, что мы, если поторопимся, сможем обратить этот интерес себе на пользу.

Он что, извиняется передо мной?

— Сэр, это ведь ваша избирательная кампания. Вы можете вести ее как считаете нужным, не оглядываясь на меня.

Он улыбнулся:

— Да, конечно. Но я нанял тебя для конкретной задачи, и мои недавние действия могли усложнить для тебя ее выполнение.

Я лишь махнул рукой:

— Я и правда не возражаю. Но хотя бы получается?

На миг в Джо опять вселился бес. В глазах блеснул радостный огонек.

— Еще как получается. За последние двадцать четыре часа я получил больше эфирного времени, чем за всю кампанию. Всем хотелось узнать, как связаны воскресные события и опубликованные нами документы. Мы едва успевали отвечать на запросы активистов, желающих стать официальными волонтерами избирательной кампании, прочесать все массивы данных и выяснить, что в них скрывается. Я заходил всего несколько раз в день, но, судя по тому, что я слышал, нашим калифорнийским законодателям, да и всей остальной стране есть о чем подумать. Мой консультативный комитет долго возмущался, один из советников предпочел уйти. Они беспокоились, и небезосновательно, что факты из этого архива дадут основание для привлечения нас к ответственности. Я попытался объяснить Лиаму, что ты об этом думаешь, но… — Джо развел руками.

— Знаю. Он мне рассказывал. — Я успел немного поразмышлять над своей идеей. — Думаю, я сумею это организовать. Как раз хотел сегодня ночью соорудить что-то вроде системы модерации, которая будет показывать пользователям только проверенные документы. Волонтеры нам пригодились бы, чтобы быстро просмотреть то, что осталось, если, конечно, вы им доверяете. И

чтобы направить позитивную энергию в нужное русло, надо построить машину для привлечения избирателей.

— Доверяю, — ответил он. — Уверен, они прекрасно справятся. Но, Маркус, подумай о себе. Ты побывал за решеткой, хлебнул ядовитого газа, тебя били. После всего этого, думаю, тебе не стоит засиживаться за работой до утра.

— Да ничего страшного, — пожал плечами я. — Мне уже доводилось работать ночами напролет, и…

Он поднял руку, и я умолк.

— Сформулируем иначе: как твой работодатель я не желаю, чтобы ты трудился над моим заданием, пока не выспишься, не повидаешься с близкими и не начнешь восстанавливаться после травмы. Это не просьба, Маркус, это приказ.

В глубине души какой-то чертик хотел было возразить, но я велел ему заткнуться.

— Да, сэр.

— Вот и умница, — кивнул Джо. — Но если ты вечером захочешь немного задержаться и утром придешь на работу чуть-чуть пораньше, это не останется незамеченным.

— Да, сэр.

— Вот и умница, — повторил Джо.

* * *

Мама и папа отнеслись ко всему случившемуся с удивительным спокойствием. Я раз шесть пытался позвонить на свой старый телефон по скайпу, но Далия не отвечала. В конце концов я сдался, позвонил на него напрямую и забрал с автоответчика всю голосовую почту — чуть ли не миллион сообщений от мамы, папы, Энджи, Лиама, Флор и Джо. Но первыми были несколько звонков от женщины, испуганным голосом тараторившей по-арабски. Должно быть, это мама Далии до смерти перепугалась, когда разговор с дочерью оборвался так резко, и сразу перезвонила на мой номер. Потом я нашел старый мобильник, обновил прошивку и вставил предоплаченную сим-карту, купленную в «Уолгринс». На старом телефоне записал на автоответчик новый текст, призывая всех звонить на мой временный номер, пока я не обзаведусь полноценной новой симкой.

Несмотря на просьбы Джо, я все-таки поработал немного над модерацией его сайта, потому что, сколько бы он ни уговаривал, даркнет все же был моим проектом, и занимался я им не столько ради Джо, сколько ради самого себя. Я сидел за

компом, пока мускулы, ответственные за фокусировку глаз на экране, не объявили забастовку. Тогда я почистил зубы, последним усилием скинул одежду и лицом вниз плюхнулся на кровать, заваленную всякой всячиной, не обращая внимания на впившиеся в тело острые углы.

Я был уже на 99,9999 процентов на пути в страну сновидений, как вдруг глаза резко, чуть ли не со щелчком размыкавшихся век, распахнулись.

Квадрокоптер Лемми.

Мы запустили его в небо за мгновения до газовой атаки, после радиочастотного удара, когда полиция считала, что все камеры в округе выведены из строя. Я так и не успел отправить твит со ссылкой, где искать трансляцию, однако трансляция все же велась и сохранялась. Я включил ноутбук и, пошарив немного, отыскал нужный файл.

Репортаж был снят в сумрачных монохроматических тонах ночного видения, с кляксами искусственного красно-оранжевого цвета, обозначавшими людей. Полицейские выделялись ярче остальных, их руки и ноги пылали горячим красным. Интересно, может, они используют встроенные грелки для перчаток и ботинок? Момент удара радиочастотных пушек не попал

на видео, зато на нескольких фрагментах прекрасно запечатлелись дирижабли с газом. Они, словно зловещие цирковые шары, всплывали в небо, выходили на позиции и выливали на людей свой химический дождь. Он серой пеленой обрушивался на кричащую перепуганную толпу. Газовые атаки повторялись раз за разом, в воздух поднимались всё новые и новые дирижабли, заливая улицы волнами ядовитых брызг.

Я пережил газовую атаку, стоя на земле, но ни разу не видел ее в таком ракурсе, как сейчас. Видел, как тысячи и тысячи американцев — молодые и старые, дети и родители — задыхались, падали, корчились, бились в судорогах, блевали, вопили. Да, я знаю, на свете происходят вещи и похуже. На города падают бомбы, по траншеям расползается горчичный газ, пулеметные очереди косят людей сотнями.

Но этот ужас происходил здесь. В Америке, в Сан-Франциско. В двадцать первом веке. Я там был, в той толпе. И могу подтвердить: все так и происходило.

Тем не менее жизнь продолжалась. Мир не остановился. Никто не заявлял: «Отныне все будет по-другому». Никто не пытался вспомнить двадцать четвертое сентября, «день, когда все

переменилось».

Если бы какая-нибудь чужая страна, какой-нибудь религиозный террорист атаковал слезоточивым газом тысячи американцев на улицах Сан-Франциско, то правительство не мешкая учредило бы множество новых агентств, которые из кожи вон лезли бы, чтобы доказать, что такие страшные преступления «больше никогда» не произойдут «на американской земле». Тогда почему все готовы мириться с тем, что газ, которым нас травят, куплен на средства, отданные нами же на уплату налогов?

Мне захотелось выложить эту запись в сеть, но я понял, что на все рутинные операции — создать в даркнете еще один сайт, привлечь к нему внимание публики — у меня уже не хватит сил. И только я собрался лечь обратно в постель, как вдруг меня осенило: на этот раз мне не надо ничего делать в даркнете. Видео принадлежит нам — мне и Лемми. Кем и где оно записано — никакой не секрет. Красота. Его можно запихнуть куда угодно, хоть на ютьюб. Даже с собственного аккаунта! Я так привык действовать в тайне, что успел забыть, что иногда секретность вовсе не нужна.

Я выложил видео в интернет-архивы, на ютьюб

и для полноты картины закинул торрент на «Пайрет-Бэй». Написал небольшой пояснительный текст о том, что видео снято на демонстрации после применения радиочастотного оружия, добавил его к видео, выложил и со спокойной совестью нырнул под одеяло.

* * *

Энджи разбудила меня в шесть часов утра, позвонив на новый телефон. Накануне вечером, настраивая его, я забыл выставить беззвучный режим до семи утра, поэтому ни свет ни заря громкий трезвон ввинтился мне в уши и безжалостно выдернул из страны снов.

— Доброе утро, зай, — пробормотал я.

— Мог бы сказать мне, что у тебя есть видеозапись газовой атаки, — сразу приступила к делу Энджи.

— Забыл, — ответил я, еще не до конца проснувшись.

На том конце линии наступило долгое молчание.

— Забыл?

— Забыл, что оно у меня есть.

Еще одна пауза.

— Ну ладно. В других обстоятельствах отмазка

была бы слабоватая, но в последнее время у тебя было много других забот. Так уж и быть, на первый раз прощаю. И все-таки какого черта?

— Об этом уже говорят?

— Видео набрало миллион просмотров на ютьюбе, потом его снесли. Архивная версия еще держится, торрент раздают около тысячи человек.

— Снесли, говоришь? — Я попытался найти в глубинах души хоть каплю наивности, которая удивилась бы, узнав, что у полиции есть возможность удалять неугодные файлы.

— Временная приостановка. Так сказано на странице ютьюба, — пояснила Энджи. — Полагаю, тебя сегодня навестит судебный пристав.

— Что? Они предъявят обвинение? Мне?

— Конечно, — ответила Энджи. — Забыл? В закрытой зоне запрещено вести съемку.

В новостях из года в год появлялись рассказы о том, что полиция объявила те или иные места «закрытой зоной», потому что там проводится «важная операция», и прессу туда не допускали.

— Ага, так прямо и закрытая. Суды уже не раз постановляли, что пресса имеет право заходить в закрытые зоны.

— А ты что, пресса?

— Ну, мое видео посмотрели миллион человек. Я бы сказал, да.

Я услышал, как на другом конце линии она улыбается.

— Я с тобой согласна. Но ты сумеешь убедить в этом судью?

— Угу, — отозвался я. — Вот этим и займусь. Сразу, как организую избрание Джо Носса в сенат. Подам иск против полиции Сан-Франциско за произвол и незаконные задержания, а заодно спасу двух человек, которые мне не очень нравятся, из когтей безжалостной банды международных наемников.

— Тебя послушать, так это ужас как трудно, — сказала Энджи. — Смелей! Ты же M1k3y!

— И надо перенести мой телефонный номер на эту новую симку.

— Ага, а это уже совсем невыполнимо. Телефонные провайдеры мышей не ловят. Как хорошо, что у тебя есть я.

— Очень хорошо, — подтвердил я. — Очень.

После этого я занялся программами для Джо. Целый день на меня дождем сыпались электронные письма от репортеров, в том числе и тех, кого я знал со времен своей бытности M1k3y. Они просили лицензию на публикацию «моего»

видео в своих информагентствах. Я только смеялся и отвечал: «Да какая, к черту, лицензия, все выложено в сети». Такой ответ вполне удовлетворял «Аль-Джазиру», «Раша Тудей» и «Гардиан», но все крупные американские медиакомпании требовали от меня подписать бланки разрешения на публикацию, в которых говорилось, что, если кто-нибудь предъявит им иск за демонстрацию видеоролика, то они будут иметь право выдвинуть претензию мне за то, что разрешил им сделать это. Все эти «контракты» неизменно прилетали в виде нередактируемых PDF-файлов, чтобы я не смог удалить обвинительные пункты. Получив первые три письма, я просто открыл PDF-файлы в графическом редакторе и замазал почти все содержимое большими черными квадратами, оставив только пункты, в которых разрешаю им опубликовать видео. После этого вставил внизу свою подпись, вписал дату и отправил обратно. А потом перестал заморачиваться. Впоследствии обратил внимание, что почти все медиаканалы, которым я дал разрешение, выпустили мое видео в эфир, иногда снабдив мелкими субтитрами «Предоставлено Маркусом Яллоу», но чаще просто впечатав поверх картинки свой огромный логотип с подписью «Все права защи-

щены». Глядя на это, я возмущенно хохотал.

* * *

В два часа ночи мой новый телефон зазвонил снова. Я, как последний идиот, опять забыл поставить бесшумный режим.

— Энджи, — буркнул я. — Имей совесть, ночь на дворе. Я тебя, конечно, люблю…

— Мы тоже тебя любим, M1k3y, — заговорил очередной преобразователь текста в речь. На сей раз голос был женский и изъяснялся с рваным австралийским акцентом.

— До свидания, — бросил я.

— Ты так ничего и не сделал насчет Кэрри Джонстон, — вступил в разговор другой голос, мужской, говоривший словно мастер Йода.

— Вы позвонили, чтобы сообщить это? Без вас знаю.

— От тебя зависят жизни Маши и Зеба, — снова заговорил женский голос. Интересно, сколько человек на том конце линии. Двое? Вполне мог быть и один. Или одна женщина. А может, сто человек редактируют одну страницу в групповом режиме и заливают результаты в речевой преобразователь.

— Я сделал все, о чем просила Маша, и даже

больше. Если хотите спасти ее, действуйте сами.

— Мы послали тебе компромат на Джонстон, — напомнил мужской голос.

— Верно.

— Ты его хоть посмотрел? — спросил новый голос, неестественно басовитый, как у гигантской мультяшной лягушки. Говорил он с техасским акцентом.

— Нет, — соврал я.

— А надо было. Джонстон — очень дрянная девчонка. Ты мог бы рассказать об этом всему свету. И платформа у тебя есть. Особенно сейчас.

Я сел на кровати.

— Слушайте. Я не принимаю советов от анонимных незнакомцев. Если у вас есть что мне сказать, скажите в лицо. Легко сидеть в подвале родительского дома и требовать, чтобы я рисковал жизнью. Но, по-моему, вы просто шайка извращенцев, которые ловят кайф, шпионя за другими.

— Ах, сколько драмы, — заговорил австралийский акцент. — Мы принесли тебе Джонстон на блюдечке с голубой каемочкой. У тебя есть домашние адреса всех, кто ей дорог, номер карточки социального страхования, имена бывших мужей, история всех ее преступлений, адрес

клиники, в которой ее папаша приходит в себя после очередного наркомарафона. Выложи все это в сеть и полюбуйся, как быстро она прибежит договариваться.

— С какой стати она будет со мной договариваться уже после того, как я выложу все ее секреты?

— Потому что, — ответил голос Йоды, — она не знает, какими еще секретами ты владеешь. Мы же говорили, мисс Джонстон очень дрянная девчонка. Помнишь, как мы взломали тебе комп? А если узнаешь, сколько еще компов мы крякнули, диву дашься.

Я застонал и подтянул колени к груди.

— Ребята, если вы такие продвинутые, то зачем вам нужен я? Почему не угробите Кэрри Джонстон сами?

— Мы этим и занимаемся. А ты, Маркус, наш инструмент в сем благородном деле. Ты — идеальное оружие для уничтожения одного из самых мерзких существ на Земле. Гордиться должен.

Я повесил трубку.

* * *

Вот и попробуйте уснуть после такого звонка. Я уже начинал изучать персональные данные

Кэрри Джонстон, провел несколько часов, всматриваясь в них как загипнотизированный, но потом события завертелись с неимоверной быстротой. Меня отравили газом, побили, заковали, швырнули в кутузку, а выйдя оттуда, я погрузился в бурный рабочий водоворот. Разумеется, после всего этого подробности доксов вылетели у меня из головы. Да и прочитать я успел не так уж много. Файлов были тысячи. Сброшенные мне материалы напоминали миниатюрную, как корабль в бутылке, версию даркнетовских документов, огромную библиотеку грязных историй вперемешку с миллионами малозначительных фактов, зашифрованных файлов и странных несоответствий. Я словно стал единоличным воплощением целого Департамента внутренней безопасности. Сидел на стогу сена величиной со вселенную и выискивал в нем иголки.

Я снова погрузился с головой в компромат на Джонстон. Разговор с компьютерными голосами чокнутых анонимусов выбил меня из колеи, но при этом заинтриговал. Кэрри Джонстон снилась мне в страшных снах, и соблазн наградить ее в отместку такими же кошмарами оказался зловеще притягательным.

Из разговора я почерпнул несколько ключевых

слов для поиска. Оказывается, да, семейка у нее была отпетая. Среди файлов имелась подборка телефонных номеров и адресов. Одни из ее родичей достигли неплохого положения — дядя, например, работал судьей в Техасе. Другие прославились только тем, что побывали в реабилитационных центрах или имели бурное криминальное прошлое. Начав поиск по их именам, я обнаружил, что многие из них получали щедрые выплаты от «ЗИЗ» за «консультационные услуги». Я слабо разбирался в финансовых делах и не понимал, что это означает, но предполагал, что либо Джонстон поддерживала семью, обворовывая «ЗИЗ», либо тут крылась какая-то скользкая схема отмывания денег.

В нескольких папках лежали фотографии. Самые неприятные из них явно были сняты вебкамерой компьютера Джонстон без ее ведома. На нескольких снимках она была в пижаме или даже только в бюстгальтере, а на одной засунула палец в ноздрю аж до второго сустава. Первым делом мне захотелось унизить ее, опубликовав эти снимки. Но потом я представил себе, сколько моих фоток в подобном облике накопилось у моих «друзей» с механическими голосами. Они их наверняка выложат, если вдруг решат, что я

не на их стороне.

Файл под названием «историяпоиска. txt» содержал все сохраненные в кэше браузера слова, какие Кэрри Джонстон когда-либо вводила в поисковую систему. Я начал просматривать их и поспешно отвел глаза. Я ненавидел Кэрри Джонстон, однако не желал знать, какие именно виды рака груди ее волнуют, в каких отношениях она с антидепрессантами и чьи звездные «обнаженные снимки» ищет в сети.

Я встряхнулся, как пес, вылезший из воды, и вернулся на менее эмоциональную почву платежей от «ЗИЗ». Изучив несколько файлов на эту тему, я заметил, что во всех них встречается аббревиатура IBAN, то есть международный номер банковского счета, который необходимо указывать в денежных переводах. После этого я за несколько секунд составил список всех файлов, имеющих отношение к платежам, и принялся их изучать. Быстро обнаружил, что через Джонстон проходило очень много ЗИЗовских денег и что немалая их часть уходила в комитеты поддержки того или иного кандидата или политической партии. Может быть, ее семья тоже переправляла деньги в подобные комитеты?

Пошарив немного по сети, я выяснил, что

Джонстон предпочитала комитеты, спонсирующие политиков, предлагавших облегчить законодательство по взысканию долгов. Все встало на свои места. В даркнетовских документах рассказывались истории о том, под каким давлением находились семьи ребят, задолжавших по студенческим займам, а в доксах обнаружился дымящийся пистолет: «ЗИЗ» перечисляла деньги фондам, кормившим политиков, которые продвигали нужные законы.

Время перевалило за три часа ночи. Завтра мне предстоит работать с утра до вечера. И день будет непростым. Может случиться, что все наши серверы рухнут под натиском каких-нибудь юридических угроз, и на этот случай мне надо иметь ясную голову, чтобы починить их. Но какой тут, к черту, сон? Кого я обманываю? Буду сидеть дальше.

Я взял ноутбук, спустился в кухню, сделал себе горячий бутерброд с сыром — мое любимое полночное лакомство — и минут десять в сомнениях переминался перед кофемашиной, решая, выпить чашечку или нет. Если выпью, то уж точно до утра не усну. Но даже если не выпью, все равно до кровати не доберусь, и капелька живительного сока кофейных зерен лишь обострит мой ум.

Ну кого я обманываю? Я загрузил аэропресс и сварил чашечку двойного кофе, а вдогонку еще одну. Сел за кухонный стол и продолжил чтение. Даже к картинкам вернулся.

Вдруг на экране выскочило окошко чата. Такое бывало нечасто. Устроившись на работу к Джо, я обычно не входил в сеть под своим основным логином, оставляя для связи только тот, которого почти никто не знал.

> привет джолу
> привет ночной совенок — рад видеть что не я один бодрствую за полночь
> чего не спишь?
> ссорюсь с кайли
> ого

Я приумолк.

> то есть вы с ней…
> вроде того

Мне и в голову не приходило, что у Джолу есть романтическая личная жизнь, хотя почему бы и нет. Но Кайли? Она же старая! Нет, хронологически она была всего на пару лет старше нас. Но при этом такая взрослая. На том совещании она

держалась начальственно.

> слушай хочешь перекусить?

Первое разумное предложение, сделанное мне за эту ночь.

> еще бы
> буду через 15

* * *

В Сан-Франциско вполне можно перекусить в три часа ночи. Охотно верю, что в Нью-Йорке с этим лучше, но и у нас имелось немало подходящих заведений. Мы поехали в Тендерлойн и отыскали кафе, обставленное в ретростиле пятидесятых годов и открытое двадцать четыре часа в сутки. Публика была разношерстная: туристы, с трудом привыкающие к смене часовых поясов, проститутки, только что сменившиеся полицейские, бомжи, работяги, вкалывающие в ночную смену. И мы.

— Тебе нужно сделать что-нибудь из ряда вон выходящее, — сказал Джолу, когда я ввел его в курс дела. — То есть у тебя на хвосте висят две команды отморозков, и каждая из них хочет

подтолкнуть тебя, пытается понять, каким будет твой следующий шаг, чтобы влезть в него и направить куда им надо. Они умные, чокнутые и совершенно незнакомы с этикой. И опередить их ты сможешь, если сделаешь что-то абсолютно бессмысленное. Переедешь в Албанию. Спустишься на веревке с моста через Золотые ворота. Уйдешь в монахи-трапписты.

— Спасибо за ценный совет.

— Ну, это всяко лучше, чем «Если страшно, не молчи…».

— Этот совет еще ценнее.

— Не суди меня строго, сейчас четыре часа утра.

Мы с Джолу не впервые коротали время в круглосуточном кафе, и все ночи, проведенные в таких местах, были чем-то похожи одна на другую, вплоть до того, что многие из пьянчуг и прочих маргиналов за соседними столиками, казалось, были здесь и в прошлый раз. Трудно поверить, сколько успокоения может принести совершенно безумная ситуация — когда уплетаешь невкусный черничный пирог и вполне пристойное мороженое бок о бок с незнакомым типом, чье лицо изрисовано лопнувшими венами, будто карта Калифорнии — шоссейными

дорогами, нос поломан, а вокруг обширной талии болтается балетная юбочка. Особенно если этот тип обменивается невнятными пьяными фразами с тощим одноруким доходягой, у которого череп густо испещрен татуировками, ноги босы, а ногти блестят глиттерным лаком.

— Маркус, — вздохнул Джолу. — Я говорю серьезно. Ты вляпался в очень грязное дело, и твоя ошибка в том, что ты постоянно позволяешь другим вести тебя на поводу. А должен бы сам выбирать свой путь, и пусть другие решают, как с тобой поступить. Подумай вот о чем. У всех этих людей — и у придурков, залезших к тебе в комп, и у тех бандитов — много преимуществ перед тобой. Они организованны, у них есть деньги, их технологический уровень выше твоего.

— Еще раз спасибо, Джолу.

— Погоди. С другой стороны, им постоянно приходится совещаться, чтобы определить, что делать дальше. А ты способен решать сам за себя. Это значит, что ты можешь сделать шаг, вынудишь их всех сесть за стол и ломать голову, вычисляя, куда ты двинешься дальше, а пока они размышляют, ты пойдешь совсем в другую сторону, так что, когда они придумают свой ответ, он станет уже неактуален. У них много преиму-

ществ, а у тебя только одно — вот это. И не надо им пренебрегать.

Я задумался. И не смог найти ни одного изъяна в его логике. Но все-таки…

— И все-таки проблема остается: я не знаю, что делать.

— Первый шаг к решению проблемы — очертить ее рамки, — ответил Джолу с улыбкой мудреца. — Придумай несколько вариантов действий, более или менее независимых друг от друга, и сложи их в карман — метафорически. И тогда в мгновение ока сможешь вытаскивать нужный из них.

— И опять-таки, — упрямился я. — В теории это звучит хорошо, но мне придется придумывать не один, а сразу несколько вариантов дальнейших шагов.

— А это нетрудно, — сказал Джолу. — Опубликуй все на сайте предвыборной кампании Джо Носса, объясни, что произошло, приложи доксы Джонстон и нажми «Сохранить».

Я наморщил лоб.

— Господи, Джолу, но это же будет…

— Неожиданно, — закончил он за меня. — И дико. Немного огнеопасно, но, думаю, Джо тебя простит. А можешь передать все Барбаре

Стрэтфорд. Можешь попросить у своих друзей анонимусов все пароли Кэрри Джонстон и выложить их в сеть, пусть попляшет. Можешь прийти в ближайший офис «ЗИЗ», потребовать, чтобы они тебя арестовали, выбесить их до чертиков. Или позвонить в ФБР и сообщить о полицейском самоуправстве. Любой из этих вариантов или даже все сразу. Или что-нибудь еще.

От каждого из его предложений у меня по спине пробегала дрожь. Здорово и страшно. Выдвигать пугающие, гениальные, несусветные идеи — в этом Джолу был силен как никто. Надо скорее менять тему, пока он мне окончательно крышу не снес.

— Так, значит, ты с Кайли…

Он стукнулся лбом о стол. Дважды.

— Я болван. Во-первых, потому что у меня хватило глупости закрутить роман с коллегой по работе, во-вторых, потому что у меня хватило глупости встречаться с человеком в сто раз умнее меня. Она уже прикинула, что если наши отношения будут развиваться серьезно, то у нас останется только два пути: либо мы расстаемся и одному из нас придется уйти с работы, либо навсегда будем вместе. И хотела немедленно узнать, каким путем мы намереваемся идти, потому что,

по ее словам, было бы глупо прятать голову в песок и вгонять себя в крупную эмоциональную сцену, которая непременно когда-нибудь произойдет.

Я разинул рот. У нас с Энджи все было совсем не так. Она, конечно, моя девушка, но мы оба живем с родителями, у нее нет работы и уж тем более мы не работаем бок о бок, и мы еще никогда не размышляли над будущим наших отношений — на данном этапе нас больше волнует, как сделать американскую политику справедливой. Пока я оставался погрязшим в долгах студентом-недоучкой, Джолу каким-то образом успел стать взрослым.

— Ты что, собрался жениться?

В моем голосе звучало столько ужаса, что он рассмеялся — и не только он, а еще и какие-то чудаки за соседним столиком.

— Да брось, Маркус, мне всего девятнадцать. Рановато для женитьбы. Но я уже и не малыш. Не уверен, хочу ли я жениться на Кайли прямо сейчас, но идея бракосочетания не так уж плоха. Знаешь ли, многие люди заводят семьи.

— Знаю, — ответил я. — Но…

Я не мог подобрать слова. «Но ведь женятся только старики».

— Мои родители обручились, когда им было по восемнадцать. Как я уже сказал, не уверен, что Кайли — тот самый человек, с кем мне хочется провести остаток жизни, но склоняюсь к мысли, что да. А ты? Что чувствуешь к Энджи? Собираешься когда-нибудь расстаться с ней?

— Нет! Ни в коем случае! На прошлой неделе мы крупно поссорились, так я был готов голову о стену разбить. Даже вспоминать тошно.

— Вот видишь. Ты хочешь провести с ней всю жизнь. Только сам себе в этом не признаешься. Я неплохо знаю Энджи и, думаю, у нее в голове то же самое. А Кайли двадцать пять лет, она уже была в долгосрочных отношениях и знает, что рано или поздно наступает момент, когда надо или вытягивать рыбку, или резать леску.

— В твоих устах это звучит так романтично.

— Ни капли это не романтично — делать вид, будто не понимаешь, что хочешь связать себя с человеком на всю жизнь. Вот вы с Энджи долго собираетесь оставаться вместе? Надо бы задать этот вопрос и себе, и ей.

— Ну почему мы, с чего бы ни начали разговор, всегда заканчиваем обсуждением моих проблем?

Он ухмыльнулся:

— Потому что давать советы всегда проще, чем принимать.

— Тогда хочешь, я дам тебе совет.

— Маркус, ты один из моих самых давних друзей. Если у тебя есть совет для меня, охотно выслушаю.

— И опять я умудрился загнать себя в угол.

— Да. Вот за это мы все тебя и любим.

— Чтоб вас. Ладно, скажем так, Кайли мне очень нравится. Я ее плоховато знаю, но, по-моему, она очень хороший человек. И, мне кажется, тебе с ней хорошо. Но, Джолу… — Я поковырялся с пирогом, и с него потекло растаявшее мороженое. — Знаешь, старик, по-моему, в наше время люди сначала стараются получше узнать друг друга, а потом уже связывают себя на всю жизнь. И Кайли думает, что вы не можете позволить себе такую проверку, потому что если вы решите, что не хотите продолжать, то одному из вас — или тебе, или ей — придется уйти с работы. Но, может быть, вы пообещаете друг другу, что, как бы все ни сложилось, ни один из вас не будет рассчитывать, что другой уйдет. Обещание, конечно, непростое, и сдержать его сложно, но, наверно, гораздо сложнее сдержать клятву «Обещаю быть рядом с тобой до конца моих дней».

Пока он обдумывал это, я в глубине души самодовольно ухмыльнулся. А ведь верно, давать советы гораздо проще, чем принимать их.

— Угу, — выдавил он наконец. — Хорошая мысль. Надо будет попробовать. Ну, а сам-то что собираешься делать?

Я опять помрачнел:

— Понятия не имею. Ты мне, конечно, много разумных вещей рассказал, но я все равно не знаю, с чего начать.

— Начни с самого начала, — сказал Джолу. — Сделай шаг в сторону своей цели. И помни, что ты можешь менять направление и обходить препятствия. Тебе не нужен план, тебе нужен вектор.

Я доел мороженое и оставил пирог на тарелке. Близился рассвет, скоро проснется Энджи. На этой неделе мы почти не виделись, и после всех разговоров с Джолу о расставании мне очень захотелось встретиться с ней. Я решил по дороге заскочить в ее любимое кафе, взять коробку корейского печенья с грецкими орехами, принять душ и перед работой позавтракать с ее родными.

Но, как выяснилось, мама Энджи спозаранку ушла по делам, сестренка заночевала у подруги, и мы вдоволь повалялись в постели, восстанавливая силы ореховым печеньем. Я боялся опоздать

на работу, но всякий раз, взглянув на часы, видел, что еще несусветная рань, и мы возвращались к своим делам. В итоге я заявился на работу на десять минут раньше положенного, плотоядно ухмыляясь. Впервые за много недель я чувствовал себя прекрасно.

Джолу верно говорил: надо всего лишь сделать шаг в выбранном направлении и сохранять гибкость, чтобы успешно обходить преграды. И самой большой из всех моих проблем была Кэрри Джонстон. Пока она охотится за мной, я не смогу успокоиться и заняться чем-нибудь другим. С ней надо как-то разобраться, и в этом мне понадобится помощь Джо Носса.

* * *

— Где Джо? — спросил я у Флор. Я пришел рано, а она еще раньше.

Флор бросила на меня внимательный взгляд, словно прикидывала, говорить или нет, потом, кажется, решилась.

— Беседует с ФБР.

— С ФБР? Прямо-таки с ними? С теми крутыми ребятами в костюмах и темных очках?

— С ними, с ними.

— Ого! А что, на него кто-то покушался?

Флор еле заметно улыбнулась:

— Ничего подобного. По крайней мере, до сих пор. Но если он доберется до вершины — а он не отступится, — то это вполне может случиться. Но нет, ФБР захотело поговорить с ним о документах, выложенных на нашем сайте.

— Ого. — Ну конечно, кто бы сомневался. И раз уж они заговорили с Джо, то рано или поздно придут с разговорами и ко мне. И тогда мне придется либо врать команде закаленных федеральных копов, либо рассказать все как есть. Ни один из этих выходов меня не вдохновлял. — У него есть адвокат?

Флор опять улыбнулась:

— Да, Маркус, с ним юрист, сопровождающий нашу кампанию. Гарри давно знаком с Джо, они вместе учились в колледже. Он справится.

— Это хорошо, — кивнул я. — Вашу избирательную кампанию сопровождает юрист?

— Да, с самого начала. Это он уговорил Джо выступить независимым кандидатом.

— То есть если ФБР захочет поговорить с остальными сотрудниками, юрист будет присутствовать?

— Маркус, — сказала Флор. — Ты работаешь на нашу избирательную кампанию, поэтому да,

наш юрист будет представлять твои интересы, если что-либо из сделанного тобой в рамках содействия кампании привлечет внимание правоохранительных органов. Но не беспокойся. Прежде чем поручать Лиаму выложить те документы, Джо посоветовался с Гарри. И понимает все риски. Он отправился на беседу в ФБР, чтобы не дать им прийти сюда и допрашивать остальных. Это его работа.

— Ясно, — улыбнулся я. — Спасибо.

— Но, с другой стороны, — на миг Флор стала суровой и грозной, такой, какую я видел в день приема на работу, — если твои проступки не будут иметь отношения к избирательной кампании, если ты своими выходками вынудишь ФБР или другие правоохранительные органы принять меры в отношении тебя, если втянешь нас в ненужные конфликты, то отвечать ты будешь передо мной, потому что мы с тобой это уже обсуждали и, кажется, достигли взаимопонимания. Понятно?

— Понятно.

Я чувствовал, как по лицу расползается краска смущения, однако постарался сохранять спокойный вид и лишь чуть-чуть отвел глаза от ее пристального взгляда.

* * *

Усевшись за компьютер, я похвалил себя за предусмотрительность. Ночью «Амазон» отключил наш хостинг, и система мгновенно перенастроилась на резервного облачного провайдера. Это произошло с такой быстротой и легкостью, что ни один из мониторов доступности даже ничего не заметил. Поглядев на это, я вспомнил, что надо вернуться на свой прежний номер телефона. Если бы монитор доступности подал сигнал, то сообщения полетели бы мне на телефон и там сгинули бы. Я позвонил в клиентскую службу телефонной компании и включил таймер, засекая, сколько времени понадобится тамошним гениям, чтобы ответить на мой запрос. Когда счетчик перевалил за тридцать пять минут, над моим плечом выросла темная тень. Я обернулся. Возле кресла стоял Джо, помятый как выжатый лимон.

Я повесил трубку.

— Здравствуйте, Джо.

— Здравствуй, Маркус.

— Как дела?

— Весьма непросто, — отозвался он. — Нам надо поговорить.

Тут я понял, что меня уволят.

— Иду.

Я заблокировал монитор компьютера, прошел за ним в переговорную комнату и закрыл за собой дверь.

— Маркус, в первую очередь мне надо кое-что рассказать тебе. Не возражаешь?

— Нет, конечно, — выдавил я, и от лица отхлынула вся кровь.

— Во-первых, я убежден, что за визитом ФБР стоят мои соперники. Им не нравится, что моя избирательная кампания привлекает много внимания, вот они и устроили мне неприятности с законом. Например, Монро давно, со времен работы в Сакраменто, находится в тесном контакте с корпорацией «ЗИЗ» и ее филиалами. Меня ничуть не удивляет, что он задет нашими публикациями и хочет нанести ответный удар. Во-вторых, я высоко ценю все, что ты сделал для нас, и благодарен за разработку этого плана. Считаю тебя талантливым юношей и надеюсь, что никакие препятствия не помешают нам сохранить добрые отношения. В-третьих, тем не менее у ФБР есть весомые основания полагать, что ты не просто так предложил опубликовать те документы на нашем сайте. Они считают, что ты как-то связан

с первоначальной публикацией. В-четвертых, не знаю, правда это или нет, но в ходе нашей беседы мы обсудили несколько вариантов того, как поступить с тобой и какое будущее ждет мою избирательную кампанию. В конце концов они неохотно, но твердо согласились, что, если ты больше не будешь иметь никаких формальных связей с нашим штабом, они прекратят расследование твоей роли в появлении этих документов. Мне нелегко было подвести их к этому соглашению, и, на мой взгляд, оно отражает глубокий внутренний конфликт в верхних эшелонах их руководства — там искренне возмущены и самим фактом утечки, и содержащейся в них информацией. Они не имеют желания втягиваться в еще одно расследование наподобие «Викиликс», тем более что нынешнее дело не разрастается до масштабов национальной безопасности. Лишь очень малая часть этих материалов имеет статус закрытых или даже секретных, и Гарри указал, что те несколько обнародованных документов с соответствующим статусом все равно были бы преданы гласности, если бы на это поступил запрос согласно Закону о свободе информации. Но все-таки характер дела вызывает недовольство у ФБР. С их точки зрения оно выглядит так: некий

молодой человек, в прошлом замеченный, по их выражению, в антиобщественном использовании компьютера, связан и с утечкой, и с публикацией этих документов. Их тревожит, что, если история получит огласку, их организация будет выглядеть некомпетентной или даже хуже.

— Но если я уволен…

— Маркус, уверяю, я не собираюсь тебя увольнять. Но мы говорим о точке зрения, о том, как это воспринимается со стороны. Ты совершенно верно полагаешь, что если в данный момент я тебя выгоню за дверь, то это лишь подчеркнет твою виновность и выставит меня в неприглядном свете. Но если бы ты, например, уволился по собственному желанию, чтобы продолжать частную консультативную работу, то мы бы выплатили тебе щедрое выходное пособие, более или менее равное той сумме, которую ты получил бы, доработав у нас до самых выборов. До конца расчетного периода тебе будут платить твою обычную заработную плату, и за это ты будешь всегда доступен для Лиама, если ему потребуется помощь в доведении до совершенства тех великолепных систем, которые ты для нас выстроил. А если я добьюсь своей цели и буду избран в сенат, то ты всегда сможешь получить должность

в моем штабе. Будешь оказывать те же консультативные услуги, ради которых оставляешь свое нынешнее место работы.

— Кажется, вы сказали, что я не уволен?

Во мне бушевал гнев, и я боялся, что выкину какую-нибудь глупость. Буквально прикусил язык, чтобы не ляпнуть лишнего.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Маркус, я тебя не увольняю. И под автобус не толкну. Хотя именно этого ожидает от меня ФБР. Хотят, чтобы я предал тебя, объявил преступником, который использовал мой штаб и техническое оснащение для своих противозаконных деяний. На это рассчитывают и мои соперники.

Он понизил голос:

— В ФБР работает множество безнадежных болванов и отпетых идиотов, но в целом эта организация сохраняет здоровый стержень. Мало того, даже самые бестолковые и злобные из тамошнего руководства имеют хоть каплю самоуважения и не желают быть разменной монетой в игрищах политиканов, стремящихся набрать очки в глазах электората. Мне было нелегко договориться с ними, и даже Гарри удивился, что нам удалось так многого добиться. Мы выторго-

вали наилучшие возможные условия, согласно которым федеральная полиция прекратит преследовать тебя и ты сохранишь свою заработную плату. Правда, тебе нельзя будет приходить сюда и встречаться с коллективом. Маркус, я понимаю, до чего тебе неприятна эта идея, но, честное слово, мне она нравится еще меньше. Твое отсутствие станет для нас тяжелым ударом, и, если я все-таки одержу победу на выборах, это произойдет не благодаря, а вопреки твоему уходу.

Я верил каждому его слову. Когда Джо Носс разговаривает с вами прямо и честно, глядя в глаза, вы не можете ему не верить. Мой гнев схлынул. Я заявил:

— Я не могу взять эти деньги.

Он коротко и решительно покачал головой:

— Это не обсуждается. Ты был нанят, чтобы выполнять свою работу, и рассчитывал получать зарплату. Политические махинации людей, лишенных всякой этики, не должны сказываться на твоем кармане.

— Эти деньги пожертвованы на вашу избирательную кампанию. Ваши спонсоры не поймут, если вы заплатите мне за то, чтобы я у вас не работал.

— Маркус, это очень щедро с твоей стороны,

но я намеревался заплатить тебе из собственных сбережений. Флор оформит все необходимые документы. Я могу себе это позволить.

— Тогда я пожертвую их на вашу избирательную кампанию.

Он откинулся на спинку кресла и опустил голову, словно внезапно выбился из сил.

— Я не могу тебе этого запретить. Но призываю сначала хорошенько подумать.

— Подумаю, — пообещал я. — А теперь мне, наверное, пора идти.

Вчерашнее недосыпание обрушилось на меня всей тяжестью. В глазах выступили слезы, а это всегда было признаком, что голова не на месте. Джо, наверное, правильно делает, что заставляет отложить решение насчет денег. Я уже начал задумываться, настолько ли хорош Джо Носс, если он готов увольнять людей из-за «точки зрения» и потом тихонько брать их обратно на работу. Кажется, я сказал «спасибо» или еще какие-то положенные слова и с деревянным лицом вышел в штаб. Там всегда находилось человек десять-пятнадцать: волонтеры на телефонах или с брошюрами, за сдвинутыми столами бок о бок сидели главный стратег, спичрайтер и пиар-менеджер, другие сотрудники — я даже

толком не знал, чем они занимаются. Встречался я со всеми, но по имени знал от силы половину. И вот теперь они дружно устремили на меня внимательные взгляды, хотя и старались прятать глаза. Я подошел к своему столу. На кресле лежала большая картонная коробка для бумаг, в нее были собраны скудные пожитки, которые я принес с собой на работу. Я взглянул на Флор, она сочувственно кивнула. Вероятно, коробку собрала она, и, наверное, это стоило расценивать как любезность, потому что помогло мне уйти без лишних промедлений. Я накинул куртку, сунул в рюкзак Зверя Колченогого, подхватил коробку и вышел, не сказав ни единого слова.

На тротуаре за дверями штаба меня ждал Лиам.

— Чел, ну и дела, — сказал он. Его манера говорить бесила меня, но я решил не зацикливаться. Понимал, что, если выйду из себя, наворочу дел. Не время ссориться.

— У тебя ведь есть мой номер, да? — только и сказал я. — На случай технических вопросов. Где лежат пароли, ты знаешь. Приду домой — пришлю тебе все сведения о серверах и технической поддержке для всех наших провайдеров.

Он впился мне в лицо ищущим взглядом. В

ответ я посмотрел ему в глаза. Он моргнул.

— Это правда, что ты с самого начала стоял за всеми даркнетовскими документами?

Я ничего не ответил. Врать устал, но инстинктивно чувствовал, что не стоит открыто выходить на публику с заявлениями о себе. Наверняка это Кэрри Джонстон рассказала соперникам Джо, что у него в штабе работает сотрудник, связанный с даркнетом. И сообразила, что первый шаг к моей нейтрализации — изолировать меня. Наверное, так и есть.

— Лиам, спасибо за все, — только и сказал я.

Он еще раз вгляделся в мое лицо и произнес:

— Уйду я. Не нужна мне эта работа.

— Не вздумай, — ответил я.

— Это почему же?

— Потому что если в сенате Калифорнии будет заседать Джо Носс, а не один из тех проходимцев, то мир станет чуточку лучше.

Он коротко рассмеялся:

— Шутишь, что ли? Ты и правда думаешь, что кого-то колышет, как мы проголосовали? Ты же видел даркнетовские документы, знаешь, как политики используют систему для личного обогащения, а потом пускают в ход свои богатства, чтобы перестроить систему под себя. Маркус, ты

что, в школе на уроке обществознания? Уж кому как не тебе это знать.

— Если ты вправду так считаешь, зачем вообще работаешь у Джо?

Я и сам не понимал, с какой стати вступаюсь за человека, который только что вышвырнул меня за дверь, тем более что меня все сильнее одолевала злость. Точка зрения, говорите? И это что, нынче считается веской причиной выгонять человека? Однако назойливый голос в голове твердил, что кандидат, претендующий на высокую должность, сочтет эту причину очень даже веской, тем более что человек, попавший под эту точку зрения, соврал вам в лицо или по меньшей мере утаил очень важную информацию.

— Потому что это работа. И раз за нее платят, какая к черту разница? С тем же успехом я мог бы готовить бургеры или выгуливать собак.

Я хотел было сказать, что не надо браться за работу, на которую тебе наплевать, но вспомнил, сколько месяцев я сам обивал пороги, стучался во все двери, раздавал резюме направо и налево, неизменно получая отказ.

— Послушай, Лиам, — начал я, но понял: мне больше нечего ему сказать. Потому что он по большому счету прав. — Ладно, проехали. Позво-

ни, если будет нужна помощь по технике.

— Ага, — сказал он. Наступил момент, когда нам, наверно, следовало крепко, по-мужски обняться, похлопать друг друга по спине, но ни он, ни я не двинулись с места. Лиам очень долго смотрел на меня снизу вверх, как на божество, и это было приятно, хотя и смущало. А теперь, сдается мне, это время безвозвратно осталось в прошлом.

* * *

Когда-то, несколько лет назад, правительство моей страны превратило мой родной город в полицейскую резервацию. Меня схватили, бросили за решетку, пытали. Выйдя на свободу, я решил, что виновата не система, а те люди, которые стоят в ее главе. На самом верху до власти дорвались негодяи. А нам нужны порядочные люди. Я работал не покладая рук, чтобы избиратели голосовали за порядочных. Состоялись выборы. Мы привели к власти людей, которыми, как нам казалось, можно гордиться. Они говорили правильные речи. И отдельные мерзавцы вроде Кэрри Джонстон были выгнаны взашей.

И тогда порядочные люди внезапно начали вести себя как самые последние негодяи. О да,

они выдвигали веские причины. Чрезвычайные ситуации. Стечение обстоятельств. Нам очень, очень жаль.

Но чрезвычайные ситуации всегда были, есть и будут. Если верить газетам и телевидению, все девятнадцать лет, что я провел на этом свете, были одной беспрерывной чрезвычайной ситуацией. Должно же это когда-нибудь кончиться? Настанет день, когда по Мишен-стрит гарцуя прошествуют единороги и объявят, что на земном шаре прекращены все войны, жизнь вошла в обещанное нормальное русло, у нас будет работа для каждого и свобода для всех. Настанет, ведь правда?

Черта с два. Если даже Джо Носс по сути оказался самым обычным политиканом, то чего ждать от остальных? Кэрри Джонстон была выгнана взашей, но в итоге набила карманы еще сильней, заполучила еще больше власти и не ответила ни за одно из своих преступлений. Такие, как Кэрри Джонстон, всегда выйдут победителями. А я, как последний идиот, верил, что стоит нам проголосовать за хорошего человека, и жизнь сразу изменится к лучшему. Когда-то я считал Лиама безмозглым идеалистом, не способным понять, как хорошо мы заживем, если приведем

к власти порядочных людей, которые примут хорошие законы и будут управлять разумно. А теперь я понял, кто на самом деле не имел мозгов. Этого болвана я каждый день вижу в зеркале, и его рожа, честно говоря, мне давно осточертела.

* * *

Энджи не отвечала ни на звонки, ни на сообщения. Ну и ладно. То, что я намеревался сделать, касалось не ее, а меня.

В первый раз соорудить даркнетовский сайт для документов оказалось ох как нелегко. На второй раз дело пошло гораздо проще, и вскоре весь компромат на Джонстон аккуратно лежал в тихом, надежном, защищенном от отслеживания месте. Я написал сопроводительный пост, объясняя, что это за документы, кому они принадлежат и даже как ко мне попали. До боли стиснув зубы, выдавил из себя признание, что мой комп взломала банда анонимных троллей, которая незадолго до этого проделала такой же фокус с компом моей заклятой мучительницы.

Джолу дал мне дельный совет. Слишком долго я позволял Джонстон гнать меня куда ей надо, словно перепуганную блеющую овцу. Хватит убегать, дрожа от страха. Пришло время возгла-

вить гонку.

Я не стал публиковать этот пост. Чуть было не выложил. Но удержался.

Вместо этого я разослал его вместе с даркнетовской ссылкой на несколько адресов: pr@zyzglobal.com, carrie. johnstone@zyzglobal.com и press@zyzglobal.com. Для полноты картины отправил копию даже на webmaster@zyzglobal.com — в наши дни никто не читает аккаунты вебмастеров в своих доменах, потому что эти адреса словно магниты притягивают спам, однако я решил не упускать ни единой возможности.

Едва я нажал кнопку «Отправить» и начал, говоря метафорически, метать икру, как позвонила Энджи.

— Что стряслось? Я была на занятиях.

— Меня выперли с работы. Кэрри Джонстон рассказала соперникам Джо Носса, что за даркнетовскими документами стою я, и они вызвали ФБР. Джо выторговал мне свободу, но взамен пообещал от меня избавиться. Так что я вернулся домой и отправил Кэрри Джонстон копию ее доксов. Заодно выслал копию даркнетовского адреса на твой почтовый аккаунт в тунисской Партии пиратов. Если я исчезну, распространи его как можно шире, ладно?

— Маркус!

— Чего?

— Что ты сказал?

Я повторил слово в слово.

— Так я и думала.

И надолго замолчала.

— Алло!

— Я тут.

— Я не собираюсь извиняться, — сказал я. — Сам разберусь. Я устал убегать. Надоело быть безмозглым идеалистом. Пришло время взять дело в свои руки, что-то предпринять. Прости, что не поговорил с тобой заранее, но…

— Я и не собиралась просить у тебя извинений, — перебила она. — И можешь ничего не объяснять. Ты мне ничем не обязан. Не беспокойся, я сохраню этот даркнетовский адрес и, если с тобой что-нибудь случится, распространю его по всему свету. — Я никогда раньше не слышал в ее голосе таких интонаций. Что это? Ей страшно? Она злится на меня? Или даже… гордится мной?

— Гм, хорошо… — промычал я.

— А теперь мне пора идти, — сухо сказала она и отключилась. Значит, и не думает гордиться.

* * *

Мои родители в кои-то веки куда-то ушли. Папа собрался в магазин за продуктами, а у мамы была встреча с клиентом. Дом не просто опустел, в нем воцарилось гулкое безмолвие. Призрачное. При каждом скрипе и стуке мне чудилось, что в дверь вот-вот ворвутся головорезы из «ЗИЗ».

И хоть я и понимал, что, пока держу палец над кнопкой, они на такое не отважатся, все же подспудное чувство опасности оставалось. Они наверняка придут, не за мной, так за родителями. Или за Энджи. Какие там еще варианты действий предлагал Джолу? Переехать в Албанию? У меня и загранпаспорта-то действующего нет. Тот, с которым я ездил к маминым родственникам в Великобританию, истек два года назад. Отдать все Барбаре Стрэтфорд? А почему бы и нет? В прошлый раз она же мне помогла.

Я выкатил из гаража велосипед и поехал к офису «Сан-Франциско Бэй Гардиан». Когда был почти у цели, зазвонил телефон. Я ответил:

— Да.

— Любишь ты притягивать беды себе на шею.

Я не сразу узнал этот голос, отчасти потому, что уже не надеялся его услышать.

— Маша?

— Ты занят?

— А что?

— Как понимаю, ты где-то в районе Эмбаркадеро. А судя по скорости передвижения, едешь либо на автобусе, делающем много остановок, либо на велосипеде. И, как вижу, на сайте избирательной кампании Джо Носса ты уже не числишься главным техническим директором, так что, думаю, ты занят не очень сильно. Поэтому предлагаю выключить телефон, извлечь аккумулятор и встретиться там, где в прошлый раз со мной пытался подраться твой тупоголовый школьный приятель. Помнишь то место?

Еще бы не помнить. И место, и тот день, когда Маша исчезла в первый раз. Она порывалась взять меня с собой. Оказывается, за нами по пятам шел Чарльз Уокер, чокнутый громила из школы имени Сезара Чавеса, который с превеликой радостью отдал бы меня в лапы Департамента внутренней безопасности. Маша надавала ему по шее, показала свой пропуск в ДВБ и пригрозила арестовать. Это случилось в одном из переулков близ Джексон-стрит, на Ноб-Хилл. Я не помнил в точности, каком именно, но полагал, что если увижу его, то узнаю.

— Помню.

Телефон замолчал. Прохожие начали оглядываться на меня. Ощущение было малоприятное. Крутя педали к центру города, я вдруг понял, что приятные ощущения мне больше не нужны. Я перестал оценивать свою жизнь с точки зрения полученного удовольствия. Отныне единственным критерием станет эффективность моих поступков. А счастье — вопрос второстепенный.

Глава 15

Я уже засомневался, в тот ли переулок зашел. Прождал десять минут, потом пятнадцать, потом решил уйти. Добрался до конца квартала, развернулся, побрел обратно. Окинул взглядом переулок. Он был невелик — всего лишь узкий проход между двумя зданиями, едва достаточный для пожарных выходов и мусорных контейнеров. Тех пятнадцати минут, что я тут простоял, вполне хватило, чтобы запомнить каждую мелочь, от застарелых, поросших мхом потеков мочи на стенах до выбоинок на мусорных контейнерах. И вдруг стало ясно: что-то изменилось. Вон та мусорка — она так и стояла на этом месте? Да, стояла. Я шагнул обратно в переулок и неведомым чутьем понял: я тут не один. От страха вспотели ладони. Еще шаг.

— Я тут, — раздался голос из-за мусорок. Я попытался заглянуть за них, но не смог, поэтому зашел поглубже и обогнул контейнеры.

За ними, прислонившись спиной к стене, сидела Маша. Можно подумать, она направлялась в спортзал: тренировочные штаны, свободная фут-

болка, волосы стянуты розовой резинкой, рядом стоит спортивная сумка. Ее волосы приобрели прежний невыразительно-мышастый оттенок, лицо скрывали большие поддельно-дизайнерские солнцезащитные очки. Сразу и не скажешь, богатая она или из бедняков, подросток или под тридцать. Если б я сел рядом с ней в метро, то и внимания бы не обратил. Даже сейчас усомнился, она ли это. Но Маша опустила очки на нос и пронзила меня пылающим взглядом.

— Присаживайся. — Она широким жестом указала на тротуар за мусорками. Рядом с ней лежала свежая картонка. Я оценил Машину любезность и подумал, что, видно, ей это не впервой. Опустился, скрестив ноги.

— Рад тебя видеть, — начал я. — Вот уж не ожидал.

— Угу, — отозвалась она. — Мы с Зебом несколько дней назад ушли оттуда. Нелегко было.

— Как вам удалось?

— Те, кто работает в «ЗИЗ», по большей части бестолочи, которые не нашли себе места в ДВБ, поэтому переместились в частный бизнес, утроили себе зарплату и пошли своей дорогой. Они свято верят в свою систему. Ну, например, если провайдер говорит, что кабельное телевидение

прекрасно защищено, значит, так оно и есть. То же самое относится к электронным дверным замкам, ножным браслетам для отслеживания и датчикам по периметру.

Я всегда знал, что Маша в миллион раз толковее меня, но во всей этой круговерти насчет ее спасения иногда невольно начинал относиться к ней как к беспомощной принцессе, которую надо вырвать из лап дракона.

— Далеко тебе удалось пройти?

— Хочешь спросить, где меня держали?

Я пожал плечами.

— А ты уверен, что тебе надо это знать?

Я опять пожал плечами.

— Наверно, нет. Честно говоря, осточертели эти шпионские страсти. Как дела у Зеба?

— Очень даже неплохо для его положения. И даже лучше. Он решил некоторое время пожить самостоятельно.

Я мысленно перевел это как «Мы крупно поскандалили и расстались».

— Вот оно что.

— Хочу тебя поблагодарить, — продолжала Маша. — Ты сделал много необходимого и старался ради меня и Зеба. Мы тебе признательны. Даже если «шпионские страсти» не твое призвание.

— Что ж, рад был принести пользу, — отозвался я. — Даже если под конец я был вам уже не нужен.

— Нет, очень нужен. После нашего ареста «ЗИЗ» впали в абсолютную панику. Я догадалась, что за этим стоишь ты. Им не терпелось выяснить, какие именно сведения утекли, что еще может выплыть и как это прекратить. Меня допрашивали долго и всерьез. Но эти допросы прекрасно оттянули на себя внимание, и, насколько мне известно, те, кто предоставил мне материал, были рады, что все сложилось именно так. Когда я снова выйду в сеть, меня будет ждать еще больше компромата. Мне еще долго будет чем заняться.

Она привычно строила из себя супергероиню, но я видел, что ей очень плохо. Она достала из спортивной сумки бутылку воды и отпила. На ее руках и шее темнели уродливые синяки, нет, даже рубцы. Я сглотнул.

— Гм, рад, что пригодился. Хорошо было бы узнать об этом пораньше, потому что недавно я и сам набрел на интересные материалы.

Я рассказал ей о компромате на Кэрри Джонстон и о том, откуда я его получил.

— Понятно, — сказала Маша очень серьезным тоном. — И где сейчас эти файлы?

— Отправил их по электронной почте в штаб-квартиру «ЗИЗ».

Маша надолго замолчала. Надо признаться, я даже немного загордился. Пусть она Джеймс Бонд пополам с Человеком-Пауком, но я сумел сотворить такую героически безумную глупость, что даже она потеряла дар речи. Но тишина затянулась надолго. Я вгляделся в темные стекла ее очков. Уж не уснула ли она под ними?

— Гм…

— Тише, — оборвала она. — Я думаю.

— Ой.

Она опустила голову и что-то прошептала про себя. По шее тянулась и исчезала под подбородком свежая красная борозда, похожая на след от удавки.

— Как я понимаю, ты отправил доксы в корпорацию «ЗИЗ» и лично самой Кэрри Джонстон. Намекнул, что можешь опубликовать компромат в мгновение ока, но, насколько им известно, не предпринимал еще никаких шагов по преданию его гласности. Так?

— Примерно. Сохранил свой блог и запечатал сервер на семь замков, потому что наверняка они будут всеми силами до него докапываться. Не сомневаюсь, что рано или поздно они придут

за мной лично, но такая опасность существовала всегда. Меня уже дважды пытались выкрасть. Явятся и в третий, и я ничем не смогу им помешать.

Она кивала вместе со мной и, дослушав, подняла руку:

— А если я смогу?

— Как это?

— Если попробую с ними поторговаться? Они дадут обещание оставить в покое тебя, а ты за это оставишь в покое компромат на Кэрри Джонстон?

— То есть ты только что сбежала от этих подонков из их секретной тюрьмы и теперь предлагаешь поторговаться с ними ради моей защиты? Как говорят в интернете, какого икса?

— Маркус, — сказала она. — Ты же все понимаешь. Я поторгуюсь с ними не ради твоей защиты, а ради своей.

Тьфу ты.

— Понимаю. И ради Зеба тоже.

— Ради Зеба, тебя, меня, твоей девушки, всех нас. «ЗИЗ» — контора глупая и злая, но они бизнесмены и умеют считать деньги. Пустой болтовней их не проймешь. Файлы, которые ты готов выложить в сеть, больно ударят по их кошельку. Если

мы подскажем им, как уменьшить потери, они радостно ухватятся за это.

— А как же Джонстон? Когда ее выпрут, разве она не явится за мной?

— Они ее не выпрут, — заверила Маша. — На любую попытку с ней расстаться она наверняка выложит досье из тысячи доводов, почему этого делать не следует. У этой женщины инстинкт самосохранения посильнее, чем у тараканов. Американские вооруженные силы уволили ее всего один раз, и то лишь потому, что она сама этого захотела. Так как основала «ЗИЗ» и ушла в это дело с головой. Ее выгнали с ее же позволения.

— Ты говоришь так, словно восхищаешься ею, — заметил я.

— Я перестану ненавидеть Джонстон только в тот день, когда она взойдет на костер, — ответила Маша недрогнувшим голосом. — Но если ты не готов учиться у учителей, которых посылает тебе жизнь, то навсегда останешься невеждой. Я дорого заплатила за каждый урок, который преподала мне Кэрри Джонстон, и намереваюсь вернуть потраченное.

Рядом с Машей я чувствовал себя как на лезвии бритвы. По одну сторону была вся моя прошлая

жизнь, тихая и уютная, в которой я был вписан в систему, искал работу, сооружал свои электронные проекты. По другую сторону лежала жизнь, которая наступит, если я пойду за Машей. Жестокость, секретность, нищета, но при этом сила, власть и приключения. Я могу исчезнуть из этого мира, стать призраком, легендой, беглецом, который отдает системе не то, чего она требует, а лишь то, чего она, по его мнению, заслуживает.

Да и где кроется корень всех бед, если не в системе? За кого бы мы ни проголосовали, в выигрыше всегда будет правительство. Какой смысл в попытках претворить в жизнь мои жалкие фантазии о демократических переменах и справедливости, если реальные сражения ведутся под покровом тайны, в секретных бункерах, под скрытные шепотки, и победу одерживает тот, у кого конверт с деньгами толще?

Маша встала на ноги, и я с тревогой заметил, что двигается она медленно, превозмогая боль. И еще больше встревожился, когда она бессильно прислонилась к стене.

— Помоги мне, — попросила она.

Я торопливо подскочил, подставил плечо. Она повисла на мне всей тяжестью. Ее волосы щекотали мне щеку. От них шел легкий запах краски,

запах, который я помнил со школьных лет, когда каждую неделю пробовал новый цвет. В те времена мне казалось, что необычная окраска волос поможет выразить себя и проявить свои чувства.

— Пойдем, — сказала Маша. — Выйдем от тебя в сеть, поторгуемся немного, пока они не подняли в воздух черные вертолеты и не разбомбили твой дом.

— Я еще не согласился на твое предложение.

Мне приходилось почти что держать ее вертикально, и меня поразило, какая же она легонькая. Под спортивной одеждой от нее не осталось почти ничего.

— А что тебе еще остается, балда?

— И верно. Пойду сгоняю за велосипедом.

— Забей. Если он пристегнут на замок, потом вернешься и заберешь. А если нет, значит, заберет кто-нибудь другой, и беспокоиться будет не о чем. Вызови лучше такси. Деньги у меня есть.

* * *

Мама с папой оставили мне записку, сообщая, что ушли на встречу по финансовым вопросам и вернутся к ужину. Пока Маша принимала душ и обустраивалась в моей комнате, я пошарил в холодильнике. Сел на край своей кровати и

стал смотреть, как она грызет кусок сыра с печеньем, а пальцы порхают над клавиатурой. Через несколько минут она прекратила печатать и развернулась в моем кресле. Мокрые волосы рассыпались по плечам и оставили темные следы на футболке.

— Теперь остается только ждать, — сказала она. — Я дала им час на размышления, так что в течение двух часов они выйдут на связь.

— Мне не нравится, что Кэрри Джонстон так и не поплатится за все свои художества.

Она посмотрела на меня как на дурачка. Терпеть не могу этот ее взгляд.

— Такие, как Кэрри Джонстон, всегда выходят сухими из воды, пока их кто-нибудь не пристрелит. Или уйдут в отставку и поселятся в какой-нибудь далекой диктаторской стране, где до них никто не доберется. Под суд она не попадет. Никогда. Никто ее не арестует. Не посмеет. Забудь свои романтические идеи о справедливости и признай, что есть на свете вещи, которые тебе не по зубам.

— Невыносимо, — буркнул я. — Можно подумать, в цепочке ответственности нет ни одного человеческого существа, только отмазки «пойми-так-бывает». Великолепная отговорка. То система

виновата, то компания, то правительство. А как же человек, который нажимает на спусковой крючок?

— Милые детские сказочки, — ответила Маша. — У тебя есть сок или газировка? Что угодно, лишь бы с сахаром. Я уже с ног падаю. Может быть, кофе.

Я приготовил ей эпическую чашку кофе. Пусть я не ниндзя и не секретный агент, но кое в чем разбираюсь. Она выпила чашку чуть ли не с благоговением, отправила меня за второй, осушила и ее тоже и сказала:

— Ладно, сойдет.

Но, судя по интонации, я понял, что на Машином языке это означает «ЧЕРТ ВОЗЬМИ, КАКОЙ ШИКАРНЫЙ КОФЕ!».

Потом она еще постучала по клавиатуре. Еще и еще. Потом скривилась, словно унюхала тухлятину, и пальцы запрыгали по клавишам, как десять акробатов на девяноста девяти крохотных батутах. Напечатала еще несколько фраз, оскалив зубы, как хищный зверь. Я попытался заглянуть ей через плечо, но ничего не увидел — у меня установлен поляризующий экран, с которым на экране ничего не видно, если хоть немного отклониться от строго прямого угла. Маша не глядя

отпихнула меня. Еще постучала по клавишам.

— В общем, договорились, — наконец сказала она и двумя плавными движениями выдернула штепсель из розетки и достала аккумулятор. Тщательно уничтожила использованную виртуальную машину, стерла все введенные пароли и ключи. Я не стал возражать. Даже не обиделся.

— О чем договорились?

— Ты стираешь все копии тех файлов, начиная с даркнетовских сайтов, о которых ты им рассказал. И можешь навечно забыть о «ЗИЗ» и о Кэрри Джонстон. В виде предосторожности я переслала себе полный комплект этих документов, и на этом все. Они спрашивают, хочешь ли ты получить обратно свой старый телефон.

— Чего?

— Они определили местонахождение твоего мобильника по данным телефонной компании и обчистили дом какой-то египетской девчонки.

— О господи. Там никто не пострадал?

— Об этом речи не было, так что, полагаю, нет. Иногда они способны на некоторые приличия. Во всяком случае, тебе сэкономили немного времени. Так ты хочешь вернуть свой старый гаджет? Его наверняка нашпиговали всеми жучками и троянами, какие известны человечеству.

— Забудем о нем.

— Вот и умница, — сказала Маша.

— Угу, спасибо.

Все происходящее вдруг показалось мне грандиозным и при этом невыносимо скучным. Опять, уже в который раз, кто-то другой успешно решает за меня мои проблемы. Люди считают M1k3y активным супергероем, но на самом деле я всего лишь пешка в чужой игре.

Маша, превозмогая боль, поднялась на ноги и обернулась ко мне.

— Маркус, ты классно справился. Я на тебя навешала кучу проблем, но ты все равно выкарабкался. Я попросила тебя о помощи и втянула в беду. Рада, что смогла исправить все, что сама же наворотила. И, кажется, спасла не только тебя, но и себя.

Она пошатнулась и, чтобы устоять, ухватилась за мое плечо. Стиснула мертвой хваткой. Но я едва заметил это, потому что утонул в ее огромных, влажных карих глазах.

Между нами проскочила та искра, которая иногда соединяет парня и девушку. Когда глаза смотрят в глаза, дыхание смешивается, голова идет кругом и нервы обострены до предела. Эта искра притянула нас друг к другу, и поцелуй,

зародившийся внутри, просочился наружу и соединил нас. Он длился долго, очень долго, Маша стиснула меня, словно только я и поддерживал в ней жизнь. Мы прервались, чтобы перевести дыхание, но она не разжала объятий, спрятала лицо у меня на груди. Я погладил ее по мокрым волосам и, ощутив еле заметную дрожь, понял, что она плачет. Да и у меня выступили слезы.

Она шмыгнула носом, вытерла щеки моей футболкой и разомкнула руки.

— Ну, вот и все, — сказала она с горькой улыбкой. — Рада была снова повидаться с тобой, Маркус. Буду еще в ваших краях, загляну в гости.

— Да, — отозвался я. — Заглядывай.

Внизу открылась дверь, донеслись голоса родителей. Они говорили, как обычно, о деньгах и обсуждали, что приготовить на ужин. Мы с Машей стояли глаза в глаза, пока они не ушли на кухню, потом молча спустились. Я открыл дверь, Маша выскользнула на улицу и, закинув спортивную сумку на плечо, захромала вниз с Потреро-Хилл. Я смотрел ей вслед, пока она не свернула на Двадцать четвертую, но Маша так и не оглянулась.

Тогда я вернулся в дом и рассказал родителям, что потерял работу.

* * *

Я позвонил Энджи и по ее голосу понял: она сразу же догадалась, что дело неладно. Мы встретились в закусочной возле Нойзбриджа, где всегда ели буррито. Она решительно подошла к столу и села напротив безо всяких любезностей, не обняв, не поцеловав.

— Я встретил Машу, — сообщил я. — Она переговорила с людьми Джонстон, и они закрыли дело.

— Закрыли, — ровным голосом повторила Энджи.

— Мы не имеем никаких претензий к ним, они не имеют никаких претензий к нам. Дело закрыто.

Энджи прикусила губу — всегда так делала, когда усиленно размышляла.

— Закрыто. И ты ей поверил.

— Да, — подтвердил я. — Поверил.

— Угу.

Я тысячи раз представлял себе следующую часть нашего разговора, проговаривал ее про себя так и эдак, и ни один из вариантов меня не устраивал. Но я решил, что все-таки прояснить это надо.

— Энджи, — начал я.

Она заплакала. Видимо, в моем голосе уже слышался некий тайный смысл, который она подсознательно уловила.

— Что будет дальше? — спросил я, стараясь не дрогнуть. На нас уже стали оглядываться, хотя я нарочно выбрал столик в дальнем углу.

— Что значит — дальше? — Энджи взяла со стола салфетку и промокнула глаза.

— Мы всегда будем только встречаться? Или когда-нибудь поженимся?

— Ты… — Она заморгала. — Ты хочешь, чтобы мы поженились?

— Нет, — ответил я. — А ты?

— Нет, — сказала она.

— Никогда?

— Ну, не знаю. Может, когда-нибудь.

— Но замуж ты выйдешь не за меня.

— Я этого не говорила. Господи, Маркус, что за бред ты несешь. Ты что, хочешь со мной расстаться?

Я очень постарался не уклоняться от ее сердитого взгляда.

— По-моему, наши отношения дошли до этапа, когда надо спросить себя: будут ли они продолжаться вечно? То, что нас связывает, — это надолго или только сейчас?

— Никогда не слышала ничего глупее, — отрезала она. — Тут нет никакой определенности. Мы можем оставаться парнем и девушкой и не становиться мужем и женой. Мы еще молоды. Какого черта ты завел этот разговор?

Мне вспомнилось неловкое молчание рядом с Ванессой, поцелуй с Машей, вспомнилось, сколько раз я просыпался рядом с Энджи, лежал и прислушивался к ее дыханию, с любовью вглядывался в каждую черточку ее милого лица.

— Я… — Я напомнил себе, что решил сам совершать поступки, а не следовать тому, что приказывает мне вселенная. Подумал о системе и о том, насколько она прогнила. — Знаешь, в последнее время много чего случилось. Я уже и сам не знаю, чего хочу. Уже ни в чем не уверен.

— Все дело только в этом? Ты не уверен? А с каких пор мы вообще в чем-то уверены? Вот балда. Говоришь, ты ни в чем не уверен? А уверен ли ты, что со мной тебе лучше, чем без меня? Пусть не всегда, но хотя бы чаще всего?

Энджи умела формулировать вопросы на свой странный манер. Но я задумался.

— Да, — твердо ответил я. — Да, в этом я уверен. Но, Энджи…

Она швырнула на стол скомканную салфетку.

— Я тоже в этом уверена. Но у тебя в голове заваривается какая-то безумная каша, и, если тебе надо поработать над собой, иди и работай. Разберешься в себе — позвони. Может быть, я тебя дождусь.

Она вышла. Нечеловеческим усилием я не бросился вдогонку. Остался сидеть, не поднимая глаз на дверь, глядя только на свой остывающий буррито. Выждал, пока она отойдет подальше, потом и сам ушел, оставив нетронутую еду.

* * *

Я уже битый час переминался на улице напротив штаба Джо Носса. Облачился в треники и худи, повесил на плечо спортивную сумку, решив, что маскировка, использованная Машей, сгодится и для меня. Близилась осень, солнце уже село, и я выглядел как обычный, ничем не примечательный парень, который болтается по улице в верхнем Мишене, держа руки в карманах. Но в руке я сжимал не оружие, а USB-флешку.

Я не смог ни с кем обсудить свой замысел. Поговорить с Дэррилом? Для этого придется разговаривать с Ван, а беседы теоретически одинокого мужчины с девушкой теоретически лучшего друга, которая теоретически питает к

нему симпатию, теоретически то ли взаимную, то ли нет, могут плохо кончиться. Джолу занят с Кайли — затея, которая для меня закончилась полным крахом, в его случае принесла много пользы. А с Энджи, конечно, никакие разговоры сейчас невозможны. И, может быть, не станут возможны никогда.

Из дверей вышел Лиам. За ним спичрайтер и аналитики, чьи имена я забыл. Потом несколько волонтеров, следом за ними шла Флор. Днем я своими глазами видел, как Джо входил в штаб, но Флор почему-то заперла за собой дверь, так что, может быть, я его упустил. Но кое-где в окнах продолжал гореть свет, так что я остался стоять. Джо появился минут через двадцать в своем фирменном кардигане, по случаю ночной прохлады застегнутом на все пуговицы.

Я перешел через улицу и зашагал с ним рядом. Он взглянул на меня и удивленно приподнял брови.

— Здравствуй, Маркус.

Он говорил мягко и беззаботно. Как и подобает государственному человеку.

Я протянул сжатый кулак ладонью вниз.

— Вот.

Он взял у меня флешку, сжал, положил в кар-

ман.

— Мне следует знать, что на ней?

— Нет, — ответил я. — Но вашим друзьям из ФБР будет интересно.

— Приму к сведению. — Он похлопал себя по карману.

Мы прошли несколько шагов.

— Маркус, это не навлечет на меня неприятностей?

— Нет.

— А на тебя?

— Не знаю, — пожал плечами я. — Вы победите на выборах?

— Вполне вероятно, — ответил он. — Твоя идея с программой для привлечения избирателей очень хороша. Хотя в политике ничего нельзя сказать наверняка.

— Знаю, — отозвался я. — Сам вписался в эту сеть. Завербовал для вас шестнадцать человек из своего списка контактов. Может, пригласите на пиццу с пивом.

Он горько усмехнулся:

— Маркус, я всегда буду рад тебя видеть.

— Это здорово, — откликнулся я. — Проведите выборы честно, хорошо?

— Изо всех сил постараюсь.

— И сами оставайтесь честным.
— В этом можешь быть уверен.
Я ушел.

* * *

Я брел сквозь ночную тьму, возвращаясь домой. На душе стало легко, будто гора с плеч свалилась. Я и сам этому удивлялся, так как считал, что, запустив цепочку событий, в результате которых компромат на Кэрри Джонстон попадет к агентам ФБР, буду сходить с ума от беспокойства. Может быть, Кэрри Джонстон опять явится за мной? Может, за мной явится «ЗИЗ»? У них не было причины заподозрить меня в передаче доксов в ФБР, но мало ли что придет им в голову. А может, ФБР вообще ничего не станет предпринимать. Как говорил Джо: «Даже самые бестолковые и злобные из руководства ФБР сохраняют хоть каплю самоуважения и не желают быть разменной монетой в игрищах политиканов, стремящихся набрать очки в глазах электората». Может, просто засунут флешку в шредер.

Однако тихий голосок, скрытый глубоко у меня внутри, голосок, который постоянно твердил мне обо всех упущенных возможностях, о том, что я отдаю самые важные поступки на откуп

другим, что я покорно следую в русле, куда меня подталкивает жизнь, — этот голосок умолк, как только я наконец совершил настоящий поступок. И не просто поступок, а такой, который считал правильным. Потому что если система прогнила, если Кэрри Джонстон так и не поплатится за свои преступления, то причиной этого будет не то, что «система» не сумела ее изловить. Причиной будут люди вроде меня, которые предпочли уйти в тень, когда надо было действовать. Система состоит из людей, и я тоже ее часть, и во мне тоже кроются ее проблемы, и отныне я буду искать их решение.

Эпилог

Я бился над отладкой «Секретного проекта Х-1» месяцев восемь. В середине лета даже специально съездил в Мохаве, где землю покрывает гипсовая пыль, примерно такая же, как на плайе в Блэк-Рок-Сити. С гордостью и радостью смотрел, как Х-1 впитывает солнечный свет, преобразует его в лазерный луч и с его помощью превращает тонкую белую пудру в объемные фигуры. Сначала сделал небольшой перстень с черепом. Потом игрушечную машинку. Затем кольчугу с уже переплетенными кольцами — это, пожалуй, самый крутой фокус, на который способна 3D-печать. Однажды вечером я устроил в Нойзбридже демонстрацию своих достижений и от посыпавшихся похвал засиял как начищенный пятак.

Но теперь, когда я очутился здесь, на фестивале, на настоящей плайе, дурацкая машина отказалась работать. Лемми развалился неподалеку на шезлонге, потягивал из бутылочки электролитический напиток и давал советы, полезные и не очень. Проходившие мимо фестивальщики останавливались и спрашивали, что это я де-

лаю, и я возложил на Лемми задачу объяснять им, чтобы самому сосредоточиться на упрямой машинерии.

Остановился я, только когда понял, что даже при свете налобного фонаря не вижу, что делаю. Тогда я выпрямился, размял затекшие конечности, хлебнул пинту холоднозаваренного кофе и минут сорок пять, отплясывая, шел по открытой плайе за гигантским арт-мобилем, из которого лился оглушительный дабстеп. И вдруг меня осенило. Я застыл как громом пораженный, рванулся обратно в лагерь, открыл машину Лемми и при свете потолочной лампочки убедился, что да, меня угораздило вставить критическую деталь аккумуляторного узла задом наперед. Я перевернул ее, вставил на место и с наслаждением услышал знакомое потрескивание оживающего агрегата. Запасенная в солнечных батареях энергия пробудила 3D-принтер к жизни.

Все-таки я не отпетый болван.

* * *

Но после всех вечерних плясок наутро я, будьте уверены, поднялся с первыми лучами солнца и стал доводить до ума свой проект X-1. Надо было напечатать очень многое. Я гордо расхаживал

вокруг агрегата, любуясь на яркую дугу лазерного света, мерцавшую голубым огнем на фоне розовых отблесков зари.

Ко мне подходили любопытные фестивальщики, спрашивали, что это такое. Я дарил им мелкие поделки — белые кольца с черепами, изображения идеальных узлов и других математических тел, причудливые абстрактные фигурки. У меня скопилась целая библиотека 3D-объектов, которую я скачал с Thingiverse, когда понял, что в этом году все-таки представлю на Burning Man настоящий действующий 3D-принтер. Слух обо мне пошел по всей плайе, и, когда Лемми наконец проснулся, вокруг нашего лагеря скопилась огромная толпа: танцоры, не спавшие всю ночь, со зрачками величиной с блюдца, жаворонки с ковриками для йоги, студенты колледжей, попавшие на фестиваль неожиданно для самих себя. И среди них — знакомая фигурка джавы с ремнями крест-накрест, подчеркивавшими грудь.

— Привет, Энджи.

Я оставил Лемми управлять принтером, схватил термос холоднозаваренного кофе и пошел вслед за Энджи. Она сняла маску. Жаркое солнце усыпало ее нос и щеки мелкими веснушками. Я угостил ее кофе, потом отпил сам. Мы обнялись.

Довольно неуклюже.

Это было настоящее чудо.

— Привет, Маркус. Сумел запустить свой аппарат? Поздравляю.

— Ага, — отозвался я.

Хотелось только одного — обнять ее снова.

— В общем, — начал я.

— В общем, — подхватила она.

— Я болван.

— Ага.

— Я по тебе скучал.

— Ага, — повторила она. — Я по тебе тоже. Со страшной силой. Словно отвалилась часть моей души.

— Я передал весь компромат на Кэрри Джонстон в ФБР, — произнес я вполголоса.

Энджи заморгала.

— Когда?

— Еще в октябре.

— И ты до сих пор живой?

— Похоже на то. Видимо, это означает, что они к тем документам даже не прикоснулись.

— А может, наоборот — дали им ход.

Я застыл с разинутым ртом.

— Знаешь, мне это и в голову не приходило.

— Знаю, — ответила Энджи. — У тебя есть

склонность видеть во всем только плохую сторону.

— Похоже, да.

Мы долго молчали, только пили кофе.

— Видел тут что-нибудь крутое?

— Пока нет, — признался я. — С самого приезда только и бился над этой чертовой машиной.

— Я еще не была в храме, — сказала Энджи.

Намек понят.

— Думаю, Лемми будет рад еще немного повозиться с принтером.

— Точно?

— Ага. Пошли.

* * *

— Часто ходил на протесты? — спросила Энджи.

— Каждый день, — ответил я. — Прикидывал, как использовать технологии, которые мы разрабатываем в Нойзбридже. Улучшаем программы для защиты от «котлов», сооружаем экраны против радиочастотного оружия, разрабатываем методы лечения для тех, кто пострадал от газовых атак и новейшего полицейского оружия — слепящих лазеров и звуковых пушек. Несколько раз попадал под арест, но все равно выходил опять.

— По-моему, это очень здорово, — сказала Энджи. — Серьезно, я тобой горжусь.

— Спасибо, — отозвался я. — Для меня это очень много значит. — Это была чистая правда. Боже, как мне хотелось взять ее за руку! — А ты чем занималась?

— Учебой, — ответила она. — Колледж, колледж и еще раз колледж. Набрала курсов за два года вперед, чтобы закончить поскорее. Мой студенческий кредит приближается к государственному долгу какой-нибудь тонущей островной страны.

— Еще не поздно бросить учебу, — предложил я.

— Ага, ага. Не всем же быть профессиональными революционерами.

«А если ты пойдешь ко дну со своим студенческим кредитом?» — вертелось у меня на языке, но я промолчал, потому что не хотел ссориться с Энджи. Ни в коем случае не хотел.

Вдали показался храм. Он был еще великолепнее, чем в прошлом году. Вокруг стояли арт-байки, толпился народ. Одни развешивали на стенах свои поминальные записки, другие их читали, третьи писали. Мы не сговариваясь подошли к ним молча.

И не сговариваясь взялись за руки.

Мы сели в центральном атриуме, и при первом же гулком «Ммммм», проникающем в самую душу, из глаз потекли слезы. Энджи плакала, я тоже. Мы переплели пальцы и крепко, до боли стиснули их. Но звук растекался все шире, и с ним на нас снизошло умиротворение. Весь прошлый год я почти не ведал покоя и сейчас, ощутив, не сразу распознал, но потом погрузился в него с головой.

Покачиваясь с закрытыми глазами, я услышал, как рядом кто-то сел. Даже не глядя я сразу понял, кто это.

Маша. Она опять покрасила волосы в розовый цвет. Выглядела лучше, чем при нашей последней встрече, но словно стала старше. От бесконечных тревог вокруг губ и глаз пролегли глубокие морщины. Однако они ей даже шли. А глаза остались прежними, такими, как я помнил.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Я сжал пальцы Энджи и понял, что она тоже смотрит на Машу. Три пары глаз, три разума, три пары рук, три человека в толпе, под сенью храма, в Блэк-Рок-Сити, на хрупкой оболочке планеты.

Потом Маша встала, послала нам воздушный поцелуй и улыбнулась, словно став лет на десять старше. Я вдруг почувствовал себя слабым греш-

ником, которого благословляет великая жрица. Тогда я притянул Энджи к себе. Сначала объятия получились натянутыми и неловкими, но вскоре наполнились таким чудесным, таким знакомым теплом.

Послесловие
Джейкоб Эпплбаум, «Викиликс»

«Утопия недостижима; тот, кто не стремится к ней, подлец».

Кори попросил кого-нибудь написать статью для детей нового поколения и сказать что-нибудь вдохновляющее. Такое, чтобы им захотелось засучить рукава и сделать этот мир лучше. Он обращается к вам или к тем, кто вам дорог. Дочитав эту книгу, передайте ее тому, кто, по-вашему, сильнее всех в ней нуждается.

Все хорошее в мире создано трудами тех, кто жил раньше нас. Каждая минута, которую мы с радостью провели в обществе, лишенном бессмысленной жестокости, подарена нам тяжелым трудом людей, посвятивших свою жизнь лучшему будущему. Каждый человек несет свое бремя. Каждый находится в центре своего собственного мироздания. Впереди еще немало работы. Надо сделать очень многое: устранить былую несправедливость, облегчить чьи-то страдания, насладиться прекрасными мгновениями, открыть для себя безграничные просторы знаний.

Разгадать тайны Вселенной.

Карты, которые раздает нам судьба, не направлены против нас. Мы можем создать справедливые общественные структуры, способные на разумное сострадание к каждому. Мы можем в корне изменить характер нашей жизни. Перерисовать всю колоду судьбы, изменить облик и значение карт, переписать правила и привести игру к совсем другому исходу.

Наша эпоха — золотой век всевозможной слежки. Каждый мобильный телефон нарочно делается так, чтобы его легко было взломать, весь интернет проходит через следящее оборудование бесчисленных агентств, чьи сети раскинулись так широко, что мы не знаем их пределов. Корпорации вынужденно (а иногда с превеликой охотой!) передают третьим лицам наши данные и данные тех, кто нам дорог. Информационные сети управляют всей нашей жизнью, а те, кто управляет сетями, не спрашивают нашего согласия. Сети помогают нам оставаться на связи друг с другом, но нам приходится дорого платить за это. Корпорации, правительства, отдельные люди, являющиеся движущей силой этих сетей, подвержены огромному соблазну шпионажа, вероломства, скрытности. К такому исходу при-

водит сама архитектура этих систем.

Это тирания.

Устройство общественных систем и сетей было создано не естественным путем, а человеческим несовершенством, часто с самыми благими намерениями. На свете нет ни одного человека, от рождения приспособленного к выживанию в этих противоестественных системах, просто одним повезло хорошо устроиться, а другие как-то адаптировались.

Это письмо, направленное к вам, наверное, из недавнего прошлого, написано с использованием свободного программного обеспечения, созданного бескорыстным трудом человека, стремившегося помочь детям Уганды, в полете на немыслимой высоте над бескрайним океаном. Эти программы разработал инженер, безразличный к социальным и политическим вопросам; в них использованы фрагменты кодов, созданных десятками людей всех национальностей, рас, ориентаций и гендеров; они рассылались по анонимным сетям, построенным бесчисленными волонтерами, трудившимися ради общего блага, и в конце концов попали в руки автора, который из лучших побуждений опубликовал их.

Какова же была общая цель этих людей? Все

наши усилия направлены на то, чтобы показать: человечество — не просто сумма отдельных частей. Когда мы вместе, мы открываем простор для других, тех, кто придет следом, подхватит факел знания, справедливости, правосудия, честности, солнечного света и шаг за шагом понесет его дальше.

Были времена, когда от дронов не было никакого вреда, общество спокойно обходилось без вооруженной полиции, когда о мире не только мечтали, но и пребывали в нем практически постоянно, когда массовая слежка была неосуществима технически и социально, когда каждый мог рассчитывать на честное и беспристрастное рассмотрение своего судебного дела непредвзятой коллегией присяжных, когда боязнь распознания и ареста была не нормой, а исключением. От тех времен нас отделяет всего лишь одно поколение, но все это и многое другое при смене поколений оказалось утеряно.

Вам под силу вернуть на планету те счастливые времена. Для этого вам понадобятся только совместная деятельность, интернет, криптография и немного желания. Можете заняться этим в одиночку или же группой, в любом случае ваш вклад будет полезен. Написание свободных про-

грамм дает каждому человеку без исключения возможность контролировать технику, наполняющую нашу жизнь. Составление бесплатных открытых прошивок дает каждому человеку без исключения возможность конструировать новую технику, которая освободит нас из рабства, куда нас ввергла контролирующая нас техника. Используя свободные открытые системы, мы сможем построить базис, на основе которого сумеем лучше понять системы, с помощью которых человечество управляет самим собой.

Мы вот-вот сумеем отвоевать нашу автономность, прекратим тотальную слежку со стороны государства, разоблачим и потребуем отчета у тех, кто совершает преступления от нашего имени, не получив нашего информированного согласия, вернем себе право на свободу передвижения без самоуправных и несправедливых ограничений. Очень скоро мы обеспечим каждому человеку без исключения право читать и право произносить речи. Каждому. Без исключения.

Поверить в собственную беспомощность перед сложными вопросами, с которыми мы сталкиваемся изо дня в день, — самый простой путь. Ну разве может один человек успешно противостоять такой могущественной силе? Но если мы

будем действовать не поодиночке, а сообща, то сумеем добиться значительных перемен. Если вы в одиночку высказываете свое недовольство — это протест, если не позволяете другим бездумно шагать вперед — это сопротивление, а если открыть перед каждым человеком новые возможности, то мир сможет стать совсем другим.

Действие и бездействие — это инь и ян свободной воли человека.

Как бы вы поступили, если бы смогли вернуться в прошлое и помочь Дэниелу Эллсбергу передать прессе секретные пентагоновские документы, раскрывавшие неприятную правду о жестокой войне во Вьетнаме? Сделали бы все, что от вас зависит, рискнули бы жизнью, чтобы положить конец войне? Многие из нас с легкостью ответят «да», не задумываясь о том, как нелегко вести борьбу по-настоящему, о реальных рисках, о том, что мы видим события в исторической перспективе, а непосредственные участники лишены этого и пребывают в неуверенности. А другие с легкостью ответят «нет» и не задумаются ни о чем, кроме собственного благополучия.

Но если вам даже не потребуется перемещаться во времени?

В Пентагоне еще много секретных документов,

которые только и ждут, пока кто-нибудь передаст их в руки прессы. Вспыхивают новые войны, творятся новые несправедливости, которым надо положить конец. Там, где успех кажется невозможным, впереди смутно просматриваются новые неведомые пути. Нам предстоит создавать новые варианты развития общества и при этом сохранять прежние ценности и концепции правосудия, чтобы противостоять власть имущим, которые готовы извратить принцип верховенства закона в угоду собственному благу.

Несите миру то, что вы сами хотите в нем видеть, станьте выше национализма, выше так называемого патриотизма, выше любого страха, боритесь за лучшее будущее нашей планеты. Законность и беззаконие — это совсем не то же самое, что правое и неправое дело. Боритесь за правое дело и не отступайте от своей цели.

Эта идея — всего лишь одна из тех, которые могут быть полезны вам и вашим друзьям. Возможно, она освободит нашу планету от тирании, опутавшей всю нашу жизнь. Дело за вами. Выходите, постройте нечто прекрасное, помогите другим сделать то же самое.

Станьте хакером. Взломайте что-нибудь. Успехов!

Анонимус
000000/002012/00/00/00:00:00:00

Послесловие
Аарон Шварц, сооснователь Demand Progress (Reddit.com)

Всем привет! Меня зовут Аарон. Мне выделили несколько страничек в конце книги, потому что я живой человек из плоти и крови и в этом качестве могу сказать вам то, чему вы не поверили бы из уст вымышленных персонажей.

Все, о чем написано в этой книге, совершенно реально.

Нет, конечно, героев по имени Маркус или Энджи не существует, по крайней мере, я таких не знаю. Однако среди моих знакомых есть люди, похожие на них. Если хотите, приезжайте в Сан-Франциско и познакомьтесь с ними. Будете там — сможете поиграть в «Подземелья и драконы» с Джоном Гилмором, построить космический корабль в Нойзбридже или вместе с хиппи поработать над арт-проектом для фестиваля Burning Man.

А если самые конспиративные повороты в этой книге кажутся вам слишком неправдоподобными, что ж, наберите в гугле Blackwater, Хе или

BlueCoat. Лично я однажды подал запрос в федеральные органы власти, чтобы побольше узнать об управлении виртуальными профилями, но мне ответили, что изучение всех необходимых документов займет не меньше трех лет. Вот так действует Закон о свободе информации.

Надеюсь, вы получили массу удовольствия, всю ночь напролет читая об этих вещах, однако дальше я скажу нечто очень важное, так что отнеситесь к делу серьезно. То, что сейчас происходит, это не телевизионное реалити-шоу, которое можно сидеть и смотреть. Это ваша жизнь, это ваша страна, и, если вы хотите сохранить ее, возьмитесь за дело.

Очень легко убедить себя в том, что вы ничего не сможете сделать, что не в ваших силах замедлить или остановить «систему». Что все решения принимаются таинственными могущественными силами, неподвластными вам. Мне и самому иногда так кажется. Но это не так.

Осенью 2010 года мне позвонил друг и рассказал, что в сенат внесен какой-то мутный законопроект о борьбе с нарушением прав и фальшивками в интернете. Я прочитал этот законопроект и ужаснулся: согласно ему правительство получает право закрывать непонравив-

шиеся сайты даже без решения суда. Впервые в истории правительство США получало право регулировать доступ своих граждан к сети.

Проект был внесен всего за день или два до этого, однако уже получил поддержку двух десятков сенаторов. И без всякого обсуждения был поставлен на голосование еще через пару дней. Ни одно СМИ не сообщило об этом законе, и неспроста: сенаторы хотели протащить его, пока никто не заметил.

К счастью, его заметил мой друг. Мы проработали все выходные, организовали сайт, объяснявший все последствия этого закона, запустили петицию против него, которая могла просматривать телефонные номера ваших знакомых. Рассказали об этом нескольким друзьям, они — своим знакомым, и через пару дней петицию подписали двести тысяч человек. Фантастика!

Но те, кто проталкивал этот закон, не успокоились. На его лоббирование они потратили, без преувеличения, десятки миллионов долларов. Главы всех крупных медиакорпораций слетелись в Вашингтон и встретились с главой администрации президента, вежливо напомнив о миллионах долларов, пожертвованных на избирательную кампанию президента, и подчеркнув, что всей

душой мечтают о принятии этого закона.

Однако общественное давление продолжало нарастать. В попытках сбить народ с толку сенаторы то и дело переименовывали его — то он назывался «Законом об интеллектуальной собственности», то «О противодействии онлайн-пиратству», то даже «Законом о Е-паразитах». Но, как ни называй, весть о нем распространялась все шире и народное сопротивление нарастало. Вскоре число подписантов петиции достигло миллионов.

С помощью различных тактик нам удавалось сдерживать давление властей больше года, но они вскоре поняли, что если тянуть дальше, то их шансы на принятие закона устремятся к нулю. Поэтому они поставили его на голосование в первый же день после возвращения с зимних каникул.

Но на каникулах, когда члены Конгресса разъехались по своим округам, на встречах с избирателями все чаще звучал вопрос, зачем они поддерживают этот мерзкий закон о цензуре в интернете. И сенаторам стало страшно. Некоторые дошли даже до нападок на меня.

Но моя роль была очень невелика. Граждане страны с самого начала взяли дело в свои руки:

выкладывали видео на ютьюб, сочиняли песни, рисовали диаграммы, показывая, сколько денег инициаторы закона получили от заинтересованных отраслей, организовывали бойкоты, оказывая давление на компании, поддержавшие закон.

Их усилия увенчались успехом! Из малозначительного политического вопроса, который, как ожидалось, будет принят единогласно, законопроект превратился в токсичный мяч, к которому никто не хотел прикасаться. Даже его инициаторы стали один за другим высказываться против. Что за мерзавцы эти медиамагнаты…

Нет, система должна работать не так. Пестрая компания ребятишек с ноутбуками не может остановить самые могущественные силы в Вашингтоне!

Оказалось, может. И в ваших силах проделать это еще не один раз.

Система меняется. Благодаря интернету люди каждый день могут узнавать о новых проблемах и объединяться для их решения, даже если система не намерена этого замечать. Возможно, не каждое наше выступление будет заканчиваться победой — все-таки жизнь есть жизнь. Но попробовать-то надо!

Изменения наступят, только если вы будете принимать участие в этой борьбе. И теперь, прочитав эту книгу и поняв, как надо действовать, вы отлично подготовлены к делу. Систему можно изменить, и успех в ваших руках.

Благодарности

Хочу выразить огромную благодарность всем, кто помогал мне, предлагая и объясняя технические подробности. Это Джейкоб Эпплбаум, Аарон Шварц, Куинн Нортон, Тиффини Чен, Николас Ревилл, Холмс Уилсон, Джо Триппи, Дэнни О'Брайен, Тим Харди, Нэт Торкингтон, Томас Гидеон, Роджер Динглдайн, Барри Уорсоу, Горд Доктороу, Джеймс Глик, Ли Магуайр.

Благодарю моих друзей из «Лиминал Лэбс» за то, что познакомили меня с фестивалем Burning Man и помогли стать желанным гостем.

Благодарю Джона Перри Барлоу, Джона Гилмора, Митча Кейпора и Уила Уитона за то, что разрешили изобразить их в камео (и еще раз спасибо Гилмору за то, что подсказал этот сюжетный ход!).

Спасибо моим агентам Рассу Гейлену, Дэнни Барору, Хитер Барор и Джастину Мэнаску за огромную работу, в результате которой «Младший брат» и «Родная страна» увидели свет.

Спасибо всем поклонникам и читателям, библиотекарям и учителям, хакерам и ремикшерам,

а особенно продавцам книжных магазинов, вкладывающим мои книги в руки читателей.

Спасибо моим редакторам, особенно Патрику Нильсену Хейдену за то, что всегда помогал сделать мои книги лучше.

Библиография[7]

Во времена моего детства добывать факты было очень трудно. Если вам хотелось узнать, как бесплатно позвонить с таксофона, приходилось искать человека, который знает, как это делается, и просить у него совета. Или добывать инструкцию к таксофонам и изучать ее, придумывая собственный способ. В обоих этих методах нет ничего плохого, просто дело пойдет очень медленно и утомительно.

Сегодня факты добываются легко. Сейчас, когда я пишу эти строки, в начале 2012 года, на запрос «Как позвонить с таксофона бесплатно» гугл выдает множество подробных видеороликов на ютьюбе, в которых даются впечатляющие и даже действенные советы о том, как заставить таксофон плясать под вашу дудку. Поэтому если вы знаете или догадываетесь, что та или иная операция возможна, то легко выясните, удалось ли кому-нибудь осуществить ее, и если да, то как. Почаще повторяйте про себя первый закон

---

[7] Примечания: 7

Ссылки, обозначенные †, в настоящее время не работают. — *Прим. перев.*

Артура Кларка: «Когда уважаемый, но пожилой ученый утверждает, что что-то возможно, то он почти наверняка прав. Когда он утверждает, что что-то невозможно, — он, весьма вероятно, ошибается». Если вы пытаетесь проделать то, что вся остальная сеть считает невозможным, все же попробуйте — а вдруг вам удастся придумать способ, который еще никому не приходил в голову.

В «Родной стране» и «Младшем брате» я попытался предложить вам сценарии и ключевые слова, которые могут расширить ваше представление о возможном и невозможном, дать идеи для поиска, с которыми вы многому научитесь и сможете делать интересные вещи. Погуглите, например, «хакерспейс» или «хакерское пространство» — и обнаружите, что клубы, подобные Нойзбриджу, существуют на самом деле и разбросаны по всему миру. Нойзбридж уж точно существует! Можете вступить в свой местный клуб там, где вы живете. Если он еще не открылся, попробуйте сами его организовать. Просто погуглите «как организовать хакерспейс». А заодно поищите «дрон», «проект „Тор“» и «полицейский перехват». Находки вас удивят, напугают, вдохновят и наполнят энергией.

Википедия — еще одна замечательная пло-

щадка для исследований, но надо уметь ею пользоваться. Учителя наверняка говорили вам, что википедия не принесет никакой пользы в учебе, и я с грустью вынужден сказать, что такой подход свойствен людям недалеким и ленивым. Для плодотворных исследований в википедии надо знать два секрета.

1. Читайте не только статью, но и источники.

В идеале все подборки фактов в любой статье википедии должны представлять собой цитаты, источники которых перечислены в конце статьи. Википедия еще не достигла идеального состояния, отсюда и все пометки «источник не указан» в текстах статей. Однако для огромного множества фактов источники все же приведены. И в них непременно нужно заглянуть. Ваше исследование должно начинаться с википедии, а не заканчиваться ею.

2. Пройдите по ссылке «Обсуждение».

Перед каждой статьей в википедии есть ссылка «Обсуждение», ведущая на страницу, где все желающие могут оставить свое мнение о статье. Если у кого-то возникли новые идеи по затронутой теме и он может подтвердить их фактами из надежного источника, то их можно вставить

прямо в текст статьи. Но, скорее всего, эта добавка разожжет на странице «Обсуждение» бурную дискуссию о том, достаточно ли надежны использованные источники и можно ли приведенные факты размещать в энциклопедии.

Вооружившись оригинальными источниками и информированной дискуссией о том, хороши они или плохи, вы можете использовать википедию как основу для прекрасного образования.

Помимо википедии, есть и другие сайты, куда вам следует заглянуть в поисках материала по темам этой книги. Прежде всего это Codecademy (www.codecademy.com), где даются пошаговые уроки программирования для начинающих. Их можно получать даже по электронной почте, по странице за раз. Осваивая их, загляните в «Проект „Tor“» (www.torproject.org)[8] и научитесь управлять собственными проектами в даркнете. Если вам нужна операционная система, позволяющая полностью управлять компьютером начиная с голого железа, попробуйте GNU/Linux. Лично мне больше всего нравится версия Ubuntu (www.ubuntu.com). Она работает на любом компьютере и легка для освоения. А если у вас те-

[8] Примечания: 8

Использование Tor-браузера в России ограничено по требованию Роскомнадзора.

лефон на «андроиде», пора вырваться на свободу! Проект CyanogenMod (www.cyanogenmod.com)† — это бесплатная открытая версия операционной системы «андроид» с множеством полезных особенностей, в том числе таких, которые помогут защитить вашу приватность.

Все это хорошо, только пока интернет остается свободным и открытым. Если в вашей стране применяется такая же строгая цензура и слежка, как в Китае или диктатурах Ближнего Востока, вы не сумеете скачать и использовать эти программы. Свобода часто находится под угрозой, и в каждой стране есть группы отважных бойцов, готовых бороться. В США и Канаде, да и по всему миру действует Фонд электронных рубежей (www.eff.org), с которым я сотрудничал. В Великобритании существует Группа открытых прав (www.openrightsgroup.org), организованная при моем участии. В Австралии аналогичные функции выполняют Электронные рубежи Австралии (www.efa.org.au), в Новой Зеландии — «Творческая свобода» (www.creativefreedom.org.nz)†. Существуют и организации всемирного масштаба, такие как Creative Commons (www.creativecommons.org), и группы с множеством филиалов в разных странах, например Партия пиратов (www.pp-

international.net).

В этой области работает множество мыслителей, к которым я питаю глубочайшее уважение. Если хотите побольше узнать о подростках, приватности и сетевых коммуникациях, почитайте блок Даны Бойд (www.zephoria.org/thoughts). Для знакомства с «Анонимусом», 4chan и /b/ загляните в блог и статьи Габриэллы Коулмен (http://gabriellacoleman.org/blog/)†. О будущем газет и новостной индустрии расскажет Дэн Гилмор (www.dangillmor.com), в первую очередь его книга «Медиактив» (www.mediactive.com). Если хотите узнать, как связаны новости и утечки информации, почитайте блог Хизер Брук (www.heatherbrooke.org) и в особенности ее книгу об истории «Викиликс» — «Революция будет оцифрована». Чтобы понять, как сеть меняет мир, почитайте Клэя Ширки (www.shirky.com) и особенно его великолепную книгу Here Comes Everybody. Тем, кто хочет бороться за свободные и честные выборы в Америке, неподвластные влиянию сильных и богатых мира сего, почитайте Лоуренса Лессига (www.twitter.com/lessig)† и вступите в организацию Rootstrikers (www.rootstrikers.org).

И наконец, если вам хочется поближе познако-

миться со случайными числами, информационной теорией и другими чудесами математического мира, бегите в книжный магазин и отыщите книгу Джеймса Глика «Информация»[9], вышедшую в 2011 году. Именно оттуда я почерпнул интересные сведения о Гёделе и Хайтине.

Вокруг нас очень и очень много информации. Гораздо больше, чем может поместиться на страницах книги. Чтобы донести ее до читателя, нужна целая сеть. Я пишу заметки для ежедневного веб-сайта под названием «Боинг-Боинг» (www.boingboing.net), где публикую самые актуальные новости. Надеюсь встретить вас там.

[9] Примечания: 9
На русском языке выпускалась в издательстве Corpus в 2013 г.

Об авторе

Кори Доктороу — один из сооснователей сетевого ресурса «Боинг-Боинг» и автор многочисленных статей для таких изданий, как «Гардиан», «Локус» и «Паблишерс Уикли». Журнал «Форбс» назвал его среди двадцати пяти человек, пользующихся наибольшим влиянием в сети, а на Всемирном экономическом форуме его отнесли к молодым мировым лидерам. Его знаменитый роман «Младший брат» стал бестселлером по версии «Нью-Йорк Таймс». Родился и вырос в Канаде, в настоящее время живет в Лондоне.

Выходные данные

Литературно-художественное издание

Кори Доктороу

РОДНАЯ СТРАНА

18+
Перевод с английского: *Елена Токарева*
Иллюстрация на обложку: *Ричард Уилкинсон*
Дизайн обложки: *Вика Иванова*

Над книгой работали:
Ответственный и литературный редактор: *Яна Маркович*
Креативная редакторка: *Маша Гаврилова*
Верстальщик: *Аня Тарасова*
Корректор: *Надежда Власенко*

Издательство Popcorn Books
www.popcornbooks.me

Покупайте наши книги в Киоске:
kiosk.shop

ООО «ИНДИВИДУУМ ПРИНТ»

Юридический адрес: 195277, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Сампсониевское, наб. Пироговская, д. 21, литера А, офис 68